

Ю.С. Худяков

Древние тюрки на Енисее

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

Ю.С. ХУДЯКОВ

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ НА ЕНИСЕЕ

Ответственный редактор
академик РАН *В.И. Молодин*

Новосибирск
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
2004

Рецензенты

доктор исторических наук *Е.Н. Деревянко*,
доктор исторических наук *С.П. Нестеров*,
кандидат исторических наук *Л.М. Хаславская*

Утверждено к печати

Институтом археологии и этнографии СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 98-01-00338)

▼

X982 **Худяков Ю.С.** Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 152 с.

В монографии систематизируются и анализируются материалы из раскопок древних тюркских памятников Среднего Енисея. Исследуются особенности конструкций сооружений, погребальная обрядность и инвентарные комплексы древнетюркских погребений с конем. Приводятся данные о поминальных оградках и изваяниях. Анализируется предметный комплекс: оружие, воинское и конское снаряжение, украшения, инструменты, керамическая посуда. Рассматриваются сведения письменных источников о пребывании тюрков на землях к северу от Саян. Реконструируется история древнетюркской этнической группы, обитавшей в Минусинской котловине в I тыс. н.э.

Книга рассчитана на археологов, историков и этнографов.

ISBN 5-7803-0124-7

ББК 63.4 (3)

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху раннего средневековья исключительно важную роль в этнокультурной истории степного пояса Евразии играли древние тюрки. Благодаря выдающимся военным успехам в середине VI в. н.э. правителям древних тюрков удалось подчинить почти все кочевые племена евразийских степей на огромной территории от Восточной Европы до Маньчжурии и создать огромное государство – Первый Тюркский каганат. Завоевания древнетюркских каганов способствовали миграциям тюркоязычных кочевников из Центральной Азии в различных направлениях. Они расселились в южных районах Сибири, в Средней Азии, Казахстане, Приуралье, Восточном Туркестане. Военное могущество древних тюрков стимулировало распространение их военно-административной системы, титулатуры, языка и культуры в иноэтнической среде. Ориентация знати других кочевых племен на образцы военно-дружинной культуры древних тюрков привела в раннем средневековье к унификации вооружения, воинского убранства, конской сбруи, украшений и пиршественной посуды во всем кочевом мире. Основные элементы предметного комплекса древнетюркской культуры получили распространение далеко за ее пределами. Их активно восприняло население оседло-земледельческих государств, контактировавших с кочевниками. Поэтому изучение проблем этнокультурогенеза древних тюрков весьма актуально для выявления закономерностей развития кочевого общества и государства, а также особенностей его взаимодействия с другими государственными образованиями, основанными на иных культурно-хозяйственных типах раннего средневековья.

Впервые памятники древнетюркской культуры попали в поле зрения ученых еще в начале XVIII в., но их активное изучение пришлось на вторую половину XX в. К настоящему времени основные их виды (поминальные оградки с изваяниями и балбалами, погребения с конем, петроглифы и рунические надписи) выявлены в различных районах Центральной Азии и на сопредельных территориях. В научный оборот введен большой массив данных из поминальных и погребальных памятников Саяно-Алтая, Монголии, Семиречья и Притянь-шанья. Памятники древних тюрков обнаружены в Восточном Туркестане, Восточном и Центральном Казахстане, Приуралье. Изучены и опубликованы сведения о древних тюрках из средневековых письменных источников. Научные исследования были посвящены особенностям поминальной и погребальной обрядности, вопросам хронологии, периодизации и этнокультурной принадлежности памятников древнетюркской культуры. Основные характерные черты вооружения и военного искусства, государственного и социального устройства, религии и искусства древних тюрков анализировались на региональном уровне. Предпринимались попытки обобщить материалы, собранные в пределах всего ареала древнетюркской культуры.

Однако при изучении проблем древнетюркского культурогенеза ученые столкнулись с немалыми трудностями. Очень широк ареал распространения древнетюркских памятников. Недостаточно изученными остаются центры государственности и культуры древних тюрков в Монголии и Восточном Туркестане. Унаследованное современной наукой от средневековой традиции расширительное понимание термина «тюрк», служившего для обозначения не только древнетюркского этноса, но и для наименования других тюркоязычных групп, способствовало тому, что на территории Восточной Европы, Западной и Восточной Сибири к числу тюркских памятников относят и комплексы иных кочевых культур.

В этой связи важное значение имеет изучение особенностей древнетюркского культурогенеза в основательно обследованных районах распространения данной культуры. Результативность подобного анализа наглядно продемонстрировали обобщающие работы, в которых систематизированы материалы с территории Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. Одним из районов распространения памятников древнетюркской культуры является Минусинская котловина.

Тюркские памятники Среднего Енисея привлекли внимание ученых еще три столетия назад. Однако их изучение началось только в XX в., когда были выделены в самостоятельные группы средневековые каменные изваяния и погребения с конем. По мере расширения источниковой базы высказывались разные точки зрения в отношении этнокультурной принадлежности этих памятников.

Исследователи по-разному определяли хронологию и этнокультурную принадлежность обнаруженных в Минусинской котловине поминальных сооружений, каменных изваяний людей и животных, стел с руническими надписями, средневековых погребений с конем и бараном. С ростом внимания к древнетюркской проблематике интерес специалистов все более акцентировался на изучении памятников данной культуры в основных районах их сосредоточения: Горном Алтае, Туве, Монголии, Тянь-Шане. Памятники культуры древних тюрков Минусинской котловины оказались на периферии научных интересов. В обобщающих работах по истории и культуре древних тюрков событиям, связанным с их пребыванием в Минусинской котловине, и их памятникам на данной территории уделено мало внимания¹. Специальные работы о кок-тюрьках на Среднем Енисее увидели свет в конце 1970-х – начале 1980-х гг.² С этого времени южносибирской археологией получены очень интересные материалы, которые нуждаются в систематизации и введении в научный оборот.

Памятники древних тюрков Минусинской котловины достаточно специфичны. В отличие от других районов Центральной Азии, где древние тюрки сохраняли военно-политическое господство, а значительные их группы и жили здесь в течение почти пяти столетий, долина Среднего Енисея длительное время оставалась вне пределов экспансии тюркских каганатов. Кыргызские правители и их государство в Минусинской котловине нередко воевали с древними тюрками, вступая в коалиции с другими кочевыми этносами. Часто они терпели поражения в этих войнах, попадали в вассальную зависимость от каганов древних тюрков и сейяньто, платили им дань³. Однако массированного вторжения войск кочевых империй Центральной Азии в Минусинскую котловину в VI – VII вв. не произошло. Это позволило кыргызским правителям сохранять известную самостоятельность, а кыргызской культуре не терять своих особенностей. Крупномасштабное завоевание кыргызских земель к северу от Саян тюркским войском произошло только в начале VIII в., за несколько десятилетий до окончательного падения Второго Восточно-тюркского каганата – последнего государства древних тюрков в Центральной Азии. Во время знаменитого похода тюркского войска под командованием полководцев Тоньюкука, Могиляна и Кюль-Тегина зимой 710 – 711 гг. были разгромлены основные силы кыргызов и убит каган Барс-бег⁴. Территория государства кыргызов на Енисее была занята тюркскими войсками. Судя по географии распространения древнетюркских памятников на территории Минусинской котловины, тюрки заняли все земли, населенные кыргызами, от Саянских гор до Ачинско-Мариинской лесостепи. Военные отряды кок-тюрьков были рассредоточены в наиболее важных в стратегическом отношении пунктах – в долинах Уйбата и Чулыма, по рекам Тесь, Туба, Таштык, Ут, на левобережье Енисея (при выходе из Саянского ущелья) и на севере Минусинской котловины, на правобережье Абакана (неподалеку от его устья).

Военно-политическое господство древних тюрков на Среднем Енисее было очень недолгим. Они не смогли уничтожить кыргызскую государственность, а лишь «навели порядок», дабы обеспечить безопасный тыл на время ведения войн с другими кочевыми объединениями Центральной Азии. Уже спустя десять лет после разгрома, кыргызские правители начали проводить самостоятельную политику, направляя свои посольства в империю Тан⁵. Когда в 745 г. Второй Восточный Тюркский каганат пал под ударами уйгуров, тюрки, проживавшие в Минусинской котловине уже более 30 лет, оказались подданными кыргызских правителей. Они сохраняли свое этническое и культурное своеобразие в течение последующих 250 лет, т.е. до конца X в. С течением времени тюрки постепенно ассимилировались в среде кыргызов, восприняв их погребальный обряд кремации умерших⁶. Особенности проживания древних тюрков в Минусинской котловине наложили отпечаток своеобразия на развитие их культуры. Период, в течение которого они являлись господствующей этнической группой на Среднем Енисее, был непродолжительным: всего одно-два десятилетия. Поэтому на территории Минусинской котловины было сооружено очень мало древнетюркских поминальных комплексов, включающих каменные изваяния людей и животных. Вероятно, после восстановления самостоятельности кыргызского государства и включения древних тюрков в состав подданных кыргызских каганов они уже не могли вести самостоятельно военные действия и сооружать мемориалы в честь воинских подвигов своих полководцев.

Погребальных комплексов древних тюрков в Минусинской котловине значительно больше, поскольку их сооружали в течение всего трехсотлетнего периода проживания здесь этой этнической группы. Большинство древнетюркских погребальных памятников Среднего Енисея относится ко времени после падения Второго Восточного Тюркского каганата, т.е. к VIII – X вв., когда этот район находился под властью кыргызских каганов. Этот завершающий этап развития древнетюркской культуры в научной литературе именуют по-разному⁷. Вместе с поминальной обрядностью пришла в упадок и древнетюркская руническая письменность, выполнявшая преимущественно поминальные функции. Поэтому памятники культуры древних тюрков в Минусинской котловине представлены в основном погребениями взрослых людей с конем и детей – с бараном.

Изучение минусинского района распространения древнетюркской культуры представляет интерес в сравнительно-историческом плане, поскольку исторические условия и сам процесс развития этой культуры здесь существенным образом отличался от такового на других территориях.

Задача данного исследования – систематизация (с учетом предшествующего опыта) доступных археологических материалов из памятников Минусинской котловины с целью выявления особенностей этнокультурного развития древних тюрок в данном районе и уточнения характера их взаимоотношений с этническим окружением. Для анализа привлечены материалы автора и других исследователей, архивы, публикации и музейные коллекции. Неопубликованные материалы археологов, работающих в Минусинской котловине, не могли быть использованы в полном объеме. Сведения о них получены из кратких заметок и тезисов конференций.

Для реконструкции исторических событий, связанных с появлением и проживанием древних тюрок в Минусинской котловине, взяты сведения из письменных источников – извлечения из китайских летописных сочинений и древнетюркских рунических произведений, переведенных на русский язык. Изобразительные материалы использовались для реконструкции внешнего облика древних тюрок Минусинской котловины. Однако основной фонд источников по данной теме составили материалы раскопок древнетюркских памятников, хранящиеся в архивах Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея, Музея истории и культуры народов Сибири, Хакасского республиканского музея, Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова.

Обобщение всех доступных письменных, изобразительных и вещественных источников должно способствовать решению проблем истории и культуры древних тюрок Минусинской котловины и Центральной Азии.

Примечания

¹ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – С. 54.

² Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 194 – 206; Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрок Среднего Енисея // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1980. – № 11, вып. 3. – С. 92 – 96.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Ч. 1. – С. 229; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967. – С. 31.

⁴ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951. – С. 41.

⁵ Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. – М., 1974. – С. 241.

⁶ Худяков Ю.С. Кок-тюрки... – С. 206.

⁷ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – С. 66; Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // Сов. этнография. – 1966. – № 3. – С. 79; Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири... – С. 120; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб., 1994. – С. 117.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНИХ ТЮРОК МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Материалы исследований первых академических экспедиций XVIII в. представляют особую ценность для науки, поскольку зафиксировали эти редкие для Среднего Енисея памятники на местах их первоначального нахождения. В последующие десятилетия многие из них были вывезены в города, разбиты и безвозвратно утрачены для науки.

Первые находки древнетюркских каменных изваяний в Минусинской котловине были сделаны экспедицией Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга в 1722 г.¹ Они осмотрели изваяние воина с сосудом в правой руке и саблей на поясе (долина р. Черный Июс), называемое местными жителями “хозен-хыс-таш”, а также изваяние человека с сосудом в обеих руках (долина р. Тесь), известное как “тесинский богатырь” (зарисованы художником экспедиции К. Шульманом). Во время пребывания в Красноярске Д.Г. Мессершмидт осмотрел на базарной площади города изваяния двух львов и барана, привезенные с р. Тубы (также зарисованы)².

По данным, собранным в 1920-е гг. М.П. Грязновым и Е.Р. Шнейдером, позднее эти изваяния животных были расколоты и утрачены, а скульптура барана увезена при содействии Д.Г. Мессершмидта в г. Tobolsk³. По мнению этих ученых, до перевозки в г. Красноярск скульптура барана стояла на правом берегу Енисея, напротив устья Абакана, на горе Кизил-Чебага. Д.Г. Мессершмидт отметил, что данные изваяния пользовались особым почтением у местного населения, и высказал свои соображения об этнокультурной принадлежности некоторых из них⁴. Он полагал, что изваяние с Черного Июса изображает китайца или несет на себе следы китайского влияния. Однако труд ученого был опубликован только в 1962 г., поэтому не попал в поле зрения исследователей XIX в. Ф.И. Страленберг опубликовал рисунки изваяния человека с р. Тесь и скульптуру барана с р. Тубы⁵. Он считал эти памятники объектами культа “минусинских татар”.

Во время поездок по Минусинской котловине Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг зафиксировали две рунические надписи, которые могут иметь отношение к древнетюркской культуре. Одна из них нанесена на тыльной стороне изваяния с р. Тесь, другая – на окуневском каменном изваянии с р. Уйбат⁶. Ученые высказали свои соображения о принадлежности этих памятников. Обе надписи были опубликованы Ф.И. Страленбергом и привлекли внимание ученых в России и Европе.

В 1739 г. по Минусинской котловине путешествовали участники Камчатской экспедиции Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин. Они осмотрели ряд памятников, открытых предшественниками, в том числе каменные изваяния и рунические надписи, и внесли в их описание важные уточнения⁷. В частности, на изваянии с Черного Июса они отметили саблю и пояс с квадратными бляшками и подвесками. Еще одно каменное изваяние человека с сосудом в одной руке и саблей было обнаружено на р. Туим. Местные жители увезли его в Красноярск (во время перевозки у изваяния отломилась голова). По предположению Э.Б. Вадецкой, учеными было обнаружено еще одно средневековое изваяние на р. Аскиз, но, возможно, это был памятник эпохи бронзы⁸. А.А. Гаврилова считала, что Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин со слов бугровщика Селенги описали разграбленные им погребения с конем в курганах Копенского чаа-таса⁹. Поскольку в этом описании упоминаются только скелеты погребенных людей и черепа лошадей, скорее всего, бугровщиком были разграблены захоронения с головой и конечностями коня, принадлежавшие не древним тюркам, а уйгурам.

В 1741 г. изваяние на р. Черный Июс было зарисовано И. Шишковым¹⁰. Спустя десятилетия этот схематичный и очень неточный рисунок был опубликован И.П. Фальком¹¹. В 1772 г. во время путешествия по Минусинской котловине П.С. Паллас обнаружил в Могильной степи, на левобережье р. Абакан, два своеобразных антропоморфных изваяния с изображением личин, других реалий и дополнительных рисунков. Он усматривал в “каменных бабах” следы буддийского влияния¹². П.С. Паллас описал изваяния стоящими вертикально, в непосредственной близости друг от друга. Первоначально они находились в окрестностях с. Бельтыры, а затем были перемещены в с. Аскиз.

В первой половине XIX в. минусинские каменные изваяния привлекли внимание некоторых ученых и любителей древностей. О “каменных бабах” из Минусинской котловины писали А.П. Степанов, М.А. Кастрен, Н.А. Костров, Г.И. Спасский, Э.И. Эйхвальд¹³.

Большинство из них не занимались поиском каменных изваяний, а пользовались результатами работ предшественников. В 1840-х гг. экспедиционные поездки совершил М.А. Кастрен¹⁴. Основным объектом изучения были памятники рунической письменности. Он провел раскопки различных памятников, обратив внимание и на каменные изваяния. Однако обнаружить новые памятники древнетюркской культуры в Минусинской котловине ему не удалось.

В этот период средневековые скульптуры не выделялись из общего массива изваяний Среднего Енисея, считались единокультурными с руническими надписями и разновременными курганами. Исследователи считали их “надгробными статуями” или специально изготовленными “идолами”, относящимися к этнографической современности. Нередко их рассматривали в общем комплексе с “каменными бабами” степей Евразии. Г.И. Спасский полагал, что эти статуи соорудили гунны. Он опубликовал приблизительные прорисовки изваяний из Могильной степи и скульптуры барана из Абаканской степи¹⁵. Некоторые исследователи относили изваяния к числу чудских древностей. Наиболее последовательным сторонником этой точки зрения был Э.И. Эйхвальд¹⁶.

Во второй половине XIX в. В. Радлов исследовал археологические памятники Среднего Енисея. При написании своей книги о них он привлек данные из работ своих предшественников – Д.Г. Мессершмидта и Г.Ф. Миллера. В его труде приведены описания изваяния человека с Черного Ююса и скульптуры барана из долины р. Аскиз¹⁷. В. Радлов особо отметил случаи почитания каменные изваяний местным населением. Он подчеркнул сходство облика изваяния человека с сосудом в одной руке с Черного Ююса со скульптурами “каменных баб” из южнорусских степей. Изображенные на изваяниях сосуды В. Радлов считал “погребальными урнами”¹⁸. Он впервые сопоставил средневековые комплексы, исследованные им в долине р. Абакан, со сведениями китайских источников о тюрках, уйгурах и кыргызах¹⁹.

В конце XIX в. свои соображения о хронологии и этнокультурной принадлежности средневековых памятников Минусинской котловины высказали сибирские исследователи и любители древностей Н.М. Ядринцев и Д.А. Клеменц. В своих определениях они опирались на сведения китайских источников о древних тюрках и кыргызах. Как и большинство их предшественников, они считали, что каменные изваяния синхронны многочисленным курганам и руническим надписям. Н.М. Ядринцев отметил: в китайских источниках нет сведений о том, что кыргызы на Енисее устанавливали надмогильные статуи, поэтому последние должно относить к иной культуре²⁰. Д.А. Клеменц считал изваяния тюркскими, ссылаясь на сведения китайских источников о древнетюркской заупокойной обрядности, но относил их к концу I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.²¹

В конце XIX в. в Саяно-Алтае работала финская научная экспедиция во главе с И.Р. Аспелиным. В Минусинской котловине было обнаружено и зафиксировано большое количество разнообразных археологических памятников, в том числе несколько средневековых изваяний людей и баранов, поминальное сооружение и рунические надписи. Сотрудники экспедиции зарисовали изваяния людей на р. Тесь и База, у с. Подкамень и Аскиз и скульптуры баранов в Минусинском музее, сняли план поминального сооружения у с. Знаменского. Судя по результатам работы экспедиции, большинство изваяний, обнаруженных еще в XVIII в., осталось на своих местах до конца XIX в. Было обнаружено только одно неизвестное ранее изваяние на р. База. Рисунки изваяний и сооружений, а также копии надписей, сделанные финскими учеными, более точны, чем те, что выполнены их предшественниками²². Однако эти ценные материалы были в полном объеме введены в научный оборот только в 1931 г., поскольку во время работы экспедиции выяснилось, что памятники Среднего Енисея не имеют отношения к финно-угорским древностям, а принадлежат иным этносам, в том числе древним тюркам.

В 1893 г. датским ученым В. Томсеном была расшифрована древнетюркская руническая письменность. Это открытие радикальным образом изменило сложившиеся представления об этнокультурной принадлежности средневековых памятников Саяно-Алтая. В последующие годы В. Радлов перевел и опубликовал памятники рунической письменности, обнаруженные в Центральной Азии²³. Орхонской экспедицией под его руководством были исследованы памятники древнетюркской знати в Монголии²⁴. Эти новые данные существенно дополнили круг источников по культуре древних тюрков.

В 1920-х гг. памятники культуры древних тюрков в Минусинской котловине впервые были выделены в самостоятельную культуру. В обобщающей классификации древних культур края С.А. Теплоухов отнес к числу памятников “алтайских тюрков, появившихся в VII в. в Минусинской котловине”, погребение с конем на р. Таштык²⁵. В те же годы средневековые “каменные бабы”, “не характерные для края”, были выделены из общего массива каменных изваяний Минусинской котловины М.П. Грязновым и Е.Р. Шнейдером²⁶. Эти исследователи провели большую работу по сбору, классификации и анализу сведений об изваяниях, находившихся на местах своего обнаружения, хранившихся в музеях или давно утраченных, но зафиксированных в виде зарисовок и описаний. Всего ими было учтено 5 средневековых скульптур людей, 9 статуй баранов

и 2 изваяния львов. Некоторые приведенные ими сведения дублируют друг друга. Часть изваяний была ошибочно включена в сводку, поскольку происходила из Тувы. Не все известные к этому времени средневековые изваяния Минусинской котловины были учтены. М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер отметили, что находки каменных скульптур людей не характерны для Минусинской котловины, но широко распространены с степях Евразии. Они подчеркнули отличия изваяний с сосудом в одной или в обеих руках и облика двух стел из Аскиза. В соответствии с традиционными представлениями, они продолжали воспринимать “каменных баб” как “надгробные памятники”. В отношении скульптур животных эти ученые не пришли к определенному мнению о хронологии и культурной принадлежности. В своей работе М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер опирались на классификацию древних культур Минусинской котловины, предложенную С.А. Теплоуховым. Работавший в те же годы С.В. Киселев, не знакомый с этой классификацией, испытывал серьезные трудности с атрибуцией средневековых памятников Среднего Енисея. Раскопанные у с. Усть-Тесь таштыкские склепы и древнетюркские погребения с конем он отнес к одной культуре “по сходству керамического материала”²⁷.

В последующие годы два древнетюркских погребения с конем было раскопано С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой на памятнике Уйбат II, а группа захоронений взрослых людей с лошадьми и детей с баранами была исследована В.П. Левашевой на могильнике Капчалы II. Результаты этих раскопок были осмыслены и введены в научный оборот в конце 1940 – начале 1950-х гг. В 1930-е гг. были опубликованы некоторые материалы, собранные экспедициями XVIII – XIX вв., что значительно расширило круг источников по культуре древних тюрков в Минусинской котловине. В 1931 г. Я. Аппельгрэн-Кивало опубликовал материалы финской экспедиции И.Р. Аспелина, где есть описание и рисунки пяти изваяний людей, двух баранов и одного поминального сооружения²⁸. В 1937 г. переиздаются труды Г.Ф. Миллера по истории Сибири, куда были включены рисунки скульптур барана и льва, выполненные художником И.В. Люрсениусом²⁹.

В 1948 г. Л.А. Евтюхова опубликовала монографию о культуре енисейских кыргызов. Минусинские средневековые погребения с конем она выделила в особый, четвертый тип погребальных памятников, высказав предположение, что подобные захоронения принадлежат енисейским кыргызам, перешедшим в IX в. с обряда кремации на погребение умерших по обряду ингумации в сопровождении верхового коня³⁰. Л.А. Евтюхова указала, что в Минусинской котловине известно только три изваяния “орхонских тюрков”³¹. Два из них (с реки Тесь и Черный Июс) были ею кратко описаны, а рисунок тесинского изваяния даже воспроизведен.

В вышедшей в 1949 г. обобщающей монографии по древней истории Южной Сибири С.В. Киселев поддержал мнение Л.А. Евтюховой о переходе кыргызов в IX в. на обряд трупоположения с конем и отнес подобные памятники Минусинской котловины к кыргызской культуре³². Каменное изваяние барана из с. Чарково он приписал (без всякой аргументации) к тагарской культуре³³. Этому мнению он придерживался и в дальнейшем³⁴.

В 1952 г. В.П. Левашева опубликовала результаты раскопок могильника Капчалы II. Погребения взрослых людей в сопровождении коня и захоронения детей с бараном она отнесла к кыргызам-хакасам³⁵. По находке танской монеты в кургане 19 весь комплекс был датирован IX в.

Мнение о принадлежности минусинских погребений с конем енисейским кыргызам разделял и А.Н. Бернштам. Опираясь на это предположение, он отнес к культуре енисейских кыргызов несколько погребений с конем, исследованных им на Тянь-Шане³⁶.

В 1952 г. Л.А. Евтюхова опубликовала сводку древнетюркских каменных изваяний Южной Сибири и Монголии. В Минусинской котловине она выделила 6 древнетюркских скульптур, изображающих людей³⁷. Исследовательница определила, что изваяния с Черного Июса, зафиксированное Д.Г. Мессершмидтом и Г.Ф. Миллером и зарисованное И. Шишковым, а также статуя, описанная И.Р. Аспелиным и опубликованная Я.Х. Аппельгрэн-Кивало, представляют собой два разных объекта. Скульптуры из с. Аскиз, обнаруженные впервые П.С. Палласом и вторично зарисованные И.Р. Аспелиным, она включила в круг древнетюркских древностей.

Ссылаясь на сведения Л.Р. Кызласова, Л.А. Евтюхова отметила, что изваяние с р. База ранее стояло у четырехугольной оградки с насыпью в урочище Хаматхан. Тесинское изваяние, на основании прочтения рунической надписи, она сочла тюркешским. Опираясь на аналогию с памятником Сарыг-Булуи в Туве, она определила известное сооружение у с. Знаменки как поминальный памятник древнетюркской знати Минусинской котловины³⁸.

В 1952 г. к анализу минусинских изваяний вернулся М.П. Грязнов. Хотя основное внимание он уделял изваяниям эпохи бронзы, но кратко остановился и на вопросах изучения средневековых скульптур³⁹. Им охарактеризовано 7 изваяний, одно из которых (сенявинское), как было установлено Л.А. Евтюховой, происходит из Тувы⁴⁰. Две стелы из с. Аскиз он сблизил по технике исполнения с оленными камнями. Вместе с изваянием, происходящим, по его данным, из Тувы, М.П. Грязнов определил аскизские стелы в качестве “ранних форм каменных баб тюркского типа”, отнес их ко времени “около начала нашей эры”. Изваяния с Черного Июса

(у с. Ошколь зарисовано И. Шишковым, у с. Подкамень – И.Р. Аспелиным) он считал одним и тем же объектом, перемещенным с одного места на другое⁴¹.

В 1952 г. С.Е. Малов опубликовал новые переводы памятников рунической письменности со Среднего Енисея, в том числе с тесинского изваяния и уйбатской стелы, которые предположительно относятся к древнетюркским⁴².

В 1959 г. Л.Р. Кызласов высказал соображения в пользу того, что кыргызы не оставляли обряд трупосожжения в IX в., а продолжали хоронить умерших по канонам этого обряда и в последующие века, поэтому погребения с конем IX в. должны принадлежать тюркам⁴³.

Мнение о древнетюркской принадлежности погребений с конем в Саяно-Алтае разделяли С.И. Вайнштейн и А.Д. Грач, изучавшие подобные памятники в Туве. С.И. Вайнштейн разработал классификацию древнетюркских погребений Тувы⁴⁴. А.Д. Грач, который считал, что древнетюркские изваяния изображают врагов умерших тюркских воинов, видел в некоторых из них изображения кыргызов⁴⁵. В то же время, он высказывал предположение, что минусинские погребения с конем отражают период подчинения енисейских кыргызов засаянским тюркам и оставлены своего рода “гарнизонами”⁴⁶. А.А. Гаврилова, разработавшая свою классификацию погребений с конем на материалах раскопок могильника Кудыргэ в Горном Алтае, придерживалась мнения, что погребения с конем в Саяно-Алтае и Центральной Азии принадлежат различным этническим группам. Согласно ее доводам, погребения с конем на Енисее сооружены не позднее VII в., поскольку датировка китайских монет, на основании находки которых в кургане 19 могильника Капчалы II все минусинские памятники данного типа были отнесены к IX в., колеблется в пределах VII – X вв.⁴⁷ А.А. Гаврилова допускала, что по обряду ингумации с конем на Енисее могли хоронить и кыргызы. Она считала, ссылаясь на сведения Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина, что основные захоронения в курганах Копенского чаа-таса были совершены по обряду трупоположения с конем, а тайники с драгоценными предметами представляли собой сопроводительные погребения по обряду кремации⁴⁸.

Древнетюркские каменные изваяния в Минусинской котловине в это время специально и целенаправленно не изучались. Исследователи касались вопросов их хронологии и этнокультурной принадлежности в связи с характеристикой иных культур.

При обобщении материалов по таштыкской культуре Минусинской котловины в 1960 г. Л.Р. Кызласов отнес к ней и каменные скульптуры баранов, и несколько изваяний людей⁴⁹. При этом он ссылаясь на сходство скульптурных изображений баранов с деревянными статуэтками из таштыкских склепов, а также на технику исполнения и некоторые реалии изваяний с р. Малая Есь, из Аскиза и с р. Ниня. По его данным, изваяние сидящего человека со скрещенными ногами и сосудом в обеих руках происходит не из Тувы, как считал М.П. Грязнов, а из пещеры на р. Нине в Минусинской котловине. Л.Р. Кызласов включил это изваяние в группу аскизских памятников и согласился с их возрастом, предложенным М.П. Грязновым. Пытаясь обосновать таштыкскую принадлежность малоесинской стелы с личиной, Л.Р. Кызласов отметил, что стела была расположена в ряду каменных столбов с юго-восточной стороны от прямоугольной оградки “типа тюркских поминальных” и вкопана в перевернутом виде⁵⁰. Исследователь высказал предположение о том, что древнетюркские изваяния происходят от таштыкских, а те, в свою очередь, от таштыкских поминальных масок. Он объединил в единый “любопытный генетический ряд” таштыкские лицевые маски, маски-бюсты, изваяния типа малоесинского, изваяния типа аскизских и тюркские каменные изваяния⁵¹.

Мнение Л.Р. Кызласова о таштыкской принадлежности некоторых минусинских изваяний людей и животных в дальнейшем поддержали и другие исследователи.

В 1960-х гг. археологи, работавшие в составе Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР во главе с М.П. Грязновым, обследовали в Минусинской котловине группу древнетюркских погребений с конем. М.П. Грязнов изучил погребения взрослых людей с конем и детей с бараном в могильнике Тепсей III, Л.П. Зяблин – на Перевозинском чаа-тасе, А.А. Гаврилова – в могильнике Над Поляной. Материалы, полученные здесь были частично введены в научный оборот в конце 1970-х гг.

В конце 1960-х гг. Ю.И. Трифонов, исследовавший древнетюркские погребения с конем в Туве, высказал предположение, что эти памятники Центральной Азии принадлежат не древним тюркам, а племенам теле. При этом он ссылаясь на широкое территориальное распространение и значительную вариабельность погребений с конем. Важное место в его рассуждениях принадлежит подобным памятникам в Минусинской котловине. “Погребения с конем с VI в. иногда появляются, а впоследствии и довольно широко распространяются на таких территориях, где памятников, принадлежащих собственно тюркам-тугю (оградки, изваяния и пр.), вообще почти не встречено (Минусинская котловина)”⁵². Мнение Ю.И. Трифонова о телеской принадлежности средневековых погребений с конем в Саяно-Алтае и всей Центральной Азии разделяли А.Д. Грач, Г.В. Длужневская и Д.Г. Савинов. Впрочем, Д.Г. Савинов допускал, что погребения с конем в Минусинской котловине

принадлежат к памятникам “какой-то этнической группы, жившей в Минусинской котловине вместе с кыргызами”⁵³. Ссылаясь на С.В. Киселева, Д.Г. Савинов считал, что погребение у с. Усть-Тесь содержит вещи, аналоги которых есть в таштыкском культурном комплексе. Он датировал Усть-Тесь VI – VII вв., а Таштык, ~~Капталы II и Уйбат II VII VIII вв.~~, ~~причем погребение с конем на Уйбате считал наиболее поздним~~⁵⁴. Исследованные в насыпях тагарских курганов в Ачинско-Мариинской лесостепи впускные средневековые погребения с лошадьми были отнесены А.И. Мартыновым, Г.С. Мартыновой и А.М. Кулемзиным к сросст-кинской культуре⁵⁵. В 1975 г. Л. Р. Кызласов написал, что погребения с конем и отдельные каменные изваяния, изображающие людей, принадлежали алтайским тюркам, переселившимся на Енисей под давлением уйгуров и обитавшим на кыргызских землях в IX – X вв. “в качестве рабов, кыштымов, дружинников, клиентов и союзников”⁵⁶.

В 1976 г. древнетюркское погребение с конем было раскопано Ю.С. Худяковым на могильнике Тепсей III. Публикация найденных здесь материалов стимулировала внимание исследователей к памятникам древнетюркской культуры на Среднем Енисее⁵⁷. В 1977 и 1978 гг. Ю.С. Худяков и Е.Д. Паульс вели поиски антропоморфного каменного изваяния, по описаниям информаторов, схожего с древнетюркскими. В 1960-х гг. оно находилось в окрестностях с. Черное Озеро, но до настоящего времени не сохранилось. Местные жители свидетельствуют, что изваяние было сброшено в оз. Черное.

В 1978 г. С.Г. Кляшторный сделал новый перевод уйбатской рунической надписи, в которой упоминаются балбалы. Он высказал предположение, что эта самая крупная в Минусинской котловине надпись могла принадлежать знатному тюрку, возможно, тюркскому наместнику на Среднем Енисее⁵⁸. В 1979 г. М.П. Грязновым и Ю.С. Худяковым были опубликованы результаты раскопок средневековых памятников под горой Тепсей, в том числе материалы из древнетюркских погребений взрослых людей с конем и детских захоронений с бараном⁵⁹. В этом же году Ю.С. Худяков написал обобщающую статью о памятниках древних тюрков на Среднем Енисее⁶⁰. В круг древнетюркских памятников этого района были включены погребения с конем и бараном, поминальные комплексы и изваяния, а также две рунические надписи. Было учтено 43 погребения в шести пунктах Минусинской котловины, 6 каменных изваяний и 1 поминальный памятник; выявлены особенности конструкции надмогильных и внутримогильных сооружений, погребальной обрядности и инвентаря. Автор пришел к выводу, что эти памятники относятся к VIII – X вв. и появились в Минусинской котловине в результате знаменитого похода кок-тюркского войска во главе с Тоньюкуком, Могильяном и Кюль-тегином в начале VIII в. на кыргызского кагана Барс-бега. После падения Второго Восточно-тюркского каганата кок-тюрки осели на Среднем Енисее, став опорой кыргызских каганов. К концу I тыс. н.э. кок-тюрки ассимилировались в кыргызской среде, восприняв кыргызский обряд кремации умерших.

В дальнейшем Ю.С. Худяков не раз обращался к анализу комплекса вооружения кок-тюрков Среднего Енисея⁶¹. Специально описывались колчаны из памятников древних тюрков Минусинской котловины⁶². Древнетюркское оружие со Среднего Енисея рассматривалось в общем комплексе боевых средств древних тюрков Южной Сибири и Центральной Азии⁶³.

В начале 1980-х гг. свои соображения по поводу культурной принадлежности некоторых памятников древнетюркской культуры Минусинской котловины высказали специалисты, изучавшие археологические памятники различных исторических эпох.

В 1980 г. Э.Б. Вадецкая отнесла скульптуры майдашинского и чарковского баранов к памятникам окуневской культуры⁶⁴. В 1981 г. Л.Р. Кызласов назвал каменное изваяние “тесинского богатыря” “единственным” в Хакасии “памятником скульптурного мастерства и эпиграфики” IX – X вв. и включил его в круг древностей “тютятской культуры древних хакасов”⁶⁵. В дальнейшем он согласился с ранней датой майдашинской скульптуры барана, отнес ее к тазминской неолитической культуре⁶⁶. Предложенный Л.Р. Кызласовым ранее “любпытный генетический ряд” из таштыкских масок и древнетюркских изваяний Д.Г. Савинов дополнил “глиняными головами” тесинского времени, высказав предположение, что традиция древней степной скульптуры не прерывалась на протяжении всего I тыс. н.э.⁶⁷ Средневековые погребения с конем на Алтае Д.Г. Савинов отнес к курайской культуре, а в Центральной Азии – к “алтае-телесским тюркам”. В отличие от “телесской” гипотезы принадлежности погребений с конем, в круг древностей “алтае-телесских тюрков” были включены и поминальные оградки с изваяниями⁶⁸. Д.Г. Савинов по-прежнему считал, что погребения с конем совершались на Енисее в течение всего периода раннего средневековья – с VI по X вв.⁶⁹

В 1980-х гг. изучением погребений с конем в Минусинской котловине занимался С.П. Нестеров. Им были основательно проработаны архивные и музейные материалы, относящиеся к раскопкам подобных памятников в предшествующие десятилетия. С.П. Нестеров опубликовал материалы раскопок С.А. Теплоуховым первого исследованного минусинского погребения с конем на р. Таштык⁷⁰. Собранные материалы в дальнейшем были использованы и при реконструкции культов тюркоязычных племен, в которых использовали лошадей⁷¹.

В 1983 г. Д.Д. Васильев опубликовал корпус рунических надписей из бассейна Енисея. При подготовке данного издания они были заново обследованы и скопированы⁷², что открыло возможность более точного их перевода.

А.С. Поляков в окрестностях с. Означенное исследовал серию оградок из валунов, где были найдены зольные пятна, кальцинированные кости людей и животных, железные предметы вооружения и сбруи⁷³. Сначала автор раскопок считал, что погребения совершены по обряду трупосожжения. Затем, вслед за Ю.И. Трифоновым, он определил эти памятники как поминальники⁷⁴. Но, в отличие от Ю.И. Трифонова, он отнес их к поминальным оградкам древних тюрок VIII в.⁷⁵

В 1980-х гг. в Минусинской котловине на нескольких памятниках были раскопаны древнетюркские погребения с конем. Ю.С. Худяков подобные памятники исследовал на могильниках Ибыргыс-Кисте и Терен-Кель⁷⁶. Материалы этих раскопок частично введены в научный оборот⁷⁷.

Е.Д. Паульсом и П.Г. Павловым были вскрыты впускные захоронения с конем в насыпях курганов тагарской культуры на могильниках Сабинка и Кирбинский Лог (юг Хакасии). При публикации найденных материалов Е.Д. Паульс, П.Г. Павлов и Д.Г. Савинов пришли к выводу, что данные погребения имеют значительное сходство с памятниками кимаков, относящимися к сросткинской культуре конца I тыс. н.э., а их появление на Енисее может свидетельствовать в пользу каких-то миграций в этот район⁷⁸.

О.А. Митько и Ю.В. Тетериным была раскопана группа погребений с конем на памятниках Маркелов Мыс I и II на левом берегу Енисея⁷⁹. Особый интерес среди них представляют погребения по обряду трупосожжения с конем в могильной яме, свидетельствующие о сближении погребальной обрядности древних тюрок и кыргызов в период совместного обитания на Енисее. Из серии раскопанных захоронений полностью опубликовано только одно погребение с конем⁸⁰.

Л.Р. и И.Л. Кызласовыми было исследовано древнетюркское погребение с конем на Абаканском чаа-тасе. Поскольку подобный памятник раскапывался ими впервые, они описали его довольно необычно. Согласно их описанию, лошадь, помещенная в могилу, была “свернута в кольцо”⁸¹. На деле же в раскопанной ими могиле наблюдалась обычная ситуация, когда верховой конь был уложен на живот с подогнутыми ногами, а его голова повернута в сторону погребенного человека.

Группа погребений с конем на могильнике Белый Яр была раскопана А.С. Поселяниным. Об этих раскопках первоначально опубликовали только краткие сведения⁸². В настоящее время они полностью введены в научный оборот.

В конце 1980-х гг. в пользу таштыкской принадлежности некоторых каменных изваяний Минусинской котловины высказался С.И. Вайнштейн⁸³.

Свои переводы памятников енисейской руники предложил И.Л. Кызласов. Им выделены надписи, выполненные так называемым “южно-енисейским письмом”. После некоторых колебаний он отнес их к древним тюркам⁸⁴. Поскольку данного автора нельзя считать специалистом в области древнетюркской рунической палеографии, предложенные им переводы в нашем исследовании не учитывались.

Памятники культуры древних тюрок в Минусинской котловине продолжали исследоваться в 1990-е гг. В научный оборот были введены материалы с некоторых памятников, раскопанных в предшествующие годы⁸⁵.

В вышедшей в 1996 г. обобщающей монографии о памятниках древнетюркской знати в Центральной Азии В.Е. Войтов коснулся вопросов истории изучения поминального памятника у с. Знаменка в Хакасии. По его мнению, он был известен еще Д.Г. Мессершмидту⁸⁶. В работах А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова была изложена история изучения древнетюркских каменных изваяний и поминальных сооружений Минусинской котловины немецкими учеными в XVIII – XIX вв.⁸⁷

В статье Л.Р. и И.Л. Кызласовых дана новая трактовка содержания и хронологии надписи на изваянии “тесинского богатыря”, некогда стоявшего на р. Тесь в Хакасии⁸⁸. Исследователи расчленили текст надписи на несколько самостоятельных и даже разновременных памятников, связанных неким “неизвестным обрядом”, который совершали два мужчины. Этот обряд был совершен дважды на протяжении двух поколений. Л.Р. и И.Л. Кызласовы предлагают считать “отдельной самостоятельной припиской” слово “бичик” в третьей строке памятника. Это слово наряду с подобным словом из надписи на скале Хая-Бажи в Туве дало основание авторам для датировки этих надписей XIII – XV вв. и выделения “нового этапа развития рунической письменности”. На базе этого “нового этапа” Л.Р. и И.Л. Кызласовы высказывают ряд неоправданных предположений, стремясь доказать, что две “обнаруженные” ими “приписки” свидетельствуют об идеологическом значении рунической письменности у кыргызов Енисея в монгольскую эпоху⁸⁹. Представляется, что выделение “нового этапа развития енисейской письменности” произведено Л.Р. и И.Л. Кызласовыми без должных оснований, а сделанные ими далеко идущие выводы никак не вытекают из содержания интерпретируемых надписей.

В 1997 г. И.В. Кормушин опубликовал новые переводы памятников рунической письменности Енисейского региона, включая тесинскую и уйбатскую надписи. В предложенных переводах этих известных текстов

отсутствуют упоминания о “тюргешском беге” и “балбалах”, что ставит под сомнение их отнесение к памятникам древнетюркской культуры⁹⁰.

Таким образом, история вопроса наглядно свидетельствует, что памятники культуры древних тюрков Минусинской котловины привлекают внимание ученых уже почти три столетия. Благодаря усилиям нескольких поколений исследователей, ученых, путешественников и любителей древностей были обнаружены, описаны и зарисованы поминальные сооружения, каменные изваяния людей и животных, стелы с руническими надписями, раскопаны и частично введены в научный оборот погребения с конем и бараном, относящиеся к древнетюркской культуре Среднего Енисея. Некоторые виды памятников этой культуры (например, изваяния) за истекшие десятилетия практически полностью исчезли с территории Минусинской котловины, сохранившись в музейных собраниях, зарисовках и описаниях. В определении их хронологии и культурной принадлежности среди исследователей нет единого мнения. По-разному интерпретировались и погребения с конем, хотя большинство специалистов относит их к культуре древних тюрков.

Разночтения существуют и в оценке памятников рунической письменности, которые с некоторой долей вероятности могут быть отнесены к культуре древних тюрков. Некоторые исследователи при их интерпретации опирались на содержание надписей, другие на особенности палеографии.

Со времени публикации результатов обобщающего анализа памятников культуры древних тюрков Минусинской котловины прошло около 20 лет. За этот период существенно расширилась источниковая база⁹¹, значительно увеличилось количество исследованных на Среднем Енисее древнетюркских погребений с конем или бараном.

Систематизация этих материалов, дополненная сведениями письменных источников о древних тюрках на землях к северу от Саянских гор, позволит охарактеризовать культуру древнетюркских кочевников в этом районе, выявить ее специфику, уточнить обстоятельства появления тюрков на Енисее и реконструировать историю их обитания среди енисейских кыргызов.

Примечания

¹ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720 – 1727. – Berlin, 1962. – Т. 1. – С. 173 – 175.

² Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л., 1970. – С. 32.

³ Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 84.

⁴ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720 – 1727. – Berlin, 1962. – Т. 1. – С. 212.

⁵ Strahlenberg Ph.I. Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. – Tab. XII, XXI.

⁶ Ibid. – Tab. V, a.

⁷ Миллер Г.Ф. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1. – С. 521.

⁸ Вадецкая Э.Б. К истории изучения Минусинских котловин // Изв. Лаб. археол. исслед. – Кемерово, 1973. – Вып. VI. – С. 98.

⁹ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – С. 66.

¹⁰ Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // Советская археология. – 1950. – Вып. XII. – С. 148.

¹¹ Falk I.P. Beitrage zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches. (St.-Pb.) 1785 – 1786. – Т. 1. – С. 348, таб. 4, I.

¹² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1788. – Ч. III, кн. 1. – С. 501.

¹³ Степанов А.П. Енисейская губерния. – СПб., 1835. – Ч. 2. – С. 129; Костров Н.А. Список каменным изваяниям, находящимся в Минусинском округе Енисейской губернии // ВИРГО. – 1854. – Кн. X. – С. 74.

¹⁴ Вадецкая Э.Б. К истории изучения... – С. 103.

¹⁵ Спасский Г.И. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими // ЗИРГО. – 1857. – Кн. XII. – С. 124 – 125, табл. I, 4, 5.

¹⁶ Эйхвальд Э.И. О чудских копиях // Тр. Вост. отдел. археол. общ-ва. – СПб., 1858. – Ч. III. – С. 4, 34 – 35.

¹⁷ Радлов В.В. Из Сибири: (Страницы дневника). – М., 1989. – С. 431, 433.

¹⁸ Там же. – С. 436.

¹⁹ Там же. – С. 460.

²⁰ Ядринцев Н.М. Древние памятники и письмена в Сибири // Восточное Обозрение. – СПб., 1885. – С. 468.

²¹ Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. – Томск. 1886. – С. 32 – 43.

²² Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmaler. – Helsingfors, 1931. – Abb. 122, 124, 211, 212, 216, 314.

²³ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. – SPb., 1894. – Lfg. 1; 1894. – Lfg. 2; 1895. – Lfg. 3; 1897. – Neue Folge.

²⁴ Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. – СПб., 1899. – Вып. 4.

²⁵ Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 56.

- ²⁶ Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей... – С. 84 – 87.
- ²⁷ Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинском крае в 1928 г. // Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. – Минусинск, 1929. – С. 155.
- ²⁸ Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler... – Abb. 122, 124, 211, 212, 285, 286, 301.
- ²⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1. – Рис. 29.
- ³⁰ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – С. 66.
- ³¹ Там же. – С. 102.
- ³² Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – М.; Л. – № 9. – С. 342.
- ³³ Там же. – Табл. XIX, 3.
- ³⁴ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.
- ³⁵ Левашева В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. – М. – № 24. – С. 136.
- ³⁶ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. – М.; Л., 1952. – № 26. – С. 88.
- ³⁷ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – М., 1952. – № 24. – С. 94 – 96.
- ³⁸ Там же. – С. 117.
- ³⁹ Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы... – С. 145 – 151.
- ⁴⁰ Там же. – С. 151, прим. 2.
- ⁴¹ Там же. – С. 149.
- ⁴² Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.; Л., 1952. – С. 63, 67.
- ⁴³ Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // УЗХНИИЯЛИ. – Абакан, 1959. – Вып. VII. – С. 82.
- ⁴⁴ Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // Советская этнография. – 1966. – № 3. – С. 77 – 80.
- ⁴⁵ Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961. – С. 79.
- ⁴⁶ Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // ТС. – М., 1966. – С. 191.
- ⁴⁷ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М., 1965. – С. 59.
- ⁴⁸ Там же. – С. 64.
- ⁴⁹ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М., 1960. – С. 94, 157.
- ⁵⁰ Там же. – С. 157.
- ⁵¹ Там же. – С. 159.
- ⁵² Трифионов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // ТС. – М., 1973. – С. 369.
- ⁵³ Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // ТС. – М., 1973. – С. 345.
- ⁵⁴ Там же. – С. 344 – 345.
- ⁵⁵ Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. – Кемерово, 1971. – С. 42.
- ⁵⁶ Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 207.
- ⁵⁷ Несгеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей III // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С. 88 – 90.
- ⁵⁸ Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихэ-Ханын-норской надписи) // ТС. – М., 1978. – С. 251.
- ⁵⁹ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 152 – 155.
- ⁶⁰ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 194 – 206.
- ⁶¹ Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрков Среднего Енисея // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1980. – № 11, вып. 3. – С. 92 – 96.
- ⁶² Худяков Ю.С., Мякининов В.В. Колчаны древних тюрков Среднего Енисея // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1991. – С. 61.
- ⁶³ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 139 – 153.
- ⁶⁴ Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л., 1980. – С. 54 – 55.
- ⁶⁵ Кызласов Л.Р. Тухтатская культура древних хакасов (IX – X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1989. – С. 57.
- ⁶⁶ Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М., 1986. – С. 201.
- ⁶⁷ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – С. 46 – 47.
- ⁶⁸ Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтагской степи // Историческая этнография: (Традиции и современность). – Л., 1983. – С. 155 – 162.
- ⁶⁹ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии... – С. 103 – 126.
- ⁷⁰ Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык (по материалам раскопок С.А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 95 – 101.
- ⁷¹ Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1990. – С. 67 – 84.

- ⁷² **Васильев Д.Д.** Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983. – С. 26.
- ⁷³ **Поляков А.С.** Поминальные оградки алтае-орхонских тюрков на юге Хакасии // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – С. 106 – 110.
- ⁷⁴ **Трифонов Ю.И.** Исследования Минусинской котловине // АО 1972 года. – М., 1973. – С. 241.
- ⁷⁵ **Поляков А.С.** Поминальные оградки... – С. 111.
- ⁷⁶ **Худяков Ю.С.** Раскопки могильников Ах-Хол и Ибыргыс-Кисте // АО 1983 года. – М., 1985. – С. 248.
- ⁷⁷ **Худяков Ю.С.** Древнетюркский орнаментированный колчан из могильника Терен-Кель // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. – 1988. – Вып. 3. – С. 59 – 61.
- ⁷⁸ **Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д.** Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 83.
- ⁷⁹ **Митько О.А.** Древнетюркские погребения Маркелов Мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск, 1982. – Т. I. – С. 46.
- ⁸⁰ **Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А.** Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек, 1996. – С.
- ⁸¹ **Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.** Работы в Хакасии и Туве // АО 1982 года. – М., 1984. – С. 212.
- ⁸² **Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И.** Новые данные о погребениях с конем в Хакасско-Минусинской котловине // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск, 1992. – С. 85.
- ⁸³ **Радлов В.В.** Из Сибири... – С. 627, прим. 37, 38.
- ⁸⁴ **Кызласов И.Л.** Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 126.
- ⁸⁵ **Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А.** Культура средневекового населения... – С. 187.
- ⁸⁶ **Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М., 1996. – С. 12.
- ⁸⁷ **Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Древнетюркские изваяния Минусинской котловины // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1997. – С. 418 – 421.
- ⁸⁸ **Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.** Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // Российская археология. – 1994. – № 1. – С. 33 – 45.
- ⁸⁹ Там же. – С. 46 – 48.
- ⁹⁰ **Кормушин И.В.** Тюркские енисейские эпиграфии. – М., 1997. – С. 115 – 116, 126.
- ⁹¹ **Овчинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X веках. – Свердловск, 1990. – С. 16, 17; **Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В.** Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2: Горизонты Евразии. – С. 88 – 116.

ГЛАВА 2

ПОМИНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Поминальные комплексы, включающие оградки, изваяния людей и животных, являются одним из наиболее распространенных видов памятников культуры древних тюрков. Однако в Минусинской котловине они встречаются довольно редко: зафиксировано менее двух десятков памятников. Основная часть минусинских поминальников и изваяний была обнаружена, описана и зарисована учеными в XVIII – XIX вв. К настоящему времени только небольшая часть изваяний перевезена и хранится в экспозициях Минусинского и Хакасского музеев. К сожалению, ни один из поминальных комплексов не был исследован раскопками. Их точное местонахождение не установлено. Часть памятников, вывезенных еще в XVIII в. Красноярск и Тобольск и сохранившихся на местах своего нахождения до начала (в отдельных случаях до второй половины) XX в., была безвозвратно утрачена для науки. Поэтому судить об этих поминальных комплексах и каменных изваяниях можно только по материалам экспедиций XVIII – XIX вв. и сведениям, содержащимся в научной литературе. Данные о первоначальном местонахождении, внешнем облике этих памятников, обоснование их хронологии и культурной принадлежности противоречивы. Необходима ревизия всех имеющихся сведений о древнетюркских поминальных памятниках Минусинской котловины и их систематизация.

Согласно имеющимся данным, в Минусинской котловине были в разное время зафиксированы три типа погребальных и два типа поминальных комплексов, относящихся к культуре древних тюрков (рис. 1).

К одному из них относятся поминальные сооружения древнетюркской знати. В состав таких комплексов входила округлая насыпь, прямоугольная платформа, окаймленная валом и рвом, памятная стела с рунической надписью, изваяния людей, львов и баранов.

Один из таких памятников находился на левом берегу Енисея, в окрестностях с. Знаменка. По мнению В.Е. Войтова, этот памятник был известен еще Д.Г. Мессершмидту¹. План и разрез памятника у с. Знаменка были сняты в конце XIX в. экспедицией И.Р. Аспелина². Определение его древнетюркской культурной принадлежности и поминального назначения было сделано в 1952 г. Л.А. Евтюховой, которая сравнивала данный комплекс с памятником Сарыг-Булун в Южной Туве³. С ее оценкой согласился В.Е. Войтов, специально изучавший поминальные памятники древнетюркской знати в Монголии и на сопредельных территориях⁴. Согласно описанию, составленному Л.А. Евтюховой, в центральной части этого сооружения находилась округлая земляная насыпь с уплощенной вершиной и воронкой в центре (диаметр 10 м). Насыпь окружена невысоким земляным валом и рвом, образующими платформу (площадь 30 × 40 м), ориентированную длинной стороной по линии запад-восток⁵. С восточной стороны вал и ров в центре не сомкнуты, образуя вход в сооружение. На плане и разрезе сооружения, опубликованных в книге Я. Аппельгрена-Кивало, имеется некоторое несоответствие⁶. На плане показан вал, но нет рва, а в разрезе изображен только ров, образующий платформу с насыпью. Памятник раскопками не изучался. К настоящему времени его точное местонахождение не установлено. Возможно, он был основательно запахан при распашке больших площадей вокруг с. Знаменка под сельскохозяйственные угодья (насыпь и вал были земляными) (рис. 2).

Изваяния, стелы или балбалы на данном памятнике не были обнаружены ни в XVIII в., ни в XIX в. Из окрестностей с. Знаменка с р. Тесь происходит изваяние человека с сосудом в обеих руках и рунической надписью на спине⁷. По своему облику оно не соответствует изваяниям, характерным для памятников знатных тюрков. Вероятно, изваяния (если они имелись на данном памятнике) были утрачены. Судя по всему, балбалов на данном памятнике не было, т.к., в отличие от изваяний, они не привлекали внимания иноплеменников, поэтому не уничтожались.

Еще один комплекс древнетюркской знати должен был находиться на правобережье Енисея, в долине р. Тубы. Оттуда неким Салмаровым еще в начале XVIII в. были привезены в Красноярск каменные скульптуры двух львов и барана⁸. По данным М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера, скульптура барана ранее стояла на горе Кызыл-Чебага, на правом берегу р. Енисей, напротив устья р. Абакан. В Красноярске скульптуры стояли на базарной площади. Статуи львов в дальнейшем были расколоты, а скульптура барана при содействии

Д.Г. Мессершмидта увезена в г. Тобольск. Судя по тому, что рисунок изваяния барана был опубликован в книге Ф.И. Страленберга, он мог быть выполнен художником К.Г. Шульманом еще до того, как было увезено в г. Красноярск. Д.Г. Мессершмидт зарисовал данное изваяния в этом городе уже после того, как Ф.И. Страленберг и К.Г. Шульман уехали из Сибири. По данным М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера, на западном берегу р. Шушь, в 5 верстах выше устья, некогда находились две скульптуры “маленьких львов”, одна из которых была вывезена в г. Тобольск⁹. Здесь скульптуры барана и “маленького льва” были осмотрены участниками Второй камчатской экспедиции Г.Ф. Миллером и И.Г. Гmeliным и зарисованы художником И.Х. Люрсениусом¹⁰. Вероятно, эти скульптуры происходят с одного и того же памятника, хотя на рисунках Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберга и И.Х. Люрсениуса они заметно различаются¹¹. Особенно это касается изображений львов. Скульптура барана на разных рисунках более узнаваема: на поверхности есть каверны от частичного разрушения, т.к. памятник изготовлен из крупнозернистого камня. За время, прошедшее между экспедициями Д.Г. Мессершмидта и Г.Ф. Миллера, состояние скульптуры барана, находившейся в Тобольске заметно ухудшилось: реалии (за исключением рта и круто загнутых рогов) не просматриваются, на поверхности обозначились продольные трещины.

На памятниках древнетюркской знати скульптуры львов и баранов устанавливали парами, напротив друг друга, по обе стороны аллеи, ведущей через ров и вал к поминальному храму, возводимому в честь поминаемого. Следы подобного сооружения на месте нахождения скульптур на р. Шушь не были зафиксированы, поскольку ученые не были на месте, откуда были увезены изваяния.

Вероятно, еще один поминальный комплекс в честь представителя древнетюркской знати должен был находиться в долине р. Уйбат. В 1721 г. Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг обнаружили массивную трехметровую стелу (окуневская культура), вторично использованную в средние века. На ее поверхность была нанесена руническая надпись. Стела находилась на правом берегу р. Уйбат, выше устья р. Беи¹². Она была вертикально установлена на площади могильника. На рисунке Ф.И. Страленберга стела изображена стоящей одиночно¹³. Однако содержание надписи, в которой, согласно переводам В. Радлова, С.Е. Малова и С.Г. Кляшторного, упоминаются балбалы, позволило предположить, что данный памятник мог принадлежать знатному тюрку или даже тюркскому наместнику Минусинской котловины, поскольку установка балбалов характерна именно для тюркского поминального обряда¹⁴. При этом учитывались и палеографические особенности уйбатского рунического памятника. В новом переводе этой надписи, предложенном И.В. Кормушиным, не упоминаются балбалы, что ставит поставил под сомнение предложенную ранее интерпретацию¹⁵.

Из Уйбатской степи происходит скульптура барана, вывезенная в Минусинский музей¹⁶. Это изваяние, которое разные исследователи относили к окуневской, тагарской или таштыкской культуре, вероятнее всего, было некогда установлено у аллеи, ведущей к поминальному храму на комплексе знатного тюрка. В научной литературе упоминаются и другие изваяния баранов, обнаруженные в разные годы на территории Минусинской котловины. Например, в работах Г.И. Спасского, В. Радлова, М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера упоминается скульптура барана из Абаканской степи¹⁷. Нельзя исключить, что во всех случаях речь идет об одной и той же скульптуре, известной как “уйбатский” или “чарковский” баран, хотя ее местонахождение указывается по-разному. На эту мысль наталкивает изображение скульптуры барана из “Абаканской степи”, воспроизведенное М.П. Грязновым и Е.Р. Шнейдером по рисунку Г.И. Спасского, у которого, как и у “уйбатского” барана, сколота морда¹⁸. Впрочем, скульптуры баранов, привлекавшие внимание кочевников Минусинских степей во все последующие исторические эпохи вплоть до этнографической современности, могли перемещать с мест первоначального нахождения и использовать вторично в культовых целях.

Значительно меньше внимание ученых привлекали рядовые древнетюркские поминальные оградки, поэтому судить об их распространении на территории Минусинской котловины довольно сложно. В научной литературе упоминания о подобных поминальных оградках и балбалах на Среднем Енисее единичны. По сведениям Л.А. Евтюховой, сославшейся на данные Л.Р. Кызласова, древнетюркское каменное изваяние с р. База некогда находилось в урочище Хаматхан. Оно стояло возле четырехугольной каменной оградки с каменной насыпью в центре¹⁹. К сожалению, оградка не была исследована, поэтому ее принадлежность к древнетюркской культуре нельзя считать установленной. Изваяние было вывезено в Хакасский музей, поэтому установить первоначальное местонахождение оградки довольно трудно. Смущает то обстоятельство, что изваяния с сосудом в обеих руках в Туве устанавливали одиночно, без оградок²⁰.

По сведениям Л.Р. Кызласова, еще одна “небольшая прямоугольная оградка типа тюркских поминальных” была обнаружена на р. Малая Есь у улуса Кызласова²¹. На юго-восток от этой оградки находился ряд вертикально вкопанных камней, среди которых была стела с рельефной человеческой личиной, установленная вниз головой²². Стремясь доказать таштыкский возраст стелы с антропоморфной личиной, Л.Р. Кызласов отнес время ее переиспользования, как и дату сооружения оградки и ряда каменных столбов, к VI – VIII вв.²³ Однако

подобная интерпретация вызывает серьезные сомнения. Судя по массивности стелы и ее вторичному использованию, у улуса Кызласова она была установлена в ряду с каменными стелами, относящимися к таштыкскому поминальнику.

У рядовых древнетюркских поминальных оградок устанавливали каменные изваяния с сосудом в одной руке. В Минусинской котловине такие изваяния зафиксированы в ряде пунктов. Одно из них стояло в долине р. Черный Июс у с. Ошколь, другое – у с. Подкамень, по дороге на с. Чебаки, третье – на р. Туим. Возможно, некоторые из них стояли у оградок. Определенно судить можно только о “подкаменском” изваянии, которое, несомненно, стояло одиночно, что и было зафиксировано финскими учеными²⁴.

На наш взгляд, рядовые оградки и цепочки балбалов не обращали на себя внимание исследователей потому, что в Минусинской котловине распространены конструктивно схожие сооружения, относящиеся к культурам иных исторических эпох (например, квадратные оградки карасукской культуры и ряды поминальных столбов таштыкской культуры). Однако не приходится сомневаться, что поминальные памятники древних тюрков встречаются на Среднем Енисее значительно реже, чем на Алтае или в Туве, иначе они, безусловно, попали бы в поле зрения специалистов.

Каменные изваяния людей. Среди обнаруженных в Минусинской котловине статуй нет таких, которые можно было бы отнести к скульптурам знатных тюрков, подобным тем, что найдены в Туве и Монголии. Возможно, они были уничтожены еще в эпоху раннего средневековья, вскоре после падения власти кок-тюрков на Среднем Енисее. Поэтому ни на Знаменском памятнике, ни на Тубе и Уйбате скульптуры людей не обнаружены.

Все известные в Минусинской котловине древнетюркские каменные изваяния изображают мужчин: рядовых воинов или чиновников. По иконографическим особенностям среди них выделены три типа скульптур.

Тип 1. Изваяние человека с сосудом в одной руке и оружием на поясе. Эти самые распространенные каменные изваяния древнетюркской культуры встречаются по всей территории Центральной Азии. В Минусинской котловине достоверно зафиксировано три подобных изваяния.

Одно из них, известное у местного населения как “Казан-Кыс-Таш” или “Хозен-Хыс” (“каменная зайчиха”), ранее находилось в долине р. Черный Июс, близ улуса Ошколь. Впервые было обнаружено Д.Г. Мессершмидтом в 1921 г.²⁵ В 1741 г. оно было зарисовано И. Шишковым. Этот рисунок, весьма неточный и примитивный, был опубликован И.П. Фальком²⁶. В дальнейшем именно он стал основой для анализа в работах М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера²⁷. Само изваяние до настоящего времени не сохранилось, поэтому о нем можно судить только по рисунку И. Шишкова и кратким описаниям Д.Г. Мессершмидта и Г.Ф. Миллера. Голова изваяния была отбита еще до того, как его обнаружил Д.Г. Мессершмидт. Однако она хорошо соединялась по линии скола, что давало возможность составить представление об облике изваяния. Верхняя часть головы изваяния спереди была сколота, образуя округлый уступ над лицевой частью. Вероятно, это очень давний скол, по цвету патины не отличающийся от остального каменного монолита, из которого изготовлено изваяние. Д.Г. Мессершмидт считал, что этот скол изображает головной убор, напоминающий китайскую шапку с высоким выступом с задней стороны, и назвал ее “чепцом”²⁸. Собственно, из-за этого “чепца” он решил, что статуя изображает китайца или выполнена под китайским влиянием. Хотя пропорции изваяния на рисунке И. Шишкова сильно искажены, можно отметить, что голова заметно уже всего монолита. Низким барельефом показаны брови, глаза, прямой нос, щеки и, вероятно, усы, которые Д.Г. Мессершмидту напомнили “польские усы”. Правая рука изваяния была согнута в локте. На ладони правой руки показан сосуд с широким устьем и раздутым, шаровидным туловом на низком поддоне. Ладонь левой руки покоится на рукояти сабли, наклонно подвешенной к поясу. На рисунке И. Шишкова сабля изображена таким образом, что выходит за контуры самого изваяния, чего, конечно, не могло быть в действительности. Вероятно, это неудачный изобразительный прием. Пояс на изваянии показан с квадратными бляшками. Их не сумел различить Д.Г. Мессершмидт, но отметил Г.Ф. Миллер²⁹. С правой и левой сторон к поясу были подвешены по одному округлому каптаргаку (мешочек для огнива) (рис. 3). Судя по рисунку и описаниям, это изваяние выполнено в технике низкого барельефа, что приближает его к объемной скульптуре.

Еще одно изваяние данного типа обнаружено в конце XIX в. И.Р. Аспелиным у с. Подкамень, по дороге на с. Чебаки, в 5 км от места установки Ошкольского изваяния³⁰. Поэтому М.П. Грязнов считал, что это одно и то же изваяние, перемещенное с одного места на другое³¹. Однако подкаменское изваяние выглядит иначе, чем ошкольское. Это дало основание Л.А. Евтюховой считать их двумя разными памятниками³². Подкаменское изваяние представляет собой высокий, четырехгранный в сечении каменный столб, расколотый на пять отдельных частей. Голова изваяния отбита и утрачена. В верхней части памятника низким барельефом выполнены плечи и правая рука, круто согнутая в локте. В ладони руки изображен небольшой кувшинчик с раздутым туловом и отогнутым венчиком. Левая рука пальцами прикасается к косо расположенному клинку, у которого не выделена рукоять и перекрестье. Пояс на изваянии не показан (рис. 4, 1).

Другое изваяние данного типа ранее находилось в степи на р. Туим. В первой трети XVIII в. оно было вывезено в г. Красноярск. Во время перевозки у статуи отломилась голова³³. Не сохранилось и само изваяние. Оно известно только по краткому описанию Г.Ф. Миллера³⁴. У изваяния была выделена голова, в правой, согнутой руке изображен сосуд, на поясе показана сабля.

Именно такие изваяния устанавливали с восточной стороны у рядовых поминальных оградок древних тюрок Центральной Азии. Однако имеющиеся сведения о минусинских изваяниях данного типа не свидетельствуют о том, что они находились рядом с оградками. По всей вероятности, некоторые из них (например, подкаменское и ошкольское) были установлены одиночно.

Тип 2. Изваяние человека с сосудом в обеих руках. Встречены в Минусинской котловине дважды.

Одно одиночное изваяние, известное в научной литературе как “тесинский богатырь”, обнаружено Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом в степи между реками Тесь и Ерба. Впервые его рисунок был опубликован Ф.И. Страленбергом в 1730 г.³⁵ Изваяние многократно осматривали и исследовали многие ученые. Специально изучалась руническая надпись на спине изваяния. Затем оно было вывезено в Минусинский музей, где экспонируется до настоящего времени. У изваяния выделена голова. Волосы показаны собранными на затылке в толстую короткую косу. На лице выполнены брови, глаза, нос, усы, рот и короткая бородка. На рисунке, опубликованном Ф.И. Страленбергом, у изваяния показаны уши, не упоминавшиеся исследователями более позднего времени³⁶. В руках у изваяния изображен сосуд с округлым дном, высоким горлом и прямым венчиком (рис. 4, 2).

Другое изваяние было обнаружено в конце XIX в. экспедицией И.Р. Аспелина³⁷. Оно находилось в долине р. База, в урочище Хаматхан³⁸. По некоторым сведениям, оно было установлено у прямоугольной оградки³⁹. У этого изваяния отколота голова, но на тыльной стороне отчетливо видна толстая короткая коса. М.П. Грязнов считал такие косы частью головных уборов⁴⁰. Обе руки изваяния согнуты в локтях и подняты перед грудью. В руках изображен сосуд с отогнутым венчиком, воронкообразным горлом, округлым туловом, боковой ручкой и низким поддоном. Правая рука держит сосуд за боковую ручку, а левая поддерживает пальцами тулово. Ниже локтей туловище изваяния сужается к талии, затем расширяется к тазобедренному отделу, что делает фигуру изображенного человека похожей на сидящую (рис. 4, 3).

В Центральной Азии подобные статуи обычно устанавливали одиночно, поэтому сведения Л.Р. Кызласова о ее нахождении с восточной стороны оградки вызывают сомнения⁴¹.

Тип 3. Стелы с изображением человеческих фигур и дополнительными рисунками. Две такие стелы, известные у местного населения под названиями “кизи-тас” и “улу-хыс-тас”, были обнаружены в конце XVIII в. П.С. Палласом. Они стояли в Могильной степи у с. Бельтыры⁴². Очень неточные рисунки этих изваяний опубликованы Г.И. Спасским⁴³. На них отчетливо просматриваются изображения человеческих личин, плеч и согнутых рук. В руках одной из фигур изображен сосуд. Помимо основных фигур, на стелах были дополнительные рисунки животных, всадника с копьем, копья с флагом, лука в налучье и др. В конце XIX в. эти стелы вторично обнаружил И.Р. Аспелин. Они находились в с. Аскиз и использовались в качестве коновязи и ступени для крыльца. Изображения на обеих стелах к этому времени основательно стерлись. На лицевой стороне изваяния “кизи-тас” сохранились очертания головы, бровей, носа, шеи, плеч и проемов между руками и туловищем (рис. 4, 5).

На боковых гранях изваяния изображены левое ухо с серьгой, копье с флагом и тремя косицами, пояс с кинжалом и луком в налучье. Эти рисунки, вероятнее всего, имеют непосредственное отношение к основной фигуре. На левой боковой грани изображен всадник с длинным копьем с тремя косицами, выполненный в иных проекции и масштабе, чем основная фигура. На противоположной боковой грани выполнена непонятная фигура и нечто, напоминающее тамгу. Связь этих рисунков с основной фигурой на стеле не совсем ясна.

На изваянии “улу-хыс-тас” имеются выемки, отделяющие голову человека от плеч. На лицевой стороне изваяния выполнена рука, согнутая в локте (рис. 4, 6). На боковых гранях есть изображение, отдаленно напоминающее серьгу, и рисунки копытных животных, выполненных в ином масштабе, чем основная фигура. Связь этих рисунков с основным изображением не ясна.

Из Минусинской котловины происходит еще одна стела со схожим набором реалий, выполненных в технике углубления фона вокруг основной и дополнительных фигур. Ранее стела была установлена в пещере в долине р. Нини, затем была перевезена в Минусинский музей⁴⁴. М.П. Грязнов полагал, что эта стела происходит из Тувы⁴⁵. Ее минусинское происхождение было выяснено Л.Р. Кызласовым⁴⁶. Верхняя часть стелы обломана. На лицевой ее части изображен сидящий человек. Ноги его скрещены, а в обеих руках он держит сосуд с округлым туловом и зауженным дном. Под ногами человека изображены кубок на поддоне, двуручный котел на поддоне, фигурка человека с луком в руках, олень с вонзенной в спину стрелой и собака, нападающая на оленя спереди (рис. 4, 4). На правой боковой грани стелы выполнены птица, булава, лук и колчан⁴⁷.

В Могильной степи две стелы стояли неподалеку друг от друга, что породило у местного населения представление, что они изображают мужчину и женщину. Трудно сказать, является ли место их первой находки местом первоначальной установки. Если это так, то возможно, что они были установлены в ряд. Обломанная стела вряд ли первоначально стояла в пещере. Вероятнее всего, она была перенесена в пещеру с места своей первоначальной установки.

Возможно, в Минусинской котловине находились древнетюркские изваяния четвертого типа: с изображением человеческой головы и лица, но без дополнительных реалий. По данным Е.Д. Паульса, одно такое изваяние находилось на окраине с. Черное Озеро. Оно было установлено одиночно, без оградки. По словам местных жителей, изваяние было сброшено в оз. Черное. Никаких рисунков этого изваяния не сохранилось.

В отношении хронологии и этнокультурной принадлежности антропоморфных каменных изваяний и стел, рассмотренных выше в научной литературе высказывались разные мнения. Определенные черты сходства изваяний первого и второго типов с тюркскими “каменными бабами” степной Евразии были отмечены в XIX в. Уже в 1886 г. Д.А. Клеменц судил об этих изваяниях Минусинской котловины как о тюркских, ссылаясь на сведения китайских источников о тюрках⁴⁸. В дальнейшем эту точку зрения развили и обосновали М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер, Л.А. Евтюхова⁴⁹. Мнение о древнетюркской принадлежности этих изваяний остается общепризнанным, хотя Л.Р. Кызласов и пытался включить тесинское изваяние в круг древностей “тютятской культуры”⁵⁰.

Судя по общему облику и характерным реалиям, минусинские изваяния первого и второго типов в основных чертах соответствуют древнетюркским изваяниям. Об этом свидетельствует характерная поза изображенных, сосуд в одной или обеих руках, внешний облик, пояс с оружием, формы сосудов. Прическа изваяний второго типа (собранные на затылке волосы в виде короткой толстой косы) известна и по некоторым изваяниям Тувы⁵¹. Встречаются на этих изваяниях и короткие подстриженные усы, похожие на те, что есть у “тесинского богатыря”. Пояс с квадратными бляшками, подвешенным к нему каптаргаком и наклонно висящим клинком, зафиксированный на ошкольском изваянии, характерен для многих древнетюркских скульптур Центральной Азии. Несколько необычно изображен клинок без пояса на подкаменном изваянии. Все сосуды, выполненные на изваяниях первого и второго типов, различны по форме. На ошкольском изваянии изображен сосуд с широким устьем и шаровидным туловом на низком поддоне. Вероятно, это металлический кувшинчик, у которого не выделена ручка. На подкаменном изваянии изображен небольшой кувшинчик с отогнутым венчиком и раздутым туловом без поддона, который человек держит за дно, обхватив тулово пальцами.

В руках у тесинского изваяния высокая крынка с высоким горлом и округлым дном. На базинском изваянии изображен сосуд с отогнутым венчиком, воронкообразным горлом, округлым туловом, боковой ручкой и низким поддоном. Схожие формы сосудов встречаются на изваяниях Центральной Азии⁵².

По мнению Л.Р. Кызласова, изваяния первого типа характерны для периода существования тюркских каганатов (VI – VIII вв.), а статуи второго типа – для времени существования уйгурского каганата (VIII – IX вв.)⁵³. Ряд исследователей полагает, что в VI – VII вв. (период существования Первого Тюркского каганата) каменных изваяний еще не было, а стали устанавливать их только в период Второго Восточного Тюркского каганата⁵⁴. Изучение древнетюркских поминальных оградок и изваяний на Алтае показало, что изваяния первого типа устанавливали не только в период существования тюркских каганатов, но и в течение всего периода существования древнетюркской культуры, т.е. до конца X в.⁵⁵ Изваяния второго типа не имеют отношения к уйгурам и не несут следов уйгурского влияния. Вероятно, их действительно стали устанавливать в период существования Второго Восточного Тюркского каганата, но продолжали ставить до конца X в. Минусинские изваяния трудно датировать по набору реалий, которые не имеют узкой датировки. Они могут относиться ко всему периоду существования древнетюркской культуры в Минусинской котловине – VIII – X вв. Однако, исходя из последовательности исторических событий, связанных с проживанием древних тюрков на Среднем Енисее, установку изваяний первого и второго типов, вероятнее всего, можно приурочить к начальному периоду их расселения на завоеванных кыргызских землях, т.е. к периоду с 711 по 745 гг., когда еще существовал Второй Восточный Тюркский каганат. Возможно, отдельные изваяния могли установить и в последующие десятилетия, но их небольшое общее количество свидетельствует, что данный период был очень непродолжительным.

При изучении изваяний третьего типа исследователи обратили внимание на существенные отличия в их композиционном построении и технике исполнения. М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер, включив изваяния из Аскиза в группу скульптур, не характерных для минусинского края, отметили их отличия от тюркских “каменных баб”⁵⁶. В дальнейшем М.П. Грязнов выделил ряд признаков, которые, по его мнению, характерны для аскизских стел. Он сблизил технику их исполнения с той, что применялась при изготовлении оленных камней, определив время их создания: “около начала нашей эры”⁵⁷. С его выводами не согласилась Л.А. Евтюхова, включив

аскизские стелы в круг древнетюркских каменных изваяний⁵⁸. Однако датировка, предложенная М.П. Грязновым, оказалась весьма привлекательной для Л.Р. Кызласова, который отнес аскизские изваяния вместе со стелой с р. Нини к древностям таштыкской культуры. Он же предложил “любопытный генетический ряд”, в который включил таштыкские маски, аскизские стелы и древнетюркские изваяния⁵⁹. Мнение о таштыкской принадлежности аскизских изваяний разделяли и другие исследователи⁶⁰.

На основании этих предположений выстраивались и другие “любопытные генетические ряды” с включением тесинских “глиняных голов”⁶¹. Однако для подобных предположений нет достаточных оснований. Таштыкская поминальная обрядность к настоящему времени изучена достаточно основательно. Ни в одном из раскопанных таштыкских поминальников нет изваяний людей и животных. Поминаемого символизировала каменная стела⁶². Иногда в качестве стел использовали окуневские каменные изваяния⁶³. Их могли устанавливать в перевернутом виде, без учета первоначального назначения и семантики.

Сходство этих стел с оленными камнями по технике исполнения, как предполагал М.П. Грязнов, весьма относительное⁶⁴. Техника нанесения изображений на оленных камнях различна, но преобладает углубленный силуэтный контррельеф, в отличие от выборки фона вокруг изображений на минусинских стелах. К тому же оленные камни относятся к эпохе поздней бронзы и не могут иметь никакой генетической связи с минусинскими стелами, время сооружения которых на 1,5 тысячелетия позже. В то же время на тюркских изваяниях присутствует, хотя и редко, аналогичная техника выборки фона вокруг фигур, изображенных низким барельефом, а также скрещенные “калачиком” ноги основного персонажа и дополнительные изображения фигур людей⁶⁵. Они могут служить иллюстрацией прижизненной деятельности поминаемого героя. Об “описании сражений” и “нарисованном облике покойного” на древнетюркских комплексах упоминают китайские источники⁶⁶. Изображения на минусинских стелах можно воспринимать как воинские аксессуары, пиршественную посуду, обильные стада, воинские подвиги, удачную охоту поминаемого героя. Такие сцены вполне могли заменить словесные описания в рунических текстах.

Все это свидетельствует в пользу принадлежности памятников третьего типа к древнетюркской культуре. Поэтому следует присоединиться к мнению Л.А. Евтюховой, включившей эти стелы в число древнетюркских изваяний Минусинской котловины⁶⁷. Вероятнее всего, они должны относиться к тому же периоду существования древнетюркской культуры на Среднем Енисее, что и остальные изваяния.

Каменные изваяния животных. Важное место в поминальных комплексах древнетюркской знати занимали *каменные скульптуры львов*. По предположению В.Е. Войтова, исследовавшего памятники древнетюркской знати в Монголии, львов устанавливали парами по обе стороны аллеи, ведущей к поминальному храму или саркофагу⁶⁸. Львы, как хтонические существа, охраняющие вход в подземный мир, должны были находиться за пределами оградки с внешней стороны вала и рва, караула проход через ров. Эти персонажи, несомненно, были заимствованы тюрками из китайского заупокойного культа. У китайцев они устанавливались по обе стороны от “шэндао” – дороги духов. В мавзолее танских императоров Тянь Линь, на могиле императрицы У Цзэтянь, статуи гигантских львов изваяны сидящими в настороженной позе, мордами к выходу, вслед за группами скульптур послов и вассалов⁶⁹. Такое расположение довольно существенно отличается от реконструкции, предложенной В.Е. Войтовым. Хотя охранительная функция статуй львов весьма вероятна.

К сожалению, ни одна из минусинских скульптур львов не была зафиксирована на месте первоначальной установки. Д.Г. Мессершмидту удалось осмотреть их в г. Красноярске, Г.Ф. Миллеру и И.Г. Гмелину – в г. Тобольске. До настоящего времени они не сохранились, поэтому известны нам только по рисунками, сделанным по указанию Д.Г. Мессершмидта, опубликованным М.Г. Новлянской⁷⁰ и выполненным И.В. Люрсениусом⁷¹. Судя по этим рисункам, скульптуры львов из Минусинской котловины изваяны лежащими, с согнутыми ногами. У некоторых из них непропорционально большая голова с вытянутой мордой, широко оскаленной пастью с крупными зубами, маленькими глазками, стоящими или опущенными ушами. Не случайно, одна из скульптур, привезенных в г. Красноярск, была принята за изображение медведя⁷². О том, что это львы, свидетельствуют длинные хвосты, пропущенные между задними ногами и заброшенные на спину (рис. 4, 7, 8). У маленького льва хвост не показан (рис. 4, 9). Поза этих скульптур отличается от сидящих львов с памятников Унгету и Шивэт Улан в Монголии⁷³. Скульптуры лежащих львов находились на поминальном комплексе знатного тюрка из Сарыг-Булуна в Туве⁷⁴. Они сильно повреждены, поэтому анализировать их достаточно сложно⁷⁵. Поза лежащих львов напоминает ту, что характерна для скульптур львов из памятника Чурумал в Туве, относящегося к монгольскому времени⁷⁶. Однако чурумальские львы установлены на постаментах, что отличает их от древнетюркских и не дает оснований для отнесения минусинских изваяний к монгольскому времени.

Скульптуры баранов также входили в состав поминальных комплексов древнетюркской знати. По мнению В.Е. Войтова, они символизировали благополучие поминаемых и должны были находиться внутри поминального сооружения, рядом со рвом⁷⁷. Они всегда располагались парами с обеих сторон аллеи. Бараны изоб-

ражались лежащими на животе, с подогнутыми ногами. Минусинские скульптуры баранов в основном соответствуют этому изобразительному канону. У них показана приподнятая голова с вытянутой мордой и круто загнутыми (в спираль) рогами. На поверхности скульптуры барана с Тубы множество каверн. Вероятно, это следствие разрушения скульптуры, выполненной из крупнозернистого камня (рис. 5, 1, 3). У барана из Абаканской степи отбита морда (рис. 5, 2). Скульптура барана с Уйбата представляет лежащее животное, ноги которого подогнуты. Выполнена она с применением техники барельефа и сохраняет часть необработанного монолита. Рога барана круто загнуты спиралью, на спине – двойная полоса расчесанной шерсти, на шее и груди – длинная шерсть, ноги с острыми копытами. Морда и круп изображения барана обломаны (рис. 5, 4).

На минусинских баранов очень похожа скульптура барана, хранящаяся в Барнаульском музее (рис. 5, 6). М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер даже предположили, что эта скульптура происходит из Минусинской котловины⁷⁸. В отличие от остальных скульптур, майдашинский баран изображен стоящим. У него выделен округлый глаз, ухо, круто загнутые рога и ноги с острыми копытами (рис. 5, 5). При попытках анализа и интерпретации этих изваяний исследователи не ориентировались на находки подобных скульптур в Монголии, а пытались найти аналоги в культурах Минусинской котловины. М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер, описав известные им минусинские изваяния баранов, воздержались от определения их хронологии и культурной принадлежности⁷⁹. Они ограничились лишь указанием, что это объекты “культа барана”⁸⁰.

С.В. Киселев отнес скульптуру чарковского барана к тагарской культуре⁸¹. Как отметил позднее Л.Р. Кызласов, это было сделано без какого-либо обоснования⁸². Он же причислил каменные изваяния баранов Минусинской котловины к таштыкской культуре, ссылаясь на находки в таштыкских склепах деревянных статуэток, изображающих этих животных⁸³. Такие находки не могут быть доказательством в пользу таштыкской принадлежности изваяний, поскольку подобные статуэтки встречены и в кыргызских могилах⁸⁴. Они являются частью сопроводительного инвентаря погребений, символом “обильных стад” скотоводов таштыкского и кыргызского времени. В то же время каменные изваяния баранов никак не вписываются в контекст таштыкской и кыргызской культур. Нет никаких предположений по поводу того, в состав каких памятников они могли бы входить, присутствуют лишь абстрактные рассуждения о возможном “культе барана”.

Майдашинского и чарковского баранов Э.Б. Вадецкая отнесла к окуневской культуре, ссылаясь на окуневские стелы, увенчанные головой барана⁸⁵. С этим определением трудно согласиться. Окуневские изваяния – сложные композитные конструкции, основу которых составляет центральная трехглазая личина. Скульптурное изображение головы барана присутствует только на двух стелах из Верхней Биджи и Усть-Бюри⁸⁶. У многих стел вершина оформлена антропоморфной личиной или имеет иное завершение. Детали оформления окуневских бараньих голов существенно отличаются от таковых на мадашинской и чарковской скульптурах.

Л.Р. Кызласов отнес майдашинского барана к тазминской неолитической культуре⁸⁷. Он усмотрел в изображении животного (по его мнению, “козла”) некоторое “нервическое напряжение... явного или же скрытого коитуса существ верхнего мира с существами, воспроизведенными в среднем мире, на земле”⁸⁸, а также отметил, что фаллос у этого животного “резко очерчен”⁸⁹. На наш взгляд, для такой интерпретации нет особых оснований. На майдашинской скульптуре не просматривается ни “явный”, ни “скрытый коитус”, а “резко очерченный” фаллос больше напоминает копыто задней левой ноги барана⁹⁰. Неолитический возраст данной скульптуры ничем не доказан. От типично древнетюркских скульптур баранов майдашинское изваяние отличается тем, что фигура животного изображена не лежащей с подогнутыми ногами, а стоящей. Этого явно недостаточно для того, чтобы исключать данную скульптуру из круга древнетюркских изваяний животных. Правда, в Саяно-Алтае скульптуры баранов устанавливались не только в древнетюркское, но и в монгольское время. Подобные статуи были и на памятнике Чурумал в Туве⁹¹. Однако их устанавливали на пьедесталах парами, напротив друг друга, но таким образом, что в каждой паре лев стоял против барана⁹². Также были установлены и скульптуры китайских чиновников, служивших империи Юань. Однако это не дает оснований относить минусинские скульптуры баранов к монгольскому времени.

Скульптуры баранов из Минусинской котловины должны были входить в состав памятников древнетюркской знати. Таких памятников на Среднем Енисее не могло быть много, т.к. период тюркского владычества в кыргызских землях продолжался всего несколько десятилетий первой половины VIII в. Если сами памятники могли быть разрушены, а изваяния знатных тюрков разбиты кыргызами, то скульптуры баранов наверняка использовались вторично и были перемещены с мест первоначальной установки, поскольку местное население им поклонялось вне связи с первоначальной функцией. Следы почитания изваяний как элементов культа плодородия зафиксированы у коренного населения Минусинской котловины вплоть до этнографической современности⁹³.

Рассмотренные поминальные комплексы и входившие в их состав изваяния свидетельствуют, что Минусинская котловина входила в район расселения древних тюрков.

Примечания

- ¹ **Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М., 1996. – С. 12.
- ² **Appelgren-Kivalo H.** Alt-Altäische Kunstdenkmäler. – Helsingfors, 1931. – Abb. 122.
- ³ **Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – М., 1952. – № 24. – С. 117.
- ⁴ **Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон... – С. 12.
- ⁵ **Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния... – С. 117, рис. 70.
- ⁶ **Appelgren-Kivalo H.** Alt-Altäische... – Abb. 122.
- ⁷ **Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния... – С. 117.
- ⁸ **Грязнов М.Р., Шнейдер Е.Р.** Древние изваяния Минусинских степей // МЭ. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 84.
- ⁹ Там же. – С. 85.
- ¹⁰ **Миллер Г.Ф.** История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. I. – Рис. 29.
- ¹¹ **Новлянская М.Г.** Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л., 1970. – С. 32; **Миллер Г.Ф.** История Сибири... – Рис. 29.
- ¹² **Малов С.Е.** Енисейская письменность тюрков. – М.; Л., 1952. – С. 61; **Васильев Д.Д.** Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983. – С. 26.
- ¹³ **Strahlenberg Ph.I.** Das Norg- und Ostliche Teil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730.
- ¹⁴ **Кляшторный С.Г.** Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах: (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи) // ТС. – М., 1978. – С. 251, 253.
- ¹⁵ **Кормушин И.В.** Тюркские енисейские эпитафии: (Тексты и исследования). – М., 1997. – С. 106, 115, 116.
- ¹⁶ **Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири // МИА. – М.; Л., 1949. – № 9. – Табл. XIX, 3.
- ¹⁷ **Спасский Г.И.** О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей по сходстве некоторых из них с Великорусскими // ЗИРГО. – 1857. – Кн. XII. – С. 124, 125; **Радлов В.В.** Из Сибири: (Страницы дневника). – М., 1989. – С. 433; **Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.** Древние изваяния... – С. 84.
- ¹⁸ **Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.** Древние изваяния... – С. 84; **Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М., 1960. – С. 94, 95.
- ¹⁹ **Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния... – С. 95.
- ²⁰ **Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М., 1969. – С. 82.
- ²¹ **Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха... – С. 157.
- ²² Там же. – Рис. 61, 1.
- ²³ Там же. – С. 157.
- ²⁴ **Appelgren-Kivalo H.** Alt-Altäische... – Abb. 301.
- ²⁵ **Messerschmidt D.G.** Forschungsreise durch Sibirien 1720 – 1727. – Berlin, 1962. – Bd. 1. – S. 212.
- ²⁶ **Falk I.P.** Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches. – St-Pb., 1785 – 1786. – Bd. I. – S. 348, tab. 4, 1.
- ²⁷ **Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.** Древние изваяния... – С. 84; **Грязнов М.П.** Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // Сов. археология. – 1950. – Вып. XII. – С. 149, рис. 18, 1.
- ²⁸ **Messerschmidt D.G.** Forschungsreise... – S. 212.
- ²⁹ **Сибирь XVIII века** в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 146, 147.
- ³⁰ **Appelgren-Kivalo H.** Alt-Altäische... – Abb. 301.
- ³¹ **Грязнов М.П.** Минусинские каменные бабы... – С. 149.
- ³² **Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния... – С. 95, 96.
- ³³ **Грязнов М.П.** Минусинские каменные бабы... – С. 150.
- ³⁴ **Сибирь XVIII века**... – С. 148.
- ³⁵ **Strahlenberg Ph.I.** Das Nord- und Ostliche Teil... Tab. XII, a, b.
- ³⁶ Ibid. – Tab. XII, a.
- ³⁷ **Appelgren-Kivalo H.** Alt-Altäische... – Abb. 216.
- ³⁸ **Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния... – С. 95.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ **Грязнов М.П.** Минусинские каменные бабы... – С. 145.
- ⁴¹ **Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния... – С. 95.
- ⁴² **Грязнов М.П.** Минусинские каменные бабы... – С. 145.
- ⁴³ Там же. – С. 148.
- ⁴⁴ **Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха... – С. 159.
- ⁴⁵ **Грязнов М.П.** Минусинские каменные бабы... – С. 148.
- ⁴⁶ **Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха... – С. 159.
- ⁴⁷ Там же. – Рис. 61, 2.
- ⁴⁸ **Клеменц Д.А.** Древности Минусинского музея. – Томск, 1886. – С. 31 – 42.
- ⁴⁹ **Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.** Древние изваяния... – С. 90; **Грязнов М.П.** Минусинские каменные бабы... – С. 150; **Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния... – С. 95, 96.

- ⁵⁰ Кызласов Л.Р. Тухтатская культура древних хакасов (IX – X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 57.
- ⁵¹ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния... – С. 84, 104. – Рис. 20, 33.
- ⁵² Там же. – С. 107.
- ⁵³ Кызласов Л.Р. История Тувы... – С. 41, 42, 80 – 82.
- ⁵⁴ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб., 1994. – С. 123, 124.
- ⁵⁵ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984. – С. 45.
- ⁵⁶ Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния... – С. 85.
- ⁵⁷ Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы... – С. 148.
- ⁵⁸ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния... – С. 96.
- ⁵⁹ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... – С. 160.
- ⁶⁰ Радлов В.В. Из Сибири... – С. 267. – Прим. 37, 38.
- ⁶¹ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – С. 46, 47.
- ⁶² Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – С. 135.
- ⁶³ Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М., 1986. – С. 110.
- ⁶⁴ Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы... – С. 148.
- ⁶⁵ Кызласов Л.Р. История Тувы... – С. 42.
- ⁶⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Ч. 1. – С. 230.
- ⁶⁷ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния... – С. 96.
- ⁶⁸ Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон... – С. 97 – 99.
- ⁶⁹ Худяков Ю.С. Экспедиция ЮНЕСКО по проекту “Шелковый путь” на территории КНР // Изв. СО РАН. Сер. ист., филол. и философ. – 1991. – Вып. 1. – С. 71.
- ⁷⁰ Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л., 1970. – С. 32.
- ⁷¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1. – Рис. 29.
- ⁷² Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния... – С. 85.
- ⁷³ Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон... – Рис. 60, 2; 72, 1; Харжаубай С. Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалын тухай дахин огуулэх нь // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 1982. – Зур. 10 – 13.
- ⁷⁴ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния... – С. 89.
- ⁷⁵ Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979. – Рис. 90, 4.
- ⁷⁶ Кызласов Л.Р. История Тувы... – Рис. 61, 1.
- ⁷⁷ Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон... – С. 97 – 99.
- ⁷⁸ Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния... – С. 84.
- ⁷⁹ Там же. – С. 84, 85.
- ⁸⁰ Там же. – С. 86.
- ⁸¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – М.; Л., 1949. – № 9. – Табл. XIX, 3.
- ⁸² Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... – С. 94, 95.
- ⁸³ Там же. – С. 94, 95.
- ⁸⁴ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – Рис. 28, 104, 105.
- ⁸⁵ Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л., 1980. – С. 54, 55.
- ⁸⁶ Там же. – С. 83, 85.
- ⁸⁷ Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М., 1986. – С. 201.
- ⁸⁸ Там же. – С. 201. – Рис. 131.
- ⁸⁹ Там же. – С. 201. – Прим. 24.
- ⁹⁰ Там же. – Рис. 131.
- ⁹¹ Кызласов Л.Р. История Тувы... – С. 160.
- ⁹² Appeltgren-Kivalo H. Alt-Altaischer... – Abb. 335 – 339.
- ⁹³ Липский А.Н. Енисейские изваяния. – Абакан, 1970. – С. 5.

ГЛАВА 3

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Погребальные памятники древних тюрок в Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи ученые начали активно изучать в XX в. Вероятно, здесь еще в XVIII в. вели грабительские раскопки бугровщики, однако достоверных свидетельств этому нет. По мнению А.А. Гавриловой, захоронения, подобные раскопанным в курганах Копенского чаа-таса бугровщиком Селенгой, описали во время своего путешествия по Южной Сибири Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин¹. Однако, судя по их описанию, в курганах с вертикально установленными стелами найдены могилы, обложенные вертикальными плитами, а в них лежали остовы людей, в изголовье каждого из которых справа располагалась лошадиная голова с удилами, уздечными украшениями и другими предметами. “Кроме того, по его сообщению, по углам или бокам могил находились другие остовы, иногда сожженные, и с ними сосуды, пояса, слитки золота и другие находки, иногда перемешанные с сожженными костями человека”². Судя по этим сведениям, бугровщики не делали различий между склепами таштыкской культуры, кыргызскими чаа-тасами и средневековыми захоронениями по обряду ингумации. Находка в могиле целого скелета человека с конской головой удилами и уздой может свидетельствовать о том, что бугровщиком Селенгой в Копенском чаа-тасе были разграблены характерные для уйгуров погребения с головой и ногами коня, а не древнетюркские захоронения с конем³. В 1924 г. С.А. Теплоуховым было раскопано несколько могил у Батеневской пристани. В трех из них были найдены кости коня⁴.

Первое из достоверно известных древнетюркских захоронений с конем в Минусинской котловине было раскопано в 1925 г. С.А. Теплоуховым в седловине между гор над р. Таштык у с. Батени. Сведения об этом были частично введены в научный оборот автором раскопок в 1929 г.⁵ Он отметил, что погребения с конем являются типичными для кочевников, но для Минусинской котловины стали “новым типом”. С.А. Теплоухов подчеркнул, что скелет погребенного лежал на спине, на дне грунтовой ямы, головой на северо-запад, рядом (в юго-западной части могилы) находился скелет коня. Был кратко описан инвентарь захоронения, включавший наконечники стрел со свистунками, железные и бронзовые поясные пряжки, накладки колчана, стремяна, подпружную пряжку, костяной костыль. С.А. Теплоухов считал, что в раскопанном погребении покоился представитель “алтайских турков”, покоривших кыргызов в VII в. Полностью материалы этого погребения были проанализированы и опубликованы С.П. Нестеровым в 1982 г.⁶ Он подробно описал находки, отметив, что в могиле не было стремян, а в публикацию С.А. Теплоухова они были включены для характеристики набора инвентаря “погребений с конем вообще”⁷.

В 1928 г. С.В. Киселевым было раскопано погребение с конем у заимки Усть-Тесь⁸. Он отнес это захоронение вместе с таштыкскими склепами к “новой культуре Минусинского края”⁹. Несмотря на различия в погребальной обрядности и сопроводительном инвентаре между этими группами памятников, располагавшихся, по терминологии С.В. Киселева, “большими” и “малыми кольцами”, связь между ними “устанавливается лишь по совпадению конструкций и близости керамического материала, общего всей культуре”¹⁰. Хронология этой “новой культуры” была определена в пределах “всей первой половины первого тысячелетия нашей эры”¹¹. После выхода в свет классификации культур Минусинской котловины, предложенной С.А. Теплоуховым в 1929 г., С.В. Киселев отказался от своих скоропалительных заключений по поводу “новой культуры Минусинского края”.

В 1935 – 1936 гг. В.П. Левашовой был раскопан могильник Капчалы II, в котором исследовано 9 захоронений с конем и 3 – с бараном. Материалы этого памятника были полностью опубликованы автором раскопок в 1952 г.¹² В 1938 г. С.В. Киселевым было раскопано 2 погребения с конем на могильнике Уйбат III¹³.

Материалы всех исследованных в Минусинской котловине погребений с конем были впервые обобщены в книге Л.А. Евтюховой вышедшей в 1948 г.¹⁴ Памятники данной группы она выделила в “четвертый тип погребений”, для которого характерны невысокие плоские каменные насыпи, длинные могилы, погребения с конем, характерный набор инвентаря. По мнению Л.А. Евтюховой, решающее значение для определения хронологии памятников данного типа имеет “бронзовая китайская монета конца IX века”, обнаруженная в кургане

19 могильника Капчалы II¹⁵. Она считала, что погребения с конем пришли “на смену погребениям с трупосожжениями”, а трупосожжения встречаются в IX – X вв. “уже как пережиток – оно применяется для погребения лиц не первостепенного значения”¹⁶. Впрочем, с конем хоронили только мужчин¹⁷. Мнение о принадлежности минусинских захоронений с конем кыргызам, оставившим в IX в. обряд трупосожжения, активно поддержал С.В. Киселев¹⁸. “В IX – X вв. в погребальном обряде кыргызов произошло крупное изменение. Обычай сожжения был почти оставлен. Распространились погребения с конем...”¹⁹. К данной точке зрения присоединилась В.П. Левашова. Она утверждала, что погребения могильника Капчалы II “точно датируются монетой второй половины IX в.” и относятся к “эпохе господства кыргыз-хакасов на Енисее”²⁰. По ее мнению, обряд погребения с конем был занесен на Енисей в IX в. с Алтая, зависимо от енисейских кыргызов²¹. В.П. Левашова считала, что впервые погребения с конем в Минусинской котловине исследовались В. Радловым на р. Абакан²². Мнение о принадлежности минусинских погребений с конем кыргызам поддержал и А.Н. Бернштам, который отнес к “енисейским кыргызам” захоронение с конем, раскопанное им на памятнике Аламышик в долине р. Нарын на Тянь-Шане²³.

Позднее эти положения были пересмотрены Л.Р. Кызласовым, который отнес захоронения с конем в Минусе к алтайским и центральноазиатским тюркам, отметив, что для кыргызов вплоть до XVII в. был характерен обряд трупосожжения²⁴.

В ходе широкомасштабных археологических раскопок, проводившихся Красноярской экспедицией ЛОИА АН СССР в зоне затопления водохранилища Красноярской ГЭС, в 1960 – 1970-е гг. на берегах р. Енисей было исследовано несколько памятников, где обнаружены средневековые захоронения с лошадьми. В 1964 г. А.А. Гаврилова раскопала на могильнике Над Поляной в окрестностях с. Батени два погребения с конем²⁵. Материалы этих раскопок были введены в научный оборот С.П. Нестеровым в 1999 г.²⁶ В 1967 и 1968 гг. Л.П. Зяблин исследовал на Перевозинском чаа-тасе у с. Абакано-Перевоз три погребения с конем и три – с бараном²⁷. Сведения об этих раскопках были учтены Ю.С. Худяковым в 1979 г., С.П. Нестеровым в 1990 г. и другими исследователями²⁸. В 1968 г. М.П. Грязновым на могильнике Тепсей III под горой Тепсей было раскопано два погребения с конем и пять – с бараном. Эти материалы введены в научный оборот М.П. Грязновым и Ю.С. Худяковым в 1979 г.²⁹ В 1971 и 1972 гг. Э.Б. Вадецкой было раскопано 2 разграбленных захоронения с конем на памятниках Георгиевская III и Красный Яр V³⁰. В 1976 г. Ю.С. Худяков раскопал одно погребение с конем на могильнике Тепсей III. Оно было введено в научный оборот в 1979 г. Ю.С. Худяковым и С.П. Нестеровым³¹. Материалы раскопок захоронений с конем в Минусинской котловине учитывались при создании классификационных схем для подобных памятников в пределах всего Саяно-Алтая. В 1965 г. А.А. Гаврилова отнесла к кудыргинскому времени памятники Усть-Тесь (курган 2), Капчалы II (курганы 1, 8, 12, 19), Уйбат II (курган 1). По ее мнению, они были “сооружены не позднее VII в.”³². Катандинским временем (VII – VIII вв.) она датировала курганы 2, 3, 11 и 20 могильника Капчалы II³³. А.Д. Грач высказал предположение, что погребения с конем в Минусинской котловине относятся к периоду подчинения кыргызов древним тюркам и оставлены тюркскими гарнизонами на Среднем Енисее³⁴. Свои соображения о древнетюркских погребениях с конем на Среднем Енисее высказали Ю.И. Трифонов, Д.Г. Савинов, Г.В. Длужневская, которые считали их телескими. А.И. Мартынов, Г.С. Мартынова, А.М. Кулемзин, отнесли впускные захоронения с лошадьми в насыпях курганов Шестаковского могильника в Ачинско-Мариинской лесостепи к кругу памятников сrostкинской культуры³⁵. В 1979 г. Ю.С. Худяков обобщил известные к тому времени и доступные для изучения материалы раскопок древнетюркских погребений с конем в Минусинской котловине³⁶. Анализом этих материалов в рамках Саяно-Алтая в целом занимались С.П. Нестеров и Б.Б. Овчинникова³⁷. Отдельные соображения по поводу хронологии и этнической принадлежности погребений с конем в Минусе высказывал Л.Р. Кызласов³⁸. В 1980 – 1990-х гг. в Минусинской котловине было исследовано значительное количество погребений с конем, которые лишь частично введены в научный оборот. В 1983 и 1987 гг. Ю.С. Худяковым раскопаны древнетюркские погребения с конем на памятниках Ибыргыс-кисте и Терен-Кель³⁹. В 1982 г. Е.Д. Паульсом и П.Г. Павловым были исследованы 11 впускных погребений с конем в насыпях курганов на могильниках Сабинка I и Кирбинский Лог (юг Минусинской котловины)⁴⁰.

Значительная группа древнетюркских погребений с лошадьми исследована в 1988 – 1998 гг. на памятниках Маркелов Мыс I и II (север Минусинской котловины) О.А. Митько и Ю.В. Тетеринным⁴¹.

В 1982 г. Л.Р. и И.Л. Кызласовыми было раскопано древнетюркское погребение с конем на Абаканском чаа-тасе⁴². В дальнейшем на этом памятнике было исследовано несколько подобных захоронений.

В 1989 – 1994 гг. А.И. Поселянин раскопал древнетюркский могильник Белый Яр II на правобережье р. Абакан⁴³.

В результате раскопок погребальных памятников древних тюрков исследовано около семидесяти древнетюркских погребений с лошадьми в восемнадцати памятниках Минусинской котловины и два – в Ачинско-

Мариинской лесостепи. На четырех могильниках было раскопано двенадцать захоронений с баранами. Это значительный и информативный массив памятников, объединенный характерной особенностью погребальной обрядности – наличием в могиле сопроводительного захоронения коня или барана. Поскольку эти памятники изучали в течение многих десятилетий разные специалисты применявшие различные методики, систематизация всего доступного материала представляет немалые сложности. Значительная часть раскопанных на Среднем Енисее древнетюркских захоронений опубликована исследователями. Однако степень информативности публикаций различна. Нередко авторы обозначают различными терминами однотипные сооружения, и наоборот. Учитывая это, систематизированное описание памятников, должно включать стандартный набор признаков: топографию расположения, особенности конструкции надмогильного и внутримогильного сооружения, положение и ориентировку погребенного и сопроводительного животного, состав инвентаря. Памятники, информация о которых дана в публикациях, характеризуются кратко, не опубликованные объекты описываются подробно. Данные о некоторых памятниках не доступны для изучения. В описание включены только сведения о погребениях с конем или бараном, хотя во многих могильниках были раскопаны и захоронения по обряду одиночной ингумации. Некоторые исследователи считают их единокультурными. Однако определить принадлежность погребений данного типа к древнетюркской культуре Минусинской котловины не представляется возможным ввиду распространения подобных захоронений у кыргызских кыштымов⁴⁴.

Могила на р. Таштык. Раскопана С.А. Теплоуховым в 1925 г. Материалы частично опубликованы автором раскопок в 1929 г.⁴⁵ Полностью описана С.П. Нестеровым в 1982 г.⁴⁶ Памятник расположен на седловине горы, на левом берегу р. Таштык, в 2,1 км от устья, в окрестностях с. Батени. Окружная, высокая каменная насыпь с глубокой воронкой в центре (диаметр 1,5 м, высота 0,5 м) (рис. 6). В насыпи найдены фрагменты плоскодонного баночного сосуда без орнамента. Могильная яма имеет площадь 2 × 1,5 м и глубину 1,8 м. На дне могилы, в северо-восточной части ямы, находился скелет взрослого мужчины, лежавшего на спине, кисти рук – на тазовых костях. Погребенный ориентирован головой на северо-запад. В юго-западной части могилы находился скелет коня. Его ориентация не была зафиксирована С.А. Теплоуховым. С погребенным был положен лук и колчан. Вдоль левой бедренной кости обнаружены две срединных боковых костяных накладки на лук. С правой стороны, у таза, лежал железный колчанный крюк, между бедренными костями – два железных трехлопастных наконечника стрелы с костяными свистунками. Однако орнаментированные костяные накладки на колчан оказались разбросанными по всей могиле. На этом основании С.П. Нестеров считает, что погребенному был положен “символический колчан”⁴⁷. Более вероятно, что костяные накладки были растащены по могиле грызунами после того, как берестяная основа колчана истлела. В составе набора имела широкая пластина, крепившаяся на горловину приемника. Она украшена двумя полосами меандрового и циркульного орнамента. К приемнику и боковым сторонам кармана относятся длинные узкие накладки с меандрово-циркулярным орнаментом. Узкие накладки с циркулярным орнаментом крепились к карману колчана. Между бедренными костями находился железный черешковый нож, в области живота – железная пряжка с подвижным язычком и неподвижным щитком. В могиле был найден также костяной кочедык в рельефной орнаментированной головкой, фрагмент кожаной сумки с пряжкой-замком и бронзовой накладкой, крепившейся к портупейному ремню, две миниатюрных бронзовых пряжки, две обоймы и наконечник ремня. Вероятно, все бронзовые детали с одного портупейного ремня. К предметам конской сбруи относится костяная подпружная пряжка с подвижным язычком, железное кольцо, тройник-распределитель для ремней, десять бляшек конической формы. В могиле, в области груди погребенного, найдена круглая, тонкая золотая пластинка и сильно корродированные фрагменты железа, а также головка бронзового гвоздя, фрагменты дерева, кожи и ткани⁴⁸. С.А. Теплоухов, а вслед за ним Г.П. Сосновский и Л.А. Евтюхова, отметили, что в могиле найдены железные стремена⁴⁹. Одно из этих стремян с пластинчатой петлей изображено на таблице в статье С.А. Теплоухова в числе вещей, относящихся к “одиночным каменным курганам VII в. н.э.”⁵⁰. Однако С.П. Нестеров, ссылаясь на отсутствие стремян в коллекции находок из этой могилы и упоминаний о них в отчете С.А. Теплоухова, предполагает, что стремян в погребении не было⁵¹. В данной таблице указаны и другие предметы, вероятно, не относящиеся к данному захоронению: концевые накладки на лук, “медная обкладка”, “медный крючок”, “медная посеребренная накладка”⁵². Как удалось установить С.П. Нестерову, шесть подобных накладок происходят из могилы 3 памятника Батеневская Пристань⁵³.

Могильник Батеневская Пристань. Исследован С.А. Теплоуховым в 1924 г.⁵⁴ Материалы сохранились в фонде Г.П. Сосновского и опубликованы С.П. Нестеровым в 1999 г.⁵⁵ Памятник был расположен у Батеневской пристани, т.е. на левом берегу р. Енисей, на прибрежной террасе. Надмогильные сооружения у пяти раскопанных курганов описаны суммарно. Они представляли собой пологие каменные насыпи, “кучи мелких камней” (диаметр 2,5 – 5 м, высота 0,2 – 0,4 м) с глубокой западиной в центре (глубина 0,5 – 0,9 м). Под насыпями

находились могильные ямы “круглой” формы (диаметр 1,5 – 2 м, глубина 1 – 1,6 м). В одном из раскопанных курганов было обнаружено нарушенное погребение с конем.

В *могиле 3* кости скелета человека (“в сидячем положении”) были обнаружены в юго-восточном углу могильной ямы. Почти полный скелет лошади (без черепа), а также кости барана найдены в западной части могилы⁵⁶. Ориентация скелета коня не указана. Судя по описанию, могила была ориентирована длинной осью по линии север-юг, конь помещен в западной, а человек - в восточной части могильной ямы. В процессе грабежа кости скелета человека были свалены в кучу в юго-восточном углу могилы, а у скелета коня выброшен череп. В могиле найден керамический горшок, железное стремя, костяной гребень и шесть бронзовых обкладок в виде трилистника с фестончатыми концами и тремя шпунтами для крепления к основе. С.П. Нестеров полагает, что они скрепляли деревянный сосуд⁵⁷. Однако трудно представить сосуд, симметрично треснувший в шести местах и скрепленный шестью одинаковыми обкладками. Вероятнее всего, эти обкладки должны были крепиться к кожаному ремню. Одна из этих накладок описана, как установил С.П. Нестеров, в статье С.А. Теплоухова⁵⁸. Возможно, из этой могилы происходит и стремя, упоминающееся в той же статье⁵⁹. С.П. Нестеров считает, что раскопанные здесь еще две могилы содержали погребения с конем. В *могиле 4* были обнаружены в беспорядке кости человека, лошади, овцы и коровы, а также керамический горшок, железный нож и железная пряжка. В *могиле 5* найдены сильно разрушенный скелет человека, кости лошади и овцы, несколько фрагментов керамики и обломок железного предмета⁶⁰. Вполне возможно, что это были погребения с лошадьми, но для включения их в круг памятников данного типа имеющихся материалов недостаточно.

Могильник Над Поляной. Раскопан А.А. Гавриловой в 1964 г.⁶¹ Материалы с памятника опубликованы С.П. Нестеровым в 1999 г.⁶² Располагался могильник на северном склоне Афанасьевой горы, на левом берегу р. Енисей, к югу от с. Батени, подле оврага, между горой и селом. В могильнике раскопано два погребения с лошадьми. Надмогильные сооружения ни в отчете А.А. Гавриловой, ни в статье С.П. Нестерова подробно не описаны. Они охарактеризованы суммарно, как “небольшие каменные насыпи, большей частью разрушенные”⁶³. А.А. Гаврилова характеризует эти сооружения как “беспорядочные” или “незначительные скопления камней”, лишь одно из них названо “задернованной каменной насыпью”. Оно имело размеры 2,5 × 1,5 м, т.е. было не округлой, а вытянутой формы⁶⁴.

Могила 12 представляет собой прямоугольную яму (площадь 1,9 × 1,4 м, глубина 0,4 м), ориентированную по линии запад-восток (рис. 7, 1). Яма разделена стенкой из камней. В южной части, на глубине 0,4 м, находился скелет мужчины шестидесяти лет. Погребение нарушено. В анатомическом порядке находились только кости ног и кисти левой руки. Череп, ребра, позвонки и другие кости смещены. Череп пробит, ключица и левая голень срослись после переломов. Среди костей человека было несколько костей барана. Судя по костям, сохранившим анатомическое положение, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, был ориентирован головой на восток⁶⁵. В северной части могильной ямы, углубленной до 0,6 м, находились разрозненные, смещенные и поломанные кости коня. Среди них одна кость обожжена. Здесь же были обнаружены железные наконечники стрел, мелкие обломки железных предметов, роговые накладки лука и фрагменты керамического сосуда.

Судя по описанию, погребенный был помещен в могилу на уступе, отделенном от углубленного дна, возможно, подбоя, стенкой из каменных плит. В углублении был помещен конь, лук, колчан со стрелами и керамический сосуд.

Могила 13 – это прямоугольная яма площадью 2,2 × 1,6 м (рис. 7, 2). В южной части могилы, на глубине 0,55 м, поверх каменных плит, составлявших ранее разделительную стенку, обнаружены разрозненные кости двух коней. Ниже, на глубине 0,85 м, в восточной части ямы находился череп коня и несколько костей барана. Еще ниже, на глубине 1,1 м, найдена роговая подпружная пряжка и обломок железного предмета. В северной части ямы, на глубине 0,8 м лежал скелет женщины шестидесяти лет (головой на восток). В головах был поставлен лепной керамический горшок с четырьмя выступами на венчике. Под ним сохранились остатки берестяной подстилки. На костях таза лежал железный нож.

Автор раскопок, А.А. Гаврилова, предполагала, что “кони лежали на ступеньку выше, но конская часть была разграблена и могла быть углублена грабителями”⁶⁶. С нею согласен С.П. Нестеров⁶⁷. На наш взгляд, сопогребение коня находилось в углубленной части могилы, на глубине 1,1 м, где обнаружена подпружная пряжка и железный фрагмент. Найденный в восточной части ямы на глубине 0,85 м череп коня, если он не потревожен грабителями, может свидетельствовать в пользу того, что конь лежал головой на восток, как и погребенная здесь женщина. Скопление костей двух лошадей в заполнении могильной ямы (на глубине 0,55 м, т.е. на 0,55 м выше дна ямы), образовалось в результате того, что выброшенные из могилы кости свалили в грабительский лаз при его заброске. Поскольку состав костей двух лошадей не был определен в ходе раскопок, стоит воздержаться от утверждения, что в могилу были помещены два коня, поскольку это мог быть один верховой конь и мясо второго коня.

А.А. Гаврилова считала, что захоронение с конем было и в могиле 6. В могильной яме (площадь $1,5 \times 0,85$ м), ориентированной длинной осью по линии север-юг, на дне, на глубине 0,6 м обнаружены жженные кости взрослого человека, разрозненные кости годовалого младенца и фрагменты керамики. Выше находился слой камней от перекрытия, на котором лежали череп и кости жеребенка и кости барана. Еще выше, на глубине 0,3 м, располагались остатки обожженного деревянного перекрытия⁶⁸. Совершенно очевидно, что это парное захоронение по обряду кремации с младенцем, а к древнетюркским погребениям с конем или бараном оно отношения не имеет.

Могильник Перевозинский чаа-тас. Раскопан Л.П. Зяблиным в 1967 – 1968 гг.⁶⁹ Отдельные сведения об этом памятнике есть в работах Ю.С. Худякова, С.П. Нестерова и других исследователей⁷⁰. Памятник расположен на левобережье р. Енисей, в урочище Дунькин Бугор, у с. Абакано-Перевоз. В составе памятника было исследовано три погребения с конем и три захоронения с бараном.

Курган 79 – плоская задернованная каменная выкладка (площадь $2,4 \times 2$ м). В ее основании есть “регулярная кладка” из крупных камней (площадь $2 \times 1,3$ м). Высота кладки не отмечена. Под выкладкой обнаружена прямоугольная могильная яма (площадь $1,2 \times 1$ м). На дне могилы, вдоль северо-западной стенки, лежал скелет барана, ориентированный головой на северо-восток. Погребение ребенка находилось в подбое, в юго-восточной части могилы. Дно подбоя “немного ниже остальной части могилы”. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Подбой прикрыт каменными плитками, поставленными наклонно (рис. 8, 1).

Курган 80 – пологая задернованная каменная выкладка, в основе которой “регулярная кладка” из крупных каменных плит, установленных с наклоном к центру. Площадь выкладки $2,4 \times 1,9$ м, высота не отмечена. Под выкладкой расчищена прямоугольная могильная яма (площадь $2 \times 1,2$ м), ориентированная по линии запад-восток. На дне могильной ямы, вдоль южной стенки обнаружен скелет коня ориентированный головой на запад. Лошадь была уложена на живот, а ее ноги подогнуты. На скелете коня найдены два железных стремени и костяная накладка от седла. В северной части могилы находился подбой, прикрытый наклонно стоящими плитами. На дне подбоя обнаружен скелет человека, покоившегося вытянуто на спине, головой на восток (рис. 8, 2).

Курган 82 – пологая задернованная подквадратная каменная выкладка (площадь $2,7 \times 2,7$ м; высота не отмечена). Под выкладкой была прямоугольная могильная яма (площадь $2,2 \times 1,4$ м, глубина 0,6 м), ориентированная длинной осью по линии запад-восток. В северной части могильной ямы находился скелет взрослого мужчины, покоившегося вытянуто на спине, головой на восток. Вдоль кости левой руки лежал берестяной колчан, а около его горловины – железные наконечники стрел. На колчане и рядом с ним обнаружены две железные бляшки. Срединные боковые накладки лука лежали между правым предплечьем и поясничными позвонками погребенного. По наблюдению Л.П. Зяблина, по расстоянию между накладками, которые не были смещены, что случается весьма редко, можно определить толщину середины лука – $1,3$ см⁷¹. Около локтевого сустава найдена концевая накладка лука с “ушком” – арочным вырезом для крепления тетивы. В области пояса погребенного лежали железные бляшки, пряжки и обоймы от пояса. Под тазовыми костями и ребрами обнаружены железные обоймы прямоугольной формы со вставками из бронзы. Под лучевыми костями левой руки лежал железный нож. Скелет коня находился в южной части могильной ямы. Конь был уложен на живот, его ноги подогнуты, шея изогнута; ориентирован головой на запад. В зубах у коня железные удила с эсобразными изогнутыми псалиями. С левой стороны от скелета коня, у южной стенки могилы, лежало железное стремя с плоской подножкой и петлей для ремня. Около стремени находились округлые подпружные пряжки из рога с подвижным железным язычком и “железная пешня”. Вероятно, Л.П. Зяблин имел в виду тесло⁷². Могильная яма была вырублена в скале. Ее северная часть немного выше южной. Между ними сохранена невысокая, но видимая скальная перегородка (рис. 8, 3).

Курган 93 – пологая задернованная овальная каменная выкладка (площадь выкладки $3,2 \times 2,1$ м; высота не отмечена), ориентированная длинной стороной по линии север-юг. По периметру выкладка окаймлена крепидой из крупных плит. Форма и размеры могильной ямы не отмечены. Судя по плану, она была подовальной формы ориентирована длинной осью по линии север-юг. В западной части ямы, на уступе, найден скелет коня, уложенного на живот, с подогнутыми ногами, головой на север. В зубах животного были удила, а с правой стороны от него – стремя. В восточной части ямы находился неглубокий подбой, перекрытый наклонно стоящими плитами. В подбое лежал скелет взрослой женщины, покоившейся вытянуто на спине, головой на север. Ноги ее “чуточку согнуты” в коленных суставах. У правого плеча стоял керамический лепной сосуд. Рядом найден железный нож. В области груди обнаружены позолоченные бронзовые бубенчики с “ушками”, слева у черепа – бронзовая серьга. У правого локтевого сустава лежал обломок бронзовой бляшки. В области пояса и у правого предплечья найдены фрагменты кожи и обломки бронзовых предметов (вероятно, бляшек). На поясничных позвонках погребенной обнаружены окислы бронзы⁷³ (рис. 9, 1).

Курган 94 – пологая задернованная прямоугольная каменная выкладка (площадь выкладки $1,9 \times 1,4$ м; высота не отмечена), ориентированная длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Под выкладкой находилась могильная яма овальной формы, с подбоем, устроенная в скальной расщелине. Ее размеры не отмечены. На уступе ямы найден скелет барана, ориентированный головой на северо-восток. В северо-западной части ямы подбой перекрыт наклонно установленной плитой. В подбое обнаружен скелет ребенка семилетнего, покоившегося вытянуто на спине, головой на юго-запад. На костях скелета найдены окислы бронзовых, полностью корродированных вещей (рис. 9, 2).

Курган 122 – пологая задернованная выкладка неопределенной формы: сплошная вымостка из больших каменных плит (размеры не отмечены). Под выкладкой была могильная яма трапециевидной формы, ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (длина 1,6 м, ширина 0,4 – 0,8 м). В яме найден скелет взрослого человека, покоившегося вытянуто на спине, головой на юго-восток. Вдоль юго-западной стенки могильной ямы лежал скелет барана, ориентированный головой на юго-восток. У юго-восточного края могильной ямы, под насыпью, обнаружена нижняя челюсть барана. На тазовых костях погребенного лежала круглая железная пряжка с подвижным язычком⁷⁴ (рис. 9, 3).

Могильник Тепсей III. Раскопан М.П. Грязновым в 1966 – 1969 гг. и Ю.С. Худяковым в 1976 г.⁷⁵ Материалы раскопок, за исключением планов некоторых могил, введены в научный оборот М.П. Грязновым, Ю.С. Худяковым, С.П. Нестеровым⁷⁶. Памятник расположен на правом берегу р. Енисей, на первой надпойменной террасе под горой Тепсей. На памятнике было раскопано три погребения по обряду ингумации с конем, пять – по обряду ингумации с бараном, одно – по обряду кремации человека и коня (рис. 10).

Могила 3 – пологая округлая выкладка из каменных плит (диаметр 4 м; высота не отмечена); в центре западина (глубина 0,4 м). Под выкладкой обнаружена овальная могильная яма (площадь $2,3 \times 1,6$ м). На уступе, в юго-западной части ямы, на глубине 1,4 м находилось погребение мужчины сорока-шестидесяти лет, покоившегося вытянуто на спине, головой на северо-запад. Кости левой руки и левой ноги смещены вниз. У левого бедра найден железный нож, а у пояса – две железных пряжки. Третья пряжка лежала у правой голени. У таза, с правой стороны, обнаружены два астрагала овцы и один астрагал козули. У правой руки погребенного лежал спинной хребет, ребра, лопатка и бедренная кость молодой овцы (4 куса мяса). На дне могилы, на глубине 1,9 м, вдоль северо-восточной части ямы лежал скелет коня: на животе, с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. В зубах лошади были железные удила, по бокам – железные стремяна. Под черепом и грудными костями лежали шесть железных накладок, два железных наконечника ремня и обломки других железных предметов. Под правым стремянем обнаружены остатки берестяного колчана. На бересте найдены три наконечника стрелы. У двух из них были костяные свистунки (рис. 11, 1).

Могила 9 – пологая овальная выкладка из каменных плит (площадь 6×7 м, высота 0,4 м) в центре западина. Под насыпью, на горизонте, обнаружено захоронение по обряду кремации с кремированной лошадей. Компактное скопление жженных костей человека найдено в северной части кургана. К юго-западу от него располагалось скопление жженных костей лошади. В восточной части кургана найдены железное стремя, бронзовые и железные бляшки, накладки, подвески, наконечник и распределитель ремня. В западной части насыпи лежали железное тесло и костяное острие. Под насыпью встречены обломки костей лошади, коровы, овцы, фрагменты сосуда (каменнолошадский этап карасукской культуры). В центре кургана находилась могильная яма с захоронением по обряду трупосожжением и костями овцы от трех кусков мяса.

Могила 15 – пологая овальная каменная выкладка (площадь $2 \times 1,3$ м; высота 0,2 м). Под ней находилась могильная яма, перекрытая плитами. На дне могилы, на глубине 0,8 м, в юго-западной части, обнаружен скелет ребенка полутора лет, покоившегося вытянуто на спине, головой на северо-запад. В головах у него стоял лепной горшок, в ногах лежали локтевая, пястная кости и фаланга юноши пятнадцати-шестнадцати лет. Могила разделена по центру тремя наклонными плитами. В северо-восточной части ямы найдены скелеты взрослой овцы и эмбриона ягненка, ориентированные головами на северо-запад (рис. 11, 2).

Могила 19 – пологая округлая каменная выкладка (диаметр 5 м; высота 0,25 м); в центре западина. Под выкладкой находилась могильная яма (глубина 0,9 м). На дне могилы обнаружено нарушенное погребение с бараном. Здесь в полном беспорядке лежали кости юноши четырнадцати-пятнадцати лет и молодой овцы, плечевая кость годовалого младенца, клинок железного ножа и железная пряжка.

Могила 28 – пологая кольцевая каменная выкладка (диаметр 5 м; высота 0,2 м); в центре западина (глубина 0,2 м). Под выкладкой выявлено несколько захоронений. В центре располагалась могильная яма, ориентированная длинной осью по линии север-юг. В западной части ямы, на уступе, на глубине 1 м, лежал скелет мужчины восемнадцати лет. Он покоился вытянуто на спине, головой на север. Верхняя часть скелета нарушена, кости смещены. У правого плеча найден железный нож, у левого колена – три железных наконечника, два из которых со свистунками. Они лежали остриями в сторону ступней человека. Уступ отделен от восточной

части ямы перегородкой из каменных плит, нарушенной грабителями. В восточной части дна ямы, на глубине 1,3 м, находился скелет коня: на животе, с подогнутыми ногами, головой на север. Череп и шейные позвонки животного смещены и разбросаны, а по бокам скелета обнаружены железные стремена. Между скелетами человека и коня найдены кости двух овец от тринадцати кусков мяса (рис. 11, 4).

Могила 32 – пологая кольцевая каменная выкладка (диаметр 2,5 м; высота не отмечена). Под ней располагалась могильная яма. На уступе ямы, на глубине 1 м, найден скелет подростка двенадцати лет, покоившегося на спине, головой на юго-запад. Уступ отделен от ямы массивной вертикальной каменной плитой. На дне могилы, на глубине 1,3 м, обнаружен скелет старой овцы, ориентированной головой на юго-запад. Рядом с ним стоял лепной горшок, лежали кости двух овец, лопатка коровы, два поясничных позвонка и ребро лошади. На лопатке коровы найден черешковый железный нож.

Могила 36 находилась под насыпью могилы 28, в северо-восточной части кургана. Могильная яма имела глубину 0,9 м. На дне могилы, в юго-западной части найден скелет младенца двух лет, покоившегося на спине, головой на северо-запад. В центре могилы обнаружены каменные плиты разделительной стенки. В северо-восточной части могилы лежал скелет овцы, ориентированный головой на северо-запад (рис. 11, 3).

Могила 50. Надмогильное сооружение не прослеживается. Могильная яма ориентированная длинной осью по линии юго-запад-запад – северо-восток-восток, разделена по центру стенкой из массивных наклонных плит. На уступе ямы, на глубине 0,9 м, в юго-восточной части лежал скелет барана головой на юго-запад-запад. На дне ямы, на глубине 1 м, в северо-западной части найден скелет ребенка четырех лет, покоившегося на спине, головой на северо-восток-восток. В головах стоял лепной горшок (рис. 11, 5).

Могила 67. Надмогильное сооружение снесено подъемом воды в водохранилище. Под завалом каменных плит обнаружено захоронение с конем. На дне могильной ямы найден скелет взрослого мужчины пятидесятишестидесяти лет, покоившегося вытянуто на спине, головой на север – северо-восток. У погребенного полностью отсутствуют зубы и атрофирована верхняя челюсть. Нос был сломан ударом справа рубящим оружием. На левой голени есть заросший перелом (около мышелка). На берцовых и таранной костях левой ноги экзостозы. Сустав работал, но площадка была сточена до зеркального блеска. Погребенный сильно хромал на левую ногу. На поясничных позвонках также экзостозы. Третий и четвертый позвонки полностью срослись⁷⁷. Под нижней челюстью, у шейных позвонков, лежала костяная пронизка. Между бедренными костями найдены железная пряжка, железное кольцо и железный нож. Вдоль правой ноги обнаружены остатки берестяного колчана. Железные трехлопастные наконечники стрел лежали поверх кисти правой руки. Близ колена найдены железные накладки, на правой бедренной кости – железный крюк от колчана. Поверх обрывков берестяного приемника колчана лежали две срединные боковые костяные накладки лука. У левой руки была костяная цурка – застежка от пут, у плеча – кости овец: тазовая, две большие берцовые, бедренная, астрагал. С левой стороны от погребенного (на одном уровне с ним) находился скелет молодой необъезженной кобылы⁷⁸. Животное лежало на животе, с подогнутыми ногами, головой на юг – юго-запад. Голова была повернута в сторону погребенного. С правого бока лошади находилось двенадцать ребер. Вероятно, под потник седла был положен кусок конины с пятью ребрами. С правой стороны на ребрах найдена костяная подпружная пряжка, под ребрами – железное стремя, с левой стороны – железная пряжка и тесло. В зубах лошади находились железные удила. Под костями задней правой ноги обнаружен обломанный черешковый клинок палаша или кинжала⁷⁹ (рис. 12).

Могильник Георгиевская III. Раскопан Э.Б. Вадецкой в 1971 г.⁸⁰ Расположен на горе Георгиевской, в долине р. Тубы у с. Тесь. На памятнике обнаружено одно погребение с конем.

Могила – пологая, округлая, сильно задернованная выкладка (диаметр 5 м; высота не отмечена). Под выкладкой располагалась могильная яма овальной формы (площадь 2 – 1,2 м; глубина 1,6 м), ориентированная длинной осью по линии запад-восток. Вдоль северной стенки ямы находился подбой (ширина 0,3 – 0,45 м). В заполнении могильной ямы найдены в беспорядке кости скелета человека и коня, костяные концевые накладки лука, обломки железных предметов. В подбое, в северо-восточном углу, обнаружены костяные накладки на горловину и приемник колчана. Под ними были кости голени и стопы взрослого человека. Судя по положению костей, погребенный был ориентирован головой на запад. Вероятно, он был помещен в подбой, а лошадь – на дно ямы, вдоль южной стенки.

Могильник Красный Яр V. Раскопан Э.Б. Вадецкой в 1972 г.⁸¹ Памятник расположен на левом берегу р. Енисей, под горой Оглахты. На памятнике обнаружено одно погребение с двумя лошадьми.

Могила – пологая, сильно задернованная западина (диаметр 3 м; глубина 0,1 м). Размеры ямы не прослеживаются. В заполнении могилы встречены кости скелета человека и “в большом количестве” кости двух лошадей и двух овец, фрагменты лепного сосуда и срединная боковая накладка лука. На глубине 0,7 м найдено перекрытие из плотного слоя каменных плит. На дне ямы, на глубине 1,25 м, обнаружены кости ребенка восьми-десяти лет. Судя по положению тазобедренных костей, погребенный был ориентирован головой на запад.

Вероятно, в грунтовой могиле находилось полностью разграбленное впускное погребение с двумя лошадьми и мясом двух овец.

Могильник Терен-Кель. Раскапывался Ю.С. Худяковым в 1977 – 1987 гг.⁸² Памятник расположен на седловине под горой Ермилова, в 0,5 км к западу от сухого оз. Терен-Кель, в 8 км от с. Когунек. На могильнике обнаружено два погребения с конем (рис. 13).

Курган 14 – пологая, кольцевая, слабо задернованная насыпь из каменных плит (диаметр 3 м; высота 0,1 м) (рис. 14, 15). В центре насыпи была пологая западина. Под насыпью обнаружена овальная могильная яма (площадь 2 – 1,5 м), ориентированная длинной осью по линии запад-восток. В северной части могильной ямы, на уступе, на глубине 0,96 м, находился скелет взрослого мужчины. Он лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп погребенного был наклонен в сторону грудной клетки. Под черепом располагалась каменная плитка – “подушка”. Руки были согнуты в локтях, кисти находились в области таза. Обе ноги были несколько сдвинуты ступнями в южную сторону могилы. У правой плечевой кости погребенного лежала берцовая кость и фаланга барана. На тазовых костях найдены сильно корродированные железные накладки. Обломки железных накладок лежали вдоль левой плечевой кости, под тазовыми и бедренными костями. Южнее погребения, между уступом и подбоем, располагалась грунтовая перемычка. В южной части ямы находился подбой (глубина 1,18 м), на дне которого найден скелет коня. Он лежал на животе, с подогнутыми ногами, головой на запад. Шея коня была неестественно изогнута (чтобы уместилась в подбое). В зубах коня находились двусоставные железные удила с костяными псалиями. На одном из ребер левого бока животного лежало железное кольцо, а рядом с черепом – несколько обломков бараньих костей. На возвышении перемычки, между скелетами человека и коня, найден берестяной колчан открытого типа (с карманом) и верхняя часть приемника, горловина и карман которого были украшены костяными накладками с циркульным орнаментом. Над горловиной лежали трехлопастные железные наконечники стрел с костяными свистунками. На приемнике был пластинчатый железный колчаный крюк. Рядом с приемником лежали железные накладки. Под колчаном обнаружено железное стремя (рис. 16). Рядом находилась ямка с костями животных (рис. 17, 18).

Курган 15 – пологая, интенсивно задернованная каменная насыпь (диаметр 6 м; высота 0,1 м). В центре насыпи обнаружена пологая западина, вокруг которой наклонно установлены массивные каменные плиты (рис. 19). Под насыпью находилась могильная яма овальной формы, ориентированная длинной осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. На дне ямы располагалось нарушенное погребение взрослого человека с конем. Здесь в полном беспорядке лежали нижняя челюсть, тазовые, бедренные и берцовые кости, ребра, позвонки, фаланги, зубы человека; череп, позвонки, ребра, бедренные, тазовые кости лошади (рис. 20). Среди костей найдено несколько обломков железных и бронзовых предметов. В заполнении могилы встречались кости человека, коня, срединная боковая накладка лука. Дно могилы неровное, по южной и восточной сторонам ямы есть выходы скальной породы. Первоначальное положение погребенного и коня не установлено.

Могильник Усть-Тесь. Раскопан С.В. Киселевым в 1928 г.⁸³ Памятник расположен на склоне широко-го лога на левом берегу протоки р. Тубы, к югу от заимки Усть-Тесь. На памятнике обнаружено одно погребение с конем⁸⁴.

Кольцо 2 – пологая кольцевая каменная насыпь (диаметр 4,5 м; высота 0,5 м). По представлениям С.В. Киселева, насыпь сооружалась на так называемом “фундаменте” из обломков плитняка, заполнявших специально вырытую канаву. В центре кургана, на уровне горизонта, находилась яма (площадь 2 × 2 м; глубина 1,3 м). На дне ямы, вдоль северо-северо-западной стенки, располагался скелет взрослого человека, покоившегося вытянуто на спине, головой на запад – юго-запад. В его головах стояла ваза, по форме и орнаментации похожая на кыргызскую, но с более широкой горловиной и из другого керамического теста. В области таза найдена железная пряжка с квадратной рамкой. Вдоль правой руки погребенного лежали кости трех баранов, разрубленных на куски. Вдоль юго-юго-восточной стенки располагался скелет коня: на животе, с подогнутыми ногами, головой на запад – юго-запад. Голова была повернута в сторону погребенного. В зубах у лошади были обломки двусоставных железных удили с костяными псалиями, на спине – остатки деревянного остова седла с железными оковками, костяная пряжка и накладка, под правым боком – железное стремя. Между крупом коня и стенкой могильной ямы обнаружена задняя правая нога барана, под черепом и шейными позвонками – кости передней ноги коровы⁸⁵ (рис. 21).

Могильник Уйбат II. Раскопан С.В. Киселевым в 1938 г.⁸⁶ Памятник расположен в Уйбатской степи, в 1,5 км от Уйбатского чаа-таса. На памятнике было вскрыто два погребения с конем.

Курган 1 – плоская округлая каменная насыпь (размеры не отмечены). Под насыпью, по мнению Л.А. Евтюховой, находились “двойные могилы”⁸⁷ (размеры не отмечены). Скелет коня находился на уступе могильной ямы. Животное располагалось на животе, с подогнутыми ногами, головой на запад. Череп и шейные позвонки были прислонены к массивной каменной плите. На спинном хребте найдены остатки истлевшего

деревянного остова седла. По бокам обнаружены железные стремена с округлой петлей и полукруглой подножкой. На костях скелета обнаружены костяные подпружные пряжки и костьюлек. Вдоль правой задней ноги лошади лежала кость бараньей ноги. Уступ могильной ямы был отделен от подбоя грунтовой перемышкой (высота 0,2 м). Камера подбоя несколько смещена по отношению к уступу в восточном направлении. Положение подбоя по отношению к уступу у Л.А. Евтюховой указано “несколько ниже”⁸⁸. У С.В. Киселева отмечено, что “покойники лежали в подбоях под северной стенкой, несколько выше коня”⁸⁹. Погребенный находился вытянуто на спине, головой на запад. Под черепом обнаружена каменная плита – “подушка”. Вдоль правого бока лежал берестяной колчан открытого типа (с карманом). Горловина, верхняя часть приемника и карман колчана были украшены орнаментированными костяными накладками⁹⁰. На кармане обнаружены плоские железные наконечники стрел ромбической формы. Поверх колчана был положен лук. От него сохранились парные концевые боковые накладки на оба конца киби и срединные боковые накладки. Под колчаном найдены железный нож и несколько костей передней части барана (рис. 22).

Курган 2 – плоская округлая каменная насыпь (размеры не отмечены). Под насыпью была могила с уступом, перемышкой и подбоем. Погребение человека и коня “совершенно ограблено”. Кости смещены. Среди них найдены обрывки бересты от колчана и несколько фрагментов берестяного изделия “с резным орнаментом в виде заключенных в овалы растительных узоров из широких лепестков с заштрихованным фоном”⁹¹.

Могильник Капчалы II. Раскапывался В.П. Левашовой в 1935 - 1936 гг.⁹² Памятник расположен в окрестностях поселка Капчальского баритового рудника. На памятнике обнаружено девять погребений с конем и три – с бараном. Материалы раскопок были изданы в обобщенном виде, включая погребения по обрядам трупопожжения и одиночной ингумации, поскольку В.П. Левашова все эти виды захоронений считала кыргызскими⁹³. При выделении из всего массива собственно древнетюркских памятников их суммарная характеристика будет выглядеть иначе.

Курган 1 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 4 м; высота 0,35 м). Под насыпью, в центре кургана, располагалась могильная яма (площадь 1,9 × 1,4 м; глубина 1,1 м), ориентированная длинной осью по линии юго-восток-восток – северо-запад-запад. На дне ямы, в юго-западной части, обнаружен скелет взрослого мужчины, покоившегося вытянуто на спине, головой на юго-восток⁹⁴. В центре могилы лежал скелет коня на правом боку, головой на юго-восток – восток. В могиле найдена костяная накладка лука и железные удила.

Курган 2 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 4,5 м; высота 0,3 м). Под насыпью, в центре кургана, находилась могильная яма (площадь 2,4 × 2 м; глубина 1 м), ориентированная длинной осью по линии запад-восток. На дне ямы, в южной части, находился скелет взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на запад. В северной части ямы обнаружен скелет коня, уложенного на живот, с подогнутыми ногами, головой на запад. В погребении найден обломок ножа, три наконечника стрелы и костяная свистунка, обрывки берестяного колчана, костяные накладки лука, железные накладки пояса. Левая голень погребенного была “обернута берестой”⁹⁵. У черепа лежали кости барана. На костях лошади найдены удила, одно железное стремя, обломки истлевшего деревянного остова седла, железная накладка и крючок. Среди находок из курганной группы Капчалы II к кургану 2 отнесены: бронзовый наконечник ремня, четыре железные накладки (в том числе три бляшки-оправы), три трехлопастных железных наконечника стрелы (один со свистункой), срединная боковая костяная накладка лука, железный пластинчатый колчаный крюк, костяная подпружная пряжка⁹⁶ (рис. 23, 1).

Курган 3 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 4 м; высота 0,4 м). Под насыпью, в центре кургана, находилась могильная яма (площадь 2,6 × 2,4 м; глубина 0,7 м), ориентированная длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. На дне ямы, в юго-восточной части, кости скелета погребенного отсутствовали. В северо-западной части ямы обнаружен скелет коня, уложенного в могилу на живот, головой на юго-запад. В могиле найдены керамический сосуд, железные бляшки пояса с бронзовым наконечником ремня, кости барана и коровы, остатки берестяного колчана с железными наконечниками стрел. По мнению В.П. Левашовой, тело погребенного было вынуто из могилы грабителями еще до разложения мягких тканей. Она считает, что это было богатое захоронение⁹⁷. Однако нельзя исключить, что это кенотаф. Среди находок названы “кельт-озуп” – тесло, наконечники стрел, железные поясные накладки, бронзовый наконечник ремня, две железные пряжки, железная сбруйная накладка, удила, два стремена, костяная застежка, костяная “рукоятка”, керамический сосуд⁹⁸. Однако на рисунке В.П. Левашовой показаны только “костяная рукоятка железного орудия”, тесло, удила, сосуд и стремена⁹⁹.

Курган 8 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 4,1 м; высота 0,2 м). Под насыпью, в юго-западной части кургана, находилась могильная яма (площадь 2,8 × 2,25 м; глубина 1,25 м), ориентированная длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. На дне могилы, в юго-западной части, находилось погребение мужчины, покоившегося вытянуто на спине, головой на северо-запад. У левого бедра погребенного находилось

тесло. При нем были также нож, обломок кинжала, берестяной колчан со стрелами, костяные накладки лука, железные поясные накладки. На скелете коня найдена костяная пряжка, обломки железных сбруйных накладок, удила, два стремени. У локтевого сустава и черепа погребенного лежали кости барана. В статье В.П. Левашовой¹⁰⁰ дан чертеж захоронения и рисунок наконечника стрелы (рис. 23, 2).

Курган 10 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 2 м; высота 0,15 м). Под насыпью располагалась могильная яма (форма и размеры не определены; глубина 0,35 м). В северо-западной части ямы обнаружено погребение ребенка, покоившегося на спине, головой на юго-запад. В юго-восточной части ямы лежал скелет барана на левом боку, головой на северо-запад.

Курган 11 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 5 м; высота 0,18 м). Под насыпью, на горизонте, располагалось погребение по обряду трупосожжения и захоронение ребенка. Могильная яма (площадь 2,7 × 2 м; глубина 1,1 м) находилась в северной части кургана. Она ориентирована длинной осью по линии юго-запад-запад – северо-восток-восток. В северной части ямы, на дне, располагалось погребение взрослого мужчины, покоившегося вытянуто на спине, головой на запад. В южной части ямы на правом боку лежал скелет коня, ориентированный головой на запад. В области пояса погребенного найдена железная пряжка, слева от скелета – нож, справа – кинжал. У черепа лежала серьга и керамический сосуд, у пояса – пинцет. На скелете коня найдены железная сбруйная бляшка, удила два стремени. У черепа погребенного лежали кости барана. В статье В.П. Левашовой приведен чертеж погребения, рисунки серьги, пряжки, ножа и кинжала, пинцета, удила и стремени¹⁰⁰ (рис. 23, 3).

Курган 12 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 3,5 м; высота не отмечена). Под насыпью, в восточной части кургана, находилась могильная яма (площадь 2,5 × 1,7 м; глубина 1,15 м), ориентированная длинной осью по линии запад-восток. В северо-западной части могильной ямы обнаружено погребение мужчины, покоившегося на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад. В юго-восточной части могильной ямы найден скелет коня, уложенного на живот, головой на юго-запад. При погребенном были нож, оковка ножен и керамический сосуд. На скелете коня найдена костяная подпружная пряжка, удила и одно стремя.

Курган 13 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 4 м; высота 0,25 м). Под насыпью, в центре, находилась могильная яма (площадь 2,6 × 2,1 м; глубина 1,66 м), ориентированная длинной осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. В юго-западной части ямы обнаружено гробовище “из двух прямоугольных деревянных рам (нижней и верхней), обтянутых берестой”. В нем “лежали в нарушенном виде плохо сохранившиеся кости человеческого скелета. Судя по положению костей ног и размеру гроба, можно считать, что покойник лежал в нем вытянуто” на спине, головой на юго-восток¹⁰¹ “Кости коня, положенного рядом с гробом, оказались разбросанными по всей могиле”¹⁰². Судя по чертежу погребения, конь был уложен на живот, с подогнутыми ногами, а его голова повернута в сторону гробовища. Конь был ориентирован головой на северо-запад, т.е. в противоположную от погребенного сторону¹⁰³. Внутри гробовища найдены обломки железного ножа, тесло, обрывки берестяного колчана, железный наконечник стрелы и обломки древков стрел. В таблице В.П. Левашовой указаны еще кинжал и железные поясные украшения¹⁰⁴. В зубах у лошади были железные удила, среди костей – железные сбруйные бляшки. В таблице указаны также две железные пряжки и два стремени¹⁰⁵. Рядом с черепом коня лежали кости овцы.

Курган 17 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 1,6 м; высота 0,1 м). Под насыпью, в центре кургана, находилась могильная яма (площадь 1,3 × 1,15 м; глубина 0,36 м), ориентированная длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. В северо-западной части ямы, на дне могилы, обнаружено погребение ребенка, который лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. В юго-восточной части ямы найден скелет барана, уложенного на живот, головой на юго-запад (рис. 24, 1).

Курган 19 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 2,3 м; высота 0,2 м). В насыпи найдены обломки костей и четыре железных бляшки. Под насыпью, в центре кургана, находилась могильная яма (площадь 2,2 × 1,3 м; глубина 1 м), ориентированная длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. В северо-западной части могильной ямы находилось погребение мужчины, покоившегося вытянуто на спине, головой на юго-запад. В юго-восточной части ямы обнаружен скелет коня, уложенного на живот, головой на юго-запад. При погребенном у правого плеча найден железный нож, в области пояса – железные накладки, кресало и танская монета. На скелете лошади лежали удила и два стремени. Под костями скелета найден железный наконечник стрелы. В могиле обнаружена костяная застежка от пут. У черепа и бедренной кости погребенного лежали кости овцы.

Курган 20 – пологая округлая каменная насыпь (диаметр 3,6 м; высота 1,6 м). Под насыпью, в центре кургана, находилась могильная яма (площадь 2 × 1,5 м; глубина 0,62 м), ориентированная длинной осью по линии запад-восток. В северной части ямы находилось погребение взрослого мужчины, покоившегося вытянуто на спине, головой на запад. В южной части могилы обнаружен скелет лошади, уложенный на живот, головой

на запад. При погребенном найден железный нож, железный крючок, а у левого плеча стоял керамический сосуд. На костях лошади лежали костяная пряжка, удила и два стремени.

Курган 22 – пологая округлая насыпь (диаметр 4 м; высота 0,2 м). Под насыпью, в центре кургана, находилась могильная яма (площадь $1,9 \times 1,3$ м; глубина 0,9 м), длинной осью ориентированная по линии запад-восток. В северной части ямы, на дне, обнаружен скелет женщины, покоившейся вытянуто на спине, головой на запад. В южной части могилы найден скелет барана, уложенного на живот, головой на запад. В таблице В.П. Левашовой не указан, но на чертеже изображен керамический сосуд, который стоял между черепами погребенной и барана¹⁰⁶ (рис. 24, 2).

Несмотря на некоторую неполноту описания, наличие отдельных несоответствий между текстом, рисунками и таблицей, публикация памятника Капчалы II содержит весьма информативный материал по древнетюркским погребениям с конем и бараном. Краткое описание и отдельные находки из этого памятника опубликованы Л.А. Евтюховой¹⁰⁷.

Могильник Ибыргыс-Кисте. Раскапывался Ю.С. Худяковым в 1983 г.¹⁰⁸ Памятник расположен на левом берегу р. Ут, в долине между гор, на правобережье р. Абакан. На памятнике обнаружено четыре кургана с захоронениями в сопровождении коня. Они располагались в один ряд по линии северо-запад – юго-восток (рис. 25).

Курган 2 – пологая, интенсивно задернованная кольцевая насыпь из каменных плит с западиной в центре (диаметр 5 м; высота 0,1 м) (рис. 26). Под насыпью, в центре кургана, обнаружена могильная яма подквадратной формы (площадь $2,4 \times 2,5$ м; глубина до уровня уступа 1,2 м, а до уровня дна могильной ямы 1,48 м). Яма ориентирована длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. В центре ямы, в заполнении, обнаружен обугленный деревянный столб. На уступе могильной ямы найден скелет коня, уложенного на живот, с подогнутыми ногами, головой на юго-запад. Голова животного была повернута в сторону погребенной, в зубах – железные удила. Вдоль северо-западной стенки могильной ямы располагалось погребение взрослой женщины, покоившейся вытянуто на спине, головой на юго-запад. С левой стороны у ее черепа лежала металлическая серьга с остатками высохших тканей уха. Вторая серьга, подвеска и остатки высохших тканей уха находились между бедренных костей. В ногах найдено два железных стремени с кольцевой и пластинчатой петлями и пластинчатыми подножками, а также железная подпружная пряжка. Вероятно, в ногах стояло седло, снятое с лошади. У правой ноги погребенной лежали кости овцы: череп, конечности и тазовая кость (рис. 27).

Курган 3 – пологая, интенсивно задернованная кольцевая насыпь из каменных плит с западиной в центре (диаметр 6,5 м; высота 0,1 м) (рис. 28). Под насыпью, в западной части кургана, обнаружена могильная яма неправильной овальной формы, с выступом в южной части (площадь $3,8 \times 2,2$ м; глубина до уровня уступа 1,2 м, а до уровня дна 1,6 м). В восточной части кургана была неглубокая овальная ямка (площадь $1,6 \times 0,9$ м; глубина 0,5 м). Могильная яма ориентирована длинной осью по линии север-северо-восток – юг-юго-запад, а ямка – по линии север – юг. Ямка заполнена костями скелета коня: ребрами, позвонками, конечностями, тазовыми костями. На уступе могильной ямы найден скелет коня, уложенного на живот, с подогнутыми ногами, головой на юго-запад. Череп животного повернут в сторону погребенного. В северо-восточной части уступа лежали череп второго коня, берцовые кости и фаланги коня и череп овцы. Вдоль северо-западной стенки на дне могильной ямы, взрослого мужчины покоившегося вытянуто на спине, головой на юго-запад. Часть фаланг кистей и ступней погребенного смещены. В области его черепа найдены стеклянные бусины, вдоль левой руки лежал берестяной колчан без стрел, а в области пояса – железные накладки пояса с бронзовой инкрустацией, остатки ремня и черного шелкового халата, железный кинжал. У бедренной кости обнаружено тесло, у правого колена – остатки сильно корродированного железного предмета, а близ правой ступни – остатки сильно истлевшего деревянного предмета. В ногах лежала берцовая кость овцы и копыто коня (рис. 29).

Курган 4 – пологая, интенсивно задернованная кольцевая насыпь из каменных плит с западиной в центре (диаметр 6 м; высота 0,1 м) (рис. 30). Под насыпью, в центре кургана, обнаружена ямка (диаметр 1,5 м; глубина 1 м). В ямке найден развал костей лошади: позвонки, ребра, лопатки, кости конечностей. Ямка частично перекрывала могильную яму неправильной формы (площадь $2,9 \times 2,5$ м; глубина до уровня уступа 1,4 м, а до уровня дна могилы 1,8 м). Яма ориентирована длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. На уступе находился скелет коня, уложенного на живот, с подогнутыми ногами, головой на юго-запад. Голова животного повернута в сторону погребенного. В зубах коня были железные удила, на черепе – кожаная узда с бронзовыми накладками, в области шеи – остатки кожи с гривой. Рядом лежал череп второго коня, в теменной части которого пробито сквозное отверстие. На костях крупы первого коня находились в беспорядке ребра, берцовые кости, фаланги второго коня и череп овцы. Вдоль уступа обнаружен ряд наклонно стоящих бревен, отделявших уступ от дна могильной ямы. Уступ и дно смещены относительно друг друга по длинной оси могилы. На дне

могилы найден скелет взрослого мужчины, покоившегося вытянуто на спине, головой на юго-запад. Поверх скелета был положен палаш в деревянных ножнах, обернутых полоской бересты, а вдоль правой ноги – берестяной колчан с карманом, внутри которого находились стрелы с железными наконечниками. Поверх колчана и правой руки погребенного лежали обрывки ремней портупей с бронзовыми бляшками и пряжками. Железный колчаный крюк найден между бедренных костей погребенного, на левой бедренной кости – железная пластина, а рядом – железный черешковый кинжал. На грудных позвонках человека лежала бронзовая бляшка. В области таза и левого локтя обнаружены фрагменты сильно корродированных железных предметов. Вдоль правой ноги, между бедренной костью и колчаном, лежали обломки деревянной палочки (вероятно, рукоятки плети). У правой ноги найдены также два железных стремени, железные и бронзовые пряжки, бляшки с обрывками седельных ремней. Поверх ступней погребенного лежали кости ноги овцы (рис. 31).

Курган 5 – пологая, интенсивно задернованная кольцевая насыпь из каменных плит с западиной в центре (диаметр 5 м; высота 0,1) (рис. 32). Под насыпью, в центре кургана, находилась могильная яма неправильной формы (площадь 2,6 × 1,2 м; глубина на уровне уступа 1,2 м, а на уровне дна ямы 1,6 м). Яма ориентирована длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. На уступе обнаружен скелет коня, уложенного на спину, с торчащими вверх костями конечностей и запрокинутой головой. Голова ориентирована на юго-запад и повернута в сторону погребенной. Под тазовыми костями коня лежал череп овцы. Вдоль ребер, по краю уступа найдены бронзовые бляшки. На дне могилы обнаружен скелет взрослой женщины, покоившейся вытянуто на спине, головой на юго-запад. У ее черепа найдены стеклянные бусы. Вдоль правой руки и ноги погребенной лежали остатки сбруи: бронзовые накладки, бляшки, железные удила, костяная подпружная пряжка, обрывки ремней, начельник. В ногах обнаружены обрывки ремней с бронзовыми накладками, близ левой голени – истлевший обломок деревянного изделия (вероятно, остов седла), а под черепом – серьга с подвеской в виде бубенчика¹⁰⁹ (рис. 33).

Материалы раскопок погребений с конем на нескольких памятниках, исследовавшихся в 1980 – 1990-х гг., пока не введены в научный оборот в полном объеме.

Абаканский чаа-гас раскапывался Л.Р. и И.Л. Кызласовыми в 1974, 1982 и 1983 гг.¹¹⁰ Памятник расположен на левом берегу р. Абакан, в 49 км от г. Абакан. На памятнике исследовано несколько погребений с конем.

В 1982 г. были изучены “две могилы тюрок IX – X вв.” “В одну тюркскую могилу конь был положен свернутым в кольцо (голова подтянута к крупу), к востоку от другой (детской) могилы была установлена стела”¹¹¹. В 1983 г. раскопан курган IX – X вв., в котором «был погребен воин-тюрк с полным снаряжением и “кыргызской” вазой, в сопровождении коня». К этому кургану были пристроены детские курганчики, в одном из которых погребен ребенок “с полной тушей козла”¹¹².

Могильник Белый Яр II раскапывался в 1989 – 1994 гг. А.И. Поселяниным¹¹³. Памятник расположен на вершине возвышенности, на правом берегу р. Абакан, в 5 км от с. Белый Яр. На памятнике исследовано несколько погребений с конем и бараном. В раскопанных курганах обнаружено несколько могил с погребениями, совершенными по разным обрядам.

В **кургане 1** вскрыто 3 погребения с конем.

В **кургане 4** раскопано одно погребение с конем, одно погребение подростка с бараном и три кенотафа, в одном из которых найдены кости коня.

В **кургане 6** обнаружено одно погребение.

В **кургане 7** было несколько могил, в том числе погребение с конем и парное погребение двух женщин с двумя лошадьми. В этой могиле скелеты лошадей лежали на животе на уступе вдоль северо-восточной стенки. Ноги животных были подогнуты, головы повернуты на северо-запад. При них найдены удила с кольчатыми или роговыми стержневыми псалиями, сбруйные бляшки, роговые накладки седел и по одному стремени.

Погребенные женщины лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. Одна из них была погребена с младенцем. В головах у них были поставлены сосуды и лежали кости овцы. У одной из погребенных найдены железный нож и шило¹¹⁴. Материалы раскопок могильника полностью опубликованы.

Могильник Маркелов Мыс I раскапывался Ю.В. Тетериным в 1988 – 1998 гг.¹¹⁵ Расположен он у горы Маркелов Мыс, в 1 км от левого берега Красноярского водохранилища, в 7 км к северу от с. Новоселово. На памятнике обнаружено 28 древнетюркских погребений.

Из них лишь материалы нескольких захоронений введены в научный оборот. В работах О.А. Митько и Ю.В. Тетерина выделены признаки, характеризующие некоторые тюркские памятники Среднего Енисея, в том числе могильник Маркелов Мыс I. Среди них “сотовое” расположение курганов, насыпи которых вплотную примыкают друг к другу, наличие крепид по периметру насыпей, ямы с подбоем и без него, наличие сопроводительных захоронений под одной насыпью, совершенных по разным погребальным обрядам, использование огня при погребении в могильной яме¹¹⁶. Подобных захоронений на могильнике исследовано семь¹¹⁷.

В особый вид памятников Ю.В. Тетерин выделил *курган 21*. Это объясняется сложностью конструкции надмогильного сооружения и наличием ценных предметов в составе инвентаря. В основе конструкции надмогильного сооружения – стена из горизонтально уложенных каменных плит (ширина 2 – 3 м; высота 0,5 – 0,8 м). С северо-западной внешней стороны стена была расширена вертикально и наклонно поставленными плитами. Под ними было обнаружено два сопроводительных захоронения по обряду кремации. Поверхность внутри стены ограды заполнена мелкими плитами. Внутри ограды находилась могильная яма (площадь 2,5 × 1,4 м; глубина 0,8 м). Погребение было ограблено. Судя по расположению костей правой ноги, погребенный лежал на спине вдоль северной стенки ямы головой на запад – северо-запад. У восточной стенки сохранились нетронутыми кости крупа коня, кости овцы и коровы. У западной стенки ямы стоял обломанный сосуд и лежали кости черепа и нижней челюсти овцы. В заполнении могилы найдена железная пряжка и скоба, серебряный наконечник и бляха-оправа от поясного ремня, украшенные растительным орнаментом, а также фрагменты сосуда. К стене ограды кургана были пристроены три выкладки с захоронениями по обряду кремации или без погребений¹¹⁸.

В *курганах 2, 3 и 5* также была зафиксирована стена-крепида подпрямоугольной формы мощностью в 1 – 5 слоев. Под насыпями находились могильные ямы (глубина до 1 м). На уступах могил, вдоль северной стенки ямы, лежали скелеты погребенных, на дне ям – скелеты коня или барана. В кургане 2 погребение было разрушено грабителями. В кургане 3 частично сохранилось захоронение подростка, барана и козла. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. В кургане 5 погребенный мужчина покоем вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп и шейные позвонки коня и верхняя часть скелета этого погребенного были обожжены. В могилах найдены остатки заупокойной пищи, сосуды, железные предметы пояса и сбруи, колчан со стрелами¹¹⁹.

Могильник Маркелов Мыс II раскапывался О.А. Митько в 1988 – 1998 гг.¹²⁰ Памятник расположен на пологом увале к юго-западу от горы Маркелов Мыс, на левом берегу Красноярского водохранилища, в шести километрах к северу от с. Новоселово. На памятнике найдено несколько погребений с конем или бараном.

В *курганах 7, 9, 10 и 11* под насыпями с крепидами в один-два слоя камней, находились могильные ямы, в которых обнаружены погребения взрослых людей с лошадьми и подростков с баранами. В *кургане 10* тела человека и коня были обожжены в могильной яме. В могилах найдены остатки луков, наконечники стрел, удила, стремяна, тесла, ножи, пряжки и бляшки от ремней, сосуды.

Курган 34 выделялся наличием прямоугольной ограды, стена которой имела ширину 2 м и высоту 0,7 м. Она была сложена из плит. Могила вырублена в скале (глубина 0,7 м). Погребение разграблено, но удалось установить, что погребенный человек и конь были ориентированы головами на запад. Из инвентаря сохранились серебряные и бронзовые поясные накладки, серебряная ручка сосуда, железные ножи, пряжки и кольца¹²¹.

На трех памятниках на юге Минусинской котловины и в Ачинско-Марининской лесостепи обнаружены и исследованы погребения с конем, впускные в земляные насыпи курганов тагарской культуры. Эти материалы полностью проанализированы и опубликованы исследователями.

Могильник Сабинка I раскапывался Е.Д. Паульсом в 1982 г.¹²² Памятник расположен в открытой степи, в 3 км к востоку от с. Сабинка, в 1,5 км к северо-западу от с. Новокурское. В земляных насыпях двух тагарских курганов исследованы три захоронения с лошадьми.

В *кургане 1* могилы 2 и 4 располагались в юго-восточной и южной частях насыпи, в могильных ямах с подбоями. Погребенные покоились в подбоях вытянуто на спине, головами на юго-запад. В могиле 2 конь лежал на левом боку, головой на юго-запад. От подбоя он был отделен деревянной перегородкой. У крупа коня найдены череп и кости ног овцы. В могиле обнаружены колчан со стрелами, накладки лука, нож, тесло, кочедык, кремь, удила, стремяна, поясной набор, пряжки, бляшки, кресало. В могиле 4 конь был уложен на живот, с подогнутыми ногами, головой на юго-запад (повернута в сторону погребенного). В могиле найдены бронзовые серьги, колчан со стрелами, накладки лука, кочедык, удила, стремяна, тесло, железные пряжки и бляшки.

В *кургане 2* могила 2 располагалась у юго-восточного угла ограды. Погребенный покоем в подбое вытянуто на спине, головой на юго-запад. Скелет коня лежал на уступе, за перегородкой, на левом боку, головой на юго-запад. В могиле найдены серьги, накладки лука, наконечники стрел, нож, тесло, пояс с бляшками, удила, костяная пряжка, остатки берестяного сосуда. В ногах погребенного лежали череп и кости овцы¹²³.

Могильник Кирбинский Лог раскапывался П.Г. Павловым в 1988 г.¹²⁴ Расположен в открытой степи в 4 км к северо-востоку от с. Новокурское. В земляных насыпях двух из шести курганов тагарской культуры были раскопаны два погребения с конем.

В *кургане 3* могила 1 находилась в юго-восточной части насыпи. Погребенный покоем в подбое, закрытом деревянными плашками, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Скелет коня лежал на уступе на правом

боку, головой на юго-запад, частично перекрывая вход в подбой. У задних ног коня найдены кости овцы. С погребенным был положен колчан со стрелами, кожаной портупеей с бляшками, напильник, нож, тесло, бляшки поясного ремня, пряжка, фрагмент кожаной одежды. На лошади не было сбруи.

В кургане 5 могила 4 находилась в юго-западной части насыпи. Погребенный покоился в подбое вытянуто на спине, головой на юго-запад. Конь лежал на уступе на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на юго-запад. В центре могилы наклонно стоял деревянный столб. В головах погребенного и у задних ног лошади найдены кости и череп овцы. В могиле лежал берестяной колчан со стрелами, накладками лука, нож, кресало, остатки пояса с бронзовыми бляшками и сердцевидной подвеской. В зубах лошади обнаружено железное звено удила с роговой псалией¹²⁵.

Могильник Шестаково раскапывался в 1968 г. А.И. Мартыновым, Г.С. Мартыновой, А.М. Кулемзиным¹²⁶. Памятник располагался на верхней надпойменной террасе р. Кии, в 0,6 км к востоку от с. Шестаково. В земляной насыпи кургана лесостепной тагарской культуры было раскопано два погребения с конем.

В кургане 3 (рис. 34) в насыпи северной части от склепа, под каменным перекрытием было обнаружено погребение "А". Погребенный лежал вплотную к скелету коня вытянуто на спине, левая нога согнута в колене, голова ориентирована на юго-запад. Конь был уложен на живот, с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Левая задняя нога животного была вытянута. На костях скелета коня найдены железные удила, пряжки, стремя. При погребенном обнаружены накладки, лука, железные наконечники стрел, фрагменты меча и кинжала, бронзовые и посеребренные бляшки пояса, наконечник ремня, пила, кресало, тесло, остатки шелковой ткани (рис. 34, 1).

Погребение "Б" находилось в северо-восточной части насыпи. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Скелет коня находился вплотную к погребенному с северо-западной стороны. Животное было уложено на живот, с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. При погребенном найдены накладки лука, три наконечника стрелы, железная пряжка, фрагменты железного меча или кинжала, костяная пряжка и обломки железных предметов. Под костями коня обнаружены железное стремя, костяная пряжка, железное тесло. В зубах у лошади были железные удила¹²⁷.

Таким образом, в результате раскопок, проводившихся многими исследователями в различных районах Минусинской котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи, выявлено девятнадцать памятников, в которых обнаружено свыше семидесяти захоронений в сопровождении коня, барана или козла. Среди изученных памятников встречаются одиночные курганы, группы захоронений на древних и средневековых могильниках, впускные погребения в насыпи древних курганов и обособленные могильники. В ряде случаев под насыпями курганов вместе с захоронениями в сопровождении коня или барана встречались погребения по обряду кремации или одиночной ингумации. Погребальные памятники, относящиеся к культуре древних тюрков, рассредоточены по всей Минусинской котловине. Значительная их часть находится на севере котловины, на левом берегу Енисея и правобережье Чулыма. Ряд памятников располагается на правобережье Енисея и в долине р. Тубы. Отдельные памятники обнаружены в долине р. Абакан и на его притоках – Уйбате и Уте. На северной и южной периферии ареала распространения древнетюркских погребений с конем Среднего Енисея обнаружены впускные погребения в земляных насыпях курганов тагарской культуры¹²⁸.

Ареал распространения древнетюркских захоронений с конем или бараном значительно шире, чем ареал поминальных памятников древних тюрков в Минусинской котловине, а количество исследованных объектов намного больше.

Погребальные памятники древних тюрков на Среднем Енисее, при наличии некоторых общих элементов погребальной обрядности и инвентарном комплексе, существенно различаются между собой, что может служить основой для выделения в общем массиве объектов отдельных групп.

В последние годы полностью введены в научный оборот материалы раскопок памятника Белый Яр II и частично – памятников Маркелов Мыс I и II, Кек-Оба, Таштык, которые не могли быть учтены в полном объеме в данной монографии¹³¹.

Примечания

¹ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – С. 66.

² Миллер Г.Ф., Гмелин И.Г. Описание сибирского путешествия // Сибирские древности. Материалы по археологии России. – СПб., 1894. – Т. I, вып. 3. – С. 101 – 103.

³ Худяков Ю.С., Нестеров С.П. Группа погребений Ник-Хая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1984. – С. 138.

⁴ Нестеров С.П. Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 91, 92.

- ⁵ Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 55. Табл. II, 28 – 38.
- ⁶ Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык (по материалам раскопок С.А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 95 – 101.
- ⁷ Там же. – С. 101.
- ⁸ Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. – Минусинск, 1929. – Т. VI, вып. 2. – С. 146.
- ⁹ Там же. – С. 154.
- ¹⁰ Там же. – С. 155.
- ¹¹ Там же. – С. 156.
- ¹² Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. – М., 1952. – № 24. – С. 129 – 136.
- ¹³ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – С. 60.
- ¹⁴ Там же. – С. 60 – 67.
- ¹⁵ Там же. – С. 66.
- ¹⁶ Там же. – С. 66, 67.
- ¹⁷ Там же. – С. 66.
- ¹⁸ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – М.; Л., 1949. – № 9. – С. 342.
- ¹⁹ Там же. – С. 342.
- ²⁰ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов. – С. 135.
- ²¹ Там же. – С. 136.
- ²² Там же. – С. 135.
- ²³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. – М.; Л., 1952. – № 26. – С. 88.
- ²⁴ Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // УЗХНИИЯЛИ. – Абакан, 1959. – Вып. VII. – С. 82.
- ²⁵ Гаврилова А.А. Отчет о раскопках 1964 г. Кыргызской группы Карасукского отряда // Архив ИА. – Р-1, д. 2954, л. 7, 8.
- ²⁶ Нестеров С.П. Древнетюркские погребения... – С. 93, 94.
- ²⁷ Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской экспедиции в 1967 г. // Архив ИА. – Р-1, д. 3535, л. 23 – 25; Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской археологической экспедиции в 1968 году // Архив ИА. – Р-1, д. 4088, л. 23 – 25.
- ²⁸ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 195; Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1990. – Рис. XVIII.
- ²⁹ Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н. и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 150 – 155.
- ³⁰ Вадецкая Э.Б. Отчет об археологическом обследовании территории строительной площадки близ с. Тесь, произведенном Тубинской экспедицией ЛОИА АН СССР // Архив ИА. – Р-1, д. 4763, л. 23; Вадецкая Э.Б. Отчет о раскопках 1972 года под горой Оглахты // Архив ИА. – Р-1, д. 5568, л. 18.
- ³¹ Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей III // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С. 88 – 92.
- ³² Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ... – С. 58, 59.
- ³³ Там же. – С. 64.
- ³⁴ Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. – М., 1966. – С. 191.
- ³⁵ Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник. – М., 1973. – С. 369; Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Тюркологический сборник. – М., 1973. – С. 344, 345; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. – Кемерово, 1971. – С. 42.
- ³⁶ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 194 – 206.
- ³⁷ Нестеров С.П. Конь в культах... – С. 67 – 85; Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X вв. – Свердловск, 1990.
- ³⁸ Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 207.
- ³⁹ Худяков Ю.С. Раскопки могильников Ах-Хол и Ибыргыс-Кисте // АО 1983 года. – М., 1985. – С. 248; Худяков Ю.С. Древнетюркский орнаментированный колчан из могильника Терен-Кель // Изв. СО АН СССР. Сер. Ист., филол. и философ. – Новосибирск, 1988. – Вып. 3. – С. 59 – 61; Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – 1998. – № 3. – С. 31 – 38.
- ⁴⁰ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 83 – 103.
- ⁴¹ Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. II. – С. 46 – 48; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тыся-

челетий. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 396 – 404; **Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А.** Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительной Азии. – Бишкек, 1996. – С. 185 – 193; **Тетерин Ю.В.** Новый памятник древнетюркской эпохи на Среднем Енисее // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. II. – С. 26; **Тетерин Ю.В.** Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 113 – 128.

⁴² **Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.** Работы в Хакасии и Туве // Археологические открытия 1982 года. – М., 1984. – С. 212.

⁴³ **Киргиников Э.Н., Поселянин А.И.** Новые данные о древнетюркском могильнике Белый Яр II в Хакасии // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан, 1993. – С. 41, 42.

⁴⁴ **Худяков Ю.С.** Типология погребений VI – XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск: (Северная Азия). – Новосибирск, 1980. – С. 205.

⁴⁵ **Теплоухов С.А.** Опыт классификации... – С. 55.

⁴⁶ **Нестеров С.П.** Погребение с конем... – С. 95 – 101.

⁴⁷ Там же. – С. 98.

⁴⁸ ГЭ. – Кол. 4349.

⁴⁹ **Теплоухов С.А.** Опыт классификации... – С. 55; **Евтюхова Л.А.** Археологические памятники... – С. 60; **Архив ЛОИА.** – Ф. 42, оп. 1, д. 257, л. 34, 35.

⁵⁰ **Теплоухов С.А.** Опыт классификации... – Табл. II, 38.

⁵¹ **Нестеров С.П.** Погребение с конем... – С. 101.

⁵² **Теплоухов С.А.** Опыт классификации... – Табл. II, 32, 34, 36, 37.

⁵³ **Нестеров С.П.** Древнетюркские погребения... – С. 92.

⁵⁴ **Архив ЛОИА.** – Ф. 42, оп. 1, д. 257, л. 30 – 32.

⁵⁵ **Нестеров С.П.** Древнетюркские погребения... – С. 91, 92.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ **Теплоухов С.А.** Опыт классификации... – Табл. II, 34.

⁵⁹ Там же. – Табл. II, 38.

⁶⁰ **Нестеров С.П.** Древнетюркские погребения... – С. 92.

⁶¹ **Гаврилова А.А.** Отчет о раскопках 1964 г... – С. 2 – 10.

⁶² **Нестеров С.П.** Древнетюркские погребения... – С. 92 – 94.

⁶³ **Гаврилова А.А.** Отчет о раскопках в 1964 г... – С. 2 – 10; **Нестеров С.П.** Древнетюркские погребения... – С. 92.

⁶⁴ **Гаврилова А.А.** Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов // КСИА. – М., 1968. – Вып. 114. – С. 24, 25.

⁶⁵ В отчете А.А. Гавриловой ошибочно указано “на юг”. См.: **Гаврилова А.А.** Отчет о раскопках в 1964 г... – С. 7.

⁶⁶ **Гаврилова А.А.** Отчет о раскопках в 1964 г... – С. 8.

⁶⁷ **Нестеров С.П.** Древнетюркские погребения... – С. 94.

⁶⁸ **Гаврилова А.А.** Отчет о раскопках в 1964 г... – С. 6.

⁶⁹ **Зяблин Л.П.** Отчет о раскопках Копенского отряда... – С. 24, 25; **Зяблин Л.П.** Отчет о раскопках... – С. 23 – 25.

⁷⁰ **Худяков Ю.С.** Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 195; **Нестеров С.П.** Конь в культах... – Рис. XVIII.

⁷¹ **Зяблин Л.П.** Отчет о раскопках Копенского отряда... – С. 24.

⁷² Там же. – С. 25.

⁷³ Там же.

⁷⁴ **Зяблин Л.П.** Отчет о раскопках... – С. 36.

⁷⁵ **Грязнов М.П., Худяков Ю.С., Боковенко Н.А.** Раскопки у горы Тепсей // АО 1976 года. – М., 1977. – С. 199.

⁷⁶ **Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н. и др.** Комплекс археологических памятников... – С. 150 – 155;

Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем... – С. 88 – 92.

⁷⁷ Определение М.А. Грязнова.

⁷⁸ Определение Н.М. Ермоловой.

⁷⁹ **Нестеров С.П., Худяков Ю.С.** Погребение с конем... – С. 88 – 90.

⁸⁰ **Вадецкая Э.Б.** Отчет об археологическом обследовании... – Л. 24. Выражаем признательность Э.Б. Вадецкой за предоставленный неопубликованный материал.

⁸¹ **Вадецкая Э.Б.** Отчет о раскопках 1972 года... – С. 18. Выражаем признательность Э.Б. Вадецкой за предоставленный неопубликованный материал.

⁸² **Худяков Ю.С.** Новые данные по археологии Когунекской долины // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 185, 186.

⁸³ **Киселев С.В.** Материалы археологической экспедиции... – С. 146.

⁸⁴ По мнению Л.А. Евтюховой, на памятнике Усть-Тесь было раскопано 3 погребения “этой группы”. См.: **Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 60.

⁸⁵ **Киселев С.В.** Материалы археологической экспедиции... – С. 146.

⁸⁶ **Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 61 – 64.

⁸⁷ Там же. – С. 61.

⁸⁸ Там же.

- ⁸⁹ **Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири... – С. 342.
- ⁹⁰ При реконструкции колчана в ГИМе накладки были размещены на поверхности приемника неверно: в две линии по всей длине приемника.
- ⁹¹ **Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 64.
- ⁹² **Левашова В.П.** Два могильника кыргыз-хакасов... – С. 121.
- ⁹³ Там же. – С. 135.
- ⁹⁴ Определения Г.Ф. Дебеца.
- ⁹⁵ **Левашова В.П.** Два могильника кыргыз-хакасов... – Прил. 2. Погребения из курганной группы Капчалы II.
- ⁹⁶ Там же. – Рис. 5, 3, 7 – 10, 18, 21, 22, 24, 25, 41.
- ⁹⁷ Там же. – С. 132.
- ⁹⁸ Там же. – Прил. 2.
- ⁹⁹ Там же. – Рис. 5, 27, 35, 46, 51, 53, 54.
- ¹⁰⁰ Там же. – Рис. 5, 20; 6, 1.
- ¹⁰¹ Там же. – Рис. 5, 1, 13, 31, 32, 37, 39, 44, 50; 7, 3.
- ¹⁰² Там же. – С. 129.
- ¹⁰³ Там же. – С. 129; прил. 2.
- ¹⁰⁴ Там же. – С. 129.
- ¹⁰⁵ Там же. – Рис. 6, 3.
- ¹⁰⁶ Там же. – Прил. 2.
- ¹⁰⁷ Там же. – С. 129; прил. 2.
- ¹⁰⁸ Там же. – Рис. 6, 4; прил. 2.
- ¹⁰⁹ **Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 64 – 66; рис. 116.
- ¹¹⁰ **Худяков Ю.С.** Раскопки могильников Ах-Хол и Ибыргыс-Кисте... – С. 248; **Худяков Ю.С.** Реконструкция узды... – С. 31 – 38.
- ¹¹¹ **Худяков Ю.С.** Отчет о работе Южносибирского отряда САКЭ ИИФФ СО АН СССР в Бейском и Орджоникидзевском районах Хакаской АО в полевом сезоне 1983 года. – Новосибирск, 1983. – С. 16 – 20.
- ¹¹² **Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.** Работы в Хакасии и Туве... – С. 212; **Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.** Новые материалы о происхождении культуры чаа-тас // АО 1983 года. – М., 1985. – С. 219.
- ¹¹³ **Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.** Работы в Хакасии и Туве... – С. 212.
- ¹¹⁴ **Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.** Новые материалы... – С. 219.
- ¹¹⁵ **Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И.** Новые данные... – С. 41, 42; **Киргинеков Э.Н.** К вопросу о проживании древних тюрок в Хакаско-Минусинской котловине // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. XXXVI РАСК. – Иркутск, 1996. – Ч. 2. – С. 115 – 117.
- ¹¹⁶ **Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И.** Новые данные... – С. 41, 42.
- ¹¹⁷ **Тетерин Ю.В.** Новый памятник древнетюркской эпохи... – С. 24 – 26.
- ¹¹⁸ **Митько О.А., Тетерин Ю.В.** О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 397 – 402.
- ¹¹⁹ Там же. – С. 401.
- ¹²⁰ **Тетерин Ю.В.** Погребение знатного тюрка. – С. 115 – 118.
- ¹²¹ **Тетерин Ю.В.** Новый памятник древнетюркской эпохи... – С. 25, 26.
- ¹²² **Митько О.А.** Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-2... – С. 46 – 48.
- ¹²³ Там же. – С. 46.
- ¹²⁴ **Паульс Е.Д.** Отчет о раскопках могильника Сабинка I в 1982 г. // Архив ИА. – Р-1, д. 9234. л. 3 – 11.
- ¹²⁵ **Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д.** Раннесредневековые впускные погребения... – С. 83 – 96.
- ¹²⁶ Там же. – С. 97.
- ¹²⁷ Там же. – С. 97 – 99.
- ¹²⁸ **Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М.** Шестаковские курганы... – С. 8.
- ¹²⁹ Там же. – С. 42.
- ¹³⁰ **Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д.** Раннесредневековые впускные погребения... – С. 83 – 96; **Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М.** Шестаковские курганы... – С. 40 – 42.
- ¹³¹ **Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В.** Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 88 – 116; **Тетерин Ю.В.** Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 27 – 54; **Митько О.А.** Древнетюркский могильник на реке Таштык // Там же. – С. 55 – 64; **Скобелев С.Г.** Древнетюркские оградки могильника Кек-Оба // Там же. – С. 86 – 105.

ГЛАВА 4

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ДРЕВНИХ ТЮРОК НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Для погребальных памятников древних тюрок на Среднем Енисее характерны определенные особенности в географии и топографии расположения, планиграфии памятников, конструкции надмогильного и внутримогильного сооружения, положении и ориентации погребенного и сопровождающего его животного, наличии сопроводительных погребений людей под одной курганной насыпью, составе тризны, заупокойной пищи и сопроводительного инвентаря. Первый опыт общего анализа погребальных памятников, содержащих захоронения с конем, на территории Минусинской котловины предпринятый Л.А. Евтюховой в 1948 г. Она выделила их в особый, четвертый тип средневековых погребений Среднего Енисея¹. Ею были отмечены некоторые различия в конструкции могильных ям, положении погребенных и коней, инвентаре исследованных к тому времени памятников. Однако все памятники были отнесены к одной хронологической и этнокультурной группе.

В 1965 г. А.А. Гаврилова, не рассматривая подробно минусинские погребения с лошадьми, отнесла их к разным хронологическим группам, подчеркнув отличия в деталях обрядности и инвентаре².

В 1979 г. Ю.С. Худяковым были систематизированы особенности погребальной обрядности древних тюрок на Среднем Енисее³. Он выделил три варианта расположения подобных памятников: одиночные курганы, отдельные могильники, разновременные и разнотипные могильники. Всего было установлено 7 вариантов надмогильных сооружений, подчеркнуты отличия в положении и ориентации погребенного человека и сопровождающего его животного, отмечены различия в инвентаре мужских, женских и детских захоронений⁴.

Особенности погребальной обрядности минусинских захоронений с конем проанализированы в работах С.П. Нестерова⁵. Он выделил шесть типов конструкции надмогильных сооружений, девять вариантов внутримогильных конструкций, четырнадцать вариантов положения и ориентации человека и животного. В результате определены 4 группы минусинских погребений с конем, относящихся к VIII – IX вв. С.П. Нестеров считает, что тюрки появились в Минусинской котловине после похода 711 г., но большая их часть переселилась из-за Саян после падения Второго Восточного Тюркского каганата под давлением уйгуров.

Ряд соображений о хронологии минусинских погребений с конем был высказан Д.Г. Савиновым⁶. Опираясь на работы С.В. Киселева и А.А. Гавриловой, он отнес эти захоронения к разным хронологическим группам в пределах VI – X вв. Наиболее ранним он считает погребение памятника Усть-Тесь, наиболее поздним – Уйбат II. Большинство известных погребений с конем на Среднем Енисее было отнесено ко времени Второго Восточного Тюркского каганата. В своих построениях Д.Г. Савинов ориентировался на различия в конструкции, положении и ориентировке, а также в инвентаре захоронений с конем. В его статье, написанной совместно с П.Г. Павловым и Е.Д. Паульсом были подробно охарактеризованы особенности погребальной обрядности впускных погребений с лошадьми в насыпях тагарских курганов на могильниках Сабинка и Кирбинский Лог⁷. Ссылаясь на отличия в обрядности и инвентаре, эти авторы высказали предположение, что данные захоронения могли принадлежать не тюркам, а кимакам и карлукам.

Некоторые выводы о погребальной обрядности древних тюрок Саяно-Алтая приводятся в работе Б.Б. Овчинниковой⁸. Ею учтены материалы с семи памятников Минусинской котловины, в том числе из Копенского чаа-таса, в двух курганах которого, по мнению Б.Б. Овчинниковой, были погребения с конем. Древнетюркские памятники Минусы она отнесла к разным этапам развития этой культуры.

В работах О.А. Митько и Ю.В. Тетерина обобщены материалы погребений с конем, раскопанных в Минусинской котловине в течение последнего десятилетия⁹. По их мнению, характерной особенностью древнетюркских погребений на Среднем Енисее является их расположение на площади таштыкских и кыргызских могильников. Другая особенность – размещение их вплотную друг к другу (в виде пчелиных сот) таким образом, что курганы соединяются полами насыпей. В центре каждой группы объектов находилось мужское захоронение с конем, вокруг которого группировались погребения женщин и детей. Иногда курганы могли располагаться в ряд, но тоже вплотную друг к другу. По наблюдениям этих исследователей, для насыпей характерна прямоугольная или овальная форма, наличие крепиды из крупных каменных плит по периметру. Встречаются также

выкладки овальной или округлой формы. Среди могильных ям выделены грунтовые и с подбоями. Отмечено, что подбой отделен от остальной части ямы деревянной или каменной перегородкой. Было обращено внимание на характерное положение человека и животного в могиле и на их ориентировку. По наблюдениям О.А. Митько и Ю.В. Тертерина, в захоронениях с конем Минусинской котловины преобладает западная ориентировка, восточная встречается значительно реже. Среди раскопанных древнетюркских курганов на могильниках Маркелов Мыс I и II было исследовано несколько захоронений с лошадьми, где обнаружены следы огня в могильной яме. По мнению данных исследователей, это не трупосожжения. Обугливание тел умерших происходило вследствие разведения костра над захоронением, засыпанным тонким слоем земли¹⁰. В составе сопроводительного инвентаря погребений выделена керамическая посуда, характерная для минусинских погребений с конем. Присутствие под насыпями древнетюркских курганов сопроводительных захоронений по обряду трупосожжения О.А. Митько и Ю.В. Тетерин считают характерной особенностью культуры древних тюрков на Среднем Енисее¹¹.

Некоторые элементы погребальной обрядности древних тюрков в Минусе были отмечены А.И. Поселяниным и Э.Н. Киргинековым при анализе материалов раскопок памятника Белый Яр II в долине р. Абакан¹².

Введение в научный оборот новых материалов раскопок памятников Минусинской котловины делает актуальной задачу обобщения и учета неизвестных ранее особенностей заупокойной обрядности.

География распространения древнетюркских погребальных памятников охватывает побережье р. Енисей, в пределах Минусинской котловины, и его основных притоков – Абакана и Тубы. Памятники обнаружены также на Чулыме, Уйбате, в междуречье Табата и Ута. В большой мере ареалы распространения древнетюркских поминальных и погребальных памятников совпадают, хотя из-за малочисленности находок изваяний количество погребений и их плотность в Минусинской котловине значительно выше. Впускные древнетюркские погребения обнаружены и значительно севернее ареала изваяний – на р. Кие.

Топография расположения древнетюркских захоронений с конем в Минусе довольно разнообразна. Встречаются погребения на надпойменных террасах, увалах и седловинах гор, в открытой степи, иногда достаточно далеко от источников воды. Среди них есть одиночные курганы с мужскими захоронениями в сопровождении коня, группы курганов с мужскими и женскими погребениями с конем и детскими – с бараном, обособленные могильники с захоронениями с конем. К числу первых принадлежат погребения на р. Таштык. Обособленными могильниками можно считать памятники Ибыргыс-Кисте и Капчалы II, хотя на их площади имеются отдельные захоронения по обряду трупосожжения, а также впускные погребения Шестаковского могильника. Подавляющее большинство исследованных к настоящему времени древнетюркских захоронений обнаружено в составе таштыкских и кыргызских кладбищ. Кыргызские могильники относятся к эпохе чаа-тас (VI – VIII вв.). Среди памятников данной группы самое большое количество древнетюркских захоронений содержит могильник Маркелов Мыс I. Здесь исследовано 28 подобных объектов¹³. По мнению Э.Б. Вадецкой, расположение древнетюркских погребений с конем вокруг таштыкских склепов свидетельствует об их хронологической преемственности¹⁴. С этим невозможно согласиться. Расположение могил древних тюрков вокруг таштыкских склепов свидетельствует лишь о том, что к моменту совершения древнетюркских захоронений таштыкские сооружения уже существовали.

На одних памятниках древнетюркские погребения размещены компактными группами на определенных участках кладбища, на других – чересполосно с захоронениями кыргызов и кыштымов. Особый случай расположения древнетюркских погребений с конем или бараном – захоронения по обряду одиночной ингумации или кремации под одной насыпью в курганах могильника Белый Яр II¹⁵. При раскопках памятника Тепсей II установлено, что древнетюркские погребения находятся на периферии кыргызского чаа-таса Тепсей XI, не перекрывая и не нарушая могил кыргызов и кыштымов, на площади таштыкского могильника и поминальника, которые к тому времени давно перестали функционировать и не воспринимались в качестве кладбища¹⁶. Рассматриваемые случаи планиграфического расположения древнетюркских курганов на кыргызских или разновременных кладбищах свидетельствуют о частичном синхронном существовании и “мирном сожительстве” древних тюрков с кыргызами и кыштымами в определенном временном промежутке эпохи раннего средневековья. В пользу подобных взаимоотношений между кыргызами и древними тюрками служат и случаи полного или частичного трупосожжения в могильной яме на памятниках Маркелов Мыс I и II и на горизонте могильника Тепсей III¹⁷. О.А. Митько и Ю.В. Тетерин считают, что это своеобразная “общетюркская традиция – хоронить своих умерших на площади древних могильников”¹⁸. Действительно, в Горном Алтае, Туве, Монголии, на Тянь-Шане и в Семиречье, наряду с обособленным расположением древнетюркских курганов и могильников, встречается их размещение на более древних и разновременных кладбищах. Эту традицию нельзя считать только “общетюркской”, поскольку она характерна и для других кочевнических культур хунно-сарматского и средневекового времени (например, для кыргызов, уйгуров, кимаков, монголов и др.).

Применительно к древним тюркам Минусинской котловины более существенно то, что они хоронили своих умерших на тех же кладбищах, что кыргызы и кыштымы, а со временем перешли на кыргызский обряд трупосожжения. Это свидетельствует о включении древних тюрков в единый этносоциальный организм Кыргызского государства и их постепенной ассимиляции в кыргызской среде¹⁹. Естественно, в случаях, когда древнетюркские курганы сооружали с восточной стороны от цепочек более древних курганов, либо возводили поверх уже существующих насыпей, либо совершали впускные захоронения в насыпи древних курганов эпохи бронзы, скифского и хунно-сарматского времени, ни о каком взаимодействии с населением, оставившим эти объекты, речи быть не может. Поэтому планиграфия древнетюркских захоронений на разновременных могильниках Среднего Енисея характеризует не общетюркскую традицию, а конкретную этническую ситуацию в Минусинской котловине в VIII – X вв. Исходя из этого, С.П. Нестеров предположил, что основная масса древнетюркского населения переселилась из-за Саян в Минусинскую котловину после разгрома Второго Восточного Тюркского каганата в 745 г., когда “тюрки бежали от уйгурского гнета”²⁰. Падение каганата и утрата своей государственности должны были существенным образом сказаться на положении правящего рода Ашина и древнетюркской знати, утративших свое господство над кочевыми племенами. Однако это не привело к массовому исходу древних тюрков с территории Монголии и Тувы. Здесь исследовано много древнетюркских памятников уйгурского и кыргызского времени, а на территории Горного Алтая к данному периоду относятся самые крупные и богатые инвентарем древнетюркские курганы. Нельзя согласиться и с предположением Л.Р. Кызласова о том, что “алтайские тюрки” попали на Средний Енисей в эпоху кыргызского великодержавия, в IX – X вв., “в качестве рабов, кыштымов, дружинников, клиентов и союзников”²¹. Против подобных рассуждений свидетельствует хронология древнетюркских памятников Минусинской котловины и распространение курганов и поминальников древних тюрков, относящихся к IX – X вв., на территории Горного Алтая.

Важным элементом планиграфии древнетюркских памятников Среднего Енисея является зафиксированное на могильниках Маркелов Мыс I и II, Белый Яр II центральное положение мужского захоронения с конем, вокруг или в ряд с которым сгруппированы погребения женщин и детей, могилы кыргызов и кыштымов²². Можно предположить, что подобные скопления являются семейными или “большесемейными” кладбищами. В Белом Яре II такие скопления перекрыты общей курганной насыпью. В могильники Ибыргыс-Кисте два мужских захоронения совершены в центральной части, а два женских – с обеих сторон единой цепочки древнетюркских курганов. Подобное расположение подчеркивает роль и значение глав патриархальных семей в древнетюркском обществе Минусинской котловины в условиях иноэтничного окружения. Более того, наличие в составе сопроводительных захоронений кыргызских погребений по обряду трупосожжения свидетельствует, что древние тюрки после завоевательного похода 711 г. на какой-то период были элитой кыргызского общества на Среднем Енисее, временно оттеснив с ведущих позиций кыргызскую родовую знать²³. По мнению О.А. Митько и Ю.В. Тетерина, сопроводительные кыргызские захоронения по обряду кремации “отражают сложную социальную структуру древнетюркских коллективов”²⁴.

Конструктивные особенности насыпей минусинских погребений с конем существенно различаются. Однако необходимо учитывать, что их раскапывали разные исследователи, каждый по своей методике, нередко не уделяя должного внимания надмогильным сооружениям. Аналогичные по конструкции надмогильные сооружения называли то “плоскими округлыми насыпями”, то насыпями в форме “круглых дисков” и т.д.²⁵

Судя по наблюдениям авторов раскопок и специалистов, исследовавших надмогильные сооружения, у древних тюрков на Среднем Енисее было несколько конструкций насыпей курганов.

Тип 1. Округлая каменная насыпь с западиной в центре.

Вариант 1. Высокая округлая насыпь (диаметр до 7,5 м, высота 0,5 м), сложенная из массивных камней. Таков памятник Таштык²⁶.

Вариант 2. Пологая округлая насыпь (диаметр до 6 м, высота 0,2 м), сложенная из массивных и мелких каменных плит. К этому варианту относится часть объектов могильника Тепсей III, Над Поляной, Терен-Кель, Ибыргыс-Кисте²⁷.

Вариант 3. Пологая округлая насыпь с крепидой (диаметр до 4 м, высота 0,1 м), сложенная из массивных и мелких каменных плит. Таковы некоторые объекты могильника Капчалы II, Перевозинского чаа-таса²⁸.

Вариант 4. Пологая округлая насыпь с оградкой из наклонно установленных вокруг могильной ямы плит (диаметр до 6 м, высота 0,1 м). Сооружена из массивных и мелких каменных плит. К данному варианту относится один из курганов могильника Терен-Кель²⁹.

Вариант 5. Плоская округлая выкладка (диаметр 3 м, высота 0,1 м), сооруженная из массивных и мелких каменных плит. Такова большая часть объектов могильников Капчалы II, Перевозинский чаа-тас и Тепсей III, в которых захоронены дети с баранами³⁰.

Тип 2. Кольцевая каменная насыпь.

Вариант 1. Кольцевая насыпь округлой формы с прямоугольной оградкой из вертикально установленных вокруг могильной ямы плит (диаметр 4,5 м, высота 0,5 м). Обломки плит стоят на так называемом “фундаменте”, для которого была сооружена канава, заполненная затем обломками плитняка. К этому варианту относится курган могильника Усть-Тесь³¹.

Вариант 2. Кольцевая каменная выкладка (диаметр 5 м, высота 0,1 м), сложенная из массивных и мелких каменных плит. Такова выкладка могильника Тепсей III³².

Тип 3. Овальная каменная насыпь.

Вариант 1. Овальная насыпь с крепидой по периметру (площадь 3 × 2 м, высота 0,1 м). Крепида сооружена из массивных плит. Таковы некоторые курганы могильников Капчалы II, Маркелов Мыс I и II³³.

Вариант 2. Пологая овальная каменная выкладка (площадь 3 × 2 м, высота 0,1 м), сооруженная из массивных и мелких каменных плит. К данному варианту относятся курганы могильников Капчалы II, Маркелов Мыс I и II, Превозинский чаа-тас и Тепсей III³⁴.

Тип 4. Подпрямоугольные насыпи.

Вариант 1. Подпрямоугольная насыпь с крепидой (площадь 7,5 × 7 м, высота 0,8 м), сложенная из массивных и мелких плит. Стенка-крепида из массивных плит сложена в несколько слоев. По мнению О.А. Митько и Ю.В. Тетерина, такое сооружение представляло собой платформу с аккуратно подогнанными и выровненными по внешнему краю стенки каменными плитами³⁵. К этому варианту относятся наиболее монументальные курганы древних тюрок в Минусинской котловине, раскопанные на могильниках Маркелов Мыс I и II³⁶, и курганы упрощенной конструкции памятников Превозинский чаа-тас, Маркелов Мыс I и II³⁷.

Тип 5. Грунтовые могилы без насыпи.

Вариант 1. Грунтовая могила без насыпи, обозначенная на поверхности неглубокой западиной, которая интенсивно заросла травой (площадь 3 × 3 м, глубина 0,1 м). По мнению С.П. Нестерова, при сооружении могил могли использоваться камни, поскольку они встречены в верхних слоях заполнения могильной ямы³⁸. Таковы объекты могильников Красный Яр V и Тепсей III³⁹.

Вариант 2. Впускная могила в насыпи земляного кургана. На поверхности не обозначена. Подобные могилы обнаружены при снятии насыпей древних курганов тагарской культуры. К этому варианту относятся впускные захоронения могильников Шестаково, Сабинка I и Кирбинский Лог⁴⁰.

Конструкции надмогильных сооружений древнетюркских погребений Минусинской котловины достаточно разнообразны, однако не образуют устойчивых групп, которые позволили бы проследить их локальные, территориальные или хронологические особенности. На большинстве памятников представлено несколько вариантов надмогильных сооружений, различающихся не только формой, но и размерами. Например, на могильнике Тепсей III раскопано 5 разных вариантов надмогильных сооружений⁴¹.

Для мужских захоронений с конем характерны наиболее крупные по размерам насыпи различной формы. Широко распространены округлые насыпи, реже встречаются насыпи кольцевые, овальные и подпрямоугольные (последние самые монументальные). Женские и детские захоронения – упрощенные варианты тех же конструкций. Конструктивные различия надмогильных сооружений в некоторых случаях могут быть объяснены влиянием окружающего кыргызского населения. В частности, наличие стенок-крепид по периметру насыпи и ее подпрямоугольная форма могут быть следствием воздействия традиций сооружения стен у оград курганов чаа-тасов. Они зафиксированы на памятниках Маркелов Мыс I и II, где прослежено кыргызское влияние и на погребальную практику – обряд кремации⁴². За пределами Минусинской котловины подобная конструкция надмогильных сооружений древних тюрок встречается очень редко. Ее появление может быть вызвано местными причинами. Называть подобные насыпи, обнаруженные в Горном Алтае, чаа-тасами ошибочно⁴³. Для чаа-тасов характерно расположение вертикальных стел по периметру (“чаа-тас” – камень войны)⁴⁴.

Известным разнообразием отличаются и конструкции внутримогильных сооружений погребальных памятников древних тюрок на Среднем Енисее. С.П. Нестеров выделил 8 признаков, характеризующих конструкцию внутримогильных сооружений погребальных памятников древних тюрок Минусинской котловины⁴⁵. О.А. Митько и Ю.В. Тетерин отметили 2 типа и различные варианты внутримогильного устройства погребений с конем и бараном⁴⁶.

По форме ямы, наличию подбоя и разделительной стенки среди внутримогильных сооружений погребальных памятников древних тюрок на Среднем Енисее выделено несколько типов и вариантов. К сожалению, во многих публикациях и отчетной документации данные о размерах и особенностях конструкции могильных ям отличаются неполнотой конкретных сведений и неточностью терминологии. Поэтому в предложенной классификации не учтены размеры ям, хотя они различаются достаточно существенно, а отмечены форма и дополнительные конструкции. Из-за отсутствия в некоторых публикациях указаний на принадлежность погребений конкретным курганам в классификации указаны только могильники (без обозначения объектов).

Тип 1. Грунтовая яма.

Вариант 1. Яма подпрямоугольной формы, со скругленными углами, с горизонтальным одноуровневым дном, без разделительной стенки. Подобные объекты исследованы на могильниках Усть-Тесь, Капчалы II, Тепсей III, Маркелов Мыс I и II⁴⁷. В ямах встречены гробовища, деревянные рамы.

Вариант 2. Яма подпрямоугольной формы, со скругленными углами, с углублением части дна, без разделительной стенки. Такие ямы исследованы на памятниках Над Поляной, Перевозинский чаа-тас и Тепсей III⁴⁸.

Вариант 3. Яма подпрямоугольной формы, со скругленными углами, с углублением части дна, с разделительной стенкой. К подобным ямам относится одна из могил на памятнике Тепсей III⁴⁹.

Вариант 4. Яма подовальной формы, с горизонтальным одноуровневым дном, без разделительной стенки. Объекты подобной формы исследованы на могильниках Маркелов Мыс I и II⁵⁰.

Вариант 5. Яма подовальной формы, с углублением части дна, без разделительной стенки. Подобные ямы обнаружены на могильнике Ибыргыс-Кисте⁵¹.

Вариант 6. Яма подовальной формы, с углублением части дна и разделительной стенкой. Подобные объекты обнаружены на могильнике Ибыргыс-Кисте⁵².

Вариант 7. Яма подовальной формы, углубленное дно которой смещено по длинной оси по отношению к уступу, с разделительной стенкой. Исследованы на памятниках Ибыргыс-Кисте и Уйбат II⁵³.

Тип 2. Яма с подбоем.

Вариант 1. Яма с подбоем подовальной формы, с горизонтальным одноуровневым дном подбоя и сходной части, с разделительной стенкой. Такие объекты исследованы на памятнике Перевозинский чаа-тас⁵⁴.

Вариант 2. Яма с подбоем подовальной формы, с углубленным подбоем и разделительной стенкой. К этому варианту относятся ямы, исследованные на могильниках Перевозинский чаа-тас и Терен-Кель⁵⁵.

Определенные различия наблюдаются в положении и ориентации тел умерших и сопроводительных животных, а также в способе захоронения. Это уже было отмечено нами для мужских, женских и детских захоронений древних тюрок Минусинской котловины⁵⁶. С.П. Нестеров к числу отличительных признаков отнес: ориентацию погребенного и животного, расположение их на уступе или в подбое – в одну и ту же или в противоположные стороны⁵⁷. О.А. Митько и Ю.В. Тетерин тоже отметили различия в положении погребенного и сопровождающего его животного, а также в их ориентации⁵⁸. Пол и возраст погребенных определен антропологами для ряда памятников⁵⁹.

По положению тела и ориентации погребенных и сопровождающих их животных, по их полу и возрасту, по видовой принадлежности животных, по способу погребения в Минусинской котловине можно выделить несколько групп, типов и вариантов захоронений.

Группа I. Труположения с конем.

Тип 1. Захоронение взрослого человека с конем.

Вариант 1. Захоронение, где погребенный покоится вытянуто на спине. Конь уложен на живот с правой стороны от погребенного, на одном уровне с ним, головой в ту же сторону. Под головой погребенного лежала плита. Погребенный и конь ориентированы головами на юго-запад, запад и юго-восток. К этому варианту относятся памятники Усть-Тесь (курган 2), Капчалы II (могилы 1, 11, 12, 17, 19, 20, 22, 60)⁶⁰ и Маркелов Мыс I и II.

Вариант 2. Захоронение, где погребенный покоится вытянуто на спине. Конь уложен на живот с левой стороны от погребенного, на одном уровне с ним, головой в ту же сторону. Под головой погребенного была плита. Погребенный и конь ориентированы головами на запад. К данному варианту относятся памятники Капчалы II (могила 2)⁶¹ и Маркелов Мыс I и II.

Вариант 3. Захоронение, где погребенный покоится вытянуто на спине. Конь уложен на живот с левой стороны от погребенного, на одном уровне с ним, но головой в противоположную сторону. Погребенный ориентирован головой на северо-восток, а конь – на юго-запад. К этому варианту относится памятник Тепсей III (могила 67)⁶².

Вариант 4. Захоронение, где погребенный покоится вытянуто на спине. Конь уложен на левый бок с правой стороны от погребенного, но головой в противоположную сторону. Погребенный ориентирован головой на юго-восток, а конь – на северо-запад. К этому варианту относится памятник Капчалы II (могила 8)⁶³.

Вариант 5. Захоронение, где погребенный покоится на уступе, вытянуто на спине. Конь уложен на живот на дно ямы, с левой стороны от погребенного, головой в ту же сторону. Погребенный и конь ориентированы головой на юго-восток, север, северо-запад. К этому варианту относятся памятники Над Поляной (курган 13), Тепсей III (могилы 3, 28)⁶⁴.

Вариант 6. Захоронение, где погребенный покоится на дне ямы вытянуто на спине. Конь уложен на живот на уступ с правой стороны от погребенного, головой в ту же сторону. Погребенный и конь ориентированы головой на юго-запад. К этому варианту относится памятник Ибыргыс-Кисте (курганы 2, 3 и 4)⁶⁵.

Вариант 7. Захоронение, где погребенный покоится на дне ямы вытянуто на спине. Конь уложен на спину на уступ с правой стороны от погребенного, головой в ту же сторону. Погребенный и конь покоятся головой на юго-запад. К этому варианту относится памятник Ибыргыс-Кисте (курган 5)⁶⁶.

Вариант 8. Захоронение, где погребенный покоится в подбое вытянуто на спине. Конь уложен на живот с правой стороны от погребенного, головой в противоположную сторону. Погребенный ориентирован головой на юго-восток, северо-восток. К этому варианту относится памятник Перевозинский чаа-тас (курганы 79, 80, 82)⁶⁷.

Вариант 9. Захоронение, где погребенный покоится в подбое вытянуто на спине. Конь уложен на живот с правой стороны от погребенного, головой в ту же сторону. Погребенный ориентирован головой на северо-восток. К этому варианту относится памятник Перевозинский чаа-тас (курган 93)⁶⁸.

Вариант 10. Захоронение, где погребенный покоится в яме вытянуто на спине. Конь уложен в подбое на живот с правой стороны от погребенного, головой в ту же сторону. Под головой погребенного была каменная плита-подушка. Он ориентирован на запад. К этому варианту относятся памятники Уйбат II (могила 1), Терен-Кель (курган 14)⁶⁹.

Группа II. Труположения с бараном.

Тип. 1. Захоронение взрослого человека с бараном.

Вариант 1. Захоронение, где погребенный покоится вытянуто на спине. Баран уложен с правой стороны от погребенного, головой в ту же сторону – на запад. К этому варианту относится памятник Капчалы II (курган 22).

Вариант 2. Захоронение, где погребенный покоится вытянуто на спине. Баран находится с левой стороны от погребенного, головой в ту же сторону – на юго-восток. К этому варианту относится памятник Перевозинский чаа-тас (курган 122).

Тип 2. Захоронение ребенка с бараном.

Вариант 1. Захоронение, где погребенный покоится вытянуто на спине. Баран уложен на живот с правой стороны от погребенного, на одной с ним уровне, головой в ту же сторону – на юго-запад, запад, северо-запад. К этому варианту относятся памятники Капчалы II (могила 17), Тепсей III (могила 15, 32)⁷⁰.

Вариант 2. Захоронение, где погребенный покоится вытянуто на спине. Баран уложен на живот с левой стороны от погребенного, на одном уровне с ним, головой в ту же сторону – на северо-запад. К этому варианту относится памятник Тепсей III (могила 36)⁷¹.

Вариант 3. Захоронение, где погребенный покоится в вытянутом положении. Баран уложен на живот на уступе с правой стороны от погребенного, но головой в противоположную сторону. Погребенный ориентирован головой на север – северо-восток, а баран – на юго-запад – запад. К этому варианту относится памятник Тепсей III (могила 50)⁷².

Вариант 4. Захоронение, где погребенный покоится в подбое вытянуто на спине. Баран уложен в яму с левой стороны от него, головой в противоположную сторону. Погребенный ориентирован головой на юго-запад, а баран – на северо-восток. К этому варианту относится памятник Перевозинский чаа-тас (курганы 79, 94)⁷³.

Группа III. Трупосожжения с конем.

Тип. 1. Захоронение взрослого человека с конем (сожжение в могильной яме).

Вариант 1. Захоронение, где погребенный покоится вытянуто на спине. Конь уложен на живот с правой стороны от него, на одном уровне с ним и головой в ту же сторону – на северо-запад. К этому варианту относятся памятники Маркелов Мыс I и II⁷⁴.

Тип 2. Захоронение взрослого человека с конем (сожжение на стороне).

Вариант 1. Захоронение, где погребенный покоится под насыпью, на горизонте (два скопления сожженных костей человека и коня). К этому варианту относится памятник Тепсей III (могила 9)⁷⁵.

Для погребенных в могилу помещали заупокойную пищу. Чаще всего это было мясо овцы, реже – коровы или лошади. Обычно это кости ноги барана, которую клали в головы или в ноги погребенного (между ним и конем). Реже там же встречаются ребра или часть спинного хребта с ребрами. На могильнике Тепсей III (могила 67) кусок конины с ребрами положили под потник седла верхового коня, сопровождавшего погребенного⁷⁶. В могильнике Ибыргыс-Кисте (курганы 3 и 4) помимо мяса овцы в захоронение поместили головы заколотых коней, а их мясо сложили кучками в специальные ямки под насыпью кургана⁷⁷. Во многие могилы мужчин, женщин и детей ставили сосуды с питьем. Их размещали по одному или по два в головах или в ногах погребенных, иногда за головой. Среди сосудов встречаются орнаментированные гончарные или лепные вазы, лепные горшки и банки. Керамическая посуда обнаружена на памятниках Усть-Тесь, Тепсей III, Над Поляной, Перевозинский чаа-тас, Маркелов Мыс I и II, Капчалы II, Белый Яр II⁷⁸.

По мнению О.А. Митько и Ю.В. Тетерина, именно наличие керамической посуды отличает минусинские погребения с конем от аналогичных памятников сопредельных территорий⁷⁹. Действительно, в большинстве захоронений с конем в Центральной Азии не было керамической посуды. В древнетюркских памятниках Горного Алтая и Тянь-Шаня керамические сосуды встречаются очень редко и имеют иные формы⁸⁰.

В большинстве древнетюркских погребений Минусинской котловины встречается сопроводительный инвентарь. Это стандартный набор, соответствующий социальному статусу погребенного, его полу и возрасту.

Для мужских захоронений характерно наличие предметов вооружения, поясного набора и конской сбруи, для женских – украшений. В детских погребениях иногда встречаются детали пояса и ножи⁸¹. В погребениях, где предположительно захоронены представители древнетюркской знати, попадаются предметы торевтики, изготовленные из драгоценных металлов, серебра, иногда с позолотой⁸². Состав и облик инвентаря дает возможность уточнить хронологию древнетюркских погребений с конем и их отдельных групп, выделить для них локальные и иные особенности.

В насыпях курганов и заполнении могил древнетюркских погребений с конем Минусинской котловины встречаются остатки поминальных тризн: фрагменты керамической посуды, кости животных, угольки⁸³.

На некоторых древнетюркских могильниках отдельные объекты не содержат захоронений, а включают обломки костей животных, лежащие в ямках под каменными выкладками. Вероятно, они имеют отношение к поминальным ритуалам⁸⁴.

Остатки поминальных тризн и поминальные выкладки зафиксированы не на всех древнетюркских погребальных памятниках. На разновременных памятниках сравнение подобных объектов именно с древнетюркскими комплексами проблематично, поскольку они могут относиться и к другим группам средневекового населения Среднего Енисея.

Значительная вариабельность признаков, относящихся к конструкции надмогильного и внутримогильного сооружения, и погребальной обрядности древних тюрков представляет немалые трудности для их группировки и выделения устойчивых групп. Как правило, в каждом древнетюркском могильнике присутствуют погребения, различающиеся формой насыпи или могильной ямы, ориентацией и положением погребенного и животного⁸⁵. Попытки группировки древнетюркских погребений Минусинской котловины по сходству формальных признаков предпринял С.П. Нестеров⁸⁶. Ему удалось выделить четыре группы памятников.

В *первую группу* были включены погребения с конем или бараном могильников Капчалы II, Тепсей III (курганы 15, 19, 32, 36), Перевозинский чаа-тас (курган 122), Усть-Тесь (курган 3), Таштык (курган 1). Для данной группы характерна простая грунтовая яма, а дно могилы имеет один уровень; животное ориентировано головой в ту же сторону, что и человек (кроме одного противоположного случая в кургане 8 могильника Капчалы II).

Во *вторую группу* отнесены памятники Над Поляной (курганы 12, 13), Перевозинский чаа-тас (курган 82), Тепсей III (курганы 3, 28) и почему-то Тепсей II (курган 4). Конструкция сооружений представляла собой земляную насыпь, покрытую слоем камней. Дно ямы имело два уровня.

К *третьей группе* отнесены захоронения Перевозинского чаа-таса (курганы 79, 80, 93, 94), Уйбата II (курган 1, 2), Георгиевской Горы III (курган 1). По мнению С.П. Нестерова, появление подбойных могил связано с уйгурским влиянием из Тувы. В *четвертую группу* включены курганы 50 и 67 могильника Тепсей III. Все эти группы С.П. Нестеров относит к VIII – IX вв. и связывает их с разными волнами переселения из Тувы. Основная масса тюрков, по его мнению, переселилась в Минусинскую котловину в уйгурское время⁸⁷.

Судя по этой классификации, в каждую из четырех групп попали курганы, различные по внешней и внутренней конструкции, положению погребенного и животного. При этом не учитывалась ориентация, отличия в обрядности по полу и возрасту, состав сопроводительного инвентаря. Видимо, ведущим признаком для выделения первых трех групп была конструкция дна могильной ямы, отличия в которой (ровное дно, углубление части дна и подбой) С.П. Нестеров склонен рассматривать как определенные стадии изменения погребальной обрядности, а четвертую группу – как результат унификации двух первых групп (их он связал с этническими различиями)⁸⁸.

Ранее нами уже отмечалось, что значительная вариабельность погребальной обрядности древних тюрков Минусинской котловины, которая наблюдается в пределах одного памятника, состоящего из небольшого количества объектов, свидетельствует о допустимости определенных действий в пределах погребального канона, закреплённого традицией⁸⁹. Несмотря на существующие отличия, весь массив минусинских погребений с конем или бараном можно рассматривать как единый этнокультурный комплекс⁹⁰. Специфику этого комплекса определяет обряд трупоположения взрослых мужчин в сопровождении коня, вариабельность и отступления от которого могут быть вызваны разными причинами. Наиболее существенные отступления от основного канона связаны с заменой ингумации на кремацию в обрядности и заменой коня на барана. Они вполне объяснимы:

в первом случае – эволюцией обряда под воздействием местной, кыргызской, этнической среды, во втором – половыми и возрастными отличиями погребенных. Наличие среди погребений по обряду трупосожжения с конем двух типов – кремация в могильной яме и кремация на стороне с захоронением на горизонте – свидетельствует о направленности эволюции древнетюркской погребальной обрядности в Минусе. Трупосожжение в могильной яме отражает заимствование кыргызской традиции и ее совмещение с тюркской, а трупосожжение на стороне и погребение – фактический переход на кыргызскую погребальную обрядность. Очевидно, подобная эволюция могла происходить в течение определенного временного отрезка. Погребения по обряду трупосожжения с конем в могильной яме должны относиться к более позднему времени, чем основная масса захоронений по обряду трупоположения с конем и бараном. Трупосожжения с конем на горизонте, свидетельствующие об ассимиляции древних тюрков в кыргызской среде, возможно, совершены в еще более позднее время. Захоронения женщин и детей с бараном должны быть синхронны основной массе погребений с конем.

Ряд исследователей придает важное значение конструкции могильной ямы. Углублению части дна и подбою придается значение эволюционного признака⁹¹. Хотя в основе этого предположения лежит ошибочное представление об “уйгурском влиянии” на древнетюркскую погребальную обрядность, причем “уйгурскими” считаются катакомбные могилы Центральной Тувы, относящиеся, как теперь установлено, к хунно-сарматскому времени. Ступенчатые и подбойные могильные ямы в Минусе, вероятно, действительно появились несколько позже ям с горизонтальным дном⁹². Однако они не вытеснили первоначальную форму, а сосуществовали с ней. Для Среднего Енисея подобный признак надо считать локальным. Весьма существенными и внешне заметными признаками является расположение животного (коня или барана) справа или слева от погребенного, головой в ту же или противоположную сторону, на животе, на боку или на спине. Положение погребенного в могиле, как уже отмечалось, обусловлено его символической готовностью сесть в седло взнузданного и заседланного коня и отправиться в путь в мир иной⁹³. В большинстве случаев всадник располагался с правой стороны от коня, независимо от того, куда была ориентирована голова животного. Впрочем, иногда конь лежал к человеку не правым, а левым боком. При этом необходимо учитывать, что на коня всегда садились с левой стороны, хотя в некоторых случаях на конском скелете стремя располагалось справа. Возможно, это объясняется реальной ситуацией, например, прижизненной травмой коленного сустава погребенного (Тепсей III, могила 67) из-за которой он не мог сесть на лошадь с привычной (т.е. левой) стороны⁹⁴. Однако более вероятно, что нетрадиционная ориентировка коня объясняется иными причинами. Например, в одном из древнетюркских погребений с конем в Кочкорской долине Тянь-Шаня на скелете лошади уцелел деревянный остов седла, помещенный задом наперед, т.е. передней лукой к крупу. Единственное стремя располагалось с левой стороны. Следовательно, древнетюркская женщина, покоившаяся в этой могиле, за какие-то прижизненные деяния должна была проделать путь в мир иной, сидя в седле спиной вперед⁹⁵.

Для Среднего Енисея традиционно положение коня с правой стороны от погребенного, головой в одну с ним сторону. Другие варианты встречаются реже: в могильнике Перевозинский чаа-тас, на памятниках Капчалы II и Тепсей III⁹⁶. Видимо, этот вариант был принесен в Минусу в период тюркского завоевания начала VIII в. и постепенно утратил свое значение, т.к. для более поздних памятников он не характерен. Случаи помещения коня в могилу не на живот, а на бок единичны. Они зафиксированы в могильнике Капчалы II и, вероятно, являются результатом случайного стечения обстоятельств. То же можно сказать о положении коня на спине, ногами вверх. Подобная поза, зафиксированная в кургане 5 могильника Ибыргыс-Кисте⁹⁷, совершенно не характерна для культуры древних тюрков. В Горном Алтае она была достаточно распространена в период существования булан-кобинской культуры⁹⁸. Вероятно, подобное положение животного связано с представлением о загробном мире как зеркальном отражении мира реального, где можно ездить верхом не только спиной вперед, но и ногами вверх. Не ясно только, почему эти представления нашли отражение в обряде только одного захоронения. Упоминание в литературе коня, “свернутого в кольцо”, вызывает сомнения⁹⁹. Вероятно, в Абаканском чаа-тасе было исследовано захоронение с конем, у которого голова повернута в сторону погребенного, что часто встречается в подобных захоронениях. В могилах с углублением дна или подбоем погребенный покоится на дне или в подбое, а конь – на уступе или во входной яме. Это вполне естественно, поскольку углубление или подбой являются камерой для погребенного, дополнительно отделенного от коня (помимо перегородки). В отдельных случаях в подбой помещен именно конь, а погребенный покоится во входной яме. Вряд ли погребение коня в этих случаях является основным. Вероятно, это некоторая рационализация того самого обряда, когда всаднику легче сесть в седло, находясь выше коня.

Ориентация погребенных сильно варьирует, сохраняя, однако, определенное соответствие между погребениями в пределах одного памятника. Преобладает ориентация погребенных в пределах западного сектора горизонта юго-запад – запад – северо-запад. В сторону восточного сектора ориентированы погребения Перевозинского чаа-таса и отдельные захоронения могильников Над Поляной и Тепсей III. Встречается, хотя и

редко, северная ориентировка. Известно, что при изучении древнетюркских погребений с конем в Туве ориентировке погребенных в широтном или меридиональном направлении придавалось очень важное значение. Она считалась хронологическим индикатором. Одни исследователи считали более ранней широтную ориентировку, другие – меридиональную¹⁰⁰. Материалы Минусинской котловины такое предположение не подтверждают. По нашему мнению, ориентировка погребенных во многом зависела от местных топографических условий, связанных с направлением течения реки, господствующей горной грядой и временем года, а также с изменениями в местоположении восхода и захода солнца. Известно, что у древних тюрков страна мертвых была связана с западом. При ориентации на местности восток ассоциировался с понятием “вперед”, а запад – “назад”. Лицом на восток были установлены древнетюркские каменные изваяния и ряды балбалов. Однако путь в мир иной зависел не только от сезонных изменений точек восхода и заката на линии горизонта, но и от реальных условий местности, по которой можно было начать путь в нужном направлении¹⁰¹.

Конструкции надмогильных сооружений не имеют устойчивой корреляции с разными типами и вариантами могил, погребений и их ориентацией. Для большинства древнетюркских погребений с конем характерна округлая или кольцевая насыпь¹⁰². Подовальные или подпрямоугольные конструкции с крепидой характерны для некоторых могильников вдоль левого берега Енисея¹⁰³. Кольцевые или округлые насыпи с оградкой из вертикальных плит в центре встречены в единичных случаях¹⁰⁴. Могила с общей насыпью над несколькими захоронениями характерны только для могильника Белый Яр II в долине р. Абакан и нескольких погребений на могильнике Тепсей III¹⁰⁵. Небольшие округлые и овальные выкладки характерны для детских захоронений с бараном на многих древнетюркских могильниках¹⁰⁶. Грунтовые могилы без насыпей встречены на отдельных памятниках¹⁰⁷. Таким образом, наиболее характерной для минусинских древнетюркских погребений является насыпь округлой формы, с западиной в центре над могильной ямой. Довольно часто встречаются и кольцевые насыпи, многие из которых образовались вследствие провала центральной части насыпи в могильную яму. Специально сооруженные кольцевые насыпи редки. Сложные конструкции с крепидой и специально выложенной стенкой характерны для ряда памятников по берегам р. Енисей. Некоторые редко встречающиеся формы надмогильного сооружения могут быть результатом упрощения известных конструкций.

При учете сочетания разных признаков (конструкции надмогильного и внутримогильного сооружения, обряда погребения, положения погребенного и животного, состава и облика инвентаря) среди минусинского комплекса древнетюркских захоронений можно выделить несколько отделов, групп, типов и вариантов.

Отдел I. Труположения с конем.

Группа I. Труположения взрослых с конем в могильной яме.

Тип I. Погребения с конем под округлыми каменными насыпями, с овальной могильной ямой, с углублением или подбоем, с разделительной стенкой. Погребенный покоится на уступе или во входной яме, конь – в подбое или на дне ямы, головой в ту же сторону, что и человек, т.е. на запад. Под черепом погребенного находится каменная плита-подушка. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, поясного набора. Характерным элементом инвентарного комплекса являются колчаны с орнаментированными костяными накладками. К данному типу относятся памятники Уйбат II (курган 2), Терен-Кель (курган 14)¹⁰⁸.

Вариант 1. Погребения с конем под округлыми каменными насыпями, в яме. Головой человек и конь ориентированы на северо-запад. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, сумка с портупеей. Характерным элементом инвентаря является колчан с орнаментированными костяными накладками. В насыпи кургана найдены фрагменты керамического сосуда баночной формы. К этому варианту относится памятник Таштык (могила 1)¹⁰⁹.

Тип II. Погребения с конем под округлыми каменными насыпями, с могильной ямой подовальной формы и с разделительной стенкой (или без нее). Иногда яма смещена по длинной оси по отношению к уступу. Погребенные лежат в яме, кони – на уступе. Оба головой на юго-запад. В составе инвентаря мужских погребений предметы вооружения, сбруи, поясного набора. Характерным элементом мужского погребения являются бронзовые орнаментированные сбруйные и портупейные накладки. К этому типу относится памятник Ибыргыс-Кисте (курган 4)¹¹⁰.

Вариант 1. Погребения с конем под округлыми каменными насыпями, в овальной могильной яме. Погребенный покоится в яме, конь – на уступе. Оба головой ориентированы на юго-запад. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, пояса. Особенностью мужского погребения является наличие железных поясных накладок с бронзовой инкрустацией. К этому варианту относится памятник Ибыргыс-Кисте (курган 3)¹¹¹.

Вариант 2. Погребения с конем под округлыми каменными насыпями, в овальной могильной яме. Погребенный покоится в яме, конь – на уступе. Оба головой на юго-запад. В составе инвентаря предметы сбруи и украшения. Особенностью женского погребения является наличие сережек с подвесками. К этому варианту относится памятник Ибыргыс-Кисте (курган 2)¹¹².

Вариант 3. Погребения с конем под округлыми каменными насыпями, в овальной могильной яме. Погребенный покойся в яме, конь уложен на спину на уступ. Оба головой на юго-запад. В составе инвентаря предметы сбруи и украшения. Характерная особенность женского погребения – сбруйные орнаментированные бляшки. К этому варианту относится памятник Ибыргыс-Кисте (курган 5)¹¹³.

Тип III. Погребения с конем под округлой каменной насыпью в подпрямоугольной яме. Погребенный покойся на уступе, конь – в яме. Оба головой на юго-восток, север или северо-запад. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, поясного набора. Характерными элементами мужских погребений являются железные предметы пояса и сбруи. К этому типу относятся памятники Тепсей III (могилы 3, 28), Над Поляной (курган 13)¹¹⁴.

Тип IV. Погребения с конем под округлой или подпрямоугольной насыпью с крепидой, в могильной яме подпрямоугольной формы, с подбоем. Погребенный покойся в подбое, конь – в яме. Ориентированы они головами в противоположные стороны: человек на юго-восток, северо-восток, а конь – на северо-запад, юго-запад. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, керамическая посуда. Особенностью погребений является наличие керамической посуды. К этому типу относится памятник Перевозинский чаа-тас (курганы 79, 80, 82)¹¹⁵.

Вариант 1. Погребения с конем под подпрямоугольной насыпью с крепидой, в могильной яме с подбоем. Погребенный покойся в подбое, конь – в яме. Оба ориентированы на северо-восток. В составе инвентаря предметы сбруи. К этому варианту относится памятник Перевозинский чаа-тас (курган 93)¹¹⁶.

Тип V. Погребения с конем под кольцевыми, округлыми или овальными насыпями с крепидой, в одноуровневых ямах подпрямоугольной формы. Погребенный и конь ориентированы головами на юго-запад, запад или юго-восток. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, поясного набора, украшения, керамическая посуда. Особенностью является наличие керамической посуды. К этому типу относятся памятники Капчалы II, Маркелов Мыс I и II, Усть-Тесь (курган 2)¹¹⁷.

Вариант 1. Погребения с конем под округлыми или овальными каменными насыпями, в одноуровневых подпрямоугольных могильных ямах. Человек и конь ориентированы в противоположные стороны. Погребенные лежат головой на юго-восток и северо-восток. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, принадлежности пояса. К этому варианту относятся памятники Капчалы II (могила 8), Тепсей III (могила 67)¹¹⁸.

Вариант 2. Погребения с конем под прямоугольными каменными насыпями, с крепидой из плотно подогнанных в несколько слоев каменных плит, в одноуровневых подпрямоугольных могильных ямах. Погребенный и конь ориентированы головой на северо-запад. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, детали пояса, керамическая посуда. Характерными элементами инвентаря являются серебряные прорезные поясные бляшки с растительным орнаментом. К этому варианту относятся памятники Маркелов Мыс I (курган 21) и II (курган 34)¹¹⁹.

Тип VI. Погребения с конем в грунтовых могилах без насыпи, в подпрямоугольных могильных ямах. Погребенный и конь ориентированы на восток. В составе инвентаря предметы вооружения. К этому типу относится памятник Красный Яр V¹²⁰.

Тип VII. Впускные погребения с конем в насыпях земляных курганов, в подпрямоугольных могильных ямах. Погребенный и конь головой на юго-запад. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, принадлежности пояса, украшения. Характерной особенностью памятников является наличие бронзовых орнаментированных сбруйных и портупейных накладок. К этому типу относятся памятники Сабинка II и Кирбинский Лог¹²¹.

Вариант 1. Впускные погребения с конем в насыпях земляных курганов, в овальных могильных ямах. Погребенный и конь ориентированы в противоположные стороны. Погребенный покойся головой на юго-запад. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, поясного набора. К этому варианту относится памятник Шестаково¹²².

Отдел II. Трупосожжения с конем.

Группа I. Трупосожжения с конем в могильной яме.

Тип. I. Погребения с конем под овальными или подпрямоугольными каменными насыпями с крепидой в одноуровневых подпрямоугольных могильных ямах, с полным или частичным сожжением. Погребенный и конь ориентированы головой на северо-запад. В составе инвентаря предметы вооружения, сбруи, принадлежности пояса, керамическая посуда. Характерной особенностью погребений является наличие керамической посуды. К этому типу относятся памятники Маркелов Мыс I (курган 5) и II (курган 10)¹²³.

Группа II. Трупосожжения с конем на стороне, но с захоронением на горизонте.

Тип I. Погребение с конем под кольцевой каменной насыпью на горизонте, двумя скоплениями. В составе инвентаря предметы сбруи. К этому типу относится памятник Тепсей III (могила 9)¹²⁴.

Отдел III. Труположения с бараном.

Группа I. Труположения взрослых с бараном.

Тип 1. Погребения с бараном под округлыми каменными выкладками, в одноуровневых могильных ямах. Погребенный покоится вытянуто на спине. Баран расположен справа или слева от погребенного, головой в ту же сторону, т.е. на запад или юго-восток. В могилах встречаются железные пряжки и керамические сосуды. К этому типу относятся памятники Перевозинский чаа-тас (курган 122) и Капчалы II (курган 22).

Группа II. Труположения детей с бараном.

Тип 1. Погребения с бараном под овальными каменными выкладками, в могильных ямах с углублением. Погребенный покоится на дне ямы, а баран – на уступе. Ориентированы они в противоположные стороны. Погребенный лежит головой на северо-восток. В составе инвентаря встречается керамическая посуда. К этому типу относится памятник Тепсей (могила 50)¹²⁵.

Вариант 1. Погребения с бараном под овальными каменными выкладками, в яме с подбоем. Погребенный лежит в подбое, а баран – во входной яме. Ориентированы они в противоположные стороны. Погребенный покоится головой на юго-запад. К этому варианту относится памятник Перевозинский чаа-тас (курганы 79 и 94)¹²⁶.

Тип 2. Погребения с бараном под округлыми каменными выкладками, в одноуровневых могильных ямах. Погребенный и баран ориентированы головой на юго-запад, запад или северо-запад. В составе инвентаря принадлежности пояса, ножи, керамическая посуда. К этому типу относятся памятники Капчалы II (могилы 17 и 22), Тепсей III (могилы 15, 32 и 36), Маркелов Мыс I (курган 14) и II (курган 13)¹²⁷ (рис. 35).

Из-за неполноты сведений часть погребений с конем и бараном не были включены в сводную классификацию. В комплексах, вошедших в классификацию, обращает на себя внимание значительное разнообразие форм погребальной обрядности в пределах древнетюркской культуры. Насчитывается три вида обрядности, в каждом из которых по одной или две группы, от одного до семи типов и до восьми вариантов. Всего по формальным признакам выделено 15 различных типов и вариантов среди труположений с конем, 2 типа трупосожжений с конем, 4 типа и варианта труположений с бараном. Наблюдаемые формальные различия могли быть обусловлены разными причинами: хронологическими, локально-территориальными, половозрастными, социальными и, как предполагают некоторые исследователи, даже этническими и культурными. Для определения сущности этих различий необходимы систематизация инвентаря и выделение хронологических групп.

Примечания

¹ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – С. 60 – 66.

² Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – С. 59.

³ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 195 – 199.

⁴ Там же. – С. 196.

⁵ Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск. 1984. – С. 111 – 119; Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1990.

⁶ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – С. 54, 63 – 64.

⁷ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 83 – 103.

⁸ Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X веках. – Свердловск, 1990. – С. 9 – 11, 132 – 137.

⁹ Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. II. – С. 46 – 48; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998. – Т. I. – С. 396 – 403; Табалдиев К.Ш., Москалев М.И., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными территориями. – Бишкек, 1996. – С. 185 – 198; Тетерин Ю.В. Новый памятник древнетюркской эпохи на Среднем Енисее // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т. II. – С. 24 – 26.

¹⁰ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 401.

¹¹ Там же. – С. 402.

¹² Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И. Новые данные о погребениях с конем в Хакаско-Минусинской котловине // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск, 1992. С. 85, 86.

¹³ Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 113 – 122.

¹⁴ Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб., 1999. – С. 198.

¹⁵ Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И. Новые данные... – С. 85, 86.

- ¹⁶ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 150 – 155.
- ¹⁷ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 401.
- ¹⁸ Там же. – С. 397.
- ¹⁹ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 206.
- ²⁰ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 119.
- ²¹ Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов: (Аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 207.
- ²² Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 398.
- ²³ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 206.
- ²⁴ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 403.
- ²⁵ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 61; Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. – М., 1952. – № 24. – С. 129.
- ²⁶ Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык (по материалам раскопок С.А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 95.
- ²⁷ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 195.
- ²⁸ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 112, табл. 1.
- ²⁹ Худяков Ю.С. Новые данные по археологии Когунекской долины // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 185, 186.
- ³⁰ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 114.
- ³¹ Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартынова в г. Минусинске. – Минусинск, 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 144.
- ³² Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 195.
- ³³ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 396.
- ³⁴ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 195; Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 113, табл. 1; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 396.
- ³⁵ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 396.
- ³⁶ Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка... – С. 118 – 122.
- ³⁷ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 113, табл. 1; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 396.
- ³⁸ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 115.
- ³⁹ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 195.
- ⁴⁰ Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. – Кемерово, 1973. – С. 40 – 42; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 83 – 99.
- ⁴¹ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 195.
- ⁴² Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 401.
- ⁴³ Кубарев Г.В. О памятниках типа минусинских чаатасов на Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995. – С. 171 – 175.
- ⁴⁴ Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее. – Новосибирск, 1986. – С. 49.
- ⁴⁵ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 112.
- ⁴⁶ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 396.
- ⁴⁷ Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции... – С. 144; Левашова В.П. Два поминальника кыргыз-хакасов... – С. 132; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 155; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 398; рис. 1, 4; 2, 3.
- ⁴⁸ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 112, табл. 1; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 150.
- ⁴⁹ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 112, табл. 1; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 150.
- ⁵⁰ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 398; рис. 1, 4; 2, 3.
- ⁵¹ Худяков Ю.С. Раскопки могильников Ах-Хол и Ибыргыс-Кисте // АО 1983 года. – М., 1985. – С. 248.
- ⁵² Там же. – С. 248.
- ⁵³ Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – 1998. – № 3. – С. 31; Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 61; рис. 112.
- ⁵⁴ Нестеров С.В. Таксономический анализ... – С. 112; табл. 1.
- ⁵⁵ Там же. – С. 112; табл. 1; Худяков Ю.С. Новые данные по археологии Когунекской долины... – С. 186.
- ⁵⁶ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 195, 196.
- ⁵⁷ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 112.
- ⁵⁸ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 401.
- ⁵⁹ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 155.
- ⁶⁰ Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции... – С. 144; Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 60; Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов... – С. 129; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 401.

- ⁶¹ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов... – С. 129.
- ⁶² Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 155.
- ⁶³ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов... – С. 129, 130.
- ⁶⁴ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 150 – 153.
- ⁶⁵ Худяков Ю.С. Раскопки могильников Ах-Хол и Ибыргыс-Кисте... – С. 248.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской экспедиции в 1967 г. // Архив ИА. – Р-1, д. 3535, л. 24.
- ⁶⁸ Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА. – Р-1, д. 4088, л. 24.
- ⁶⁹ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 61 – 64; Худяков Ю.С. Древнетюркский орнаментированный колчан из могильника Терен-Кель // Изв. СО АН СССР. Сер. Ист., филолог. и философ. – Новосибирск, 1988. – Вып. 3. – С. 60.
- ⁷⁰ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов... – С. 132; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 150 – 153.
- ⁷¹ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 153.
- ⁷² Там же. – С. 155.
- ⁷³ Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской экспедиции в 1968 г... – С. 25.
- ⁷⁴ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 401; Табалдиев К.Ш., Москалев М.И., Митько О.А. Культура средневекового населения... – С. 193.
- ⁷⁵ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 151.
- ⁷⁶ Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей III // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С. 88 – 90.
- ⁷⁷ Худяков Ю.С. Реконструкция узды... – С. 31.
- ⁷⁸ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 60, 66; Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов... – С. 132; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402.
- ⁷⁹ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402.
- ⁸⁰ Кубарев Г.В., Журавлева А.Д. Древнетюркская керамика Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1998. – № 3. – С. 25 – 29; Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996. – С. 57, 58.
- ⁸¹ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 196.
- ⁸² Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка... – С. 118.
- ⁸³ Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык... – С. 95.
- ⁸⁴ Худяков Ю.С. Отчет о работе Южносибирского отряда САКЭ ИИФФ СО АН СССР в Бейском и Орджоникидзевском районах Хакасской АО в полевом сезоне 1986 года. – Новосибирск, 1986. – С. 22.
- ⁸⁵ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 195, 196.
- ⁸⁶ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 115, 116.
- ⁸⁷ Там же. – С. 116 – 119.
- ⁸⁸ Там же. – С. 117, 118.
- ⁸⁹ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 198.
- ⁹⁰ Там же. – С. 199.
- ⁹¹ Овчинникова Б.Б. Захоронения в подбоях средневековой Тувы // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. обл. конф. – Омск, 1979. – С. 72.
- ⁹² Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. – Новосибирск, 1993. – С. 55, 56.
- ⁹³ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 198.
- ⁹⁴ Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей III. – С. 88.
- ⁹⁵ Худяков Ю.Б.С. Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрков Центрального Тянь-Шаня // Российская археология. – 1999. – № 3.
- ⁹⁶ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 112; табл. 1.
- ⁹⁷ Худяков Ю.С. Раскопки могильников Ах-Хол и Ибыргыс-Кисте... – С. 248.
- ⁹⁸ Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири... – С. 65.
- ⁹⁹ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Работы в Хакасии и Туве // АО 1982 года. – М., 1984. – С. 212.
- ¹⁰⁰ Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник. – М., 1973. – С. 370; Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979. – С. 138.
- ¹⁰¹ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее. – С. 196 – 198.
- ¹⁰² Там же. – С. 195.
- ¹⁰³ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 396.
- ¹⁰⁴ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 114.
- ¹⁰⁵ Киргинев Э.Н., Поселянин А.И. Новые данные... – С. 86.
- ¹⁰⁶ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 152.
- ¹⁰⁷ Нестеров С.П. Таксономический анализ... – С. 115.
- ¹⁰⁸ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 61 – 64.
- ¹⁰⁹ Нестеров С.П. Погребение с конем... – С. 95.

- ¹¹⁰ Худяков Ю.С. Реконструкция узды... – С. 31 – 33.
- ¹¹¹ Худяков Ю.С. Раскопки могильников Ах-Хол и Ибыргыс-Кисте... – С. 248.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 150 – 153.
- ¹¹⁵ Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской экспедиции в 1967 г. – С. 25.
- ¹¹⁶ Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской экспедиции в 1968 году. – С. 24.
- ¹¹⁷ Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции... – С. 144; Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов... – С. 129; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 396 – 401.
- ¹¹⁸ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов... – С. 132; Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей III. – С. 88 – 90.
- ¹¹⁹ Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка... – С. 115 – 122; Митько О.А. Древнетюркские погребения... – С. 46.
- ¹²⁰ Вадецкая Э.Б. Отчет о раскопках 1972 года... – С. 18.
- ¹²¹ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 83 – 103.
- ¹²² Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – С. 40 – 42.
- ¹²³ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 401.
- ¹²⁴ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 151.
- ¹²⁵ Там же. – С. 155.
- ¹²⁶ Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской экспедиции в 1968 году. – С. 25.
- ¹²⁷ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов... – С. 132; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 151 – 153; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 401.

ГЛАВА 5

ВООРУЖЕНИЕ

Военное дело древних тюрок Минусинской котловины представляет вполне самостоятельный интерес, поскольку в VIII – X вв. они были подданными кыргызских каганов и имели самостоятельные отряды в составе кыргызского войска. Исключением является непродолжительный период подчинения кыргызских земель Второму Восточному Тюркскому каганату в начале VIII в., когда тюрки, проживавшие на Среднем Енисее, были частью единого тюркского государства. За время проживания в Минусинской котловине древние тюрки («кок-тюрки», «минусинские тюрки»), несомненно, оказали значительное влияние на кыргызов в политической, военной и культурной областях. Вполне вероятно, что под влиянием тюрок у кыргызов сложилась централизованная военно-административная система, получили распространение некоторые виды и типы вооружения и воинского снаряжения, что способствовало возрастанию военной мощи и военным успехам войск Кыргызского каганата.

Вооружение древних тюрок Среднего Енисея было объектом изучения ряда исследователей. Отдельные находки предметов вооружения из погребения на р. Таштык опубликовал С.А. Теплоухов¹. Костяные накладки луков, наконечники стрел и берестяной колчан с орнаментированными накладками из памятников Уйбат II и Капчалы II были охарактеризованы Л.А. Евтюховой². Более подробно предметы вооружения из могильника Капчалы II были описаны В.П. Левашовой³. Отдельные находки накладок луков, наконечники стрел и тесла из древнетюркских захоронений могильника Тепсей III были опубликованы М.П. Грязновым, Ю.С. Худяковым и С.П. Нестеровым⁴. Первый опыт обобщения материалов по вооружению кок-тюрок Среднего Енисея был предпринят Ю.С. Худяковым в 1979 г.⁵ Были выделены 3 типа луков, несколько типов трехлопастных и плоских железных наконечников стрел, охарактеризованы колчаны, кинжалы и тесла. В 1980 г. опубликована первая специальная работа, посвященная вооружению кок-тюрок Среднего Енисея⁶. В ней были описаны предметы вооружения из более широкого круга древнетюркских памятников, выделены 4 типа луков, 5 типов трехлопастных и 1 тип плоских наконечников стрел, по одному типу колчанов и тесел, охарактеризованы кинжалы, реконструирован комплекс вооружения кок-тюрок⁷. В 1982 г. находки предметов вооружения из древнетюркского погребения на р. Таштык были описаны С.П. Нестеровым⁸.

При обобщении имеющихся материалов по военному делу древних тюрок Центральной Азии Ю.С. Худяков ввел в научный оборот новые находки предметов вооружения из раскопок древнетюркского могильника Ибыргыс-Кисте в Минусинской котловине, среди которых были железный палаш в ножнах с двумя петлями и берестяной колчан⁹.

При описании колчана с орнаментированными накладками из древнетюркского захоронения могильника Терен-Кель удалось с большой точностью реконструировать расположение накладок на кармане, горловине и верхней части приемника колчана¹⁰. В дальнейшем это позволило уточнить расположение костяных накладок на колчанах из памятников Таштык (могила I), Уйбат II (курган 2), Георгиевская Гора III (могила I)¹¹. Д.Г. Савинов, П.Г. Павлов и Е.Д. Паульс издали материалы раскопок древнетюркских впускных захоронений могильников Сабинка II и Кирбинский Лог. Здесь обнаружено большое количество предметов вооружения: накладки на луки, наконечники стрел, колчаны, тесла¹².

В публикации Б.Б. Овчинниковой упомянуты инвентарные комплексы из древнетюркских погребений Саяно-Алтая, а отдельные предметы вооружения были включены в сводные таблицы и рисунки¹³. В этих таблицах учтены накладки на луки из памятников Таштык, Капчалы II, Уйбат II, Тепсей III, Над Поляной и Перевозинский чаа-тас¹⁴, а также наконечники стрел, колчаны и колчанные крючки из памятников Таштык, Капчалы II, Уйбат II, Тепсей III¹⁵. На одном из рисунков приведено изображение кинжала из памятника Капчалы II¹⁶.

К настоящему времени в результате раскопок новых памятников древнетюркской культуры в Минусинской котловине накоплен обширный массив предметов вооружения. Не все они могут быть привлечены для анализа и обобщения, поскольку значительная часть материалов с этих памятников пока не опубликована.

Оружие было важной составной частью сопроводительного инвентаря в погребальной обрядности древних тюрок, сопровождая в потусторонний мир мужчин-воинов. В двадцати пяти из тридцати двух мужских захоронений древних тюрок на Среднем Енисее встречались предметы вооружения. Подавляющая часть этих находок относится к средствам ведения дистанционного боя.

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ДИСТАНЦИОННОГО БОЯ

Комплекс боевых средств древних тюрок Среднего Енисея представлен различными типами луков и стрел. В данном разделе рассматривается и такой вид воинского снаряжения для ношения и хранения стрел, как колчаны.

Луки

Все луки, которые в виде костяных накладок обнаружены в памятниках древних тюрок Минусинской котловины, относятся к группе сложносоставных. По количеству и местоположению накладок они подразделяются на несколько типов¹⁷.

Тип 1. Луки с концевыми и срединными боковыми накладками. Включает 3 экземпляра с памятников Капчалы II (курган 8), Георгиевская Гора III (могила 1), Уйбат II (курган 1)¹⁸. Длина кибити лука со снятой тетивой, судя по расположению накладок в могиле, достигала 134 см¹⁹. Длина срединных боковых накладок равна 13,5 – 16,5 см, а ширина 2 – 3 см. Срединные боковые накладки длинные, широкие, со скошенными концами. По их внутренней стороне, внешнему краю, обращенному к спинке, и концам нанесена косая нарезка для приклеивания к деревянной основе кибити и обклейки из сухожилий и бересты. Концевые боковые накладки длинные или короткие, узкие, с арочным вырезом для крепления петель тетивы (ушком). Длина концевых накладок составляет до 18 см, а ширина до 2 см. Судя по одинаковой длине концевых накладок на оба конца кибити, луки этого типа имели симметричные плечи.

Подобные луки были широко распространены у кочевников хунно-сарматского и древнетюркского времени степного пояса Евразии²⁰ (рис. 36, 6 – 8, 10, 11; 37, 6).

Тип 2. Луки с одной парой концевых и срединными боковыми накладками. Включает 1 экземпляр из памятника Перевозинский чаа-тас (курган 82)²¹. Длина кибити лука не установлена. Длина срединных боковых накладок 12 см, ширина 2 см. Длина концевых боковых накладок 18 см, ширина 2 см. Срединные боковые накладки длинные, широкие, со скошенными концами, покрытые по внутренней стороне и внешнему краю, обращенному к спинке и концам, косой нарезкой. Концевые боковые накладки длинные, узкие, с арочным вырезом-ушком. По мнению Л.П. Зяблина, расстояние между срединными боковыми накладками, зафиксированное в процессе раскопок, соответствует толщине кибити в 1,3 см²².

Вероятно, луки данного типа были асимметричными. Подобные луки встречаются в древнетюркских памятниках Тувы и Горного Алтая, в кимакских памятниках Восточного Казахстана²³. Такая форма изделий, вероятно, являлась модификацией исходного варианта лука с двумя парами концевых накладок на оба конца кибити²⁴. В Минусинской котловине подобные луки использовались в VI – X вв.²⁵

Тип 3. Луки со срединными боковыми накладками. Включает 13 экземпляров из памятников Капчалы II (курган 3), Красный Яр V (могила 1), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1; курган 5, могила 4), Над Поляной (могила 12), Таштык (могила 1), Терен-Кель (курган 15), Тепсей III (могила 67), Сабинка I (курган 1, могила 2; курган 2, могила 2), Шестаково (курган 3, погребение Б)²⁶. Длина кибити лука со снятой тетивой установлена по местоположению накладок в могиле и составляет около 120 см²⁷. Длина срединных боковых накладок равна 9 – 15 см, а ширина 2 – 2,5 см. Срединные боковые накладки длинные или короткие, широкие, со скошенными концами. По внутренней стороне, а также внешнему краю, обращенному к спинке и концам накладок, нанесена косая нарезка (рис. 36, 1 – 5; 37, 1 – 4; 38, 6, 7).

Луки данного типа часто встречаются на памятниках древних тюрок в пределах всего Саяно-Алтая²⁸. Появление подобных симметричных луков связано с сокращением размеров и упрощением конструкции кибити, а также, вероятно, с уменьшением дистанции прицельной стрельбы. У древних тюрок подобные луки начали использоваться в VII в. и были распространены по всей территории расселения²⁹. В Минусинской котловине они могли появиться в начале VIII в. в результате победоносного похода древнетюркского войска против кыргызов.

Тип 4. Луки со срединными боковыми и фронтальной накладками. Включает 1 экземпляр из памятника Капчалы II (могила 1)³⁰. Размеры лука не установлены, т.к. сохранилась лишь часть фронтальной накладки (длина 11,5 см, ширина 1,2 см). Накладка короткая, узкая, трапецевидная в сечении.

Вероятно, подобный лук был симметричным. В памятниках культуры древних тюрков луки данного типа встречаются редко. Помимо Минусинской котловины, они известны в Туве³¹. Однако такие луки характерны для уйгуров и кимаков³². В Минусинской котловине они были распространены в VIII – X вв. (рис. 36, 9; 37, 5).

Судя по имеющимся материалам, все рассмотренные выше типы луков бытовали у древних тюрков в течение всего раннего средневековья, а на Средний Енисей попали во время завоевательного похода начала VIII в. В дальнейшем они развивались синхронно с изменением формы луков древних тюрков на всей территории распространения их культуры. Исключение составляют отдельные типы луков со срединными и плечевыми фронтальными накладками, характерные для тюрков Горного Алтая в VIII – X вв.³³ Вероятно, типологическое разнообразие луков минусинских тюрков оказало влияние на развитие данного вида оружия у кыргызов. Однако из-за обряда кремации в кыргызских памятниках сохранились лишь отдельные фрагменты костяных накладок, по которым трудно судить о реальном многообразии форм. Наиболее распространены у кыргызов и у кок-тюрков Среднего Енисея³⁴ были луки со срединными боковыми накладками (рис. 38).

Наконечники стрел

Наконечники стрел являются самыми распространенными предметами вооружения, найденными памятниках древних тюрков Минусинской котловины. Материалом для изготовления большинства древнетюркских наконечников стрел послужило железо. Все *железные наконечники* относятся к отделу черешковых. По сечению пера среди них выделено несколько групп.

Группа 1. Трехлопастные наконечники. По форме пера подразделяются на семь типов.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные наконечники. Включает 21 экземпляр из памятников Белый Яр II (курган 1, могила 3; курган 7, могила 4), Капчалы II (курган 2, 8), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1), Сабинка I (курган 1, могила 2; курган 2, могила 2), Таштык (могила 1), Тепсей III (могила 3, 28, 67), Шестаково (курган 3, пограбление А). Длина пера 5 см, ширина пера 4 см, длина черешка 5 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами и прямыми плечиками. Лопастей пера бывают узкие или широкие. В нижней трети лопастей они снабжены округлыми отверстиями. Под пером на наконечники надевали полые костяные шарики-свистунки с округлыми отверстиями (рис. 40; 42, 15; 43, 2; 45, 1, 2, 4 – 7; 46, 2, 26).

Подобные наконечники были очень широко распространены в кочевом мире в эпоху раннего средневековья. Они в наибольшей степени характерны для древних тюрков Центральной Азии в VI – X вв.³⁵

Тип 2. Удлиненно-шестиугольные наконечники. Включает 11 экземпляров из памятников Белый Яр II (курган 1, могила 3; курган 7, могила 4), Ибыргыс-Кисте (курган 4), Капчалы II (курган 8), Терен-Кель (курган 14), Шестаково (курган 3, пограбления А, Б). Длина пера 5 см, ширина пера 2 см; длина черешка 5 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, пологими плечиками. Лопастей пера узкие или широкие. В нижней трети лопастей имеются округлые отверстия. Некоторые наконечники снабжены полыми костяными шариками-свистунками с округлыми отверстиями (рис. 40, 1; 41, 2; 44, 3; 45, 10, 11, 13, 14; 46, 1, 3, 5, 7, 16).

Наконечники подобной формы были распространены во многих культурах кочевников степной Евразии в эпоху раннего средневековья. У древних тюрков они были самыми многочисленными³⁶.

Тип 3. Асимметрично-ромбические наконечники. Включает 6 экземпляров из памятников Белый Яр II (курган 1, могила 3), Ибыргыс-Кисте (курган 4), Капчалы II (курган 2), Сабинка I (курган 2, могила 2), Тепсей III (могила 67). Длина пера 4 см, ширина пера 1 см, длина черешка 4 см. Наконечники с тупоугольным острием и пологими плечиками.

Подобные наконечники известны по культурам раннесредневековых кочевников, в том числе древних тюрков Саяно-Алтая и Монголии³⁷. В большей степени они характерны для кыргызов и кимаков³⁸.

Тип 4. Удлиненно-треугольные наконечники. Включает 3 экземпляра из памятников Капчалы II (курган 2), Тепсей III (могила 28), Шестаково (курган 3, погребение А, Б). Длина пера 4 см, ширина пера 1 см, длина черешка 4 см. Наконечники с остроугольным острием и прямыми плечиками. Отдельные экземпляры снабжены полыми костяными шариками-свистунками с овальными отверстиями (рис. 45, 9; 46, 6).

Наконечники подобной формы бытовали у кочевников Центральной Азии в течение длительного периода древности и раннего средневековья. У древних тюрков они были распространены в пределах всего ареала расселения³⁹.

Тип 5. Удлиненно-ромбические наконечники. Включает 8 экземпляров из памятников Белый Яр II (курган 1, могила 3), Тепсей III (могила 3), Терен-Кель (курган 14). Длина пера 6 см, ширина пера 3 см, длина черешка 6 см. Наконечники имеют остроугольное острие и покатые плечики. В нижней трети лопастей у некоторых экземпляров выполнены округлые отверстия. Отдельные наконечники снабжены полыми костяными шариками-свистунками с округлыми отверстиями (рис. 40, 2, 4, 5; 44, 1, 2; 45, 8; 46, 4, 8).

Подобные наконечники были распространены у центральноазиатских кочевников с хуннского времени. Древние тюрки имели их на вооружении в течение всего периода раннего средневековья⁴⁰.

Тип 6. Томары. Включает 1 экземпляр из памятника Терен-Кель (курган 14). Наконечник имеет тупое острие, параллельные стороны и покатые плечики. Он снабжен полым костяным шариком-свистункой с округлыми отверстиями (рис. 41, 12).

Наконечники подобного типа в кочевых культурах Центральной Азии встречаются очень редко. Они зафиксированы на памятниках древних тюрок Минусинской котловины и Горного Алтая⁴¹.

Тип 7. Шипастые томары. Включает 1 экземпляр из памятника Капчалы II (курган 2). Длина пера 4,5 см, ширина 4,5 см; длина черешка 6 см. Наконечник с тупым острием, небольшим остроугольным выступом в центре, параллельными сторонами, приостренными выступами и вогнутыми плечиками. В нижней трети лопастей имеются крупные округлые отверстия. На черешке есть полая костяная свистунка с округлыми отверстиями (рис. 45, 3).

Подобные наконечники в памятниках средневековых кочевников встречаются редко. Они известны по памятникам кочевников в Туве, относящимся к концу I тыс. н.э.⁴²

Группа 2. Трехгранные наконечники. По форме пера подразделяется на 4 типа.

Тип 1. Боеголовковые наконечники. Включает 5 экземпляров из памятников Ибыргыс-Кисте (курган 4), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1; курган 5, могила 4). Длина пера 4 см, ширина пера 1,2 см, длина черешка 6 см. Наконечники остроугольной формы, с выделенной боевой головкой и удлиненной шейкой с упором (рис. 41, 8; 45, 29).

Подобные наконечники широко бытовали в кочевом мире, включая периоды раннего и развитого средневековья. Они известны по памятникам древних тюрок Минусинской котловины и Горного Алтая⁴³.

Тип 2. Удлиненно-треугольные наконечники. Включает 7 экземпляров из памятников Ибыргыс-Кисте (курган 4), Кирбинский Лог (курган 5, могила 4), Сабинка I (курган 1, могила 2), Шестаково (курган 3, погребения А и Б). Длина пера 6 см, ширина пера 1,3 см, длина черешка 3 см. Наконечники с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 41, 13, 15).

В Центральной Азии подобные наконечники бытовали в течение длительного исторического периода: с хуннского времени до позднего средневековья. В памятниках древнетюркской культуры за пределами Минусинской котловины они не встречены.

Тип 3. Асимметрично-ромбические наконечники. Включает 4 экземпляра из памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4). Длина пера 4 см, ширина 1,5 см; длина черешка 1 см. Наконечники с остроугольным острием и пологими плечиками (рис. 41, 10, 11; 46, 22, 23).

Наконечники данного типа распространены в культурах кочевников раннего и развитого средневековья. Они представлены в наборах стрел древних тюрок Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины⁴⁴.

Тип 4. Удлиненно-ромбические боеголовковые наконечники. Включает 1 экземпляр из памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4). Длина пера 7,5 см, ширина 0,8 см; длина черешка 5 см. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боевой головкой с покатыми плечиками, удлиненной шейкой и упором (рис. 47).

Данный наконечник имеет необычные пропорции, очень узкую, короткую боевую головку и длинную шейку. Вероятно, это поисковая форма, не имеющая аналогий в памятниках культуры древних тюрок и других средневековых кочевников Центральной Азии.

Группа III. Четырехгранные наконечники. По форме пера подразделяется на два типа.

Тип 1. Удлиненно-ромбические наконечники. Включает 4 экземпляра из памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4). Длина пера 3 см, ширина 1,5 см; длина черешка 3 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 41, 4 – 6, 16; 47).

Наконечники подобного типа появились в Центральной Азии в хуннское время. В материалах памятников древних тюрок они встречаются редко. Помимо Минусинской котловины, были найдены в Горном Алтае и Монголии⁴⁵.

Тип 2. Асимметрично-ромбические наконечники. Включает 1 экземпляр из памятника Сабинка I (курган 2, могила 2). Длина пера 2,5 см, ширина 1 см; длина черешка 4 см. Наконечник с остроугольным острием и пологими плечиками (рис. 42, 9, 10; 47).

Подобные наконечники для культуры древних тюрок за пределами Минусинской котловины не характерны. Они бытовали у енисейских кыргызов в конце I – начале II тыс. н.э.⁴⁶

Группа IV. Плоские наконечники. По форме пера подразделяются на 4 типа.

Тип 1. Асимметрично-ромбические наконечники. Включает 2 экземпляра из памятников Кирбинский Лог (курган 3, могила 1), Уйбат II (курган 1). Длина пера 6 см, ширина 3 см; длина черешка 6 см. Наконечники с тупоугольным острием и пологими плечиками (рис. 46, 24, 25).

Наконечники подобной формы появились в хуннское время. Наиболее широкое распространение они получили у центральноазиатских кочевников в развитом и позднем средневековье. Встречаются в памятниках древних тюрок Горного Алтая, Минусинской котловины и Монголии⁴⁷.

Тип 2. Томары. Включает 2 экземпляра из памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4). Длина пера 5 см, ширина 3,5 см; длина черешка 5 см. Наконечники имеют тупое острие и пологие плечики (рис. 41, 3; 47).

Изделия подобной формы были характерны для кочевников Центральной Азии эпохи развитого средневековья. В памятниках древних тюрок встречены только в Минусинской котловине⁴⁸.

Тип 3. Овально-крылатые наконечники. Включает 1 экземпляр из памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4). Длина пера 6,5 см, ширина 4 см; длина черешка 9,5 см. Наконечник имеет округлое острие, выступающие крылья и округлые плечики (рис. 41, 1; 47).

Подобные изделия получили распространение в кочевом мире в развитом и позднем средневековье. В древнетюркских комплексах они обнаружены только в Минусинской котловине⁴⁹.

Тип 4. Вытянуто-пятиугольные наконечники. Включает 1 экземпляр из памятника Сабинка I (курган 2, могила 2). Длина пера 6,5 см, ширина 0,8 см; длина черешка 4 см. Наконечник имеет остроугольное острие и узкое вытянутое перо (рис. 47). Данный наконечник необычен: вероятно, это поисковая форма. Аналоги в комплексах средневековых кочевников не найдены.

Группа V. Зигзагообразные наконечники. Представлены одним типом.

Тип 1. Асимметрично-ромбические наконечники. Включает 1 экземпляр из памятника Сабинка I (курган 2, могила 2). Длина пера 2,5 см, ширина 1 см; длина черешка 6 см. Наконечник с тупоугольным острием и пологими плечиками (рис. 47).

Подобные наконечники были характерны для кочевников Минусинской котловины и Забайкалья в монгольское время⁵⁰. В древнетюркских комплексах изделия такой формы больше не найдены: вероятно, это поисковая форма.

Костяных наконечников стрел в древнетюркских комплексах Среднего Енисея не обнаружены.

Деревянные наконечники стрел в памятниках древних тюрок Минусинской котловины встречаются очень редко. По способу насада они относятся к отделу черешковых, а по сечению пера выделена одна группа.

Группа I. Круглые наконечники. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-грушевидные наконечники. Включает 2 экземпляра из памятника Сабинка I (курган 1, могила 2). Длина пера 5 см, ширина 2 см. Наконечники с треугольным острием, плавно расширяющимся бойком и овальной боевой головкой; черешки обломаны⁵¹. Подобные изделия не характерны для древнетюркской и других кочевых культур раннего средневековья (рис. 46, 30, 31).

Таким образом, набор железных наконечников стрел из памятников древних тюрок Минусинской котловины обладает определенным своеобразием по сравнению с общетюркским комплексом, частью которого он является. Наибольшее количество типов представлено трехлопастными и плоскими наконечниками, ориентированными на стрельбу по незащищенному панцирем противнику⁵². Среди трехлопастных изделий самыми распространенными являются вытянуто-пятиугольные, удлиненно-шестиугольные, асимметрично-ромбические и удлиненно-ромбические, а среди плоских – асимметрично-ромбические. В общетюркском комплексе шире типологическое разнообразие и есть еще один многочисленный тип – удлиненно-треугольные наконечники. На Енисее эта форма встречается редко. В общетюркском наборе имеются редкие группы небронебойных изделий, двухлопастные и четырехлопастные наконечники, которых нет в Минусе. На Енисее же представлены зигзагообразные наконечники, не найденные на памятниках древних тюрок за пределами Минусинской котловины. Бронебойные стрелы редки у тюрок и в Центральной Азии и на Енисее, но группы и типы их различны. На Енисее бытовали 4 типа трехгранных и 2 типа четырехгранных наконечников, а в Центральной Азии также трехгранно-трехлопастные и круглые изделия. Наибольшее сходство с минусинским комплексом демонстрирует набор железных стрел древних тюрок IX – X вв., т.к. они бытовали почти в одно время⁵³. В синхронном с минусинским кыргызском комплексе шире представлены бронебойные наконечники. Есть отличия и в кимакском комплексе⁵⁴.

Характеризуя набор железных наконечников стрел минусинских тюрок необходимо еще раз подчеркнуть, что он в основном был ориентирован на стрельбу по незащищенному панцирем противнику. Однако древние турки применяли и бронебойные стрелы.

Иногда встречающиеся в материалах памятников древних тюрок Минусинской котловины деревянные наконечники стрел для военных целей использоваться не могли. Вероятно, они были предназначены для охоты на пушных зверей.

Некоторые железные наконечники из памятников древних тюрок Среднего Енисея имели однотипные костяные шарики-свистунки. Это полые цилиндрические муфты, расширяющиеся в средней части и сужающиеся

к концам. В расширенной части симметрично располагались три отверстия округлой или овальной формы. Свистунки сопровождали довольно крупные трехлопастные наконечники. В некоторых колчанах они присутствовали на всех наконечниках, в других – на двух-трех стрелах⁵⁵.

На погребениях древних тюрок в колчанах иногда находят обломки деревянных древков стрел. Это сравнительно небольшие цилиндрические фрагменты без раскраски, каких-либо меток и ушек для натяжения тетивы.

Колчаны

Колчаны, в которых древнетюркские воины хранили и носили стрелы, неоднократно находили на памятниках древних тюрок Минусинской котловины. Они часто становились предметом анализа как составляющая комплекса вооружения древних тюрок Центральной Азии, Минусинской котловины, а иногда рассматривались специально⁵⁶. Все найденные в древнетюркских памятниках Минусы колчаны изготовлены из бересты. По сечению приемника их можно отнести к группе колчанов с цилиндрическим приемником. По форме горловины среди них выделены два типа.

Тип 1. Закрытые колчаны с горизонтально срезанным верхом. Включает 3 экземпляра с памятников Ибыргыс-Кисте (курган 3), Сабинка I (курган 1, могила 2), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1)⁵⁷. Длина приемника равна 80 см, ширина горловины 17 см, ширина днища 20 см. Колчаны имели широкую горловину и слегка расширяющийся к низу приемник (рис. 48, 3; 50, 1 – 3). Внешняя поверхность приемника сабинского колчана с одной стороны украшена вертикальной полосой елочного орнамента. Приемник кирбинского колчана декорирован ячеистым орнаментом. На последнем имелись деревянные планки-накладки. Подобные колчаны известны по материалам древнетюркских памятников Горного Алтая и Тувы⁵⁸.

Тип 2. Открытые колчаны с карманом. Включает 11 экземпляров из памятников Белый Яр II (курган 1, могила 1; курган 1, могила 3; курган 3, могила 1; курган 7, могила 3), Георгиевская Гора III (могила 1), Ибыргыс-Кисте (курган 4), Сабинка I (курган 1, могила 4), Кирбинский Лог (курган 5, могила 4), Таштык (могила 10), Терен-Кель (курган 14), Уйбат II (курган 1)⁵⁹. Длина приемника составляла 85 см, ширина горловины 14 см, ширина днища 22 см. Колчаны с карманом имеют узкую или широкую горловину и расширяющийся к днищу приемник (рис. 48, 2; 49; 50, 4 – 8). Внешняя поверхность сабинского колчана орнаментирована двумя вертикальными полосами, дугами и кругами. На приемнике колчана из Ибыргыс-Кисте имеются две вертикальных полосы. Горловина и верхняя часть приемника колчана с Георгиевской Горы укреплены широкой горизонтальной полосой и тремя вертикальными планками. Колчаны из Таштыка, Терен-Келя и Уйбата украшены костяными орнаментированными накладками (рис. 51). На таштыкском и теренкельском колчанах широкая горизонтальная пластина-накладка горловины приемника декорирована двумя полосами меандрово-циркульного орнамента. Такие пластины-накладки располагались в верхней части приемника: по бокам и в центре. Карман колчана иногда укрепляли аналогичными и дополнительными узкими накладками с рядами черточек. Накладка на горловину уйбатского колчана была украшена двумя рядами волнот, а пластинки на кармане – циркульным орнаментом. Накладки служили не только для украшения, но и для придания колчану жесткости.

Во всех достоверно зафиксированных случаях стрелы в колчанах помещались наконечниками вверх. В большинстве колчанов обнаружено по 6 – 8 стрел, только в колчане из Ибыргыс-Кисте (курган 4) было 22 стрелы. В некоторых колчанах, помещенных в могилы, совсем не было стрел, в других их насчитывалось по 2 – 4 штуки. Вероятно, небольшое количество стрел связано не с реальной вместительностью колчанов, а служило символом боевого оружия. Колчан с двадцатью стрелами и более можно считать достаточно заполненным.

С колчанами встречаются и железные крючья. Они служили для крепления колчана к поясу или портупее. Их нашли далеко не во всех колчанах. Для минусинских колчанов характерны крюки на пластинах, крепившихся к ремешкам при помощи заклепок (рис. 42, 7; 71, 1). Подобные изделия найдены в памятниках Капчалы II (курган 2), Тепсей III (могила 67), Терен-Кель (курган 14) и характерны для эпохи развитого средневековья⁶⁰. Возможно, к колчанной портупее относятся железные кольца-распределители ремней с накладками, пряжки и узкие накладки с заклепками⁶¹. Характерно, что на колчанах минусинских тюрок не найдено боковых костяных петель, типичных для подобных изделий уйгуров, кимаков и кыпчаков.

Многие колчаны из памятников древних тюрок Среднего Енисея богато украшены орнаментированными костяными накладками, что типично для тюрок всего Саяно-Алтая⁶². Орнаментация берестяных приемников характерна для Минусинской котловины. Мотивы орнамента на приемниках и накладках различны. Судя по богатой орнаментации, колчаны являлись не просто чехлом для стрел, но и важным воинским атрибутом, предметом гордости, олицетворением высокого социального статуса⁶³.

Обычно колчаны носили на поясе справа в наклонном положении, чтобы они не мешали при ходьбе. Так они изображены у всадников на петроглифах и бронзовых бляхах⁶⁴.

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

Предметы наступательного вооружения ближнего и рукопашного боя в памятниках древних тюрок на Среднем Енисее встречаются очень редко. Среди них выделено несколько видов.

Палаши

Находки палашей в древнетюркских памятниках Минусинской котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи единичны. По сечению клинка они относятся к группе трехгранных палашей. По форме клинка и перекрестья среди них можно выделить один тип.

Тип 1. Палаши с крестообразным перекрестьем. Включает 2 экземпляра из памятников Ибыргыс-Кисте (курган 4), Шестаково (курган 3, погребение А). Длина клинка составляет 78 см, ширина 3 см; высота рукояти 14 см. Палаш из Ибыргыс-Кисте имеет прямой однолезвийный клинок, прямое крестообразное перекрестье со слегка расширяющимися концами, навершие в виде округлой пятки рукояти. На полосе сохранились остатки деревянных ножен с двумя пластинчатыми обоями и дисковидными петлями. Нижняя часть ножен оплетена узкой спиральной полоской бересты⁶⁵ (рис. 48, 1). Шестаковский палаш представлен обломками. У него отсутствует рукоять с навершием и перекрестьем, а острие круто загнуто⁶⁶. Вероятно, это следствие деформации клинка в погребении (рис. 52, 1). К данному типу этот палаш отнесен условно. Такие палаши встречены на древнетюркских памятниках Тувы и Горного Алтая⁶⁷.

Хотя находки рубяще-колющего клинкового оружия в древнетюркских погребениях единичны, видимо, палаши были достаточно распространенным видом оружия ближнего боя. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные на древнетюркских каменных изваяниях изображения длинных прямых клинков, подвешенных к поясу с левой стороны. Такой клинок выполнен на изваянии Казан-Кыс-Таш, некогда стоявшем в долине р. Черный Июс на севере Минусинской котловины⁶⁸. Аналогичные клинки изображены на нескольких изваяниях Горного Алтая, Тувы и Монголии⁶⁹. Древнетюркские палаши относятся к VIII – X вв. Вероятно, они были распространены в течение второй половины I тыс. н.э.⁷⁰ и являлись наиболее грозным и эффективным оружием ближнего боя у минусинских тюрок.

Кинжалы

Древнетюркские кинжалы со Среднего Енисея по материалу относятся к классу железных, по способу насада – к отделу черешковых. По сечению клинка они делятся на две группы.

Группа I. Ромбические кинжалы. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-ромбические кинжалы. Включает 2 экземпляра из памятника Капчалы II (курганы 8 и 11). Длина клинка 14 см, ширина 4 см; длина черешка 3 см. Двулезвийные прямые клинки имели овальное острие, расширяющиеся к рукояти покатые плечики, но без перекрестья, прямой черешок (рис. 52, 2). Подобные кинжалы были распространены у центральноазиатских кочевников в раннем и развитом средневековье⁷¹.

Группа II. Трехгранные кинжалы. Представлена двумя типами.

Тип 1. Прямые кинжалы без перекрестья. Включает 11 экземпляров из памятников Ибыргыс-Кисте (курганы 3 и 4), Капчалы II (курганы 12 и 19), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1; курган 5, могила 4), Сабинка I (курган 1, могила 2; курган 2, могила 2), Тепсей III (могила 67), Шестаково (курган 3, погребение А). Длина клинка 16 см, ширина 2,4 см; длина черешка 5 см. Прямые однолезвийные клинки с остроугольным острием имели прямую спинку, пологое расширяющееся лезвие, упор без перекрестья, прямой черешок (рис. 52, 5, 6; 53, 1).

Подобные клинки были очень широко распространены среди центральноазиатских кочевников в раннем и развитом средневековье⁷².

Тип 2. Прямые кинжалы с обоймой. Включает 1 экземпляр из памятника Капчалы II (курган 9). Длина клинка 12 см, ширина 2,5 см; длина черешка 5 см. Прямой однолезвийный клинок с остроугольным острием имел скошенную спинку, расширяющееся лезвие, узкую обойму, выгнутую в сторону рукоять, прямой черешок (рис. 52, 4).

Подобные клинки найдены на памятниках кочевников эпохи развитого средневековья⁷³.

Кинжалы довольно часто изображали на древнетюркских каменных изваяниях подвешенными к поясу спереди⁷⁴. Преобладали изображения коленчатых кинжалов с перекрестьем. Реже встречались прямые кинжалы

с перекрестьем и без него, а также изогнутые кинжалы с перекрестьем. На изваяниях Минусинской котловины нет изображений кинжалов.

Двулезвийные и однолезвийные кинжалы бытовали на протяжении раннего и развитого средневековья. Однолезвийные могли применяться универсально: для боевых и хозяйственных нужд. Кинжалы могли использоваться лишь на завершающей фазе рукопашного боя⁷⁵.

Тесла

В памятниках древнетюркских кочевников Минусинской котловины встречаются железные тесла. По сечению лезвия и форме втулки они относятся к одной группе.

Группа 1. Плоские тесла с несомкнутой втулкой. Представлена двумя типами.

Тип 1. Тесла с прямоугольным лезвием и зауженной втулкой. Включает 5 экземпляров из памятников Белый Яр II (курган 1, могила 3; курган 7, могила 3), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1), Сабинка I (курган 1, могила 4), Шестаково (курган 3, погребение А). Длина лезвия 6 см, ширина 5,5 см; длина втулки 6 см (рис. 55, 3, 4, 6, 8 – 10).

Подобные тесла характерны для центральноазиатских кочевников раннего и развитого средневековья⁷⁶.

Тип. 2. Тесла с прямоугольным лезвием и равновеликой втулкой. Включает 5 экземпляров из памятников Белый Яр II (курган 3, могила 1), Капчалы II (курганы 8 и 13), Тепсей III (могила 3), Шестаково (курган 3, погребение Б). Длина лезвия 6 см, ширина 5,5 см; длина втулки 5 см. Тесла имеют прямоугольное лезвие и широкую втулку (рис. 54, 3; 55, 1, 2, 5, 7, 11, 12).

Подобные изделия бытовали у кочевников Южной Сибири и Центральной Азии на протяжении всего средневековья⁷⁷. Обычно эти предметы считаются орудиями труда⁷⁸. Вполне возможно, что они использовались универсально: для боевых и хозяйственных нужд. Вероятность применения тесел для боевых целей была специально определена А.И. Соловьевым на материалах средневековых культур Западной Сибири⁷⁹. Типология тесел минусинских тюрок разработана С.П. Нестеровым⁸⁰, который предположил, что эти изделия могли служить рубящим оружием ближнего боя⁸¹. Часть из них насаживали на изогнутую рукоять таким образом, чтобы лезвие было расположено на одной оси с рукоятью (т.е. эти тесла были втульчатými боевыми топорами). Наличие их в воинских погребениях древних тюрок Минусинской котловины позволяет присоединиться к данной точке зрения.

В памятниках древнетюркским воинам на Среднем Енисее нет никакого защитного вооружения. Таким образом, комплекс вооружения минусинских тюрок может считаться набором средств ведения боя легковооруженным всадником-лучником. Некоторые воины имели и оружие ближнего боя: палаши, кинжалы, тесла. Отряды такой конницы могли вступать в ближний бой и успешно атаковать противника, не закованного в доспехи (рис. 56). В этом отношении минусинские тюрки отличались от древних тюрок Центральной Азии, у которых были отряды панцирной кавалерии.

Примечания

¹ Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 55.

² Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – С. 62 – 66.

³ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1952. – № 24. – С. 133.

⁴ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 158; Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей III // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С. 88 – 90.

⁵ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 200 – 202.

⁶ Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрок Среднего Енисея // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – Новосибирск, 1980. – № 11, вып. 3. – С. 91 – 99.

⁷ Там же. – С. 92 – 98.

⁸ Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык (по материалам раскопок С.А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 95 – 98.

⁹ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 139 – 154.

¹⁰ Худяков Ю.С. Древнетюркский орнаментированный колчан из могильника Терен-Кель // Изв. СО АН СССР. Сер. Ист., филолог. и философ. – Новосибирск, 1988. – № 16, вып. 3. – С. 59 – 61.

¹¹ Худяков Ю.С., Мякинников В.В. Колчаны древних тюрок Среднего Енисея // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1991. – С. 61 – 64.

¹² Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 100.

¹³ Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X веках. – Свердловск, 1990. – С. 67; рис. 12.

¹⁴ Там же. – С. 164, 165; табл. 13.

¹⁵ Там же. – С. 167; табл. 14.

¹⁶ Там же. – С. 205; рис. 38, 9.

¹⁷ Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрок Среднего Енисея... – С. 92.

¹⁸ Евтюхова Л.А. Археологические памятники... – С. 62 – 64; Левашова В.П. Два могильника... – С. 133.

¹⁹ Евтюхова Л.А. Археологические памятники... – С. 64.

²⁰ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 26, 139, 181, 207, 208.

²¹ Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской экспедиции в 1967 г. // Архив ИА. – Р-1, д. 3535, л. 24.

²² Там же. – С. 24.

²³ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 139.

²⁴ Там же. – С. 208.

²⁵ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск, 1980. – С. 10.

²⁶ Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрок... – С. 92; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – С. 42; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 92.

²⁷ Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрок... – С. 92.

²⁸ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 141.

²⁹ Там же. – С. 208.

³⁰ Там же. – С. 141.

³¹ Там же.

³² Там же. – С. 170, 171, 181.

³³ Там же. – С. 142.

³⁴ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов... – С. 71.

³⁵ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 145.

³⁶ Там же. – С. 145; рис. 65.

³⁷ Там же. – С. 143.

³⁸ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов... – С. 82.

³⁹ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 143.

⁴⁰ Там же. – С. 143; рис. 65.

⁴¹ Там же. – С. 145.

⁴² Кызласов Л.Р. Этапы средневековой истории Тувы // Вестн. МГУ. – 1964. – Сер. IX, вып. 4. – Табл. 11, 134.

⁴³ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 146.

⁴⁴ Там же. – С. 146; рис. 65.

⁴⁵ Там же. – С. 146.

⁴⁶ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов... – С. 91.

⁴⁷ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 146.

⁴⁸ Там же. – С. 146; рис. 65.

⁴⁹ Там же. – С. 147.

⁵⁰ Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика от стрел до ракет. – Новосибирск, 1995. – С. 50.

⁵¹ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 83; рис. 5, 3, 4.

⁵² Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 149.

⁵³ Там же. – С. 150.

⁵⁴ Там же. – С. 188, 212, 213.

⁵⁵ Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение в могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1999. – № 3. – С. 24; рис. 4.

⁵⁶ Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрок... – С. 95, 96; Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 151; Худяков Ю.С., Мякинников В.В. Колчаны древних тюрок... – С. 60 – 65.

⁵⁷ Худяков Ю.С. Раскопки могильников Ах-Хол и Ибыргыс-Кисте // АО 1983 года. – М., 1985. – С. 248; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – Рис. 13, 1; 14.

⁵⁸ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – С. 23 – 27; Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.; Л., 1966. – Т. 2. – Рис. 12.

⁵⁹ Худяков Ю.С., Мякинников В.В. Колчаны древних тюрок...

⁶⁰ Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрок... – С. 97; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск, 1997. – С. 38, 100.

⁶¹ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: (Культурное наследие древних цивилизаций). – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 90.

- ⁶² Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 151.
- ⁶³ Худяков Ю.С., Мякинников В.В. Колчаны древних тюрок... – С. 65.
- ⁶⁴ Волков В.В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. – М., 1965. – Рис. 1, 2.
- ⁶⁵ Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1998. – № 3. – С. 32.
- ⁶⁶ Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – Рис. 27, 1.
- ⁶⁷ Овчинников Б.Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам раскопок могильника Аймырлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 138; рис. 2, 1; Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алате // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1992. – С. 32; рис. 5.
- ⁶⁸ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния.. – Рис. 67.
- ⁶⁹ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 154; рис. 68, 1 – 23.
- ⁷⁰ Там же. – С. 156.
- ⁷¹ Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск, 1991. – С. 16, 64, 131.
- ⁷² Там же. – С. 17, 40, 64, 79, 131.
- ⁷³ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск, 1997. – С. 86.
- ⁷⁴ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников... – С. 156.
- ⁷⁵ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири... – С. 130.
- ⁷⁶ Там же. – С. 87.
- ⁷⁷ Там же. – С. 40, 87.
- ⁷⁸ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1952. – № 24. – С. 132.
- ⁷⁹ Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: (Эпоха средневековья). – Новосибирск, 1987. – С. 84 – 98.
- ⁸⁰ Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 169 – 172.
- ⁸¹ Там же. – С. 172.

ГЛАВА 6

ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС

Предметный комплекс из погребальных памятников древних тюрок Минусинской котловины представляет собой типологически разнообразный, но стандартный набор изделий: конская сбруя, вооружение, детали одежды (в том числе пояса и украшения), бытовые предметы и керамическая посуда.

Сопроводительный инвентарь древнетюркских захоронений различается по составу, функциональному назначению и внешнему оформлению в зависимости от пола, возраста и социального положения погребенных. В настоящей главе систематизируются все основные виды этого инвентаря, исключая предметы вооружение, анализ которых дан выше (см. Гл. 5).

Предметы из древнетюркских погребений Минусинской котловины неоднократно привлекались исследователями для анализа вопросов хронологии и этнокультурной принадлежности этих памятников. С.А. Теплоухов при определении возраста погребения на р. Таштык отметил особенности предметов сбруи, которые позволили отнести этот памятник к VII в.¹ С.В. Киселев рассмотрел инвентарь памятника Усть-Тесь, проанализировал удила, стремяна, вазообразный сосуд с орнаментом, похожий на “кыргызскую вазу”². В результате проделанного анализа он пришел к выводу, что, не смотря на различия в конструкции надмогильных и внутримогильных сооружений, а также в составе и облике инвентаря, это погребение с конем по сходству “керамического материала” может быть отнесено к той же культуре, что и таштыкские склепы³. В дальнейшем С.В. Киселев и Л.А. Евтюхова, проанализировав материалы раскопок памятников Усть-Тесь, Таштык, Уйбат II и Капчалы II, датировали их IX – X вв., приписав авторство кыргызам, которые перешли в этот период на обряд трупоположения с конем⁴. Находки из упомянутых памятников описаны в работе Л.А. Евтюховой, которая охарактеризовала удила и стремяна, роговые накладки и фрагменты берестяного изделия с орнаментом, керамические сосуды и другие предметы из погребений с конем⁵. При определении возраста памятников решающее значение придавалось находке китайской монеты в могиле 19 местонахождения Капчалы II. По ней весь комплекс отнесли к IX в.⁶

При публикации материалов с могильника Капчалы II В.П. Левашова подробно рассмотрела сопроводительный инвентарь, включая удила, стремяна, принадлежности пояса, керамическую посуду и др. предметы⁷. Она поддержала мнение С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой о принадлежности этого памятника кыргызам⁸.

А.А. Гаврилова, ориентируясь на описание предметов из могильника Кудыргэ, предложила в 1965 г. отнести памятники Усть-Тесь, Уйбат II и часть курганов могильника Капчалы II к VI – VII вв., а Таштык и другую часть курганов могильника Капчалы II – к VII – VIII вв.⁹ Мнение о разновременности погребений с конем Минусинской котловины разделяет Д.Г. Савинов. К VI – VII вв. он отнес памятник Усть-Тесь, сославшись (вслед за С.В. Киселевым) на сходство керамики с предметами таштыкской культуры¹⁰. Основная часть памятников, исследованных и введенных в научный оборот к началу 1970-х гг., была датирована им VII – VIII вв. Памятник Таштык Д.Г. Савинов счел наиболее ранним в этой группе, а Уйбат II – наиболее поздним, ссылаясь на различия в облике инвентаря¹¹. В дальнейшем он неоднократно возвращался к анализу инвентарного комплекса минусинских погребений с конем¹². Наиболее основательно рассмотрены особенности инвентаря впускных захоронений с лошадьми на памятниках Сабинка II и Кирбинский Лог¹³.

К анализу инвентаря минусинских погребений с конем обращался и Л.Р. Кызласов. Пересмотрев предположение С.В. Киселева, Л.А. Евтюховой и В.П. Левашовой о принадлежности этих памятников кыргызам, он отнес их к алтайским тюркам, которые могли попасть на Средний Енисей в IX – X вв. “в качестве рабов, кыштымов, дружинников, клиентов и союзников”¹⁴. В одной из последующих работ он утверждал, что тюрки могли попасть на Енисей после победоносной войны кыргызов с уйгурами в IX в.¹⁵

Инвентарь одного из древнетюркских погребений с конем могильника Тепсей III был рассмотрен в работе С.П. Нестерова и Ю.С. Худякова¹⁶. Материалы раскопок всех древнетюркских погребений на памятнике под горой Тепсей проанализированы М.П. Грязновым и Ю.С. Худяковым¹⁷. Подробный анализ сопроводительного инвентаря погребений с конем на Среднем Енисее дан в статье, опубликованной в 1979 г.¹⁸ Здесь было выделено

пять типов удил, два типа стремян, охарактеризованы поясные пряжки и бляшки, керамическая посуда, ножи и предметы вооружения. В последующих работах Ю.С. Худякова, помимо предметов вооружения и воинского снаряжения, анализировалась керамическая посуда и реконструировалась кожаная узда с бронзовыми орнаментированными накладками из минусинских древнетюркских погребений с конем¹⁹.

С.П. Нестеров обращался к анализу инвентаря из древнетюркских погребений Минусинской котловины при публикации материалов с памятников на р. Таштык и у с. Батени (классификация тесел и предметов сбруи)²⁰. Упоминания об отдельных предметах из памятников древних тюрков Среднего Енисея содержатся в работе В.А. Могильникова²¹. Б.Б. Овчинникова включила находки из погребений с конем в Минусинской котловине в общую классификацию предметного комплекса древних тюрков Саяно-Алтая²². Отдельные предметы из древнетюркских захоронений могильников Маркелов Мыс I и II опубликованы О.А. Митько и Ю.В. Тетериним²³. На основе анализа этих предметов исследователи датировали данные памятники VIII – IX вв. Характерным элементом предметного комплекса минусинских тюрков они считают керамическую посуду²⁴. Сопроводительный инвентарь из древнетюркских погребений могильника Белый Яр II, был проанализирован в работе А.И. Поселянина, Э.Н. Киргинекова и В.В. Тараканова²⁵.

Многие исследователи отметили, что набор сопроводительного инвентаря достаточно стандартен и четко соответствует половозрастным особенностям погребенных. Мужчин хоронили с предметами вооружения (лук и стрелы в колчанах, значительно реже другие виды оружия), поясным набором, украшениями. Посуда и предметы быта присутствовали не во всех захоронениях. Отсутствие керамической посуды во многих мужских погребениях (в том числе в тех, где есть остатки мясной заупокойной пищи) может объясняться тем, что она могла быть изготовлена из органических материалов, поэтому полностью истлела.

Сопроводительные захоронения лошадей практически всегда содержали полный набор принадлежностей конской сбруи: узду с удилами и седло со стремянами и сбруйными ремнями. Иногда рядом с лошадьми встречаются рукоятки нагаек и цурки от пут.

Предметный комплекс характеризует древнетюркских взрослых мужчин, живших в Минусинской котловине, прежде всего, как воинов, точнее легковооруженных всадников-лучников. Сравнительно немногие из них, обладали различными видами оружия ближнего боя. Они могут быть отнесены к числу отборных воинов, способных успешно противостоять противнику в ближнем и рукопашном бою.

Отдельные захоронения, в которых найдены серебряные бляшки и накладки поясного ремня, могли принадлежать представителям знати, возглавлявшим отдельные родовые группы древних тюрков на Среднем Енисее. Подобные погребения исследованы Ю.В. Тетериним и О.А. Митько на могильниках Маркелов Мыс I и II²⁶.

В некоторых могильниках встречаются мужские погребения с конем и без оружия. Вероятно, здесь похоронены обедневшие кочевники, относившиеся к низшему социальному слою общества.

В женских погребениях набор сопроводительного инвентаря отличается неполнотой и меньшей приверженностью определенному стандарту. Наряду со значительной вариабельностью самой погребальной обрядности древнетюркского женского населения Среднего Енисея, различия в сопроводительном инвентаре женских захоронений на древнетюркских могильниках могут объясняться разноплеменным происхождением женщин. Древнетюркские воины, оказавшись в Минусинской котловине в составе военных отрядов, брали в жены представительниц местных этнических групп кыргызов и кыштымов.

В женских погребениях достаточно часто встречаются сосуды и ножи, а также принадлежности заупокойной трапезы. В большинстве женских захоронений находилось по одному лепному сосуду баночной или горшковидной формы²⁷. Очень редко здесь же помещали вазовидные сосуды²⁸.

В могилах женщин, с которыми захоронены лошади, встречаются предметы сбруи: удила, стремяна, костяные накладки седел, бронзовые бляшки от уздечных и седельных ремней. Иногда в женских могилах находят украшения: серьги и бусы, предметы туалета, гребни, детали пояса, пряжки, а также бытовые инструменты: шилья и игольники²⁹ (рис. 86, 1 – 54).

В детских захоронениях с баранами обнаруживали лепные сосуды баночной или горшковидной формы, железные ножи и пряжки³⁰.

Состав основных видов сопроводительного инвентаря древнетюркских памятников Минусинской котловины в основном соответствует набору предметов из синхронных им памятников древних тюрков Саяно-Алтая и сопредельных территорий Центральной Азии. Наибольшее сходство прослеживается в инвентаре из мужских захоронений. Различия касаются керамической посуды, которая обильно представлена в древнетюркских памятниках Минусы, но редко встречается в захоронениях древних тюрков на других территориях, и ряда предметов военного назначения. В древнетюркских погребениях с конем за пределами Минусинской котловины чаще встречаются предметы вооружения ближнего боя и средства защиты, мечи, палаши, сабли, копыя, боевые топоры, фрагменты панцирей и кольчуг, предметы поясной и сбруйной фурнитуры из драгоценных металлов,

золота и серебра, золотые и серебряные украшения, дорогая серебряная пиршественная посуда. Эти различия объясняются положением древних тюрок в период их проживания на Среднем Енисее во второй половине VIII – X вв.: они являлись одной из этнических групп в составе Кыргызского государства, занимая, за исключением немногочисленных представителей родовой знати, уровень рядовых кочевников.

Предметный комплекс женских захоронений древних тюрок Минусинской котловины в сравнительном плане менее показателен. Он отличается от набора предметов древнетюркских погребений Центральной Азии обилием керамической посуды, но содержит значительно более бедный сопроводительный инвентарь. В Минусе очень редко в женских погребениях с лошадьми встречаются украшения из серебра и привозные бусы, нет зеркал и серебряной посуды, которые характерны для древнетюркских женских захоронений Горного Алтая, Тувы и Монголии. Вероятно, это свидетельствует о том, что древнетюркские воины, осевшие и натурализовавшиеся в Минусинской котловине после разгрома и падения Второго Восточного Тюркского каганата, были вынуждены выбирать себе жен среди рядовых кыргызов и кыштымов и не могли породниться с представителями кыргызской знати.

Комплекс предметов из детских захоронений с баранами немногочислен. По его составу трудно судить об отличиях с предметным комплексом из детских погребений древних тюрок за пределами Минусинской котловины. Можно отметить, что на древнетюркскую детскую погребальную обрядность на Среднем Енисее, так же как и на заупокойные ритуалы взрослого населения, оказала влияние кыргызская культура. Это выразилось в обычае помещать в могилу заупокойную пищу в керамических сосудах. По обилию и разнообразию форм керамической посуды предметный комплекс из детских древнетюркских захоронений с бараном в Минусе заметно отличается от детских погребений древних тюрок на других территориях.

По облику сопроводительный инвентарь древних тюрок Минусинской котловины имеет сходство с материалами катандинского облика, относящимися к периоду существования Второго Восточного Тюркского каганата³¹. По характеру оформления предметов поясной и сбруйной фурнитуры некоторые памятники древних тюрок Минусы близки материалам курайского облика, характерным для древних тюрок Саяно-Алтая в периоды их вхождения в состав Уйгурского и Кыргызского каганатов³².

Предметный комплекс древних тюрок Среднего Енисея близок по своему составу и оформлению синхронному кыргызскому набору, но имеет ряд существенных отличий. В большей степени первый схож с инвентарным комплексом из погребений рядовых кыргызских воинов эпохи великодержавия (IX – X вв.), но заметно отличается от вещей из памятников кыргызской знати в курганах эпохи чаа-тасов (VI – VIII вв.).

В целом предметный комплекс древних тюрок Среднего Енисея имеет многочисленные аналогии в синхронных памятниках древних тюрок на других территориях и в комплексах кочевнических культур Центральной Азии VIII – X вв. Он отражает различия в положении минусинской этнической группы тюрок в Кыргызском государстве от других групп древних тюрок сопредельных районов, а также в социальном и половозрастном составе погребенных.

Примечания

¹ Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 55.

² Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. – Минусинск, 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 146.

³ Там же. – С. 156.

⁴ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – С. 67; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л., 1949. – № 9. – С. 342.

⁵ Евтюхова Л.А. Археологические памятники... – С. 60 – 66.

⁶ Там же. – С. 66 – 67.

⁷ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1952. – № 24. – С. 132 – 134.

⁸ Там же. – С. 135 – 136.

⁹ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – С. 58, 64.

¹⁰ Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Тюркологический сборник. – М., 1973. – С. 344 – 345.

¹¹ Там же. – С. 345.

¹² Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – С. 52, 54, 63.

¹³ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 99 – 100.

- ¹⁴ **Кызласов Л.Р.** Курганы средневековых хакасов: (Аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 207.
- ¹⁵ **Кызласов Л.Р.** Древнехакасская культура чаа-тас VI – IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 51.
- ¹⁶ **Нестеров С.П., Худяков Ю.С.** Погребение с конем могильника Тепсей III // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С. 88 – 90.
- ¹⁷ **Грязнов М.П., Худяков Ю.С.** Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 150 – 155.
- ¹⁸ **Худяков Ю.С.** Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 199 – 202.
- ¹⁹ **Худяков Ю.С.** Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1998. – № 3. – С. 33 – 37.
- ²⁰ **Нестеров С.П.** Погребение с конем на р. Таштык (по материалам раскопок С.А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 169 – 171.
- ²¹ **Могильников В.А.** Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 33.
- ²² **Овчинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X веках. – Свердловск, 1990. – С. 99, 109.
- ²³ **Митько О.А., Тетерин Ю.В.** О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 401 – 402.
- ²⁴ Там же. – С. 402.
- ²⁵ **Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В.** Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: (Культурное наследие древних цивилизаций). – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. Горизонты Евразии. – С. 96, 97.
- ²⁶ **Тетерин Ю.В.** Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 121.
- ²⁷ **Митько О.А., Тетерин Ю.В.** О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы Междунар. симпоз. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 402.
- ²⁸ **Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В.** Исследование средневекового могильника Белый Яр II...
- ²⁹ **Худяков Ю.С.** Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 196.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ **Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965.
- ³² **Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984.

ГЛАВА 7

КОНСКОЕ УБРАНСТВО

Предметы, относящиеся к убранству верхового коня, удила, стремяна, накладки седел бляшки и накладки от уздечных и седельных ремней встречаются в минусинских древнетюркских погребениях с конем достаточно часто: животных помещали в могилы взнузданными и заседланными. Конское убранство неоднократно анализировали специалисты по средневековой археологии Южной Сибири, привлекая его для определения хронологии и периодизации памятников. С.А. Теплоухов при характеристике инвентаря погребения с конем на р. Таштык упомянул железные стремяна, костяную подпружную “бляху” и “костяной костылек”¹. На его рисунках были показаны разнотипные стремяна с “восьмеркообразной” и пластинчатой петлей². Позднее С.П. Нестеров, изучив материалы из этого захоронения, пришел к заключению, что стремян в могиле не было, поскольку они отсутствуют в отчете и коллекции находок С.А. Теплоухова³. Помимо костяной подпружной пряжки он отнес к сбруйным принадлежностям кольцо с тремя обоймами – распределитель ремней, десять железных конусовидных бляшек от уздечных ремней и костяной “предмет неизвестного назначения”, применявшийся “видимо, для развязывания узлов”⁴.

Л.А. Евтюхова, выделившая минусинские захоронения с конем в особый “четвертый тип погребений”, подчеркнула, что животных помещали в могилы взнузданными и заседланными. В инвентарном комплексе она выделила удила, стремяна и подпружные пряжки⁵. В дальнейшем предметы конского убранства из минусинских древнетюркских погребений с конем либо характеризовались в качестве инвентаря конкретных памятников, либо в составе инвентарных комплексов памятников енисейских кыргызов, древних тюрков или всего средневекового кочевого населения Саяно-Алтая. С.В. Киселев относил эти материалы к кыргызской культуре⁶. В.П. Левашова охарактеризовала “принадлежности конской упряжи” из могильника Капчалы II, отметив разные типы удил и псалий. Удила с большими кольчатыми псалиями, по ее мнению, бытовали до XVI в.⁷ В раскопанных курганах встречались стремяна с кольчатой или (реже) пластинчатой петлей. В.П. Левашова упомянула железные и костяные пряжки, железные бляшки и “сегментовидные пластинки с продольной прорезью” – цурки⁸. Материалы из раскопок на могильнике Тепсей III были обобщены в работах М.П. Грязнова, Ю.С. Худякова и С.П. Нестерова⁹. Ими было выделено 5 типов удил, 2 типа стремян, а также охарактеризованы оковки седел, железные и костяные подпружные пряжки, цурки¹⁰.

С.П. Нестеров классифицировал и охарактеризовал стремяна из средневековых памятников Южной Сибири, в том числе из минусинских погребений¹¹. Он пришел к выводу, что в них преобладали “стремена с петельчатым ушком”¹².

Принадлежности конского убранства из впускных погребений с лошадьми на памятниках Сабинка I и Кирбинский Лог были охарактеризованы Д.Г. Савиновым, П.Г. Павловым и Е.Д. Паульсом¹³. Б.Б. Овчинникова описала удила, стремяна, сбруйные пряжки и бляшки из погребений с конем в Саяно-Алтае, включая Минусинскую котловину. Для сбруйных принадлежностей ею предложена дробная многочленная классификация признаков¹⁴. Однако при определении хронологии удил или стремян она оперирует различными характеристиками¹⁵. Проследивая эволюцию сбруйных принадлежностей в культуре древних тюрков, Б.Б. Овчинникова, как правило, привлекает материалы из погребений с конем Тувы и Горного Алтая, очень редко упоминая находки из Минусинской котловины.

Редкая по сохранности узда из памятника Ибыргыс-Кисте была реконструирована Ю.С. Худяковым¹⁶. Им были рассмотрены и находки сбруйных принадлежностей из памятника Терен-Кель¹⁷. А.И. Поселянин, Э.Н. Киргинеков, В.В. Тараканов охарактеризовали находки предметов сбруи из памятника Белый Яр II¹⁸. В большинстве работ, касающихся изучения минусинских погребений с конем, упоминаются предметы убранства верхового коня, а их отдельные формы служат основанием для датирования этих комплексов.

Удила

Наиболее вариабельной частью комплекса конского убранства минусинских тюрок являются удила. По материалу изготовления они относятся к классу железных, по способу крепления составных частей – к отделу двусоставных, по сечению звеньев – к группе округлых. По формам окончаний звеньев и псалий удила делятся на типы. Стержневые псалии некоторых удил изготовлены из рога.

Тип 1. Удила с однокольчатыми завершениями звеньев. Включает 5 экземпляров с памятников Белый Яр II (курган 1, могила 6), Тепсей III (могила 67), Капчалы II (курган 12), Шестаково (курган 3, погребение Б 19). Длина звеньев 10 см, диаметр колец 4 см. Удила с прямыми, соединенными между собой звеньями и кольчатыми окончаниями (рис. 57, 4; 60, 2 – 4, 6).

Тип 2. Удила с двухкольчатыми завершениями звеньев. Включает 2 экземпляра с памятника Сабинка I (курган 1, могила 2; курган 2, могила 2)¹⁹. Длина звеньев 11 см, диаметр колец 1,5 – 3 см. Удила с прямыми, соединенными между собой звеньями и двухкольчатыми “восьмеркообразными” окончаниями. Во внешние кольца продеты обоймы для крепления ремней узды.

Тип 3. Удила с однокольчатыми завершениями звеньев и стержневыми слабоизогнутыми роговыми псалиями. Включает 2 экземпляра с памятников Усть-Тесь (курган 2), Терен-Кель (курган 14)²⁰. Длина звеньев 10 см, диаметр колец 3 см, длина псалий 10 см. Удила с прямыми, соединенными между собой звеньями и однокольчатыми роговыми двудырчатыми псалиями (рис. 59, 1; 60, 1).

Тип 4. Удила с однокольчатыми завершениями звеньев и стержневыми прямыми железными псалиями. Включает 1 экземпляр с памятника Тепсей III (могила 3)²¹. Длина звеньев 10 см, диаметр колец 3 см, длина сохранившейся части псалий 11 см. Удила с прямыми, соединенными между собой звеньями, однокольчатыми окончаниями и прямыми стержневыми двудырчатыми псалиями с шишечками на одном конце (рис. 63, 3).

Тип 5. Удила с однокольчатыми завершениями звеньев и стержневыми прямыми железными псалиями, изогнутыми на одном конце. Включает 1 экземпляр с памятника Капчалы II (могила 19)²². Длина звеньев 8 см, диаметр колец 2 см, длина псалий 7 см. Удила с прямыми, соединенными между собой звеньями, однокольчатыми окончаниями и прямыми стержневыми двудырчатыми псалиями, изогнутыми на одном конце, и выступом с перехватом в средней части (рис. 60, 8).

Тип 6. Удила с однокольчатыми завершениями звеньев и слабоизогнутыми стержневыми прямыми псалиями с шишечками и “сапожком” на концах. Включает 1 экземпляр с памятника Капчалы II (курган 20)²³. Длина звеньев 8 см, диаметр колец 2 см, длина псалий 12 см. Удила с прямыми, соединенными между собой звеньями, однокольчатыми окончаниями и стержневыми, слабо изогнутыми псалиями со скобой в центре, шишечками или “сапожком” на концах (рис. 60, 7).

Тип 7. Удила с двухкольчатыми завершениями звеньев и стержневыми эсобразными псалиями. Включает 3 экземпляра из памятников Ибыргыс-Кисте (курганы 2 и 4), Капчалы II (курган 3)²⁴. Длина звеньев 10 см, диаметр колец 2 – 2,5 см, длина псалий 12 см. Удила с прямыми, соединенными между собой звеньями, двухкольчатыми окончаниями с дополнительными свободно вращающимися кольцами и изогнутыми эсобразными псалиями со скобой и петлей в центре (рис. 58; 60, 5; 62, 5).

Тип 8. Удила с однокольчатыми завершениями звеньев, кольчатыми псалиями и дополнительными кольцами. Включает 1 экземпляр из памятника Капчалы II (курган 11)²⁵. Длина звеньев 8 – 10 см, диаметр колец 4 – 6 см. Удила с прямыми неравными звеньями, соединенными между собой, однокольчатыми окончаниями, большими кольчатыми псалиями и дополнительными кольцами. В одно из звеньев дополнительное кольцо и кольчатый псалий продеты последовательно одно в другое. На кольчатых псалиях имеются пластинчатые обоймы.

Удила разных типов бытовали в течение различных временных периодов, однако все они сосуществовали в VIII – X вв.²⁶ Исключение могут составлять только удила восьмого типа, характерные для монгольского времени. Однако кольчатые псалии известны на Алтае с VII в., поэтому данный тип также необходимо отнести к концу I тыс. н.э.²⁷

Стремена

Стремена в древнетюркских погребениях с конем Среднего Енисея менее вариабельны, чем удила. По материалу изготовления они относятся к классу железных, по способу крепления к путлищу – к отделу петельчатых, по сечению дужки – к группе округлых. По форме петли среди них выделены 4 типа.

Тип 1. Стремена с кольцевой петлей. Включает 18 экземпляров с памятников Усть-Тесь (курган 2), Капчалы II (курганы 11, 19 и 20), Тепсей III (могилы 3, 28 и 67), Терен-Кель (курган 14), Сабинка I (курган 1,

могилы 2 и 4), Белый Яр II (курган 3, могила 1; курган 4, могила 1), Шестаково (курган 3, погребения А и Б)²⁸. Длина проема 12 – 14 см, высота петли 3 – 4 см. Стремена с плоской подножкой, иногда с ребром снизу, с округлым проемом и кольцевой петлей, образованной изгибом дужки (рис. 63, 1, 2, 5, 8, 9, 11, 12; 64, 1, 2; 65; 66).

Тип 2. Стремена с пластинчатой петлей с перехватом. Включает 3 экземпляра из памятников Белый Яр II (курган 7, могила 4), Капчалы II (курган 3)²⁹. Длина проема 13 см, высота петли 5 см. Стремена с плоской подножкой, с ребром снизу, с округлым проемом, плоской прямоугольной петлей с перехватом и узкой или широкой горизонтальной прорезью для путлища (рис. 63, 4, 7, 10).

Тип 3. Стремена с пластинчатой петлей без перехвата. Включает 2 экземпляра из памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4). Длина проема 14 см, высота петли 4 см. Стремена с плоской подножкой, округлым проемом, плоской петлей без перехвата и узкой горизонтальной прорезью для путлища (рис. 69, 70).

Тип 4. Стремена с полукруглой петлей без перехвата. Включает 1 экземпляр из памятника Ибыргыс-Кисте (курган 2). Длина проема 12 см, высота петли 2 см. Стремя с плоской подножкой, округлым проемом, полукруглой петлей без перехвата и узкой горизонтальной прорезью для путлища (рис. 67).

В древнетюркском убранстве верховых коней на Среднем Енисее заметно преобладали стремяна с кольцевой петлей. Другие типы встречаются в единичных случаях. В этом отношении конское убранство древних тюрок Минусинской котловины отличается от сбруи из древнетюркских памятников Саяно-Алтая и из кыргызских комплексов, в которых наряду с кольцевым оформлением петель часто встречается и пластинчатое. Необычна форма пластинчатой петли на длинной шейке из Белого Яра II³⁰.

В погребения древних тюрок на Среднем Енисее иногда помещали не пару, а только одно стремя. Иногда стремяна вообще не клали. Вероятно, это связано с характером погребальной обрядности.

Подпружные пряжки

В древнетюркских памятниках Минусинской котловины встречаются и подпружные пряжки. По материалу изготовления они делятся на два класса – железные и костяные. По способу крепления все пряжки относятся к отделу изделий с подвижным язычком.

Железные подпружные пряжки объединены в группу изделий с округлой в сечении рамкой. По форме среди них выделено 2 типа.

Тип 1. Подпружные пряжки с прямоугольной рамкой. Включает 1 экземпляр из памятника Тепсей III (могила 67)³¹. Длина пряжки 5 см, ширина 3,5 см. Пряжка снабжена подвижным язычком (рис. 75, 1, 2).

Тип 2. Подпружные пряжки с округлой рамкой. Включает 2 экземпляра из памятников Капчалы II (курган 12), Ибыргыс-Кисте (курган 3). Длина пряжки 4 см, ширина 4,5 см. Пряжка снабжена подвижным язычком (рис. 76, 10).

Костяные или роговые подпружные пряжки относятся к группе изделий, прямоугольных в сечении. По форме среди них выделено 4 типа.

Тип 1. Полуовальные подпружные пряжки с перехватом. Включает 10 экземпляров с памятников Капчалы II (курганы 1, 2, 12), Тепсей III (могила 67), Белый Яр II (курган 1, могила 1; курган 7, могила 3); Батени (могила 13), Шестаково (курган 3, погребение А, Б)³². Длина пряжки 6 см, ширина 3,5 см. Пряжки с округлым или приостренным концом, вырезами для подвижного язычка и ремня, боковыми вырезами, образующими перехват и вырез на тыльном конце для укрепления ремня (рис. 57, 1; 73, 1, 4, 6, 7).

Тип 2. Подпрямоугольные подпружные пряжки без перехвата. Включает 1 экземпляр из памятника Шестаково (курган 3, погребение А)³³. Длина пряжки 6 см, ширина 3 см. Пряжка имеет два отверстия для подвижного язычка и ремня (рис. 73, 5).

Тип 3. Трапецевидные подпружные пряжки без перехвата. Включает 1 экземпляр из памятника Сабинка I (курган 2, могила 2)³⁴. Длина пряжки 5,5 см, ширина 4,5 см. Пряжка с уплощенным концом, наклонно сужающаяся к тыльному концу, а также с отверстиями для подвижного язычка и ремня.

Тип 4. Полуовальные подпружные пряжки без перехвата. Включает 1 экземпляр из памятника Ибыргыс-Кисте (курган 3). Длина пряжки 5,5 см, ширина 3,5 см. Пряжка с округлым концом, выделенным валиком по сторонам и вокруг отверстия с подвижным язычком. Отверстие для ремня не окаймлено. Тыльный конец пряжки не обработан (рис. 74, 2).

Роговые или костяные подпружные пряжки с перехватом были широко распространенными у древних тюрок и других тюркоязычных кочевников раннего средневековья. Как правило, они присутствуют в наборе по одной, реже в паре с костяной или железной пряжкой иной формы, как в могилах на Тепсее III и Шестаково. Костяные пряжки другой формы встречаются значительно реже. Хотя пряжки

без перехвата бытовали и во II тыс. н.э., они не могут быть датирующими, поскольку существовали и в раннем средневековье.

Цурки

Роговые или костяные цурки с памятников древних тюрок Минусинской котловины однотипны.

Тип 1. Цурки с боковым выступом и прорезью. Включает 2 экземпляра из памятников Капчалы II (курган 19) и Тепсей III (могила 67)³⁵. Длина изделия 1,5 см, ширина 1,5 см. Цурки имеют боковой выступ и прорезь для пут. Подобные приспособления для закрепления пут на ногах у лошади в эпоху раннего средневековья были распространены повсеместно (рис. 57, 2).

Детали седел

В памятниках древних тюрок Минусинской котловины встречены также детали седел. Костяная накладка на луку седла с циркульным и вихревым орнаментом обнаружена в могильнике Белый Яр II (курган 7, могила 4)³⁶. Накладка крепилась к низкой дуговидной передней луке седла. Подобные изделия характерны для катандинского этапа. Близкий по мотивам орнамент украшал и накладки колчанов.

В древнетюркских захоронениях Среднего Енисея найдены бронзовые и железные пряжки, накладки, бляшки, обоймы, распределители ремней. Хорошая сохранность самих ремней позволила реконструировать узду из погребения воина в кургане 4 могильника Ибыргыс-Кисте. В составе узды были два нашечных, наносный, налобный и затылочный ремни, которые по всей длине были украшены бронзовыми и позолоченными бляшками. В местах соединения они были связаны узлами³⁷. Все бляшки покрыты орнаментом. Богато орнаментирован и сбруйный набор из кургана 5 могильника Ибыргыс-Кисте. Во многих захоронениях сбруйные ремни были соединены железными пряжками и украшены железными пластинчатыми накладками.

В целом конское убранство древних тюрок Минусинской котловины соответствует составу и оформлению подобных вещей из памятников древних тюрок других территорий, а также в культурах других кочевых этносов: кыргызов, уйгуров, кимаков.

Наиболее широко у минусинских тюрок употреблялись типичные формы удила, стремя и пряжек. Нетипичные вещи встречаются сравнительно редко.

Минусинские тюрки в период проживания на Среднем Енисее под властью кыргызских каганов очень редко украшали конскую сбрую орнаментированными накладками. Редкое исключение в этом отношении составляет богато орнаментированное парадное конское убранство из могильника Ибыргыс-Кисте. В одном из мужских воинских и одном женском захоронений узды на лошадях были богато украшены накладками с каноническим орнаментом и позолотой. Эти захоронения выделяются обилием инвентаря и художественным оформлением убранства верховых коней на фоне общей массы "периферийного" характера конской сбруи у минусинских тюрок.

Примечания

¹ Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 55.

² Там же. – Табл. II, 31, 33, 38, 40.

³ Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 101.

⁴ Там же. – С. 99.

⁵ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – С. 66.

⁶ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – М.; Л., 1949. – № 9. – С. 342.

⁷ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. – М., 1952. – № 24. – С. 133.

⁸ Там же. – С. 134.

⁹ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 150, 153, 155; Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 199; Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей III // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С. 90.

¹⁰ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 199.

¹¹ Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск, 1988. – С. 181, 182.

¹² Там же. – С. 176.

- ¹³ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 100.
- ¹⁴ Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X веках. – Свердловск, 1990. – С. 86 – 128.
- ¹⁵ Там же. – С. 176.
- ¹⁶ Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1998. – № 3. – С. 36, 37.
- ¹⁷ Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1999. – № 3. – С. 21 – 25.
- ¹⁸ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследования средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: (Культурное наследие древних цивилизаций). – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 88, 98.
- ¹⁹ Там же. – С. 96; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 155; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – Кемерово, 1971. – С. 42.
- ²⁰ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 100.
- ²¹ Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение... – С. 23.
- ²² Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 150.
- ²³ Левашова В.П. Два могильника... – С. 133.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – С. 80 – 84.
- ²⁷ Там же. – С. 80, 81.
- ²⁸ Левашова В.П. Два могильника... – С. 133; Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение... – С. 23; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 100; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – С. 42.
- ²⁹ Левашова В.П. Два могильника... – С. 133.
- ³⁰ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследования средневекового могильника... – С. 96.
- ³¹ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 155.
- ³² Левашова В.П. Два могильника... – С. 134; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 155; Нестеров С.П. Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 94; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – С. 42.
- ³³ Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – С. 42.
- ³⁴ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 100.
- ³⁵ Левашова В.П. Два могильника... – С. 134; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 155.
- ³⁶ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследования средневекового могильника... – С. 96.
- ³⁷ Худяков Ю.С. Реконструкция узды... – С. 36, 37.

ГЛАВА 8

ТОРЕВТИКА

Предметы декоративно-прикладного искусства, в том числе художественные изделия из металла, встречаются в памятниках древних тюрков на Среднем Енисее достаточно редко. Серия металлических украшений пояса и портупей колчана была обнаружена во время раскопок впускных захоронений с конем на памятниках Сабинка I и Кирбинский Лог. При анализе этих предметов исследователи отметили различия в орнаментации, хронологической и этнической принадлежности. Погребения с торевтикой по отношению к иноэтничному кыргызам населению занимали “привилегированное положение”¹. Богатством и разнообразием орнаментации отличаются бронзовые украшения сбруи и колчанной портупей, а также железные бляшки пояса из погребений с конем могильника Ибыргыс-Кисте. Орнаменты в виде пламенеющей жемчужины и цветка смоквы – довольно распространенные канонические символы в манихейской и буддийской культовой атрибутике кыргызов, древних тюрков и уйгуров VIII – X вв.² В погребении “знатного тюрка” на могильнике Маркелов Мыс I (курган 21) найдены серебряные украшения пояса с прорезным растительным орнаментом³. Отдельные бронзовые орнаментированные бляшки найдены на могильнике Белый Яр II⁴. Для большинства древнетюркских погребений Среднего Енисея характерны железные детали пояса и сбруи без орнамента⁵.

Поясная металлическая фурнитура из минусинских древнетюркских погребений с конем делится на три класса: серебряные, бронзовые и железные.

Серебряные украшения пояса

Серебряные украшения пояса происходят из одного памятника.

Наконечники ремней. По характеру крепления к ременной основе относятся к отделу шпеньковых (крепятся к ремню с помощью шпеньков и пластины), по сечению – к группе барельефных, прорезных, по форме – к типу полуовальных.

Тип 1. Полуовальные наконечники ремней. Включает 1 экземпляр с памятника Маркелов Мыс I (курган 21)⁶. Длина наконечника 4 см, ширина 3 см. Наконечник полуовальной формы, с фигурно вырезанными краями, прорезной, ажурный. Орнамент образует рамку из растительных побегов с четырьмя завитками листьев, загигающихся внутрь и тремя завитками побегов, соединяющихся с листьями изнутри.

Бляшки. По характеру крепления относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе барельефных прорезных, по форме – к типу полуовальных.

Тип 1. Полуовальные бляшки. Включает 1 экземпляр с памятника Маркелов Мыс I (курган 21)⁷. Длина изделия 3 см, ширина 2 см. Бляшка полуовальной формы с фигурно вырезанными краями, прорезная, ажурная. Орнамент образует рамку из растительных побегов с четырьмя завитками из листьев, загигающихся внутрь и двумя завитками побегов, соединяющихся с верхними листьями изнутри. В нижней части бляшки есть проем для пропуска подвесного ремешка.

Бронзовые детали

Бронзовые детали от поясных, портупейных и сбруйных ремней зафиксированы в нескольких памятниках.

Пряжки. По характеру крепления к ремню относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе трапециевидных, по форме – к типу овальных со щитком.

Тип 1. Овальные пряжки со щитком. Включает 4 экземпляра с памятников Сабинка I (курган 1, могила 2), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1)⁸. Длина пряжки 3,5 см, ширина 2,5 см. Пряжки с овальной рамкой, неподвижным полуовальным щитком и подвижным язычком. На щитке одного изделия есть орнамент в виде четырехлепестковой розетки.

Бляшки. По характеру крепления к ремню относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе трапециевидных, по форме делятся на несколько типов.

Тип 1. Прямоугольные бляхи-оправы. Включает 10 экземпляров с памятников Сабинка I (курган 1, могила 2; курган 2, могила 2), Шестаково (курган 3, погребение А), Тепсей III (могила 9)⁹. Длина бляшки 2 см, ширина 1,8 см. Прямоугольные бляшки имеют прорезные отверстия для подвесных ремешков (рис. 44, 10).

Тип 2. Овальные бляхи-оправы. Включает 12 экземпляров с памятников Сабинка I (курган 1, могила 2), Шестаково (курган 3, погребение А), Кирбинский Лог (курган 5, могила 4)¹⁰. Длина бляшки 1,8 см, ширина 1,5 см. Бляшки имеют прорезь для подвесного ремешка. Некоторые изделия орнаментированы цветами смоквы.

Тип 3. Сердцевидные бляшки. Включает 8 экземпляров с памятников Сабинка I (курган 1, могила 2; курган 2, могила 2), Шестаково (курган 3, погребение А), Тепсей III (могила 9), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1)¹¹. Длина изделия 1,5 см, ширина 1,5 см. Бляшки имеют приостренный конец с одной стороны и вырез – с противоположной. У некоторых бляшек в центре имеется сердцевидный вырез, у других – орнамент в виде распускающегося бутона с отогнутыми завитками (рис. 44, 11).

Тип 4. Пятиугольные бляшки. Включает 9 экземпляров с памятника Кирбинский Лог (курган 5, могила 4)¹². Длина изделий 1,5 см, ширина 1,5 см. Бляшки орнаментированы с трех сторон профильными изображениями цветов смоквы, со сферическим выступом в центре.

Тип 5. Округлые бляшки. Включает 26 экземпляров с памятника Сабинка I (курган 2, могила 2)¹³. Диаметр изделий 1,2 см. Бляшки имеют сферическую форму.

Тип 6. Подквадратные бляшки. Включает 2 экземпляра с памятника Кирбинский Лог (курган 3, могила 1)¹⁴. Длина и ширина изделий 2 см. Бляшки орнаментированы сферическими выступами в центре, завитками и лепестками.

Тип 7. Укороченно-пятиугольные бляшки. Включает 2 экземпляра с памятника Кирбинский Лог (курган 3, могила 1)¹⁵. Длина изделий 2 см, ширина 1,5 см. Бляшки подпрямоугольной формы, с приостренным концом и рифлеными краями, орнаментированы изображением бутона с завитками.

Тип 8. Шестиугольные бляшки. Включает 2 экземпляра с памятника Кирбинский Лог (курган 5, могила 4)¹⁶. Длина изделий 2,2 см, ширина 1,5 см. Бляшки шестиугольной формы, орнаментированные по периметру лепестками или цветами смоквы.

Тип 9. Бляшки – четырехлепестковые розетки. Включает 3 экземпляра с памятника Кирбинский Лог (курган 3, могилы 1 и 4)¹⁷. Длина и ширина изделий 1 см. Бляшки имеют округлый сферическим выступ в центре и четыре округлыми выступа по сторонам.

Тип 10. Бляшки – пятилепестковые розетки. Включает 3 экземпляра с памятника Кирбинский Лог (курган 5, могила 1)¹⁸. Длина изделий 1,2 см, ширина 1 см. Бляшки имеют сферический выступ в центре и пять округлых выступов по сторонам.

Тип 11. Бляшки – шестилепестковые розетки. Включает 10 экземпляров с памятника Кирбинский Лог (курган 3, могила 1)¹⁹. Длина и ширина изделий 1 см. Бляшки имеют сферический выступ в центре и шесть округлых выступов по сторонам.

Наконечники ремней. По характеру крепления к ремню относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе трапецевидных, по форме делятся на несколько типов.

Тип 1. Полуовальные наконечники ремней. Включает 10 экземпляров с памятников Таштык (могила 1), Капчалы II (курган 2), Сабинка I (курган 1, могила 2; курган 2, могила 2), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1), Тепсей III (могила 9)²⁰. Длина каждого наконечника 2 – 3 см, ширина 1 – 1,2 см. Изделия имеют подовальную форму, один округлый конец, а другой прямой или вырезанный углом (рис. 44, 9).

Тип 2. Полукруглые наконечники ремней. Включает 3 экземпляра с памятника Сабинка I (курган 2, могила 2)²¹. Длина изделий 1 – 1,5 см, ширина 0,6 – 1 см.

Тип 3. Удлиненно-пятиугольные наконечники ремней. Включает 5 экземпляров с памятника Кирбинский Лог (курган 3, могила 1)²². Длина изделий 5 см, ширина 2 см. Наконечники имеют вытянутую форму, приостренный конец и рифленые края. Они орнаментированы побегими с завитками по периметру и бутонами с тремя лепестками либо с завитками.

Подвесные бляхи. По характеру крепления к ремню относятся к отделу петельчатых, по сечению делятся на две группы.

Группа I. Полуовальные подвесные бляхи. По форме относятся к одному типу.

Тип 1. Лировидные подвесные бляхи. Включает 3 экземпляра с памятников Сабинка I (курган 1, могила 2), Кирбинский Лог (курган 5, могила 4), Тепсей III (могила 9)²³. Длина изделий 6 – 7 см, ширина 2,5 – 3 см. Бляшки имеют подквадратную петлю с прорезью для ремня и двумя округлыми расширениями. В центре выполнены сердцевидные вырезы (рис. 44, 15).

Группа II. Плоские подвесные бляхи. По форме относятся к одному типу.

Тип 1. Сердцевидные подвесные бляхи. Включает 1 экземпляр с памятника Кирбинский Лог (курган 3,

могила 1)²⁴. Длина изделия 3 см, ширина 2,5 см. Бляха-решма с прямоугольной петлей имеет сердцевидную форму, окантовку по краю и завитки. В центре выполнен орнамент в виде пламенеющей жемчужины.

Распределители ремней. По характеру крепления к ремням относятся к двум отделам.

Отдел I. Шпеньковые распределители ремней. По сечению относятся к группе полусферических, по форме – к одному типу.

Тип 1. Трехконечные распределители ремней. Включает 1 экземпляр с памятника Сабинка I (курган 2, могила 3)²⁵. Длина изделия 2,5 см, ширина 1,5 см. Распределитель-тройник имеет сферический выступ в центре и три пятиугольных конца.

Отдел II. Петлевые распределители ремней. По сечению относятся к группе плоских, по форме – к одному типу.

Тип 1. Трехпетельчатые распределители ремней. Включает 2 экземпляра с памятника Кирбинский Лог (курган 3, могила 1)²⁶. Длина и ширина изделий 2 см. Распределитель-тройник с подтреугольной бляшкой (в центре) орнаментирован розеткой со сферическим выступом (в центре), девятью выпуклостями (по периметру) и тремя овальными петлями.

Обоймы. По характеру крепления к ремню относятся к отделу изделий с прямоугольным проемом, по сечению – к группе плоских, по форме – к одному типу.

Тип 1. Прямоугольные обоймы. Включает 9 экземпляров с памятников Таштык (могила 1), Сабинка I (курган 1, могила 2), Кирбинский Лог (курган 3, могила 1; курган 5, могила 4)²⁷. Длина изделий 2 см, ширина 1 см. Обоймы выполнены из узких прямоугольных пластин с прямоугольным же проемом для ремней.

Железные детали и украшения

Железные детали наборных поясов представлены во многих древнетюркских памятниках Минусинской котловины.

Пряжки по характеру крепления к ремню относятся к двум отделам.

Отдел I. Шпеньковые пряжки. По сечению относятся к группе округлых изделий с плоским щитком, по форме – к одному типу.

Тип 1. Овальные пряжки со щитком. Включает 7 экземпляров с памятников Белый Яр II (курган 3, могила 3), Маркелов Мыс I (курган 21, могила 1), Сабинка I (курган 1, могилы 2 и 4), Таштык (могила 1), Ибыргыс-Кисте (курган 3)²⁸. Длина изделий 4 см, ширина 3 см. Каждая пряжка имеет овальную рамку, полуовальным щитком и подвижный язычок. На щиток одной из пряжек нанесен методом инкрустации криволинейный узор в виде симметрично загибающихся в четыре стороны завитков (рис. 76, 3, 8).

Отдел II. Безшпеньковые пряжки. По сечению относятся к группе округлых изделий без шпеньков, по форме делятся на несколько типов.

Тип 1. Овальные пряжки. Включает 5 экземпляров с памятников Капчалы II (курганы 12 и 13), Тепсей III (могила 19), Шестаково (курган 3, погребение А), Белый Яр II (курган 1, могила 3)²⁹. Пряжки имеют овальную рамку и подвижный язычок (рис. 44, 6).

Тип 2. Округлые пряжки. Включает 4 экземпляра с памятников Капчалы II (курган 11), Тепсей III (могила 3), Сабинка I (курган 2, могила 3), Ибыргыс-Кисте (курган 3)³⁰. Длина и ширина изделий 4,5 см. Пряжки имеют округлую рамку и подвижный язычок (рис. 44, 4).

Тип 3. Прямоугольные пряжки. Включает 4 экземпляра с памятников Усть-Тесь (курган 2), Тепсей III (могилы 3 и 67)³¹. Длина изделий 4 см, ширина 3 см. Пряжки имеют прямоугольную рамку и подвижный язычок (рис. 44, 7, 8).

Бляшки. По характеру крепления относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе плоских, по форме – к нескольким типам.

Тип 1. Прямоугольные бляхи-оправы. Включает 5 экземпляров с памятников Капчалы II (курганы 2 и 19), Маркелов Мыс I (курган 21, могила 1), Сабинка I (курган 2), Тепсей III (могила 9)³². Длина изделий 3 см, ширина 2 см. Бляшки имеют прорезь для подвесных ремней (рис. 44, 13).

Тип 2. Овальные бляхи-оправы. Включает 3 экземпляра с памятников Капчалы II (курган 2), Сабинка I (курган 1, могила 4)³³. Длина изделий 2,8 см, ширина 2,5 см. Бляшки имеют подовальную форму и прорезь для подвешенного ремешка.

Тип 3. Сердцевидные бляшки. Включает 4 экземпляра с памятников Сабинка I (курган 1, могила 4)³⁴. Длина и ширина изделий 2,5 см. Бляшка имеет сердцевидную форму с приостренным округлым концом.

Тип 4. Округлые бляшки. Включает 2 экземпляра с памятника Тепсей III (могила 67)³⁵. Длина изделий 2,5 см, ширина 2,3 см (рис. 75, 5, 6).

Тип 5. Шестиугольные бляшки. Включает 1 экземпляр с памятника Капчалы II (курган 13)³⁶. Длина и ширина изделия 4 см. Бляшки имеют приостренные верхний и нижний концы.

Наконечники ремней. По характеру крепления к ремню относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к двум группам.

Группа 1. Трапециевидные наконечники ремней. По форме среди них выделен один тип.

Тип 1. Удлиненно-пятиугольные наконечники ремней. Включает 3 экземпляра с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 3)³⁷. Длина изделий 5 см, ширина 2 см. Наконечники имеют подпрямоугольную форму и приостренный конец. На поверхность методом инкрустации нанесен орнамент в виде изгибающихся побегов виноградной лозы с завитками (рис. 76, 1, 6).

Группа 2. Плоские наконечники ремней. Представлена одним типом.

Тип 1. Полуовальные наконечники ремней. Включает 2 экземпляра с памятника Белый Яр II (курган 1, могила 3)³⁸. Длина изделий 4 см, ширина 1 см. Наконечники имеют прямоугольную форму и округлый конец.

Распределители ремней. По характеру крепления относятся к отделу петельчатых, по сечению – к группе плоских, по форме – к типу округлых.

Тип 1. Округлые распределители ремней. Включает 3 экземпляра с памятника Сабинка I (курган 1, могила 2)³⁹. Длина и ширина изделий 4,5 см. Распределители имеют по три прорези для крепления ремней.

Обоймы. По характеру крепления относятся к отделу изделий с прямоугольным проемом, по сечению – к группе плоских, по форме – к типу прямоугольных.

Тип 1. Прямоугольные обоймы. Включает 1 экземпляр с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 3)⁴⁰. Длина изделия 3 см, ширина 1,5 см. Обойма имеет прямоугольный проем для продевания ремня (рис. 76, 7).

Бронзовая сбруйная фурнитура

Бронзовые и железные детали от сбруйных ремней зафиксированы на многих памятниках. Бронзовая сбруйная фурнитура включает разнообразные предметы.

Пряжки. По характеру крепления к ремню относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе трапециевидных, по форме – к одному типу.

Тип 1. Овальные пряжки со щитком. Включает 5 экземпляров с памятника Ибыргыс-Кисте (курганы 4 и 5)⁴¹. Длина изделий 4 см, ширина 2,5 см. Пряжки имеют овальную рамку, полуовальный щиток и подвижный язычок (рис. 77, 5; 79, 2; 80, 9, 10; 83, 17).

Бляшки. По характеру крепления к ремню относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе трапециевидных и плоских, по форме делятся на несколько типов.

Группа 1. Трапециевидные бляшки.

Тип 1. Сердцевидные бляшки. Включает 15 экземпляров с памятника Ибыргыс-Кисте (курганы 4 и 5)⁴². Длина изделий 1,8 см, ширина 1,5 см. Бляшки имеют один приостренный конец, а на другом конце выполнен сердцевидный вырез (рис. 79, 5; 84, 1 – 3, 5, 6).

Тип 2. Шестиугольные бляшки. Включает 26 экземпляров с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4)⁴³. Длина изделий 2 см, ширина 1,5 см. Бляшки имеют окантовку, четыре завитка и изображение пламенеющей жемчужины в центре (рис. 77, 2, 3; 78, 2, 6; 79, 1, 3; 80, 1 – 4).

Тип 3. Удлиненно-шестиугольные бляшки. Включает 12 экземпляров с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4)⁴⁴. Длина изделий 4,5 см, ширина 2 см. Бляшки имеют окантовку, шесть завитков по краю, изображение двух пламенеющих жемчужин и цветка смородины между ними. Некоторые из них служили наконечниками ремней (рис. 77, 2, 3; 78, 2, 3; 79, 1, 3, 4; 80, 1, 2, 5, 8).

Тип 4. Двухчастные восьмеркообразные бляшки. Включает 4 экземпляра с памятника Ибыргыс-Кисте (курганы 4 и 5)⁴⁵. Длина изделий 2,5 см, ширина 1,5 см. Бляшки состоят из двух частей и имеют фигурный край. Орнамент на бляшках разный: в виде двух розеток, розетки и бутона, двух извивающихся побегов с завитками и бутона (рис. 78, 2, 3; 81, 8; 83, 9).

Тип 5. Дуговидные бляшки. Включает 3 экземпляра с памятника Ибыргыс-Кисте (курганы 4 и 5)⁴⁶. Длина изделий 3 см, ширина 1 см. Бляшки имеют два конца в виде рыбьих хвостов и округлый выступ с вогнутой стороны. На поверхность некоторых бляшек нанесен орнамент в виде рыбьей чешуи (рис. 78, 1, 5; 83, 14).

Тип 6. Удлиненно-треугольные бляшки. Включает 12 экземпляров с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 5). Длина изделий 6,5 см, ширина 1,5 см. Бляшки имеют вытянутую форму с приостренным концом и вырезом. Орнамент выполнен в виде многочастного стебля с отходящими по обе стороны рядами листьев. Некоторые из этих бляшек служили наконечниками (рис. 81, 2 – 9; 82, 1 – 6).

Тип 7. Пятиугольные бляшки. Включает 17 экземпляров с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 5). Длина и ширина изделий 1,5 см. Бляшки подквадратной формы, с приостренным концом и вырезом. Орнамент в виде двойной окантовки с прямоугольниками внутри (рис. 82, 7 – 13; 83, 5 – 8).

Тип 8. Бляшки – четырехлепестковые розетки. Включает 11 экземпляров с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 5), Белый Яр II (курган 7, могила 4)⁴⁷. Длина и ширина изделий 1,5 см. Бляшки имеют сферический выступ в центре и четыре округлых выступа (рис. 83, 19; 85, 1 – 4, 6 – 8).

Тип 9. Сегментовидные бляхи-оправы. Включает 2 экземпляра с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 5). Длина изделий 2,5 см, ширина 1,5 см. Бляшки имеют прорезь для ремня (рис. 84, 3).

Тип 10. Полуовальные бляшки. Включает 2 экземпляра с памятника Белый Яр II (курган 7, могила 4). Длина изделий 3 см, ширина 1 см.

Группа 2. Плоские бляшки.

Тип 1. Сердцевидные бляшки. Включает 3 экземпляра с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 5)⁴⁸. Длина и ширина изделий 4,5 см. Крупная бляха имеет двойную окантовку и три прорезных бубенчика на орнаментальном поле. Бляшки меньших размеров имеют окантовку по краю и по одному бубенчику в обрамлении извивающихся побегов (рис. 81, 1, 4, 5).

Тип 2. Узкие прямоугольные бляшки. Включает 4 экземпляра с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 5). Длина изделий 2,5 см, ширина 0,6 см. Бляшки имеют окантовку по краю и орнамент в виде побегов виноградной лозы с гроздьями (рис. 81, 8, 9; 83, 9, 10).

Тип 3. Трехчастные бляшки с петлей. Включает 1 экземпляр с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 5). Длина изделий 4 см, ширина 3 см. Трехчастная бляшка имеет дисковидную форму, два выступа и боковую петлю. Орнамент выполнен в виде трех концентрических кругов (рис. 84, 4).

Наконечники ремней. По характеру крепления к ремню относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе трапецевидных, по форме – к типу полуовальных.

Тип 1. Полуовальные наконечники ремней. Включает 5 экземпляров с памятника Ибыргыс-Кисте (курганы 4 и 5)⁴⁹. Длина изделий 3 см, ширина 1 см. Каждый наконечник имеет округлый конец (рис. 77, 1; 83, 1, 2).

Распределители ремней. По характеру крепления относятся к двум отделам.

Отдел 1. Шпеньковые распределители ремней. По сечению относятся к группе полусферических, по форме – к одному типу.

Тип 1. Трехконечные распределители ремней. Включает 3 экземпляра с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 5). Длина изделий 3 см, ширина 2 см. Распределитель-тройник имеет сферический выступ в центре и три фигурных конца (рис. 83, 15, 16, 18).

Отдел 2. Петлевые распределители ремней. По сечению относятся к группе полусферических, по форме – к одному типу.

Тип 1. Трехконечные и трехпетельчатые распределители ремней. Включает 3 экземпляра с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 5). Длина и ширина изделий 3,5 см. Распределитель-тройник имеет сферический выступ в центре, три секторовидных конца и три петли между ними (рис. 84, 1, 2, 6).

Обоймы. По характеру крепления относятся к отделу предметов с прямоугольным проемом, по сечению – к группе плоских, по форме – к одному типу.

Тип 1. Прямоугольные обоймы. Включает 6 экземпляров с памятника Ибыргыс-Кисте (курганы 4 и 5)⁵⁰. Длина изделий 2 см, ширина 1 см. Обойма выполнена из пластины и имеет прямоугольный проем. На некоторых изделиях выгравирован ячеистый орнамент с расходящимися лучами (рис. 77, 2, 3; 78, 2, 3; 83, 11, 12).

Начельники. По характеру крепления относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к двум группам.

Группа 1. Конические начельники. Представлена одним типом.

Тип 1. Начельники с подквадратным основанием. Включает 1 экземпляр с памятника Ибыргыс-Кисте (курган 4)⁵¹. Длина основания и ширина 1,6 см; высота втулки 0,9 см. Начельники имеют квадратное основание и короткую коническую втулку (рис. 78, 4).

Группа 2. Цилиндрические начельники. Представлена одним типом.

Тип 1. Начельники с четырехлепестковым основанием. Включает 1 экземпляр с памятника Ибыргыс-Кисте (могила 5). Длина и ширина изделий 2 см, высота втулки 2,5 см. Начельник имеет сферическое четырехлепестковое основание и невысокую цилиндрическую втулку (рис. 83, 13).

Железные украшения сбруйных ремней

Железные предметы, украшавшие сбруйные ремни, обнаружены в нескольких древнетюркских памятниках Минусинской котловины.

Бляшки. По характеру крепления к ремню относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе конических и плоских.

Группа 1. Плоские бляшки. По форме относятся к одному типу.

Тип 1. Прямоугольные бляшки. Включает 7 экземпляров с памятника Тепсей III (могила 3)⁵². Длина изделий 2,5 см, ширина 1 см. Бляшки имеют сферические выступы от головок заклепок (рис. 64, б).

Группа 2. Конические бляшки.

Тип 1. Пирамидальные бляшки. Включает 10 экземпляров с памятника Таштык (могила 1). Длина и ширина изделий 1,7 см. Бляшки имеют выпуклые грани.

Наконечники ремней. По характеру крепления относятся к отделу шпеньковых, по сечению – к группе плоских, по форме – к одному типу.

Тип 1. Прямоугольные наконечники ремней со сферическим концом. Включает 1 экземпляр с памятника Тепсей III (могила 3)⁵³. Длина изделия 6 см, ширина 1 см. Наконечник из длинной, сильно корродированной пластины, со сферической шляпкой на конце (рис. 64, 4).

Распределители ремней. По характеру крепления относятся к отделу кольцевых, по сечению – к группе круглых, по форме – к одному типу.

Тип 1. Кольцевые распределители ремней с пластинами. Включает 2 экземпляра с памятника Таштык (могила 1), Терен-Кель (курган 14)⁵⁴. Диаметр кольца 3 см. Распределитель выполнен в виде кольца с двумя обломанными пластинами (рис. 59, 1).

Предметы поясной и сбруйной фурнитуры, изготовленные из бронзы, находят многочисленные аналогии в предметном комплексе кыргызов, уйгуров, древних тюрок Саяно-Алтая, кимаков Верхнего Прииртышья и Приобья⁵⁵. Железные предметы из-за сильной коррозии не всегда поддаются точному определению.

По характеру оформления и орнаментации эти изделия соответствуют кочевническим культурам VIII – X вв.⁵⁶ В этот период в кочевнической торовитке (преимущественно поясной и сбруйной фурнитуре) получает широкое распространение растительная и каноническая орнаментация⁵⁷.

В составе предметов торовитки можно выделить бляшки катандинского облика с неорнаментированной поверхностью. Их можно датировать временем вхождения Минусинской котловины в состав Второго Восточного Тюркского каганата. Интересны также орнаментированные накладки, относящиеся ко времени существования Уйгурского и Кыргызского каганатов. В орнаменте преобладает мотив виноградной лозы с завитками. Очень редко изображены гроздья винограда, иногда – бутоны цветов с завитками и лепестками, а также цветочные розетки. Религиозными символами служили изображения пламенеющих жемчужин и цветов смоквы. Еще в качестве орнаментального мотива использовались бубенцы или их нижняя сферическая прорезная часть.

Сюжеты орнамента древнетюркской торовитки в Минусинской котловине достаточно разнообразны. Однако их не так много, как в кыргызской торовитке и торовитке древних тюрок сопредельных территорий Саяно-Алтая. Необходимо также отметить, что в торовитке древних тюрок Минусы, в отличие от Горного Алтая и Тувы, отсутствуют оригинальные сюжеты. Все изображения часто встречаются в материалах разных кочевых культур. Вероятно, это свидетельствует о периферийности минусинского варианта культуры древних тюрок Среднего Енисея, испытавших во второй половине VIII – X вв. сильное культурное воздействие енисейских кыргызов.

Примечания

¹ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 102.

² Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1998. – № 3. – С. 37.

³ Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 118.

⁴ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: (Культурное наследие древних цивилизаций). – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 96.

⁵ Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. – М., 1952. – № 24. – С. 134.

⁶ Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка... – С. 118.

⁷ Там же. – С. 118.

⁸ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 83, 97.

⁹ Там же. – С. 85, 95; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. – Кемерово, 1971. – С. 42; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 151.

¹⁰ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 85; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. – С. 42.

¹¹ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 85, 97; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – С. 42; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 151.

¹² Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 99.

¹³ Там же. – С. 95.

¹⁴ Там же. – С. 97.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – С. 99.

¹⁷ Там же. – С. 97 – 99.

¹⁸ Там же. – С. 99.

¹⁹ Там же. – С. 97.

²⁰ Там же. – С. 85, 95, 97; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 151.

²¹ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 95.

²² Там же. – С. 97.

²³ Там же. – С. 85, 98; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 151.

²⁴ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 97.

²⁵ Там же. – С. 96.

²⁶ Там же. – С. 97.

²⁷ Там же. – С. 85, 97.

²⁸ Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка... – С. 116; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 85, 92; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника... – С. 90.

²⁹ Левашова В.П. Два могильника... – С. 134; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 152; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника... – С. 90; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – С. 42.

³⁰ Левашова В.П. Два могильника... – С. 134; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 150.

³¹ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – С. 60; Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 150, 155.

³² Левашова В.П. Два могильника... – С. 134; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 85.

³³ Левашова В.П. Два могильника... – С. 134; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 92.

³⁴ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 92.

³⁵ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 155.

³⁶ Левашова В.П. Два могильника... – С. 134.

³⁷ Худяков Ю.С. Раскопки могильников Ах-Хол и Ибыргыс-Кисте // АО 1983 года. – М., 1985. – С. 248.

³⁸ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника... – С. 90.

³⁹ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 85.

⁴⁰ Худяков Ю.С. Раскопки могильников... – С. 248.

⁴¹ Худяков Ю.С. Реконструкция узды... – С. 33.

⁴² Там же. – Рис. 4, 5.

⁴³ Там же. – С. 33.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. – С. 34.

⁴⁶ Там же. – С. 36.

⁴⁷ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника... – С. 95.

⁴⁸ Худяков Ю.С. Раскопки могильников... – С. 248.

⁴⁹ Худяков Ю.С. Реконструкция узды... – Рис. 4, 6.

⁵⁰ Там же. – С. 34.

⁵¹ Там же. – С. 35.

⁵² Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время... – С. 150.

⁵³ Там же. – С. 150.

⁵⁴ Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1999. – № 3. – С. 23; Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 99.

⁵⁵ Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 44.

⁵⁶ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб., 1994. – С. 112 – 117.

⁵⁷ Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1998. – С. 39.

ГЛАВА 9

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА

На памятниках древнетюркской культуры Среднего Енисея, в отличие от памятников других районов Центральной Азии, обнаружена представительная серия керамических сосудов. Ряд исследователей считает керамическую посуду важным культурно-дифференцирующим признаком, характеризующим предметный комплекс¹. Впервые фрагменты лепного сосуда в насыпи кургана Таштык были найдены С.А. Теплоуховым. Сосуд, напоминающий «кыргызскую вазу», обнаружен в 1928 г. С.В. Киселевым в древнетюркском погребении с конем на памятнике Усть-Тесь². Несколько сосудов было найдено В.П. Левашовой при раскопках древнетюркских погребений на могильнике Капчалы II³. При характеристике керамического производства кыргызов Л.А. Евтюхова рассматривала эти находки в общем массиве с «кыргызскими вазами» и лепными сосудами, поскольку считала погребения с конем на Среднем Енисее кыргызскими⁴. В 1960-х гг. керамические сосуды были найдены А.А. Гавриловой при раскопках древнетюркских погребений могильника Над Поляной, Л.П. Зяблиным – на Перевозинском чаа-тасе, М.П. Грязновым – на могильнике Тепсей III. Материалы раскопок кургана Таштык и могильника Над Поляной были описаны С.П. Нестеровым⁵. Сосуды из могильника Тепсей III охарактеризовали М.П. Грязнов и Ю.С. Худяков⁶.

В 1990-х гг. А.И. Поселянин во время раскопок древнетюркских погребений на могильнике Белый Яр II, а также О.А. Митько и Ю.В. Тетерин на памятниках Маркелов Мыс I и II обнаружили большую серию керамических сосудов. По данным О.А. Митько и Ю.В. Тетерина, на этих памятниках почти в каждом мужском захоронении найдено по два сосуда разной формы (вазы и горшки), а в женских и детских погребениях – по одному горшковидному или баночному сосуду⁷. Сосуды из могильника Белый Яр II описаны А.И. Поселяниным, Э.Н. Киргинековым и В.В. Таракановым⁸. Характеризуя керамическую посуду из древнетюркских памятников Минусинской котловины, исследователи выделяют гончарные и лепные вазы, лепные горшки и банки⁹.

По технологии изготовления вся керамическая посуда из погребений древних тюрков Минусинской котловины подразделяется на гончарную (т.е. изготовленную на гончарном круге) и лепную (т.е. выполненную способом ручной лепки).

Гончарные сосуды принадлежат к одному типу.

Тип 1. Вазы. Включает 1 экземпляр из памятника Белый Яр II (курган 1, могила 3). Высота сосуда 29 см, диаметр тулова 18 см. Ваза имеет плоское дно, яйцевидное тулово, угловатый уступ под узкой горловиной, расширяющейся раструбом, отогнутый венчик. Верхняя часть тулова сосуда украшена полосами штампованного орнамента: ряды подквадратных вдавлений, вероятно, нанесенных с помощью прокатывания цилиндрического штампа. Верхняя горизонтальная полоса проходит под уступом горловины, нижняя – по средней части тулова. Между ними резьбой очерчены спиральные фигуры, вписанные в пространство между горизонтальными полосами (рис. 88, 1).

Подобные «кыргызские вазы» являются одной из наиболее характерных форм керамической посуды енисейских кыргызов VI – VIII вв.¹⁰ В меньшем количестве они продолжали употребляться в быту кыргызами в эпоху великодержавия IX – X вв.¹¹

В памятниках древних тюрков за пределами Минусинской котловины обломок гончарной вазы встречен в единственном экземпляре в поминальном комплексе Сарыг-Булуң в Туве¹².

Среди лепных сосудов выделяно несколько типов.

Тип 1. Вазы.

Вариант 1. Орнаментированные вазы. Включает 4 экземпляра из памятников Белый Яр II (курган 6, могила 1; курган 7, могилы 3 и 4), Усть-Тесь (курган 2). Высота сосуда 27 см, диаметр тулова 18 см. Вазы имеют плоское дно, яйцевидное тулово, узкую цилиндрическую или коническую горловину и отогнутый венчик. Верхняя часть тулова каждого из этих сосудов украшена полосами штампованного орнамента. На двух вазах имеется по две горизонтальных полосы, соединенных между собой ломаной полосой. Верхняя полоса узкая, нижняя – широкая, неровная. Ломаные полосы по ширине соответствуют верхней полосе. Верхняя часть тулова третьей вазы (отломана горловина) украшена широкой полосой штампованного елочного орнамента.

Четвертая ваза орнаментирована елочным узором, нанесенным на верхнюю часть тулова не сплошной полосой, а разреженными рядами (рис. 88, 2 - 4; 90, 1 - 3, 8, 22).

Другие вазы с орнаментом в верхней части тулова обнаружены в древнетюркских погребениях на могильнике Маркелов Мыс II. На них нанесены по три полосы штампованного орнамента. У одного сосуда от нижней полосы идут ответвления в виде вертикальных полосок штампованного узора¹³. Кыргызские вазы со штампованным орнаментом встречались в древнетюркских погребениях Перевозинского чаа-таса¹⁴.

Вариант 2. Неорнаментированные вазы. Включает 1 экземпляр из памятника Белый Яр II (курган 1, могила 1). Высота сосуда 19,5 см, диаметр тулова 17 см. Сосуд имеет плоское дно, яйцевидное тулово, широкую горловину, расширяющуюся раструбом, отогнутый венчик¹⁵. Близкие по форме (но несколько иных пропорций) лепные неорнаментированные вазы обнаружены в древнетюркских погребениях могильников Маркелов Мыс I и II¹⁶ (рис. 88, 5, 10; 89, 1, 9; 90, 10, 14).

Тип 2. Горшки.

Вариант 1. Орнаментированные горшки. Включает 1 экземпляр из памятника Белый Яр II (курган 4, могила 2). Высота сосуда 13 см, диаметр тулова 12 см. Сосуд имеет плоское дно, яйцевидное тулово, широкую горловину, отогнутый венчик. Венчик орнаментирован по всему периметру косыми насечками (рис. 89, 11).

Вариант 2. Неорнаментированные горшки. Включает 8 экземпляров из памятников Белый Яр II (курган 1, могилы 2а и 3; курган 3, могилы 1 и 3; курган 4, могила 1; курган 6, могила 1; курган 7, могила 4), Капчалы II (могила 3). Высота сосудов от 10 до 21 см, диаметр тулова 12 - 15 см. Каждый сосуд имеет плоское дно, яйцевидное тулово, широкую горловину и прямой либо отогнутый венчик (рис. 88, 7, 9; 89, 3, 5, 6 - 8, 12; 90, 4 - 7, 9 - 12, 15 - 18, 20, 22, 24). Подобные слабопрофилированные лепные горшки найдены и в древнетюркских захоронениях на памятниках Маркелов Мыс I и II¹⁷.

Тип 3. Банки.

Вариант 1. Орнаментированные банки. Включает 1 экземпляр из памятника Белый Яр II (курган 1, могила 3). Высота сосуда 12 см, диаметр тулова 13 см. Сосуд имеет плоское дно, цилиндрическое тулово, слегка отогнутый венчик. Орнамент представляет собой резьбу в виде ромбической сетки, нанесенной лишь на часть поверхности тулова (рис. 89, 4).

Вариант 2. Неорнаментированные банки. Включает 2 экземпляра из памятника Белый Яр II (курган 1, могилы 1 и 2а). Высота сосудов 10 - 12 см, диаметр тулова 12 см. Каждый сосуд имеет плоское дно, коническое тулово, слегка отогнутый венчик (рис. 88, 6).

Вариант 3. Орнаментированные банки с налпами по венчику. Включает 1 экземпляр из памятника Белый Яр II (курган 1, могила 3). Высота сосуда 16 см, диаметр тулова 14 см. Сосуд имеет плоское дно, яйцевидное тулово, широкое устье. С четырех сторон внешней стороны венчика симметрично расположены треугольные налпы. Венчик по всему периметру орнаментирован косыми насечками (рис. 88, 8).

Вариант 4. Неорнаментированные банки с налпами по венчику. Включает 1 экземпляр из могильника Над Поляной (могила 13)¹⁸. Высота сосуда 16 см, диаметр тулова 12 см. Сосуд имеет плоское дно, яйцевидное тулово, слегка отогнутый венчик. С четырех сторон внешней стороны венчика симметрично расположены сферические шишечки-налпы.

В древнетюркских захоронениях могильника Маркелов Мыс II найдены иные варианты баночных сосудов: плоскодонные сферические банки с прямым или слегка отогнутым венчиком; сферические банки с боковым налпом на тулове (ручкой)¹⁹.

Описанная серия керамической посуды достаточно представительна и разнообразна. Как отмечают исследователи, по своей многочисленности и типологическому разнообразию она, безусловно, отличается от керамической посуды из памятников древних тюрок Тувы, Алтая и Тянь-Шаня, хотя отдельные формы имеют единичные аналоги из памятников других территорий²⁰. В то же время керамика минусинских тюрок аналогична кыргызской. В минусинских кыргызских погребениях эпохи чаа-тас (VI - VIII вв.) и в меньшей степени в памятниках эпохи великодержавия (IX - X вв.) встречаются гончарные и лепные вазы с подобным штампованным орнаментом²¹. Лепные горшки и банки без орнамента, с насечками по венчику и налпами в большей степени характерны для рядовых кыргызских погребений, захоронений женщин и детей кыргызских могильников VI - VIII вв. Минусинской котловины²².

У кыргызов подобные формы сосудов появились еще до военных походов и переселения тюрок в Минусу, а у тюрок за пределами Среднего Енисея они почти не встречаются. Таким образом, традиция производства и широкого употребления в быту керамической посуды была воспринята тюрками у кыргызов после расселения первых в Минусинской котловине. Заимствование основных форм кыргызской посуды можно рассматривать как одно из проявлений аккультурации древних тюрок в кыргызской этнокультурной среде. В этой связи важно отметить, что керамическая посуда характерна далеко не для всех древнетюркских захоронений Минусы и

Ачинско-Мариинской лесостепи. Она представлена в материалах памятников, где есть захоронения не только древних тюрков, но и кыргызов, а также кыргызских кыштымов. Вазы встречаются преимущественно в мужских погребениях с конем, горшки и банки – в женских и детских захоронениях²³. Подобным образом керамическая посуда разных типов размещалась и в кыргызских курганах эпохи чаа-тас. Это свидетельствует не только о заимствовании тюрками Минусинской котловины традиции производства и применения керамической посуды, но и об ее использовании в погребальной обрядности, а также об интеграции минусинских тюрков в кыргызском обществе.

Очевидно, эти заимствования не могли произойти в период древнетюркского господства в кыргызских землях до падения Второго Восточного Тюркского каганата. Они должны были относиться ко времени включения древних тюрков в состав подданных кыргызских каганов со второй половины VIII до конца X в. В то же время у некоторых групп древних тюрков, проживавших в это время в Минусе и Ачинско-Мариинской лесостепи, традиция ставить умершим в могилу керамические сосуды с заупокойной пищей и питьем так и не прижилась. Керамическая посуда не характерна для обособленных могильников, одиночных и впускных захоронений севера и юга Минусинской котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи. Не встречаются сосуды и в некоторых погребениях с конем на полиэтничных кыргызских могильниках. Видимо, отдельные родовые группы смогли сохранить свое этническое и культурное своеобразие дольше, чем основная масса древнетюркского населения Минусы.

Типологические и вариативные различия керамического комплекса древних тюрков обусловлены технологией изготовления сосудов и функциональным назначением посуды. Считается, что вазы служили для хранения вина, горшки – для приготовления пищи, а банки – для ее приема. В зависимости от разного социального статуса, пола и возраста погребенных изменялся состав заупокойной пищи и питья, характер поминальной трезны на кургане или на памятном поминальном сооружении. Поэтому фрагменты керамических сосудов находят не только в могильных ямах, но и в насыпях древнетюркских курганов Среднего Енисея.

Примечания

¹ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы междунар. симпоз. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 402.

² Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинском крае в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартянова в г. Минусинске. – Минусинск, 1929.

³ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – С. 93 - 95; Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1952. – № 24. – С. 132.

⁴ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 93 – 95.

⁵ Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 95; Нестеров С.П. Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 95.

⁶ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 151 – 155.

⁷ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402.

⁸ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: (Культурное наследие древних цивилизаций). – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. Горизонты Евразии. – С. 97.

⁹ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 199, 200; Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II... – С. 97.

¹⁰ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 93 – 95.

¹¹ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – С. 99.

¹² Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979. – С. 131.

¹³ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402; рис. 2, 2.

¹⁴ Зяблин Л.П. Отчет о раскопках Копенского отряда Красноярской археологической экспедиции в 1968 г. // Архив ИА. – Р-1, д. 4088.

¹⁵ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II... – С. 97.

¹⁶ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402; рис. 1, 3; 2, 2.

¹⁷ Там же. – С. 402; рис. 1, 3; 2, 2.

¹⁸ Нестеров С.П. Древнетюркские погребения... – С. 94; рис. 3, 3.

¹⁹ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402; рис. 2, 2.

²⁰ Там же. – С. 402.

²¹ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов... – С. 93 – 95.

²² Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 199.

²³ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402.

ГЛАВА 10

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Первые опыты хронологической и этнокультурной атрибуции памятников древнетюркской культуры на Среднем Енисее, в частности, каменных изваяний людей и животных, были предприняты учеными XVIII в. Большинство исследователей рассматривало их вкупе с окуневскими каменными изваяниями, считая “надгробными статуями”, синхронными древним курганам и руническим надписям. Предполагалось, что эти памятники принадлежали древним жителям Минусинского края, населявшим Средний Енисей до “татар” (т.е. до прихода современного коренного тюркоязычного населения). Некоторые путешественники, отметив случаи почитания подобных изваяний местными жителями, считали стелы специально изготовленными “идолами”, относящимися к культуре “минусинских татар”. Предположения по хронологии и этнокультурной принадлежности изваяний основывались как на общих соображениях о минусинских и евразийских древностях или каменных бабах, так и на конкретных наблюдениях отдельных скульптур. Д.Г. Мессершмидт высказал предположение, что изваяние “Хозен-хыс-тас”, находившееся в долине р. Черный Июс, могло изображать китайца или было выполнено под влиянием китайской культуры¹. Вероятно, основанием для такого предположения послужила необычная конфигурация скола при разрушении изваяния. В результате этого повреждения верхняя часть головы стелы оказалась сколота так, что сзади осталось возвышение. В таком виде она напоминает китайскую чиновничью шапку с приподнятым над коллаком задником.

В отличие от Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберг считал минусинские каменные изваяния объектами культа “татар”². Многие стелы действительно почитались коренными жителями Минусинской котловины в XVIII в. и даже в следующие столетия.

Важную роль в интерпретации изваяний сыграло открытие памятников рунической письменности. Сходство начертания этих рун с древнегерманскими рунами вызвало предположение о принадлежности первых древнему финноязычному населению, жившему, как считали ученые, на обширных территориях Северной Евразии (от Алтая до Скандинавии) с глубокой древности до монгольских завоеваний.

По предположению А.А. Гавриловой, средневековые погребения с конем были впервые описаны Г.Ф. Миллером и И.Г. Гmeliным со слов бугровщика Селенги, грабившего подобные захоронения в курганах Копенского чаа-таса на Енисее³. Однако в этом описании говорится о находках “остовов” людей и конских голов, поэтому можно предположить, что в могилах Копенского чаа-таса Селенгой были нарушены не погребения с конем, а захоронения со шкурой коня. Могила Копенского чаа-таса послужила основой для выделения одного из видов древних погребений Минусинской котловины, которое было предложено Г.Ф. Миллером и опубликовано И.Г. Гmeliным⁴.

Древнетюркские каменные изваяния, наряду с курганами, руническими надписями и находками древних “куриозных вещей” в Южной Сибири, многими учеными приписывались “чуди” – мифическому древнему народу, который, по легендам русских старожилов, обитал на сибирских землях до прихода татар или даже до присоединения этих территорий к России. “Чудскими” называли древние и средневековые захоронения, древние горные выработки, каменных баб, надписи и наскальные рисунки. Предположения о принадлежности древней чуди памятников Минусы высказывал П.С. Паллас. В обнаруженных им каменных изваяниях долины р. Абакан он усмотрел влияние буддизма⁵. Вероятно, такое предположение было основано на сходстве минусинских изваяний и буддийских статуэток, изучением которых П.С. Паллас занимался специально⁶.

И.П. Фальк, опубликовавший рисунок изваяния с р. Черный Июс, сделанный геодезистом И. Шишковым, считал, что “чудские” древности могли принадлежать монголам⁷. “Каменных баб” Минусинской котловины упоминали в своих сочинениях А.П. Степанов и Н.А. Костров⁸.

В 1840-х гг. поиском рунических надписей в Минусинской котловине занимался М.А. Кастрен⁹. Он осматривал и каменные изваяния. М.А. Кастрен обратил внимание на сходство родовых названий самодийских племен, обитавших в таежной зоне Саян, с наименованиями родов самоедов, живших в тундровой зоне севера Сибири.

Эти материалы, казалось, подкрепили предположения ученых о финской принадлежности древних “чудских” памятников. Некоторые ученые и любители древностей попытались связать их с конкретными народами, известными по письменным историческим источникам. Г.И. Спасский приписал минусинские и евразийские каменные изваяния гуннам¹⁰. Э.И. Эйхвальд предположил, что южносибирские и евразийские древности, в том числе средневековые каменные изваяния, принадлежали скифам из сочинения Геродота, которых он отождествлял с финноязычной “чудью”¹¹.

Дань традиционным представлениям о каменных изваяниях, как относящихся к бронзовому веку, отдал в своей книге В.В. Радлов. Однако он один из первых попытался сопоставить результаты своих раскопок средневековых памятников на р. Абакан с материалами китайских источников о древних тюрках, уйгурах и кыргызах¹². С этого времени использование средневековых письменных источников при определении хронологии и этнокультурной принадлежности археологических памятников Минусинской котловины стало неотъемлемой частью научного анализа.

Н.М. Ядринцев, опираясь на сведения китайских источников о средневековых кыргызах, определил, что минусинские каменные изваяния не являются кыргызскими¹³. Д.А. Клеменц предположил, что изваяния на Енисее принадлежат тюркам, но датировал их концом I тыс. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э.¹⁴

Расшифровка древнетюркской рунической письменности, выполненная В. Томсеном, переводы надписей с поминальных памятников и изучение комплексов древнетюркской знати Монголии В.В. Радловым самым существенным образом изменили представления ученых о культуре древних тюрков Центральной Азии. Впервые была подтверждена принадлежность одного из типов поминальных памятников древнетюркской культуре¹⁵.

Древнетюркские погребения с конем впервые атрибутированы на материалах раскопок, проводимых в 1929 г. в Минусинской котловине С.А. Теплоуховым¹⁶. В рамках сквозной классификации археологических памятников эпохи металла Минусинского края он отнес погребение с конем в кургане на р. Таштык к “алтайским тюркам”. По его мнению, последние появились на Енисее в VII в.¹⁷ Опираясь на эту классификацию, М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер выделили в особую группу каменных изваяний, “не характерных для края”, скульптуры мужчин с сосудом в одной или обеих руках, которые встречаются в евразийских степях¹⁸. Скульптуры животных не были отнесены ими к определенному периоду или культуре.

Раскопанное в 1928 г. средневековое захоронение с конем на памятнике Усть-Тесь С.В. Киселев, не знакомый с классификацией С.А. Теплоухова, объединил с таштыкскими склепами в одну “новую культуру Минусинского края” “по сходству керамического материала”, датировав их серединой I тыс. н.э.¹⁹ Обнаруженные в 1930-е гг. захоронения с конем или бараном на памятниках Уйбат II и Капчалы II по находке в одной из могил танской монеты были датированы С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой и В.П. Левашовой к IX в. В своих работах, вышедших в свет в конце 1940-х — начале 1950-х гг., эти исследователи отнесли все минусинские погребения по обряду ингумации с конем к культуре кыргызов. По их мнению, в IX в. кыргызы перешли на обряд трупоположения с конем²⁰. В 1952 г. Л.А. Евтюхова и М.П. Грязнов переиздали сводки минусинских каменных изваяний древнетюркского времени. Л.А. Евтюхова назвала древнетюркскими 6 каменных скульптур людей и поминальный комплекс у с. Знаменка²¹. М.П. Грязнов отнес два изваяния из с. Бельтыры к числу “ранних форм каменных баб тюркского типа”, сблизил их по технике исполнения с оленными камнями и датировал временем “около начала нашей эры”²².

Л.Р. Кызласов в 1959 г. высказался в пользу того, что погребения с конем в Минусинской котловине принадлежат тюркам²³. В 1960 г. он отнес несколько древнетюркских изваяний людей и баранов к таштыкской культуре²⁴. А.А. Гаврилова считала, что погребения с конем на Среднем Енисее могли принадлежать разным этническим группам, в том числе кыргызам, и датировала их “не позднее VII в.”²⁵. А.Д. Грач высказал соображение, что погребения с конем в Минусинской котловине принадлежали тюркским гарнизонам в период подчинения кыргызов тюркам²⁶. Ю.И. Трифонов связывал минусинские погребения с конем с племенами теле, поскольку в Минусинской котловине “вообще почти не встречено” древнетюркских оградок и каменных изваяний²⁷. Д.Г. Савинов, разделяя мнение Ю.И. Трифонова о телеской принадлежности этих погребений, предположил, что захоронения с конем на Среднем Енисее могли быть совершены особой этнической группой, которая обитала рядом с кыргызами в VI — VIII вв. Опираясь на предположение С.В. Киселева, Д.Г. Савинов считал, что материалы из погребения у Усть-Теси имеют аналоги в инвентаре таштыкской культуры, датировав их VI — VII вв., а памятники Таштык, Капчалы II и Уйбат II — VII — VIII вв.²⁸

А.И. Мартынов, Г.С. Мартынова и А.М. Кулемзин отнесли средневековые впускные захоронения с лошадьми в насыпях курганов Шестаковского могильника к сrostкинской культуре²⁹. В 1975 г. Л.Р. Кызласов высказал предположение, что погребения с конем и некоторые каменные изваяния Минусинской котловины могут принадлежать алтайским тюркам, которые мигрировали на Средний Енисей под давлением уйгуров и продолжали обитать на землях к северу от Саян в течение IX — X вв.³⁰ В 1979 г. М.П. Грязновым и

Ю.С. Худяковым были изданы материалы раскопок древнетюркских погребений с конем и бараном на могильнике Тепсей III. Они были отнесены к культуре древних тюрков и датированы VIII – X вв.³¹

Ю.С. Худяков и С.П. Нестеров одно из захоронений с конем Тепсейского могильника отнесли к древнетюркской культуре VIII – X вв.³² В обобщающей работе о кок-тюрях на Среднем Енисее Ю.С. Худяков связал с древнетюркской культурой погребения с конем или бараном, каменные изваяния людей и поминальный памятник, а также некоторые рунические надписи. Появление тюрков на землях к северу от Саян произошло в результате победоносного похода войск Тоньюкука, Кюль-тегина и Могиляна в 711 г.³³ При характеристике вооружения из памятников древних тюрков Среднего Енисея был обоснован возраст этих находок (VIII – X вв.)³⁴.

Отдельные каменные изваяния отнесены некоторыми исследователями к иным эпохам и культурам. Э.Б. Вадецкая включила скульптуры баранов в круг материалов окуневской культуры³⁵. Л.Р. Кызласов связал изваяние из окрестностей с. Знаменка с “тютхятской культурой древних хакасов” IX – X вв.

Д.Г. Савинов отнес погребения с конем и оградки с каменными изваяниями Саяно-Алтая к культуре “алтае-телесских тюрков”³⁶. Что касается минусинских захоронений с конем, то он определил хронологию их бытования с VI по X в.³⁷ С.П. Нестеров обобщил материалы по древнетюркским погребениям с конем на Среднем Енисее, датировав их в пределах VIII – X вв. Однако он высказал предположение, что основная масса древнетюркских кочевников могла переселиться на Средний Енисей во второй половине VIII в., после падения Второго Восточного Тюркского каганата, спасаясь от преследований уйгуров³⁸. Погребения со шкурой коня или барана он счел особым вариантом захоронений с конем или с бараном³⁹.

А.С. Поляков причислил к памятникам древних тюрков раскопанные им на юге Минусинской котловины оградки с погребениями по обряду кремации⁴⁰.

Е.Д. Паульс, П.П. Павлов, Д.Г. Савинов датировали обнаруженные в насыпях тагарских курганов на юге Минусинской котловины впускные захоронения с лошадьми VIII – IX вв., отметив их сходство с памятниками сросткинской культуры и предположив, что это результат миграции кимаков или карлуков в Минусинскую котловину⁴¹.

Большая группа захоронений с конем и бараном была исследована О.А. Митько и Ю.В. Тетериним на памятниках Маркелов Мыс I и II на севере Минусинской котловины. Они отнесли их к древнетюркской культуре и датировали VIII – X вв. В качестве основного культурно-дифференцирующего признака, характеризующего древних тюрков Минусы, они определили керамическую посуду трех форм: вазовидные, горшковидные и баночные сосуды⁴². О.А. Митько предположил, что средневековые каменные изваяния на Среднем Енисее не относятся к культуре древних тюрков⁴³. А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяков связали с древнетюркской культурой Минусинской котловины поминальный комплекс у с. Знаменка, каменные изваяния людей, львов и баранов⁴⁴. А.И. Поселянин, Э.Н. Киргинеков, В.В. Тараканов датировали раскопанные на могильнике Белый Яр II погребения с конем и бараном VII – VIII вв., предположив, что они принадлежали “немногочисленной группе населения, пришедшего с юга”. В эту группу были включены и одиночные погребения по обряду ингумации, и трупоположения, и кенотафы этого могильника⁴⁵.

В значительной разногласии мнений относительно хронологии погребений с конем и каменных изваяний можно выделить несколько разных подходов. Большинство исследователей сходятся на том, что погребения с конем или бараном относятся к эпохе раннего средневековья. Некоторые из них полагают, что такие захоронения совершались в течение всей второй половины I тыс. н.э. и выделяют среди них “ранние” и “поздние”. Другие ученые относят время существования погребений с конем к последним двум-трем столетиям I тыс. н.э., по-разному объясняя время и причины появления подобных памятников в Минусинской котловине. При оценке мнений по данному вопросу необходимо учитывать обстоятельства и суть конкретных высказываний исследователей.

С.В. Киселев, объединивший погребения с конем и таштыкские склепы в одну культуру “по сходству керамического материала” и датировавший ее серединой I тыс. н.э., в 1929 г. только начинал изучение археологических памятников Минусинской котловины. Позднее он отказался от этого предположения и относил захоронения с лошадьми к кыргызской культуре IX – X вв.⁴⁶ Подробно анализировать и опровергать его первоначальное предположение не имеет смысла. Д.Г. Савинов, поддержавший первоначальную дату С.В. Киселева, указал на таштыкские аналоги в инвентаре погребения с конем на памятнике Усть-Тесь, от которых автор данного предположения успел давно отказаться. Д.Г. Савинов считал, что памятник Усть-Тесь мог принадлежать особой этнической группе, обитавшей на Енисее наряду с кыргызами⁴⁷. Вероятно, основой для такого предположения были некоторые отличия данного памятника от других захоронений с конем на Енисее и в Саяно-Алтае. Однако в последующие годы близкие по обрядности и инвентарю захоронения были исследованы и в других районах Минусинской котловины. Подобные памятники являются наиболее многочисленными среди захоронений с конем на Среднем Енисее, а присутствие в составе инвентаря керамической посуды является отличительным признаком для этих погребений.

Мнение А.А. Гавриловой о том, что основная группа исследованных к 1960-м гг. минусинских погребений с конем должна датироваться не позднее VII в., высказано в комментариях к периодизации древнетюркских погребений с конем в Горном Алтае⁴⁸. Оно не было подробно обосновано и аргументировано. Раскопанные к этому времени захоронения на памятниках Капчалы II, Таштык, Уйбат II, безусловно, отличаются от памятников кудыргинского типа, датируемых VI – VII вв., т.е. периодом существования Первого Тюркского каганата.

В источниках нет достоверных указаний на то, что древние тюрки совершали походы на Средний Енисей в период существования Первого Тюркского каганата, а тюркские войска могли “форсировать Саяны”⁴⁹. Известно только, что в этот период кыргызские правители находились в зависимости от тюркских каганов, а в качестве дани вывозили к ним “оружие, крайне острое”⁵⁰.

А.А. Гаврилова не считает обряд захоронения с конем древнетюркским, а относит его к разным племенам, в том числе к кыргызам⁵¹.

Д.Г. Савинов датировал исследованные в Минусе погребения с конем, кроме памятника Усть-Тесь, VII – VIII вв. (катандинский тип), т.е. периодом существования Второго Восточного Тюркского каганата⁵². Материалы этих памятников (прежде всего Капчалы II) действительно содержат ряд убедительных аналогов в предметном комплексе катандинского времени. Прежде всего, это поясная фурнитура с гладкими бляхами-оправами. Не противоречит такой дате облик вооружения и сбруи, а также керамический комплекс из погребений с конем. Однако большая часть предметов датирована в широком хронологическом диапазоне – VIII – X вв. или всем периодом раннего средневековья.

Д.Г. Савинов, П.Г. Павлов и Е.Д. Паульс впускные погребения с лошадьми на юге Хакасии датировали VIII – IX вв.⁵³ Основанием для такой датировки послужил облик орнаментированных предметов торевтики и другого сопроводительного инвентаря. К этой же дате склоняются О.А. Митько и Ю.В. Тетерин при оценке инвентарного комплекса памятников Маркелов Мыс I и II. Они же утверждают, что для отнесения к VI в. могильника Усть-Тесь, на котором раскопано погребение с конем, нет никаких оснований⁵⁴. Большинство исследователей, склонных датировать погребения с конем или бараном, поминальные комплексы и каменные изваяния VII – VIII вв., VIII – IX вв. и VIII – X вв., в пределах периодов существования Второго Восточного Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов, связывают появление древних тюрков в Минусинской котловине со знаменитым походом через Саяны тюркского войска зимой 710 – 711 гг.⁵⁵ Некоторые ученые склонны объяснять распространение на Среднем Енисее значительного количества древнетюркских памятников и последующее переселение тюрков из Центральной Азии в VIII в., после падения Второго Восточного Тюркского каганата, давлением уйгуров⁵⁶.

Предположения о проникновении в Минусу отдельных групп кимаков, карлуков, тюркешей, телесцев или не названного “пришлого населения” не сопровождаются развернутыми обоснованиями, поэтому их сложно оценить⁵⁷.

Л.Р. Кызласов, датировавший погребения с конем и отдельные каменные изваяния Минусы VIII – X вв. или IX – X вв., относил их к “алтайским тюркам”, связывая появление последних на Енисее с бегством от преследований со стороны уйгуров после образования Уйгурского каганата или переселением на земли к северу от Саян после образования Кыргызского каганата⁵⁸.

С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова и В.П. Левашова датировали все погребения с конем IX – X вв. по находке танской монеты в одной из могил на памятнике Капчалы II⁵⁹. Как отметила А.А. Гаврилова, монеты “Кайюань Тунбао” имеют более широкий период чеканки⁶⁰. В употреблении они были длительное время, поэтому для определения даты не могут быть определяющими. Предположение С.В. Киселева, Л.А. Евтюховой и В.П. Левашовой о переходе кыргызов в IX в. на обряд трупоположения с конем не имеет оснований⁶¹. Оно не выдерживало испытания временем, поскольку позднее были выделены кыргызские погребения по обряду трупосождения IX – X, XI – XII и XIII – XIV вв.

Таким образом, обоснование хронологии и культурной принадлежности памятников древнетюркской культуры на Среднем Енисее зависело от общих представлений того или иного исследователя по поводу этнокультурогенеза кочевых этносов Саяно-Алтая в эпоху раннего средневековья. Значительно реже археологи касались вопросов хронологии и периодизации минусинских погребений с конем в целом, ограничиваясь датировкой раскопанных ими памятников, высказывая соображения по поводу возраста группы таких захоронений в связи с периодизацией средневековых памятников в пределах всей Южной Сибири или Центральной Азии.

Хотя инвентарь древнетюркских погребений с конем на Среднем Енисее достаточно стандартен и представителен, большинство предметов характерно для всего периода раннего средневековья, что затрудняет узкое датирование конкретных объектов и периодизацию памятников.

Среди предметов вооружения в хронологическом отношении наиболее показательны разнотипные железные наконечники стрел. Трехлопастные стрелы вытянуто-пятиугольной, удлинненно-шестиугольной и асимметрично-ромбической формы бытовали в течение всего раннего и развитого средневековья. Среди бронебойных

наконечников трехгранного и четырехгранного сечения преобладают формы, характерные для IX – X и XI – XII вв.⁶² В памятниках Уйбат II и Ибыргыс-Кисте встречены плоские стрелы асимметрично-ромбической, овально-крылатой и других форм, характерные для периода развитого средневековья⁶³. Широкий хронологический диапазон бытования и противоречивость датировок дает основания для определения периода распространения разных типов стрел у минусинских тюрок по их взаимовстречаемости в пределах одного периода. При таком подходе основные формы трехлопастных стрел частично синхронны трехгранным, четырехгранным и плоским, с которыми они встречаются в составе одного набора. В целом, этот набор должен относиться к VIII – X вв., хотя эту дату можно разделить с учетом других данных на периоды, синхронные последним десятилетиям существования Второго Восточного Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов (первая половина VIII в., вторая половина VIII – начало IX в., IX – X вв.). Другие виды оружия и воинского снаряжения (луки, палаши, кинжалы, тесла и колчаны) не могут быть определяющими в уточнении хронологии археологических комплексов ввиду немногочисленности находок или длительного периода синхронного бытования разных форм. При учете всех имеющихся данных колчаны закрытого типа могут считаться более ранними, чем колчаны с карманом, и относиться ко всему периоду пребывания древних тюрок на Енисее⁶⁴. Разные типы тесел также можно датировать ранним и развитым средневековьем⁶⁵.

Среди предметов сбруи наиболее вариабельны двусоставные железные удила с кольчатыми завершениями звеньев. В свое время присутствие в составе удил в могиле с конем на памятнике Усть-Тесь роговых двудырчатых слабоизогнутых псалий способствовало тому, что этот памятник был отнесен к раннему периоду существования древнетюркской культуры⁶⁶. Однако подобные псалии есть в составе инвентаря памятника Терен-Кель, в котором имеется набор массивных трехлопастных наконечников со свистунками и колчан с орнаментированными костяными накладками, аналогичный тем, что обнаружены на памятниках Таштык и Уйбат II⁶⁷. Таким образом, присутствие роговых псалий не может считаться ранним признаком. По-видимому, такие псалии были распространены у древних тюрок на протяжении достаточно длительного периода. То же самое можно сказать в отношении других вариантов стрежневых и кольчатых псалий.

Что касается уздечных ремней с бронзовыми бляшками и накладками, то появление сложной растительной орнаментации и канонической символики может быть связано с влиянием уйгурской традиции. Подобная орнаментика была распространена у древних тюрок и в течение всей эпохи “кыргызского великодержавия” IX – X вв.⁶⁸

Стремена из памятников древних тюрок Минусинской котловины относятся к типам, характерным для периода раннего средневековья: с кольцевой, несомкнутой и пластинчатой петлей. Они были распространены в культурах кочевников Саяно-Алтая в течение всего раннего средневековья⁶⁹.

Редкой формой, относящейся ко времени существования Второго Восточного Тюркского каганата, является стремя с прямоугольной, горизонтально расположенной петлей на длинной шейке⁷⁰. К этому периоду должны относиться роговые орнаментированные накладки на переднюю луку седла⁷¹. Судя по этим накладкам, деревянные остовы седел у древних тюрок Среднего Енисея имели довольно низкие передние луки, характерные для катандинского этапа древнетюркской культуры. Орнаментированные накладки и бляшки сбруи датируются VIII – X вв.⁷² Костяные подпружные пряжки, встречающиеся в памятниках древнетюркской культуры, бытовали в течение всего раннего и развитого средневековья⁷³. Столь же долго бытовали костяные цурки⁷⁴.

В материалах, относящихся к конскому убранству, наиболее изменчивы и вариабельны удила и уздечные наборы. Комплекс керамической посуды, гончарные “кыргызские вазы” и лепные сосуды в основном соответствуют формам, распространенным у кыргызского населения. Они, безусловно, выделяют минусинские погребения с конем и бараном из всего массива древнетюркских захоронений Саяно-Алтая и Центральной Азии⁷⁵. Однако в хронологическом отношении керамическая посуда из древнетюркских памятников на Енисее не отличается от собственно кыргызской.

Таким образом, основные категории сопроводительного инвентаря из памятников культуры древних тюрок в Минусинской котловине бытовали в течение достаточно длительного периода раннего средневековья.

По аналогичным предметам из памятников древнетюркской культуры Центральной Азии в составе минусинских захоронений можно выделить комплексы катандинского времени с поясной фурнитурой, в состав которой входили бляхи-оправы с гладкой неорнаментированной поверхностью⁷⁶. Вероятнее всего, эти памятники можно датировать временем существования Второго Восточного Тюркского каганата. В Минусинской котловине они могли появиться после знаменитого похода древнетюркского войска в 710 – 711 гг. Погребения с конем с инвентарем катандинского этапа могли быть синхронны поминальным памятникам с изваяниями воинов, львов и баранов.

Такие захоронения с бронзовыми бляшками в составе наборного пояса исследованы на памятниках Шестаково и Сабинка I⁷⁷. Погребения с железными бляхами-оправами найдены на памятнике Капчалы II⁷⁸. Вероятно, ко времени вхождения Минусинской котловины в состав Второго Восточного Тюркского каганата относились и памятники “знатных тюрков” могильников Маркелов Мыс I и II⁷⁹. Эти комплексы можно считать принадлежащими единой культуре восточных древних тюрков Минусинской котловины.

Своеобразие минусинского варианта древнетюркской культуры проявилось после падения Второго Восточного Тюркского каганата в середине VIII в. и относительной изоляции тюрков, оставшихся на Енисее, от своих соплеменников в Центральной Азии. Оказавшись в кыргызской среде, древние тюрки Минусинской котловины испытали сильное воздействие кыргызской культуры. Одним из наиболее заметных проявлений этого влияния можно считать широкое заимствование кыргызской керамической посуды⁸⁰. Поэтому погребения с конем или бараном, а также с “кыргызскими вазами” и лепными сосудами можно считать наиболее характерными для минусинского локального варианта культуры древних тюрков. К числу других признаков можно отнести использование огня в погребальном обряде, в том числе частичное или полное сожжение в яме. Подобная эволюция погребальной обрядности происходила в течение всего периода существования этнической группы минусинских тюрков и локального варианта их культуры. Хронологически он должен охватывать период со второй половины VIII в. до конца X в., поскольку в начале II тыс. н.э. минусинские тюрки полностью перешли на обряд трупосожжения на горизонте с сожжением коня, практически идентичный кыргызской погребальной обрядности⁸¹. К отмеченной группе относится большинство исследованных погребений с конем и бараном в Минусинской котловине на памятниках Усть-Тесь, Таштык, Капчалы II, Перевозинский чаа-тас, Белый Яр II, Мареклов Мыс I и II. К этому же периоду должны относиться и захоронения с конем, аналогичные по составу инвентаря, но без керамической посуды: Тепсей III, Уйбат II, Терен-Кель. По мнению ряда специалистов, погребение с конем на могильнике Убат II должно относиться к IX – X вв., поскольку в составе его сопроводительного инвентаря обнаружены плоские железные наконечники стрел, характерные для начала II тыс. н.э.⁸² Исчезновение керамической посуды из состава сопроводительного инвентаря минусинских тюрков может быть связано с общим процессом деградации керамического производства в кочевых культурах⁸³. У минусинских тюрков этот процесс протекал синхронно с постепенным прекращением производства гончарных “кыргызских ваз” и лепной посуды в кыргызской культуре.

Еще одну своеобразную группу минусинских захоронений с конем составляют погребения, в инвентаре которых отсутствует керамика, но представлена богато орнаментированная торевтика с канонической символикой, украшениями сбруи и колчанными портупеями. Такие захоронения исследованы на памятниках Ибыргыс-Кисте и Кирбинский Лог. Основной комплекс сопроводительного инвентаря этих памятников можно уверенно датировать временем существования уйгурского и кыргызского каганатов – VIII – X вв.⁸⁴ Однако в составе колчанных наборов данных погребений имеются плоские наконечники стрел, характерные для кочевых культур II тыс. н.э. Наличие определенных особенностей в погребальной обрядности и сопроводительном инвентаре данной группы не дает оснований для отнесения ее к особой этнической группе – кимакам или карлукам⁸⁵.

В материалах погребений с конем на сопредельных территориях Саяно-Алтая и Центральной Азии также имеется немало своеобразных черт и различий в составе инвентаря. Однако это не служит основанием для выделения отдельных этнических групп. Вероятнее всего, наличие разнообразного и довольно богатого инвентарного набора, в том числе оружия и орнаментированной торевтики, может быть следствием не этнических отличий, а социальных причин. Например, мужские захоронения могли принадлежать древнетюркским воинам, принимавшим участие в военных действиях с уйгурами в составе кыргызских войск. В ходе успешных военных походов на их долю выпала часть богатой военной добычи, частично попавшей в захоронения.

Таким образом, в составе памятников культуры древних тюрков Минусинской котловины можно выделить две основные хронологические и стадийные группы. Первая из них включает поминальные памятники с каменными изваяниями и погребения с конем или бараном, содержащие инвентарь, характерный для катандинского этапа древнетюркской культуры. Эти памятники могут быть отнесены к первой половине VIII в., ко времени завоевания кыргызских земель древними тюрками до падения Второго Восточного Тюркского каганата. Вторая группа включает основную массу исследованных на Енисее погребений с конем или бараном. Они относятся к минусинскому локальному варианту древнетюркской культуры и периоду нахождения минусинской этнической группы древних тюрков в составе кыргызского государства (вторая половина VIII – конец X в.). Определенные различия в погребальной обрядности и инвентаре между отдельными памятниками объясняются причинами эволюционного и социального характера. В начале II тыс. н.э. минусинские тюрки ассимилировались среди кыргызов.

Примечания

- ¹ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720 – 1727. – Berlin, 1962. – Th. 1. – S. 212.
- ² Strahlenberg Ph.I. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. – S. 356 – 362.
- ³ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – С. 66.
- ⁴ Gmelin I.G. Reise durch Sibirien von Jhare 1733 bis 1743. – Guttigen, 1751 – 1752. – В. III. – S. 311 – 319.
- ⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1788. – Ч. III, кн. 1. – С. 501.
- ⁶ Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften durch P.S. Pallas. – St-P., 1801. – Th. II. – Pl. VIII, IX.
- ⁷ Falk I.P. Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches. St.-Pb., 1785 – 1786. – Bd. I. – S. 348.
- ⁸ Степанов А.П. Енисейская губерния. – СПб., 1835. – Ч. 2. – С. 129; Костров Н.А. Список каменным изваяниям, находящимся в Минусинском округе Енисейской губернии // ВРГО. – 1854. – Кн. X. – С. 74.
- ⁹ Kastren M.A. Aufzeichnungen über die Altentümer in Kreise Minusinsk // SMYA. – Helsinki, 1901. – Bd. XXI.
- ¹⁰ Спасский Г.И. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими // ЗИРГО. – 1857. – Кн. XII. – С. 124, 125.
- ¹¹ Эйхвальд Э.И. О чудских копиях // Тр. Восточ. отд-ния Археол. общ-ва. – СПб., 1858. – Ч. III. – С. 4, 34, 35.
- ¹² Радлов В.В. Из Сибири: (Страницы дневника). – М., 1989. – С. 431 – 436, 460.
- ¹³ Ядринцев Н.М. Древние памятники и письма в Сибири // Восточное обозрение. – СПб., 1885. – С. 468.
- ¹⁴ Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. – Томск, 1886. – С. 32 – 42.
- ¹⁵ Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. – СПб., 1899. – Вып. 4.
- ¹⁶ Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 55; табл. II, 28, 32, 35.
- ¹⁷ Там же. – С. 55.
- ¹⁸ Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 86.
- ¹⁹ Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. – Минусинск, 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 155, 156.
- ²⁰ Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – С. 66; Левашова В.П. Два памятника кыргыз-хакасов // МИА. – М., 1952. – № 24. – С. 136.
- ²¹ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – М., . – № 24. – С. 94 – 96.
- ²² Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // Сов. археология. – 1950. – Вып. XII. – С. 145 – 151.
- ²³ Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // УЗХНИИЯЛИ. – Абакан, 1959. – Вып. VII. – С. 82.
- ²⁴ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. – М., 1960. – С. 94, 157.
- ²⁵ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ... – С. 59.
- ²⁶ Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологические сборник. – М., 1966. – С. 191.
- ²⁷ Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник. – М., 1973. – С. 369.
- ²⁸ Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Тюркологический сборник. – М., 1973. – С. 344, 345.
- ²⁹ Мартынов А.М., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. – Кемерово, 1971. – С. 42.
- ³⁰ Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 207.
- ³¹ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 152 – 155.
- ³² Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей III // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С. 88 – 90.
- ³³ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 194 – 206.
- ³⁴ Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрков Среднего Енисея // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – Новосибирск, 1980. – № 11, вып. 3. – С. 92 – 96.
- ³⁵ Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л., 1980. – С. 54, 55; Кызласов Л.Р. Тухтатская культура древних хакасов (IX – X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 57.
- ³⁶ Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтагской степи // Историческая этнография: (Традиции и современность). – Л., 1983. – С. 155 – 162.
- ³⁷ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб., 1994. – С. 106.
- ³⁸ Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкции в археологии. – Новосибирск, 1984. – С. 119.
- ³⁹ Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1990. – С. 83, 84.

- ⁴⁰ Поляков А.С. Поминальные оградки алтае-орхонских тюрок на юге Хакасии // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – С. 106 – 110.
- ⁴¹ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л., 1988. – С. 83
- ⁴² Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 402.
- ⁴³ Там же. – С. 397.
- ⁴⁴ Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники в Минусинской котловине // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 9 – 14.
- ⁴⁵ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: (Культурное наследие древних цивилизаций). – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 97.
- ⁴⁶ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – М.; Л., 1949. – № 9. – С. 342.
- ⁴⁷ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – С. 63, 64.
- ⁴⁸ Гаврилова А.А. Могильник Кыдыргэ... – С. 59.
- ⁴⁹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967. – С. 31.
- ⁵⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Ч. I. – С. 352.
- ⁵¹ Гаврилова А.А. Могильник Кыдыргэ... – С. 64.
- ⁵² Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири... – С. 64.
- ⁵³ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 83.
- ⁵⁴ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 403.
- ⁵⁵ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 203.
- ⁵⁶ Нестеров С.В. Таксономический анализ... – С. 119.
- ⁵⁷ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 102; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника... – С. 97.
- ⁵⁸ Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов... – С. 207.
- ⁵⁹ Левашова В.П. Два могильника... – С. 135.
- ⁶⁰ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ... – С. 61.
- ⁶¹ Евтюхова Л.А. Археологические памятники... – С. 66.
- ⁶² Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск, 1980. – С. 100.
- ⁶³ Там же. – С. 100 – 101.
- ⁶⁴ Худяков Ю.С. Вооружение кок-тюрок Среднего Енисея... – С. 96.
- ⁶⁵ Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 171.
- ⁶⁶ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири... – С. 64.
- ⁶⁷ Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1999. – № 3. – С. 24.
- ⁶⁸ Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археол. и этнограф. – Новосибирск, 1999. – № 3. – С. 37.
- ⁶⁹ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири... – С. 133.
- ⁷⁰ Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника... – С. 96.
- ⁷¹ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири... – С. 134.
- ⁷² Худяков Ю.С. Реконструкция узды... – С. 37.
- ⁷³ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири... – С. 137.
- ⁷⁴ Евтюхова Л.А. О племенах центральной Монголии в IX в. // Сов. археология. – 1957. – № 2. – С. 216.
- ⁷⁵ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402.
- ⁷⁶ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ... – С. 61.
- ⁷⁷ Мартынов А.М., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы... – С. 42; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 85, 95.
- ⁷⁸ Левашова В.П. Два могильника... – С. 134.
- ⁷⁹ Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 121.
- ⁸⁰ Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках... – С. 402.
- ⁸¹ Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек, 1996. – С. 192 – 193.
- ⁸² Евтюхова Л.А. Археологические памятники... – С. 66.
- ⁸³ Худяков Ю.С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. – Новосибирск, 1989. – С. 148.
- ⁸⁴ Худяков Ю.С. Реконструкция узды... – С. 37.
- ⁸⁵ Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения... – С. 101 – 103.

ГЛАВА 11

ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ТЮРОК НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Первые контакты между древними тюрками и кыргызами могли относиться к середине I тыс. н.э. Древние кыргызы-гянгунги тогда еще обитали в Восточном Туркестане, а тюрки мигрировали в этот район из Приалашанья¹. О возможных взаимоотношениях между древними тюрками после их переселения на Алтай и кыргызами, освоившими Минусинскую котловину в V – VI вв., могут свидетельствовать данные одной древнетюркской генеалогической легенды, согласно которой один из братьев легендарного тюркского правителя Надулущада создал свое государство “между реками Афу и Гянь” в Минусинской котловине “под наименованием Цигу”². Это сообщение может указывать на родство правящего рода кыргызов с правящим древним родом тюрков-Ашина.

Вероятно, в период восстания древних тюрков во главе с Бумыном против Жужаньского каганата (552 – 444 гг.) кыргызское государство добилось самостоятельности. Преемник Бумына, Мухан-каган, отличавшийся твердостью, жестокостью и храбростью, подавил остатки сопротивления, истребил жужаней и подчинил многие племена, находившиеся у них в вассальной зависимости. “На западе он разбил Иду, на востоке прогнал Кидань, на севере покорил Цигу, и привел в трепет все владения, лежащие за границей”³. По мнению Л.Н. Гумилева, тюркскому войску не удалось “форсировать Саяны”⁴. По-видимому, военные победы древних тюрков произвели угнетающее впечатление на кыргызов. Кыргызский правитель был вынужден признать себя вассалом тюркского кагана под угрозой вторжения тюркского войска. Признав зависимость от Тюркского каганата, кыргызы были обязаны поставлять тюркам производимое ими “оружие крайне острое”, которое они “постоянно вывозят к тукюе”⁵. Минусинская котловина стала базой оружейного производства для тюрков, подобно тому, как сами тюрки выполняли аналогичную функцию в государстве жужаней. Кыргызское население было вынуждено отдавать тюркам рабов из числа военнопленных. Известно, что в 569 г. правитель западного крыла Тюркского каганата Истеми-каган подарил византийскому послу Земарху пленницу “из народа кыргызов”⁶. В ходе военных набегов и походов тюркские войска захватывали большое количество пленных в качестве рабов и рабынь, главным образом женщин и девушек, а также детей, боеспособные же мужчины беспощадно истреблялись⁷.

В 572 г. каган Арслан Тобо-хан выделил в качестве удела Або-хану Торэмену “северное ханство”, в состав которого, вероятно, входили и земли кыргызов⁸.

В результате династической междоусобицы в Первом Тюркском каганате между каганом Шаболио-ханом и Або-ханом власть тюрков в кыргызских землях ослабла. В 583 г. кыргызы добились самостоятельности и вынашивали планы продолжения войны с тюрками. “Цигу, которые властвуют к северу от Тугю, со скрежетом зубным ожидают своей возможности [отомстить]”⁹. Вероятно, кыргызы сохраняли свое независимое положение и после распада Первого Тюркского каганата на Западный и Восточный каганаты, вплоть до падения Восточного Каганата в 628 – 630 гг. Чтобы сохранить нейтралитет, “Тукюеский Дом выдавал своих дочерей за их старейшин”¹⁰. В 629 г. центральноазиатские степи были подчинены телесским каганом Инанем из племени Сйеяньто¹¹. В зависимость от сйеяньтосского кагана попало и кыргызское государство. “Прежде Хягасское государство зависело от Дома Сйеяньто, который имел там своего Гйелифу для верховного надзора”¹². Вероятно, подчинение кыргызов сйеяньтосскому кагану произошло без военных походов. Кыргызский правитель, соизмерив реальные силы, которыми располагал, с войсками телесских племен подчинился угрозе и признал вассальную зависимость от кагана Инаня, согласившись именоваться титулом эльтебер, не претендуя на титул кагана. Вероятно, именно таким образом следует трактовать сообщение источника. Хотя нельзя исключить, что “свой гйелифа” был наместником Инаня на Енисее.

После падения Восточного Тюркского каганата и пленения китайцами кагана Хйели, на Алтае укрепился один из принцев из рода Ашина – Чеби-хан. Ему удалось уклониться от столкновения с телесским войском, объединить вокруг себя часть древних тюрков, набрать войско 30 тыс. воинов и провозгласить себя каганом. “Он покорил на западе Гэлolu, на севере Гйегу”¹³. Подчинив карлуков и кыргызов, Чеби-хан мог успешно

противостоять телессам. Он “часто выезжал для похищения людей и скота” к сйеяньто. “Когда Яньто пришел в бессилие, то Чебиено положение еще лучше сделалось”¹⁴. В 647 г. он послал послов ко двору империи Тан. Однако китайцам удалось выставить против него уйгурское войско. Чеби-хан был захвачен и отправлен в Китай. Подчиненные ему тюркские племена “сделались пограничными вассалами Китая”¹⁵. Подчинение кыргызов Чеби-хану, вероятно, могло быть добровольным союзом против власти правителей кагана Сйеяньто.

В 647 г. с распадом каганата правители телесских племен, уйгуров, пугу, тогра, теленгитов и других “поколений” признали вассальную зависимость от Империи Тан¹⁶. Вслед за правителями телесских племен ко двору танского императора в 648 г. приехал во главе посольства и эльтебер кыргызов Шибокую Ачжань, согласившийся стать вассалом. “Император переименовал его владения областью Гянь-гунь. Сылифа получил военный чин, и поставлен главноначальствующим своей области, которая подчинена была яньжаньскому наместнику”¹⁷. В другом источнике сказано: “Первоначально цзегу никогда не сносились со Срединным государством, но, узнав, что теле и другие все подчинились, сразу же совершили земной поклон, назвали себя вассалами и преподнесли подарки, состоящие из местных произведений”¹⁸.

После периодов подчинения тюркам Первого Тюркского каганата, сйеяньто и тюркам Алтая во главе с Чеби-ханом кыргызы впервые вступили в непосредственные дипломатические контакты с могущественной империей Тан. Вассальная зависимость от империи (в силу отдаленности кыргызских земель) была чисто номинальной. Она заключалась в присвоении кыргызскому правителю военного чина и назначению его управляющим своего народа и государства, а также в обмене посольствами и дипломатическими дарами. В царствование императора Гаоцзуна (650 – 683 гг.) кыргызские посольства дважды приезжали ко двору империи Тан¹⁹. После успешного восстания и восстановления Второго Тюркского каганата Танская империя была очень заинтересована в союзниках среди кочевого мира. Против древних тюрков вместе с китайцами объединились телесские племена во главе с Баз-каганом, “кыргызы, курыканы, отуз-татары, кытай и татабы – все были врагами”²⁰. Древние тюрки решили разбить своих противников поодиночке. В 688 г. тюркское войско разбило телесцев во главе с Баз-каганом²¹. Кыргызы в военных действиях фактически не участвовали. Они укрепили свои позиции, фактически возглавив антитюркскую коалицию племен Саяно-Алтая на северных границах тюркского каганата.

После смерти кагана Кутлуга в 693 г. новый каган Капаган возглавил тюркское войско в походе против кыргызов. Вместе с ним были лучшие полководцы, сыновья Кутлуга – Кль-тегин и шад Могилян. В источнике говорится: “С моим дядею-каганом мы ходили войною, ... перейдя через Кегменскую (чернь), мы ходили войною вплоть до страны ки[ргизов]”²². Впервые в источнике определенно указывается, что тюркское войско перевалило через Саянский хребет в Минусинскую котловину. Однако этот далекий северный поход окончился для тюрков неудачей. Кыргызы не только не были разгромлены, но Капаган был вынужден пойти на заключение династического союза с кыргызским каганом Барс-бегом, отдав ему в жены свою племянницу – дочь кагана Кутлуга, сестру Кюль-тегина и Могиляна. “Был Барс-бег: мы в то время [при тех обстоятельствах] даровали [ему] титул кагана и дали [ему в супружество] мою младшую сестру-княжну”²³. Таким образом, кыргызский правитель был официально уравнен с тюркским, за ним было признано право на титул кагана. Однако, несмотря на свои дипломатические и военные успехи и династический союз со Вторым Восточным Тюркским каганатом, кыргызский каган Барс-бег не думал отказываться от борьбы за гегемонию в Центральной Азии.

В последующие годы кыргызы возобновили дипломатические контакты с империей Тан. В 707 – 709 гг. в Китай дважды приезжали кыргызские посланцы²⁴. Правящие круги Китая всячески демонстрировали свою заинтересованность в союзе с кыргызами. “В правление Цзин-лун, 706 – 711, представлены были местные произведения”, привезенные кыргызскими послами. Во время одного из приемов кыргызского посольства “Чжун-цзун подозвал посланника к себе и сказал ему: ваш царствующий Дом происходит из одного со мною рода [танская династия происходила из степного тюркского рода], и я отличаю его от прочих вассалов”²⁵. Ссылки на “родство” императорской фамилии Ли с правящим родом в кыргызском государстве применялись танской дипломатией и позднее, в IX в., в период “кыргызского великодержавия”, наивысшего политического и военного могущества Кыргызского каганата²⁶. В период этого обмена посольствами тюрки вели ожесточенную войну с империей Тан, и кыргызы оказались в числе союзников последней. Источник повествует: “Каган табгачский был нашим врагом. Каган десяти стрел (тюргешей) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган”. Эти три кагана, рассудив, сказали: “Да отправимся мы на восток против тюркского кагана. Если не пойдем на него, как бы то ни было он нас победит: каган – герой, а советник его мудрец, он, возможно, окажется нашим убийцей. Втроем мы объединимся, отправимся в поход и уничтожим его”²⁷. В этой коалиции наибольшую опасность для тюрков представляли усилившиеся кыргызы. Чтобы предотвратить объединение сил “трех каганов” именно против кыргызов было решено нанести превентивный удар. В 709 г. войско во главе с шадом Могиляном разгромило племена чиков и азов на территории Тувы,

союзников кыргызов. Был обеспечен плацдарм для вторжения в собственно кыргызские земли к северу от Саян. Зимой 710 – 711 гг. тюркское войско совершило тщательно продуманный и подготовленный поход через Саянский хребет на кыргызов. Во главе тюркского войска были испытанные полководцы Тоньюкук, Кюльтегин и шад Могилян. Полководцу Тоньюкуку удалось осуществить глубоко продуманный стратегический маневр в обход основного пути через Саяны по Енисею. “Тогда я задумал... будем воевать [против кыргызов]..., – сказал я. Когда я услышал, что дорога на Кёгмен [только] одна и она завалена [снегом], я сказал: не годится, если идти этим путем... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов. «Моя родная земля – Аз, ее зна(ю)... (Там) есть одна остановка если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади» – сказал [он]. Я сказал: «Если ехать той дорогой, то [это] возможно». Я задумался и моего кагана просил. Я приказал двинуться войску; я сказал: «Садись на коней!». Переправляясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться [тыловым] лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я вошел (с другими) вверх [горы], ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами (на лыжах?). Передние люди протоптали (снег), и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона [горы], обойдя [горный снежный] завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: «Попытайся быстро отправиться! Да отправимся мы по реке Аны!». Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать [свое войско], мы приказали остановиться, а лошадей привязали к деревьям. И ночью и днем мы быстро скакали»²⁸. Судя по описанию перехода, такой поход через заснеженные Саянские горы был исключительным по своей сложности, а в составе войска был и каган Капаган, который почему-то не возглавлял его.

Благодаря совершенному обходному маневру, тюркское войско появилось в долине Абакана совершенно неожиданно и внезапно обрушилось на кыргызов: “На кыргызов мы напали во время (их) сна,... проложили путь копьями”²⁹. Несмотря на разгром, уцелевшие воины попытались собраться для отпора врагу. Хан их и войско собрались³⁰. Решающая битва произошла в Черни Сунга. “С их каганом мы сразились в Чергни Сунга, Кюльтегин сел на белого жеребца и Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол [копьем] одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли”³¹. Это поражение сломило сопротивление кыргызов. Каган Барс-бег погиб в бою. “А народ его стал рабынями и рабами. Говоря: пусть не останется без хозяина страна Кегменская, – мы завели порядок в немногочисленном (т.е. пришедшем тогда в упадок) народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова дали (страну в управление киргизу). [В честь моего дяди-кагана] я поставил во главе [вереницы могильных камней] «балбалом» Киргизского кагана”³².

Археологические материалы позволяют конкретизировать, в чем именно состояло “наведение порядка” в кыргызских землях. Тюркские вожди оставили на Среднем Енисее часть своего войска. Тюркские воины были расселены на многих стратегически важных местах от южных окраин Минусинской котловины до северной периферии Ачинско-Минусинской лесостепи, по берегам рек Енисей, Абакан, Туба, Уйбат. Именно в период древнетюркского господства в Минусинской котловине появились памятники древнетюркской культуры: погребения с конем или бараном под курганными насыпями и впускные захоронения с лошадьми, поминальные ограды со рвами и валами, каменные изваяния людей, львов и баранов, рунические надписи.

На Среднем Енисее были поселены не только рядовые воины, но и некоторые военачальники – представители древнетюркской знати. В честь одного такого знатного тюрка было, например, возведено поминальное сооружение с насыпью в центре, окаймленное прямоугольным валом и рвом, в окрестностях с. Знаменка³³. На поминальных памятниках знатных тюрков были первоначально установлены каменные изваяния львов и баранов³⁴. Представителю древнетюркской знати могли принадлежать некоторые рунические надписи. По предположению С.Г. Кляшторного, “третий Уйбатский памятник, самый крупный из известных в Хакасии, принадлежал не кыргызу, а знатному тюрку (наместнику?), так как погребения с изваяниями и балбалами не были свойственны древнекыргызскому погребальному обряду”.

Ситуация, когда в государстве кыргызов мог быть постоянный уполномоченный кагана, относится к периоду после 711 г. (разгром кыргызов тюркским войском), т.е. ко второму-третьему десятилетиям VIII в.³⁵ Знатным тюркам могли принадлежать наиболее монументальные каменные курганы с захоронениями с лошадьми и богатым инвентарем, в состав которого, например, входил пояс с серебряными бляшками на памятниках Маркелов Мыс I и II. Согласно предположению Ю.В. Тетерина, такие памятники соответствуют “рангу бегско-го захоронения”³⁶. Судя по географии распространения и тому, что многие древнетюркские захоронения встречаются на одних и тех же кладбищах, что и кыргызские, можно предположить, что знатым тюркам были пожалованы в управление подразделения, формировавшиеся из местных кыргызских кочевников. Тюркская военно-служилая знать временно потеснила и заняла в социальной иерархии место кыргызской родовой знати³⁷. Однако тюркские завоеватели не ликвидировали кыргызской государственности, а “снова дали (страну в

управление киргизу)”, вероятно, одному из родственников Барс-бега, который номинально сохранял титул правителя наряду с тюркским “наместником”. Нельзя забывать, что вдова Барс-бега, тюркская “княжна”, была родной сестрой Кюль-тегина и Могиляна.

Уже через 10 – 12 лет киргизы возобновили дипломатические контакты с империей Тан. В 722 и 724 гг. киргизские посольства трижды посещали двор танского императора Сюань-цзуна. Киргизские послы Цзюй-ли Пиньхэчжун Сигинь и Исибо Биши Сигинь были удостоены почетных титулов³⁸. Киргизы пригоняли в Китай для обмена лошадей³⁹. В 731 г. на похороны знаменитого тюркского полководца Кюль-тегина “от киргизского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу”⁴⁰.

Однако, сохранив известную самостоятельность, киргизы в течение нескольких десятилетий, вплоть до падения Второго Восточного Тюркского каганата, не могли активно вмешиваться в борьбу за гегемонию в Центральной Азии. Даже когда в 715 г. у их южных границ против тюрков выступили их давние союзники азы, киргизы остались безучастными. Это позволило тюркскому войску во главе с Кюль-тегином легко справиться с восставшими. “Народ азов стал мне врагом. Мы сразились при Кара-Келе; Кюль-тегину шел (тогда) тридцать первый год. На своего белого коня героя Шалчы сев, он бросился в атаку, схватил элтебера азов: народ азов тогда погиб”⁴¹. Судя по всему, последствия поражения киргизского войска в Черни Сунга были столь значительными, что киргизы еще долго не могли от них оправиться. Однако по мере ослабления Второго Восточного Тюркского каганата после смерти его выдающихся государственных деятелей и полководцев в 730-х гг. самостоятельность внешней политики киргизов должна была возрастать, а связи древних тюрков, осевших на Среднем Енисее со своей метрополией на Орхоне должны были ослабевать.

В 745 г. Второй Восточный Тюркский каганат пал под ударами уйгуров и других телесских племен. Это создало совершенно иную ситуацию для древних тюрков, оставшихся в Минусинской котловине, лишившихся своей государственности. Они должны были натурализоваться в киргизской среде и стать подданными киргизских правителей, чтобы сохраниться как этническая группа. Несомненно, что их социальный статус должен был измениться. Представители древнетюркской знати должны были потерять свое привилегированное положение, а древние тюрки – статус господствующей этнической группы, уступив ведущие роли в государстве киргизской аристократии.

Видимо, с этим процессом связано прекращение сооружения поминальных памятников для древнетюркской знати и затухание древнетюркской поминальной обрядности как таковой, связанной с военно-дружинной идеологией и культом героев-воинов. Этот культ, как и обычай установки посмертных эпитафий с руническими надписями, в несколько измененном виде был воспринят киргизской аристократией. Судя по характеру заупокойной обрядности и набору сопроводительного инвентаря в захоронениях, основная масса древнетюркских кочевников, живших на Среднем Енисее, стала рядовыми воинами. Произошедшие изменения не были связаны с обострением межэтнической напряженности, поскольку погребения рядовых древнетюркских кочевников по-прежнему встречались на киргизских родовых кладбищах.

Такому ходу событий способствовало сохранение киргизской государственности, в состав которой древнетюркские подразделения вошли на правах союзников или подданных, наличие общей “уйгурской угрозы”, и, вероятно, стремление каганской власти опереться на тюркский воинский контингент в укреплении своего положения и ослаблении всевластия родовых аристократов-бегов. Киргизские каганы в борьбе с уйгурами пытались заручиться и внешней поддержкой. В 747 и 748 гг. киргизские посольства прибывали в Китай и пригоняли для обмена лошадей⁴².

В 751 г. киргизы в союзе с чиками, огузами и карлуками выступили против экспансии Уйгурского каганата. Однако уйгурскому кагану Моюн-Чуру удалось расправиться со своими противниками поодиночке. Разбив “летучие отряды” киргизского хана, посланные из-за Кегменских гор, он нанес решающее поражение карлукам⁴³. В 758 г. войско Моюн-Чура выступило против киргизов. Подробности этого похода не известны. Но по сообщениям источника “в 758 г., хойху завоевали сие государство, после чего хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство. Хягасский правитель получил от хойхуского хана титул Пицъ-сйе Тунгйе Гинь”⁴⁴. В результате уйгурского “завоевания” киргизский владетель попал в вассальную зависимость от уйгурского кагана. Он лишился титула “каган” и был вынужден принять титул “тегин”, т.е. “принц”, младший по отношению к уйгурскому кагану.

О роли минусинских тюрков в этой войне ничего не известно. Очевидно, они должны были воевать на стороне киргизского кагана, став неотъемлемой частью его войска. В 795 г. после смены власти в Уйгурском каганате на престол вступил полководец Кутлуг из племени эдизов. Он не принадлежал к правящему уйгурскому роду Яглакар, поэтому киргизы восстали. Вероятно, они попытались воспользоваться лозунгами легитимизма, чтобы привлечь на свою сторону часть телесских племен. Однако Кутлугу, несмотря на всю серьезность положения, удалось разгромить киргизов. В результате поражения “коровы, лошади, хлеб и оружие

были нагромождены горами. Государственные дела [империи Гянь-Гунь] прекратились, на земле не стало живых людей”⁴⁵.

Поражения от уйгуров были очень тяжелыми, но на кыргызской земле не только остались “живые люди”, в том числе кыргызы, минусинские тюрки и кыштымы, но и государственность. Кыргызский правитель снова лишился титула “кагана” и стал именоваться “Ажо”⁴⁶. Уйгуры, видимо, не пытались оккупировать Минусинскую котловину, хотя на Среднем Енисее встречаются отдельные уйгурские погребения, оставшиеся после этих походов⁴⁷. Древние тюрки в этой войне должны были участвовать на стороне кыргызов.

В IX в. началась крупномасштабная кыргызско-уйгурская война. Ей предшествовала централизация власти в кыргызском государстве, укрепление десятичной военно-административной системы. В своей деятельности по созданию централизованной десятичной системы кыргызские правители должны были опираться на поддержку минусинских тюрок, ставших своего рода военно-служилым сословием, значительной военной силой, не связанной с кыргызской родовой аристократией.

Во второй половине VIII – начале IX в. минусинские тюрки в значительной мере обособились от остальных восточных тюрок в самостоятельную этническую группу, политически и культурно тесно связанную с кыргызами. У них исчезла традиционная древнетюркская поминальная обрядность, связанная с сооружением оградок, установкой изваяний и балбалов. В быту и в заупокойном культе стала широко использоваться кыргызская гончарная и лепная керамическая посуда. В погребальной обрядности широко применялся огонь. Появились погребения с конем по обряду полной или частичной кремации в могильной яме. Произошли изменения и стандартизация предметного комплекса. Видимо, со второй половины VIII в. этническую группу тюрок, проживавших в Минусинской котловине, можно считать самостоятельной и называть кок-тюрьками, хотя, в принципе, такой термин применим ко всем восточным тюркам⁴⁸. В ходе продолжительной крупномасштабной войны, длившейся несколько десятилетий в течение IX в., уйгурский каганат был уничтожен, а Центральная Азия вошла в состав Кыргызского каганата. Значительная масса кыргызских кочевников с территории Минусинской котловины расселилась по обширным просторам Центральной Азии. Несомненно, в этой ожесточенной кровопролитной войне, потребовавшей от кыргызского государства и этноса максимального напряжения сил, были мобилизованы на нужды войны все людские ресурсы, в том числе минусинские тюрки и кыштымы. Известно, что решающего успеха кыргызам удалось добиться после перехода на их сторону уйгурского войска во главе с полководцем Гюйлу Мохэ в 840 г.⁴⁹

Длительная война и далекие походы должны были способствовать распылению этнической группы минусинских тюрок по всей Центральной Азии и их ассимиляции в кыргызской среде. В то же время часть тюркских воинов возвращалась на Средний Енисей с богатой добычей. Вероятно, именно к войне IX в. относятся богатые древнетюркские захоронения с разнообразным оружием и торевтикой, украшенной широко распространенными растительным и каноническим орнаментами. Процессы ассимиляции стимулировались изменениями в Кыргызском каганате, в котором ведущую роль стала играть военно-служилая знать, добившаяся заслуг на военном поприще, вне зависимости от своего этнического происхождения. О том, что к концу I тыс. н.э. процессы ассимиляции зашли очень далеко и стали необратимыми, свидетельствуют захоронения по обряду трупосожжения с конем на горизонте. Они совершены уже по всем канонам кыргызской погребальной обрядности, но с использованием в заупокойном ритуале верхового коня. Подобное погребение исследовано на Енисее в могильнике Тепсей III⁵⁰.

Основная часть кок-тюрок, оставшихся на Среднем Енисее до конца I тыс. н.э., вошла в состав кыргызов. Возможно, они образовали отдельные родовые группы. До настоящего времени в составе хакасского сеока хыргыс имеется подразделение кок-хыргыс⁵¹. В минусинских памятниках начала II тыс. черты, характерные для древнетюркской погребальной обрядности не отмечены. На территории Центральной Азии культура древних тюрок также прекратила свое существование к концу I тыс. н.э. В письменных источниках древние тюрки упоминаются до середины X в.⁵² Попытки расширить хронологию бытования некоторых типов памятников древнетюркской культуры до монгольского времени не имеют под собой оснований⁵³.

Древние тюрки и их культура сыграли значительную роль в истории Минусинской котловины, тюркизации и аккультурации части ее населения в VIII – X вв.

Примечания

¹ Худяков Ю.С. Проблема генезиса древнетюркской культуры // Altaica. – Новосибирск, 1999. – Вып. III. – С. 131.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Ч. I. – С. 222.

³ Там же. – С. 229.

⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967. – С. 31.

- ⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – С. 352.
- ⁶ Гумилев Л.Н. Древние тюрки... – С. 53.
- ⁷ Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985. – С. 160, 161.
- ⁸ Гумилев Л.Н. Древние тюрки... – С. 58.
- ⁹ Liu Mau-tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Tu-kue). – Wiesbaden, 1958. – Bd. I. – S. 47.
- ¹⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – С. 354.
- ¹¹ Там же. – С. 340.
- ¹² Там же. – С. 354.
- ¹³ Там же. – С. 263.
- ¹⁴ Там же. – С. 263.
- ¹⁵ Там же. – С. 264.
- ¹⁶ Малявкин А.Г. Тактика танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980. – С. 114.
- ¹⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – С. 355.
- ¹⁸ Малявкин А.Г. Тактика танского государства... – С. 115.
- ¹⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – С. 355.
- ²⁰ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951. – С. 38.
- ²¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки... – С. 282.
- ²² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности... – С. 38.
- ²³ Там же. – С. 38.
- ²⁴ Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. – М., 1974. – С. 241.
- ²⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – С. 355.
- ²⁶ Худяков Ю.С. Из истории дипломатической практики государства кыргызов на Енисее (в связи с находкой мраморных табличек у с. Райково) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск, 1996. – С. 241.
- ²⁷ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности... – С. 67.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. – С. 41.
- ³² Там же. – С. 39.
- ³³ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – М., 1952. – № 2. – С. 117.
- ³⁴ Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники в Минусинской котловине (по материалам экспедиций XVIII – XIX вв.) // Памятники культуры древних тюрков Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 13, 14.
- ³⁵ Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах: (К интерпретации Ихе-Ханыннорской надписи) // Тюркологический сборник. – М., 1978. – С. 253.
- ³⁶ Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 121.
- ³⁷ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 206.
- ³⁸ Супруненко Г.П. Некоторые источники... – С. 241.
- ³⁹ Там же. – С. 242.
- ⁴⁰ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности... – С. 43.
- ⁴¹ Там же. – С. 42.
- ⁴² Супруненко Г.П. Некоторые источники... – С. 242.
- ⁴³ Рамстедт Г.И. Перевод надписи “Селенгинского камня” // Тр. ТКОПОРГО. – СПб., 1914. – Т. 15, вып. 1. – С. 43.
- ⁴⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – С. 355.
- ⁴⁵ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. – St.-P., 1895. – S. 289.
- ⁴⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... – С. 352.
- ⁴⁷ Худяков Ю.С. Уйгуры на Среднем Енисее // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и философ. – Новосибирск, 1985. – № 14, вып. 3. – С. 59.
- ⁴⁸ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на среднем Енисее... – С. 206.
- ⁴⁹ Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – X вв. – Новосибирск, 1980. – С. 157.
- ⁵⁰ Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 151.
- ⁵¹ Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – С. 202.
- ⁵² Liu Mau-tsai. Die Chinesischen Nachrichten... – S. 262, 390.
- ⁵³ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984. – С. 46.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материалов с памятников древнетюркской культуры в Минусинской котловине позволил уточнить особенности культурогенеза древних тюрков на землях к северу от Саян. Судя по имеющимся данным, все исследованные на Среднем Енисее памятники, характерные для древнетюркской культуры всей Центральной Азии (поминальные комплексы с изваяниями людей и животных, погребения взрослых людей по обряду ингумации с конем и захоронения детей и подростков по обряду трупоположения с бараном), представляют ее локальный минусинский вариант, охватывающий VIII – X вв.

Согласно сведениям письменных исторических источников, а также рунических эпитафий в честь представителей высшей знати Второго Восточного Тюркского каганата и Кыргызского государства появление древних тюрков на Енисее связано с событиями тюркско-кыргызской войны и зимнего похода 710 – 711 гг. через Саянский горный хребет тюркского войска во главе со знаменитыми полководцами Тоньюкуком, Кюль-Тегином и шадом Могиляном, с битвой в Черни Сунга, разгромом кыргызского войска и гибелью кыргызского кагана Барс-бега¹. В результате победоносной войны кыргызские земли были завоеваны тюрками. Тюркские полководцы оставили на завоеванных землях в наиболее важных в стратегическом отношении пунктах Минусинской котловины – в долинах рек Абакан, Чулым, Уйбат, Туба, по берегам Енисея – военные отряды древнетюркских воинов. Тюркская военно-служилая знать на какое-то время оттеснила кыргызскую родовую аристократию от управления своей страной. Однако тюрки не ликвидировали кыргызскую государственность. Уже через 10 – 12 лет после разгрома в Черни Сунга самостоятельные кыргызские посольства стали совершать далекие поездки в Китайскую империю². Вероятно, по мере ослабления Второго Восточного Тюркского каганата возрастала самостоятельность кыргызского государства, а связи минусинских тюрков с метрополией на Орхоне ослабевали. После падения Второго Восточного Тюркского каганата в 745 г. под натиском уйгуров и других телесских племен, кыргызское государство обрело полную самостоятельность, а тюрки, оставшиеся в Минусинской котловине, утратили непосредственные контакты со своими соплеменниками. С этого времени минусинские тюрки обособились от своих центральноазиатских соплеменников, став вассалами кыргызских каганов и их союзниками в постоянных войнах с уйгурами и в борьбе с кыргызской родовой аристократией за создание централизованного государства. Не связанные родственными узами со старой кыргызской знатью они могли стать опорой правящего каганского рода за централизацию власти в Кыргызском каганате. В течение трех столетий обитания на Средней Енисее они постепенно натурализовались и ассимилировались в кыргызской среде, войдя в состав кыргызского этноса.

Археологические памятники отражают процесс культурогенеза древних тюрков в Минусинской котловине на протяжении VIII – X вв., когда они сохраняли своеобразие своей этнической группы.

К первой половине VIII в. в Минусе должны относиться поминальные комплексы древнетюркской знати: оградки с валами, рвами, насыпями, статуями людей, львов и баранов. Таких памятников на Среднем Енисее было несколько. Они могли быть сооружены в первые годы после завоевания кыргызских земель в честь погибших военачальников или администраторов. К этому времени должны относиться и некоторые рядовые оградки и изваяния воинов с сосудом в правой руке и оружием на поясе, а также одиночные статуи людей с сосудом в обеих руках, некоторые захоронения воинов с лошадьми.

Подобных памятников в Минусинской котловине немного, что свидетельствует о сравнительно непродолжительном периоде господства древних тюрков в кыргызских землях: около трех десятилетий после завоевания в 711 г., т.е. в течение периода жизни одного поколения. Эти памятники, в число которых, вероятно, должны быть включены и некоторые рунические камнеписные тексты, являются неотъемлемой составной частью древнетюркской культуры Центральной Азии.

Черты локального своеобразия древнетюркская этническая группа и ее культура на Енисее начали приобретать после крушения в 745 г. Второго Восточного Тюркского каганата и обособления минусинских тюрков. С этого времени памятники второй половины VIII – X вв. можно считать принадлежащими минусинскому ло-

кальному варианту древнетюркской культуры. Для него характерно затухание поминальной обрядности, прекращение сооружения поминальных оградок и установки изваяний и стел с руническими надписями. В то же время для минусинских тюрок было характерно восприятие некоторых элементов кыргызской культуры, например, широкое использование в быту и заупокойной обрядности керамической посуды, в том числе гончарных «кыргызских ваз». Вероятно, это было связано и с ограничением подвижности кочевого быта, сокращением маршрутов перекочевов в условиях ограниченного пространства пастбищ в Минусинской котловине в сравнении с бескрайними просторами Центральной Азии.

Под влиянием кыргызов минусинские тюрки стали использовать в погребальной обрядности кремацию тел умерших и сопровождавших их лошадей. Вероятно, первоначально это было частичное обожжение в могильной яме, не в полной мере соответствующее канонам кыргызской погребальной обрядности. Полная кремация тел людей и животных на стороне с последующим захоронением на горизонте под курганной насыпью по всем нормам традиционного заупокойного обряда, характерного для кыргызов Енисея, стала применяться в начале II тыс. н.э. Произошла полная ассимиляция минусинских тюрок среди енисейских кыргызов. Основная часть минусинских тюрок, которых, ради терминологического различения с остальными древними тюрками Центральной Азии, можно именовать кок-тюрами вошла в состав кыргызов (возможно, в качестве отдельных родовых подразделений)³.

Их потомки сохранили в своем наименовании «кок-кыргызы» свидетельство об этом процессе слияния в единый кыргызский этнос. До настоящего времени в составе современных хакасов, в секе хыргыс, имеется подразделение кок-хыргыс⁴.

Примечания

¹ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 296.

² Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. – М., 1974. – С. 241.

³ Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее... – С. 206.

⁴ Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – С. 202.

РИСУНКИ

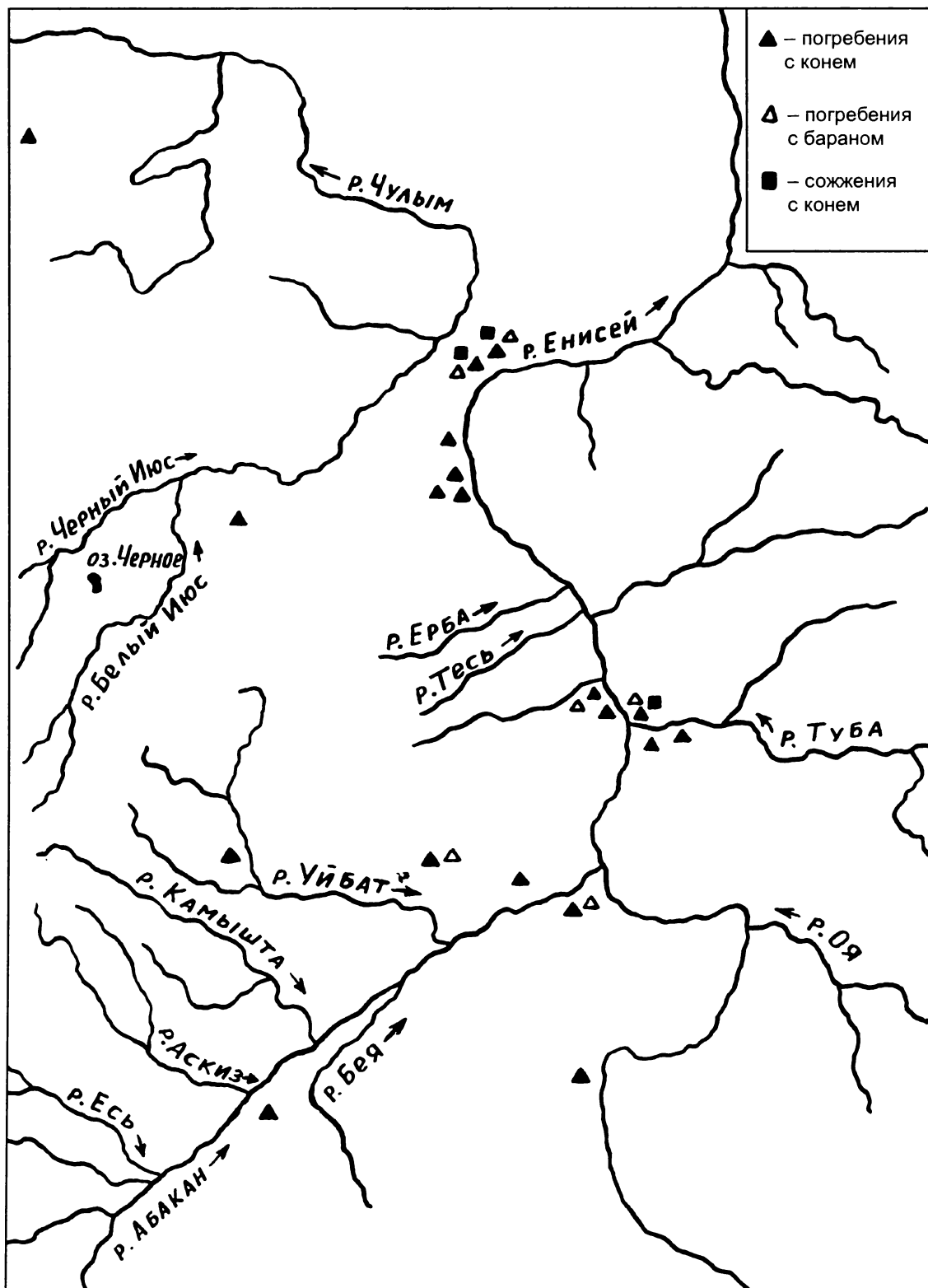

Рис. 1. Карта распространения памятников древнетюркской культуры в Минусинской котловине

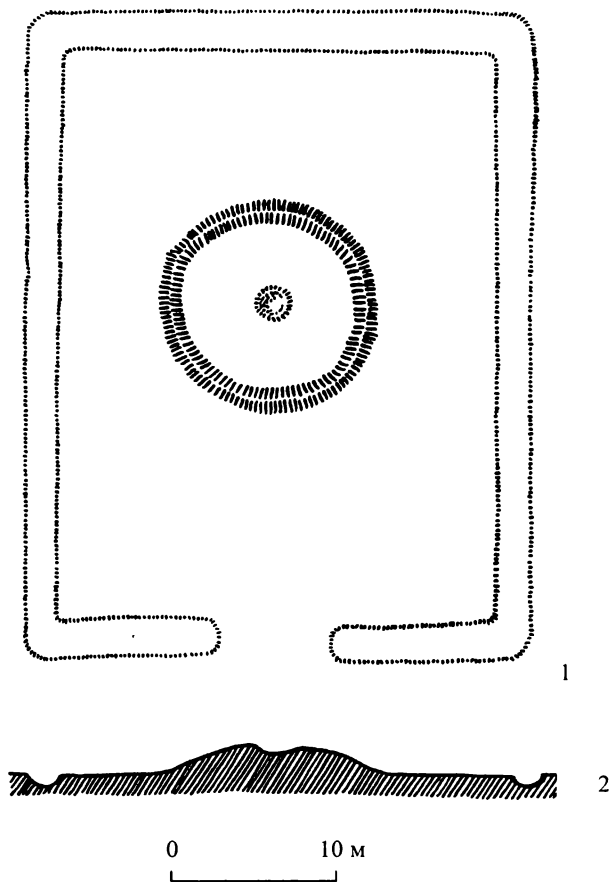

Рис. 2. Памятник у с. Знаменка:
1 – абрис; 2 – разрез

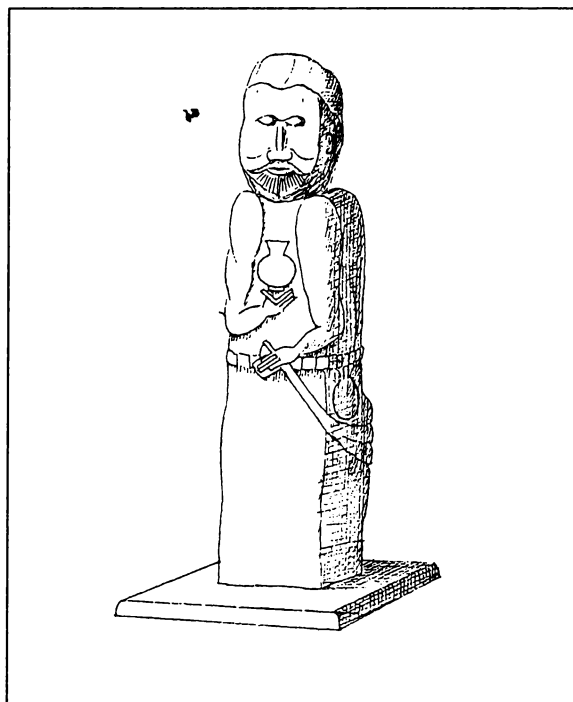

Рис. 3. Каменное изваяние с Черного Июса

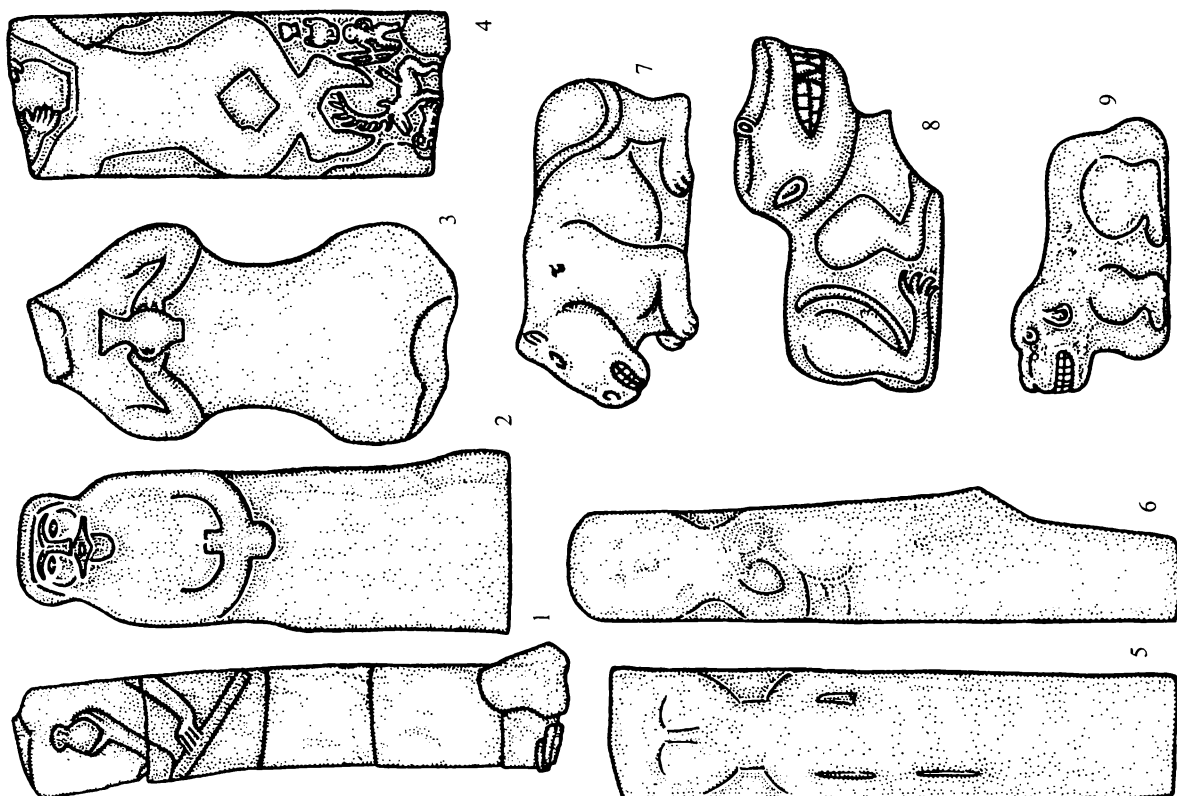

Рис. 4. Каменные изваяния людей (1 – 6) и львов (7– 9)

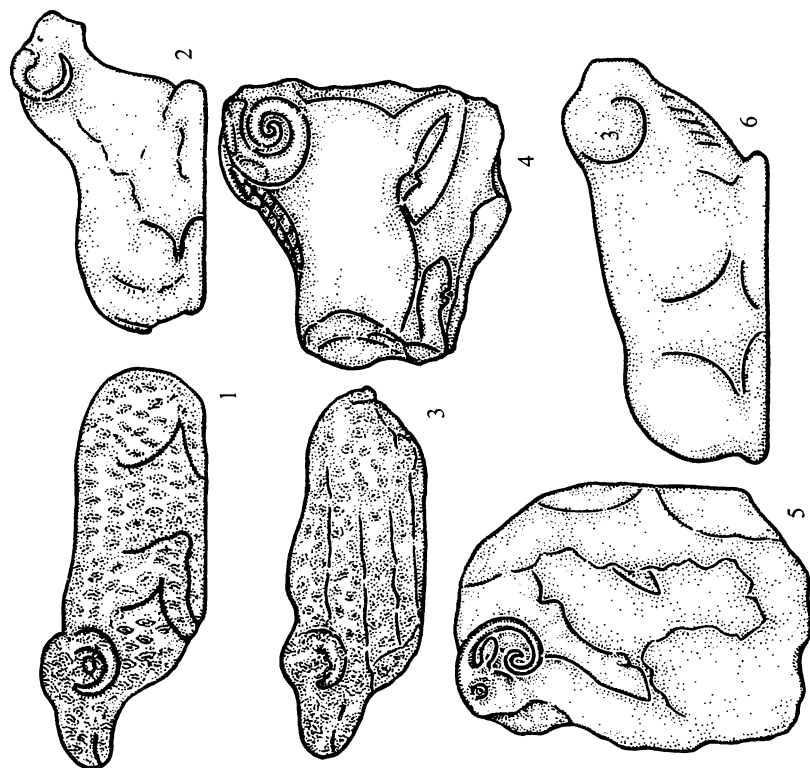

Рис. 5. Каменные изваяния баранов

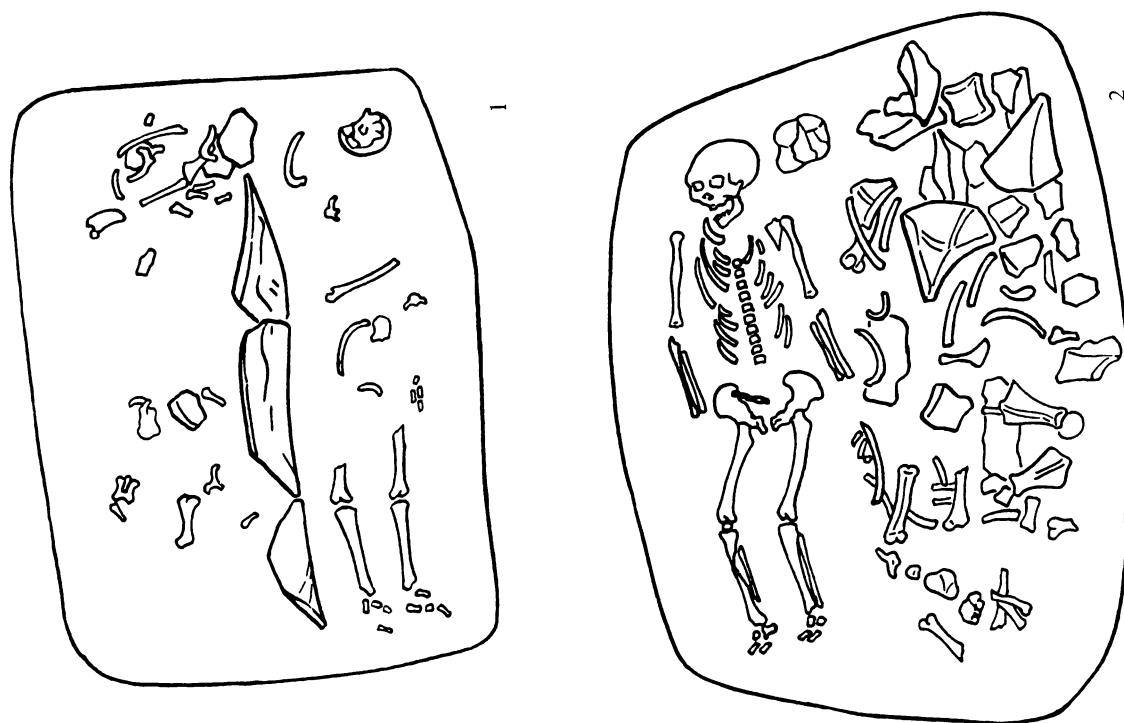

Рис. 7. Над Поляной. Погребения:
1 – могила 12; 2 – могила 13

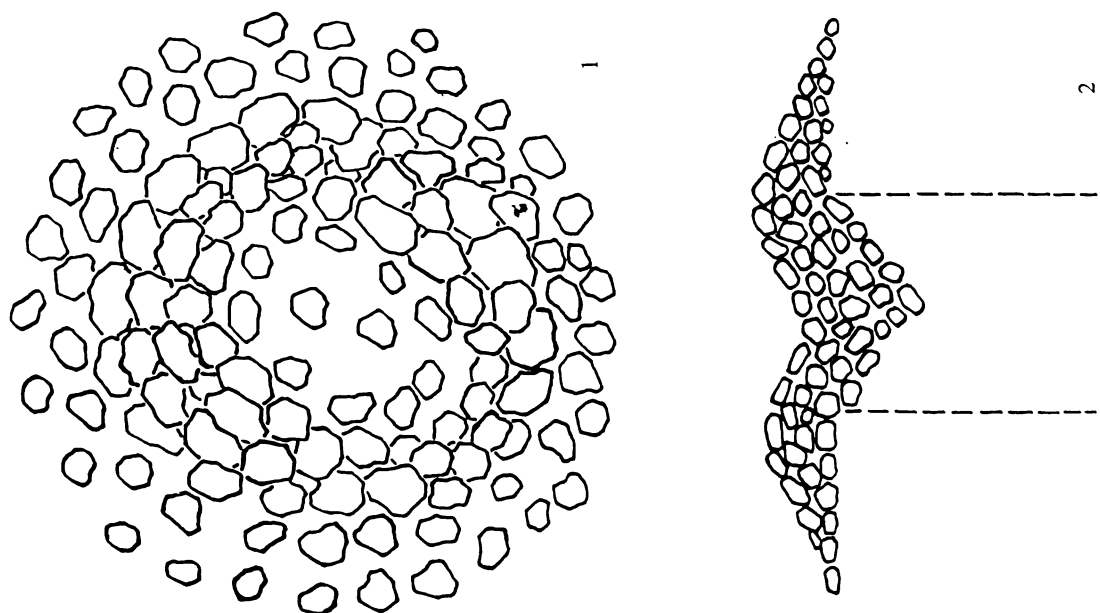

Рис. 6. Таштык. Насыпь кургана 1:
1 – абрис; 2 – разрез

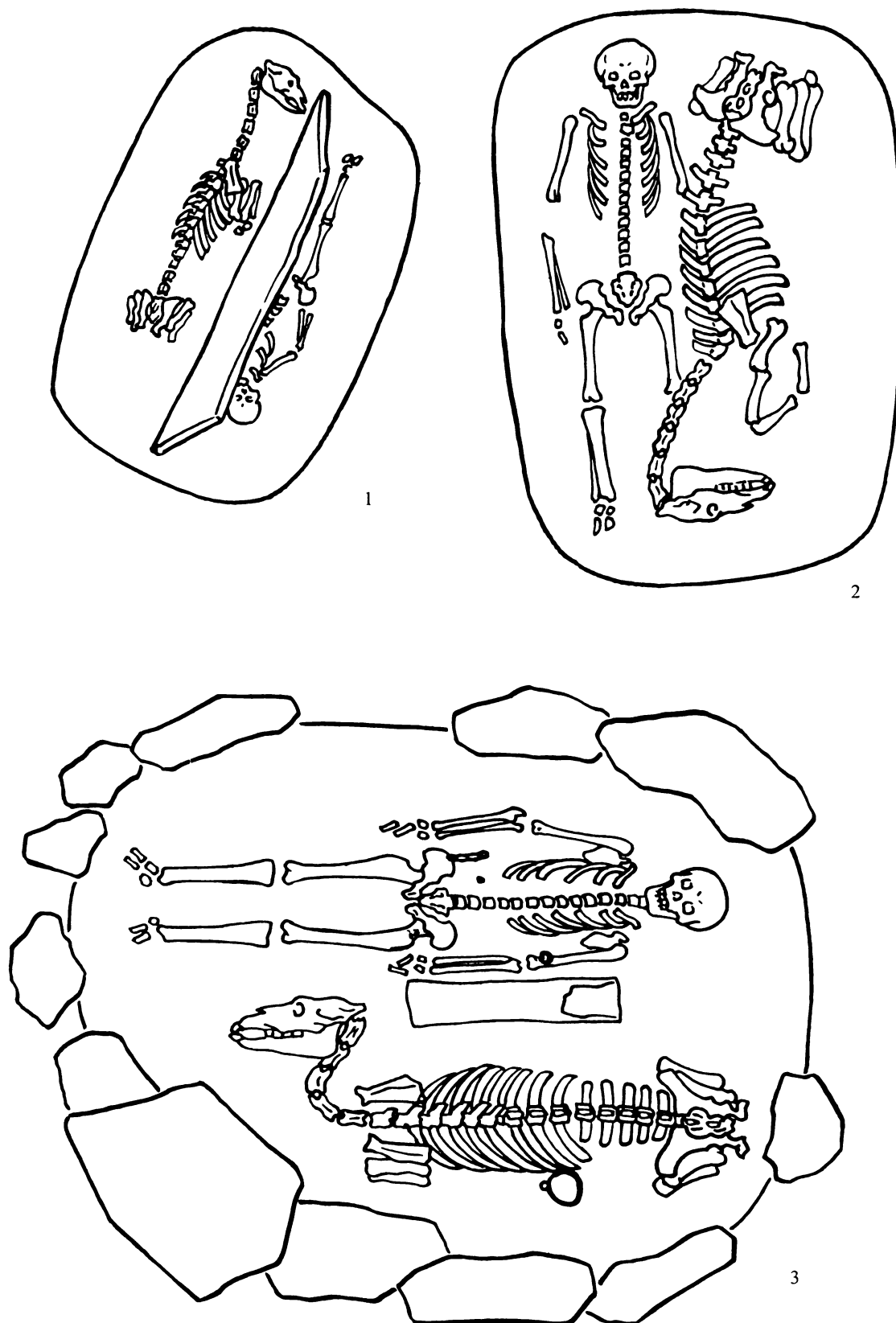

Рис. 8. Перевозинский чаа-тас. Погребения:
1 – курган 79; 2 – курган 80; 3 – курган 82

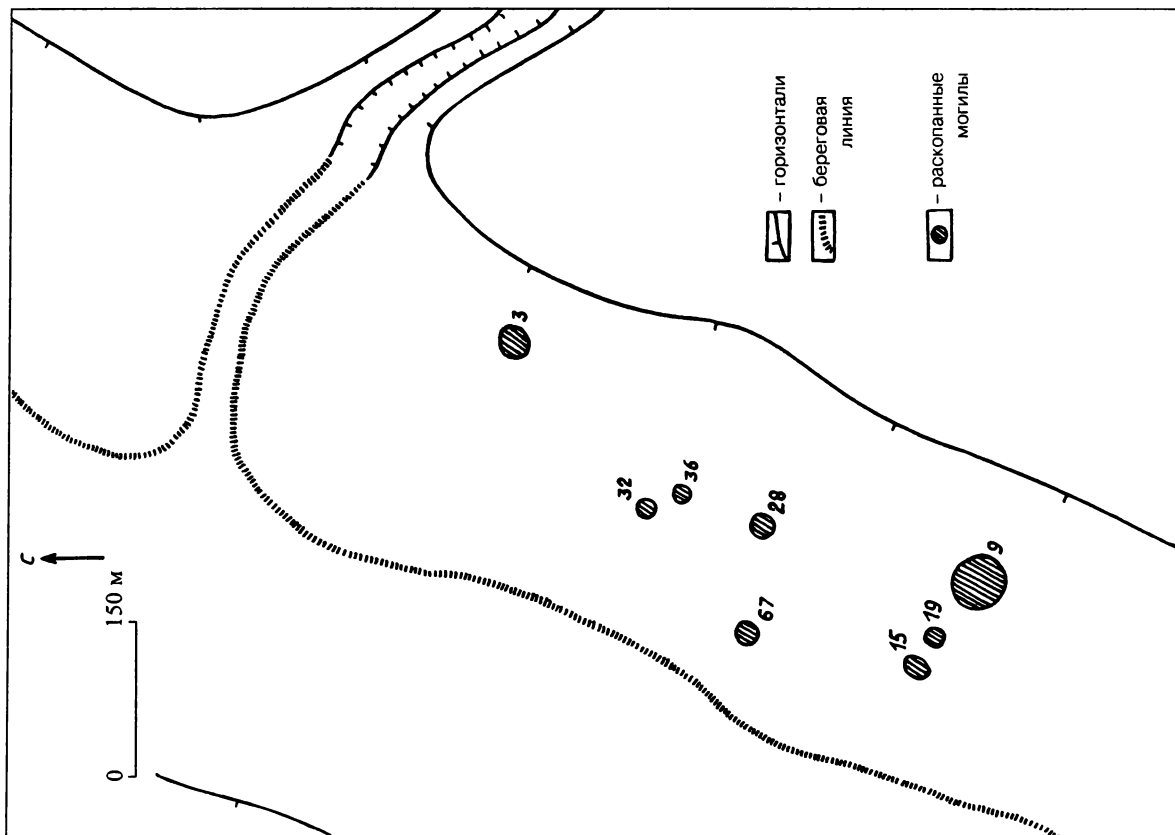

Рис. 10. Могильник Тепсей III. План раскопанных могил древнетюркской культуры

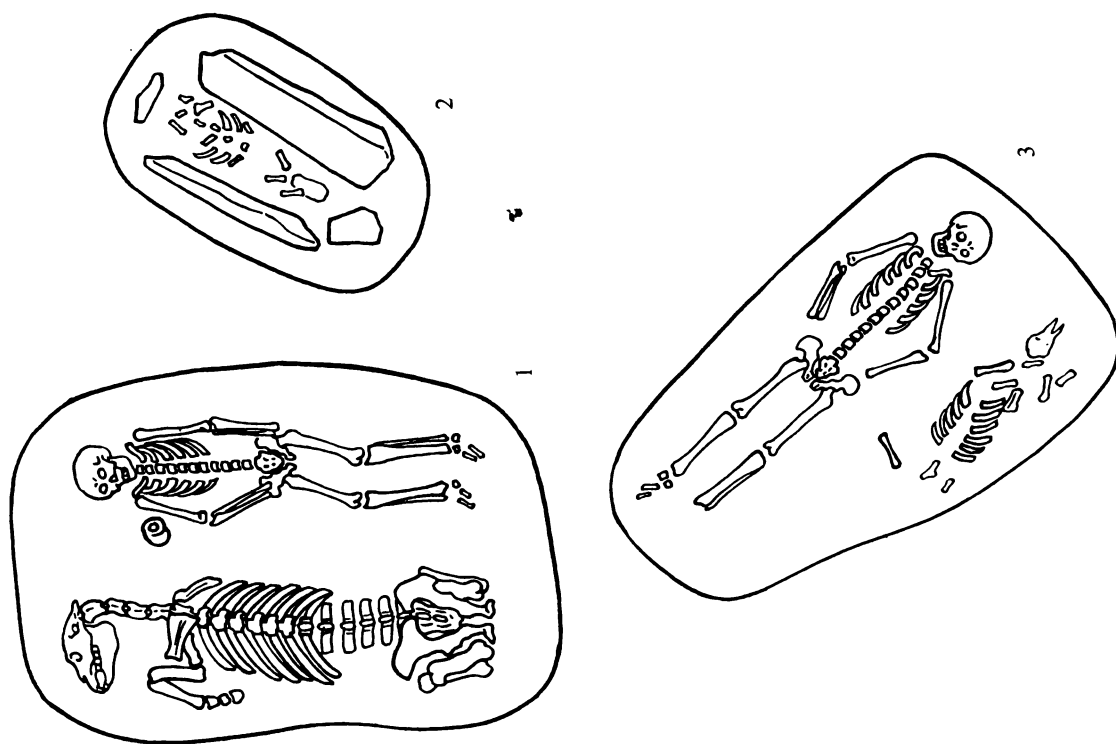

Рис. 9. Перевозинский курган. Погребения:
1 — курган 93; 2 — курган 94; 3 — курган 122

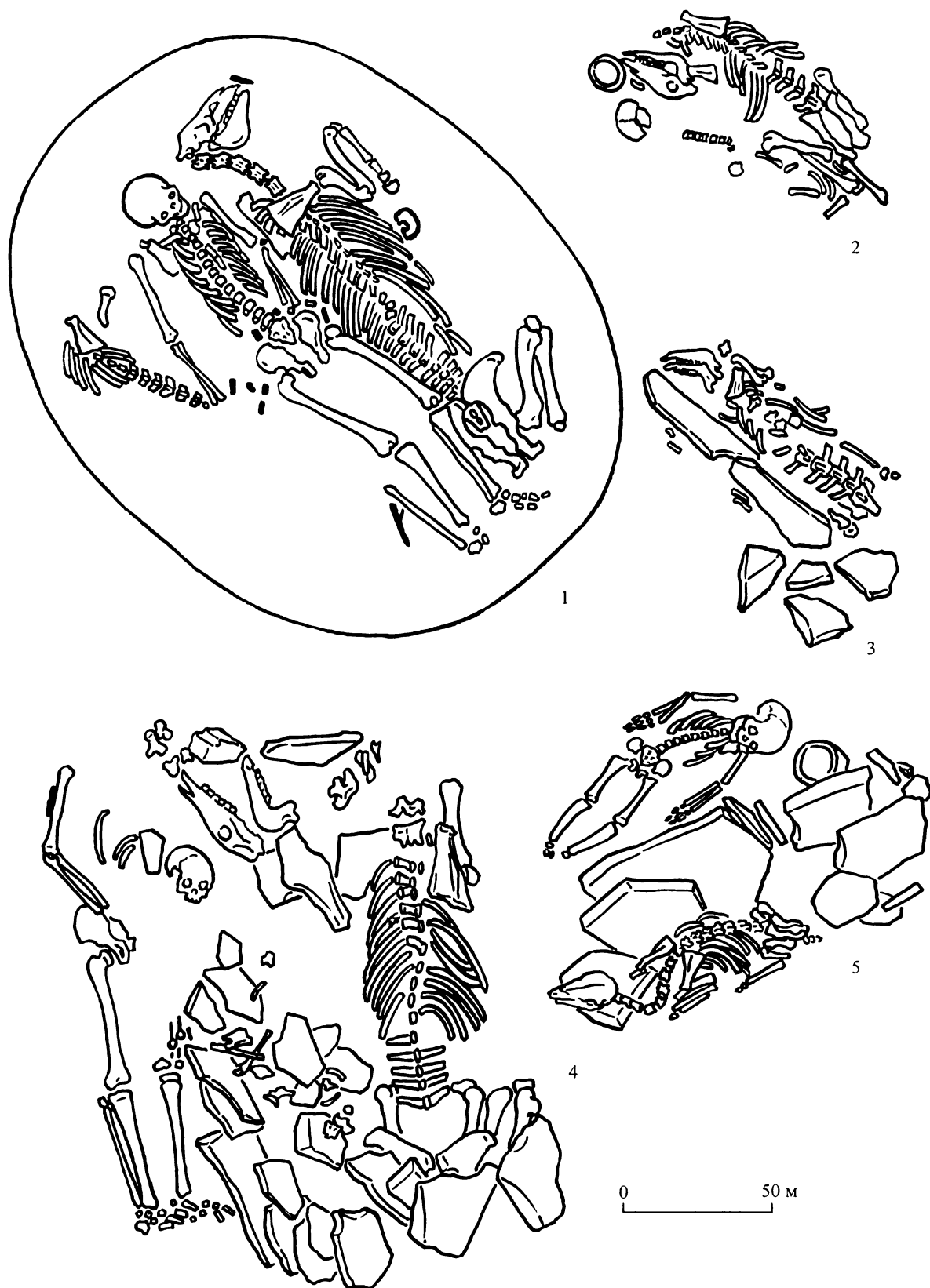

Рис. 11. Тепсей III:
1 – могила 3; 2 – могила 15; 3 – могила 36; 4 – могила 28; 5 – могила 50

Рис. 13. План могильника Терен-Кель

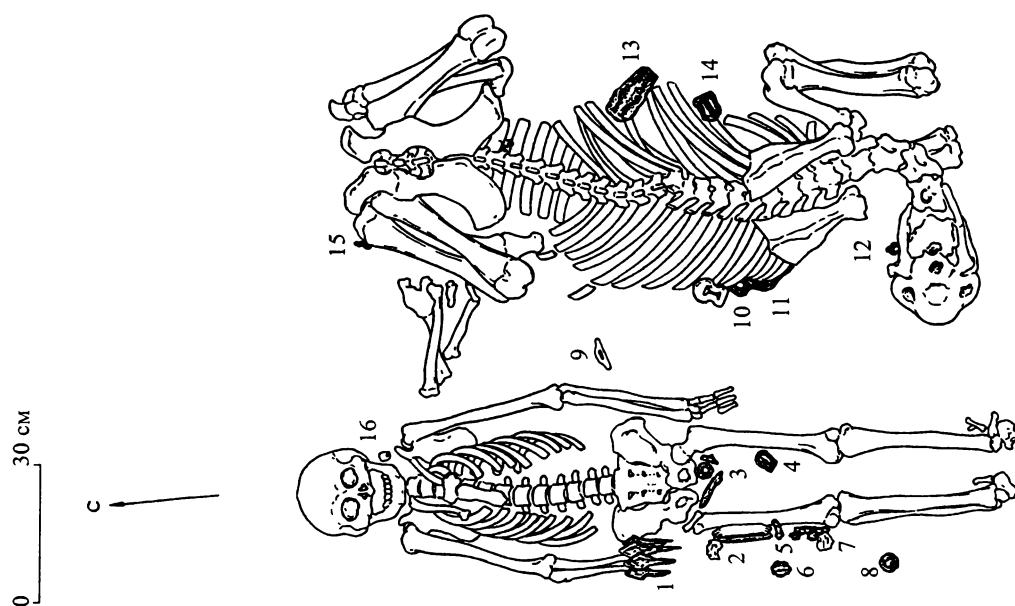

Рис. 12. Тепсей III. Могила 67

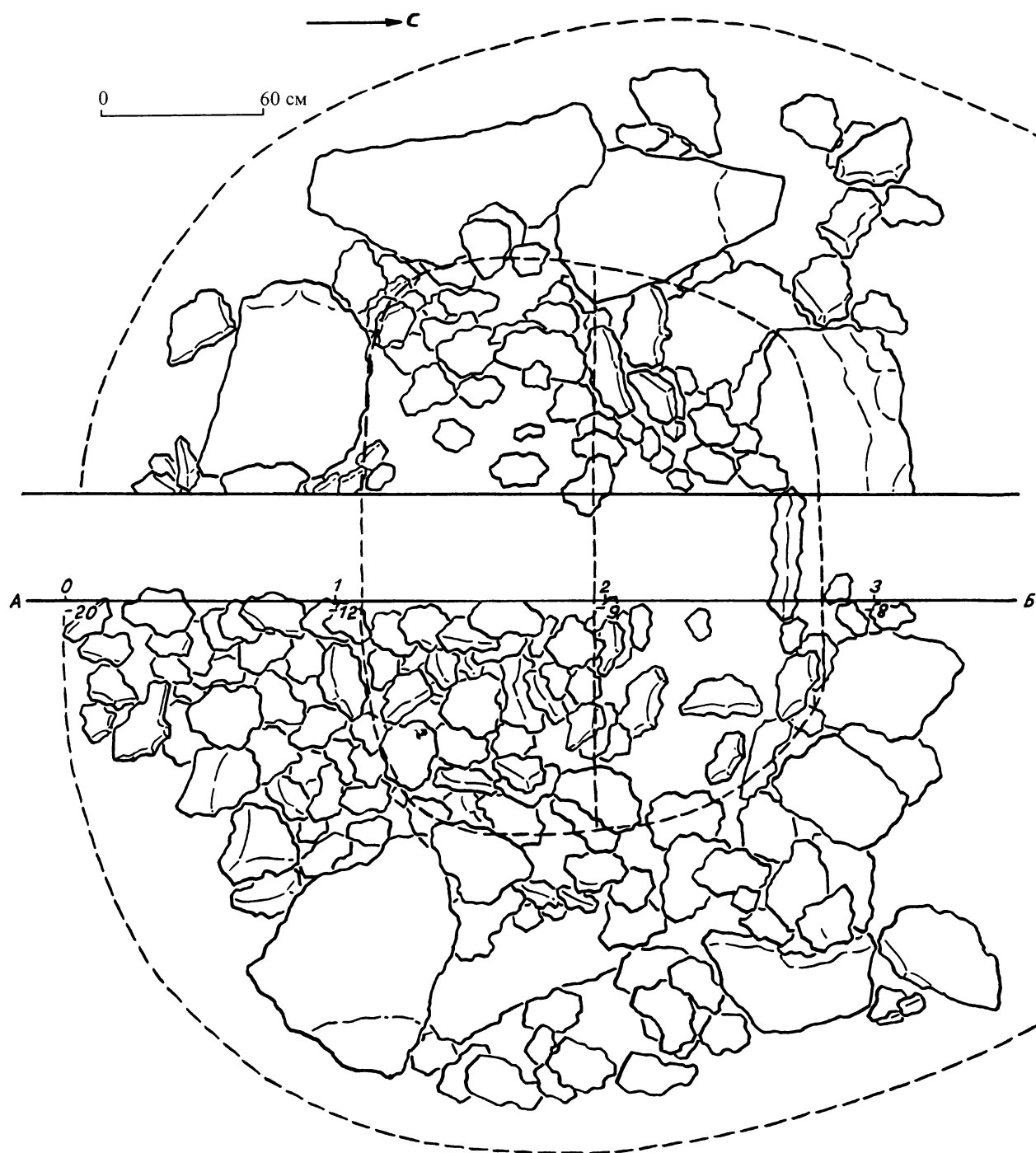

Рис. 14. Терен-Кель. Насыпь кургана 14

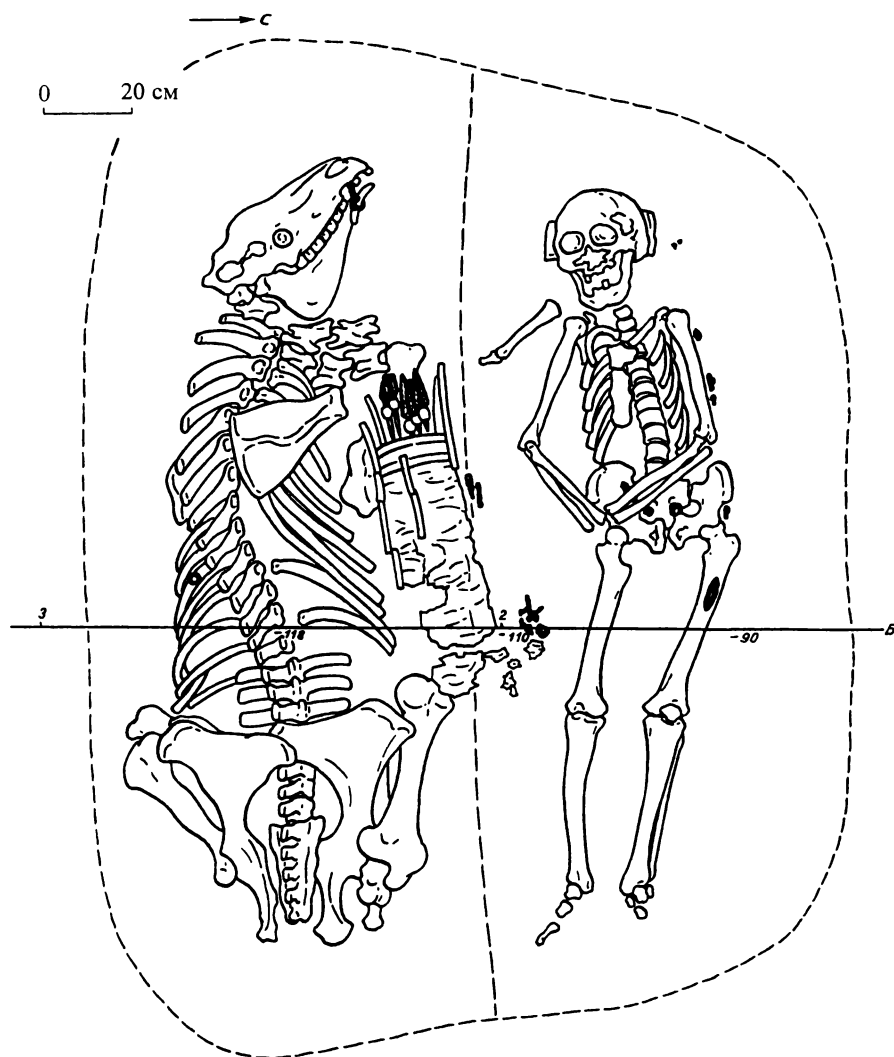

Рис. 16. Терен-Кель. Погребение кургана 14

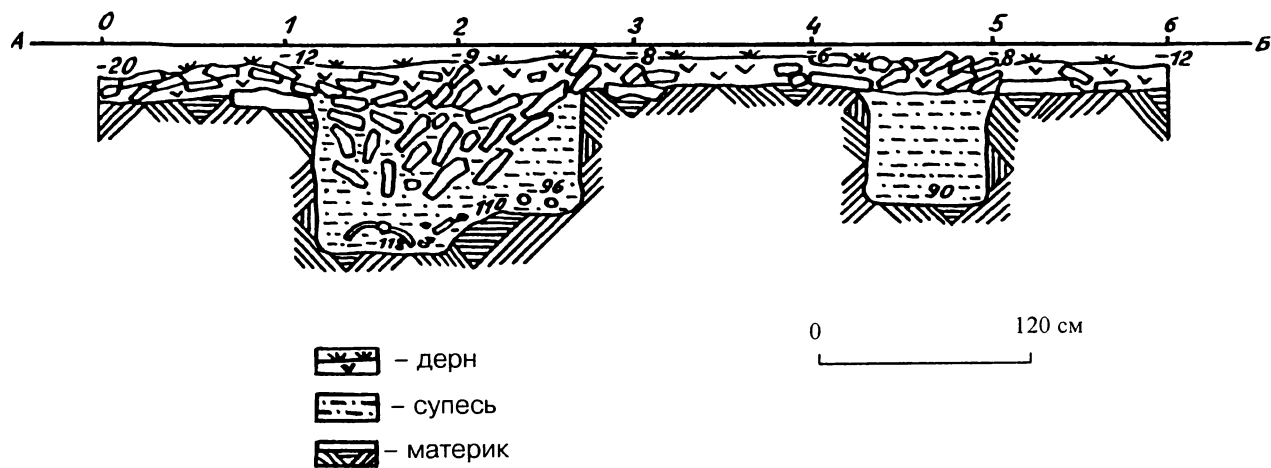

Рис. 15. Терен-Кель. Разрез курганов 14 и 14а

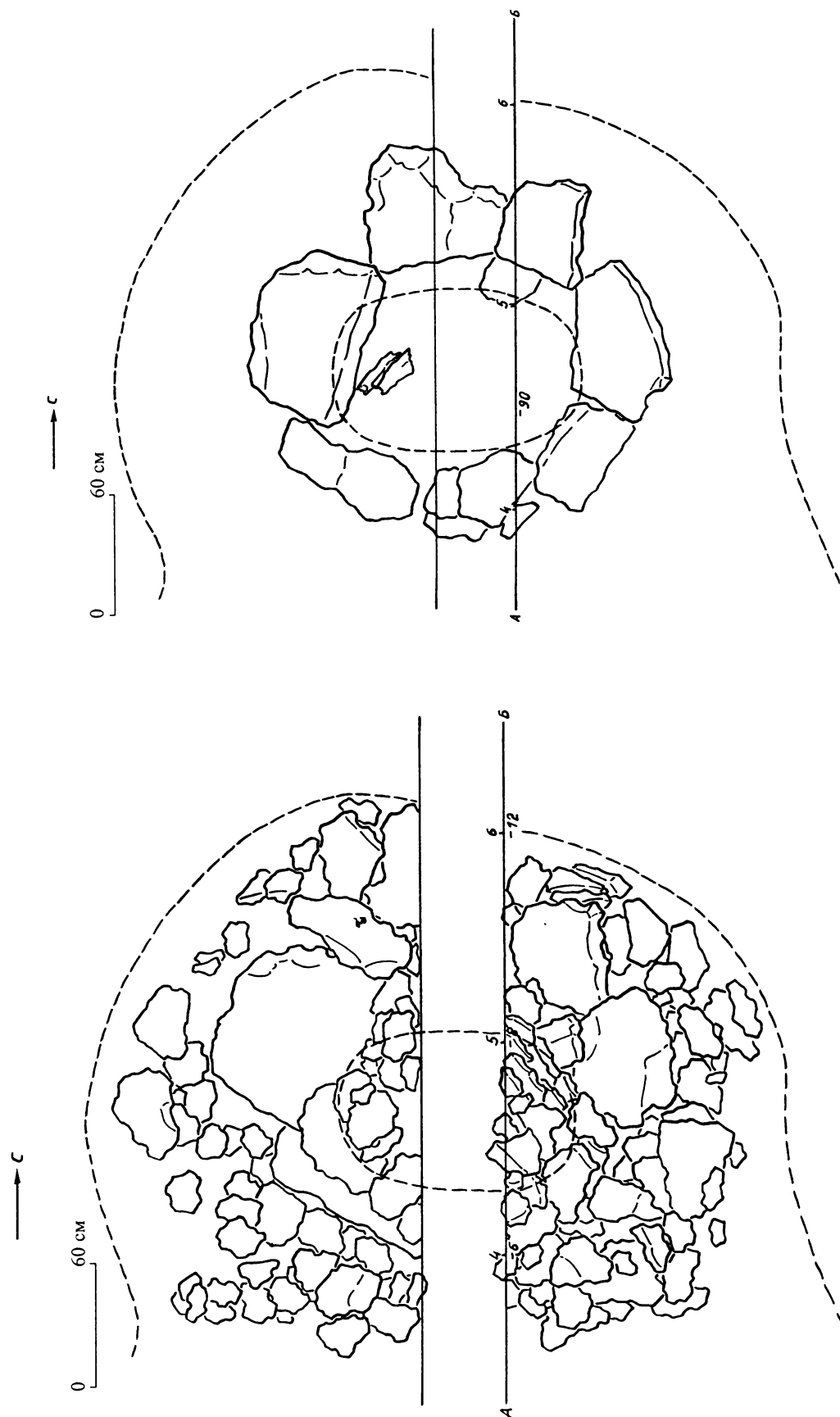

Рис. 17. Терен-Кель. Насыпь кургана 14а

Рис. 18. Терен-Кель. Яма кургана 14а

0 120 см

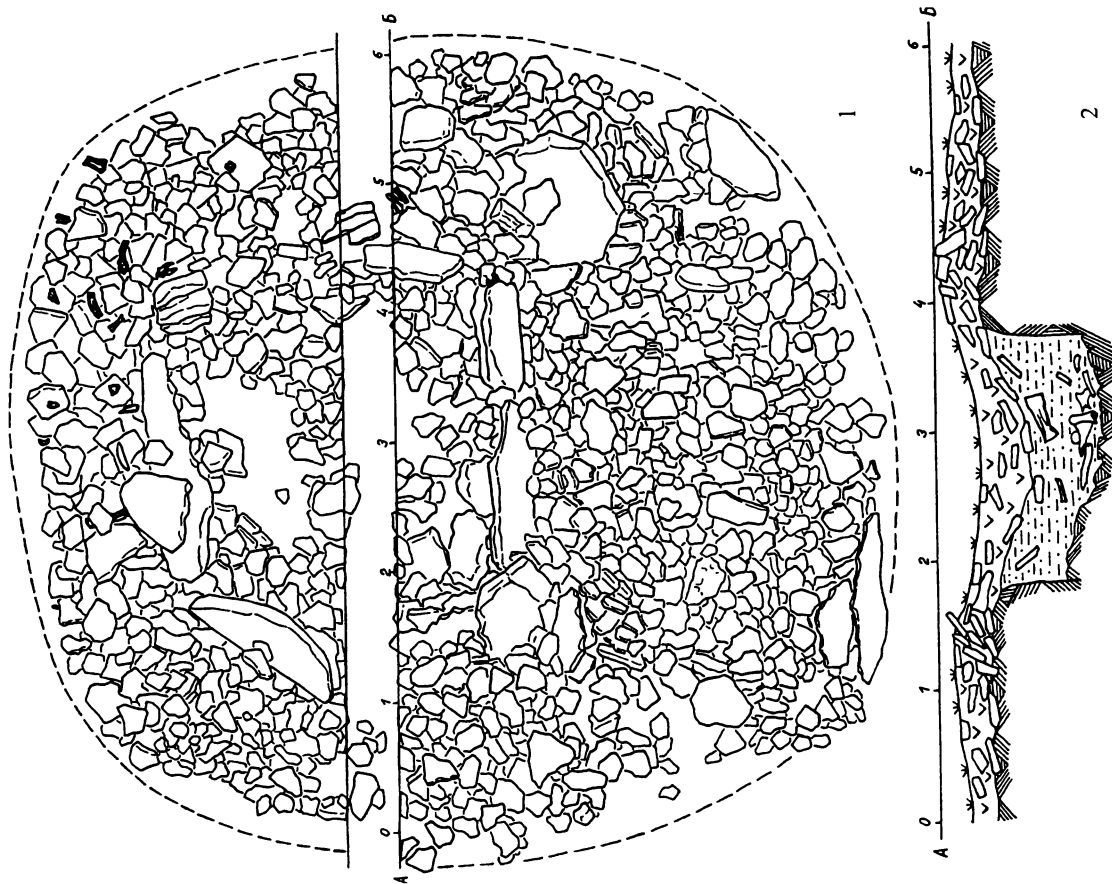

Рис. 19. Терен-Кель. Насыпь (1) и разрез (2) кургана 15

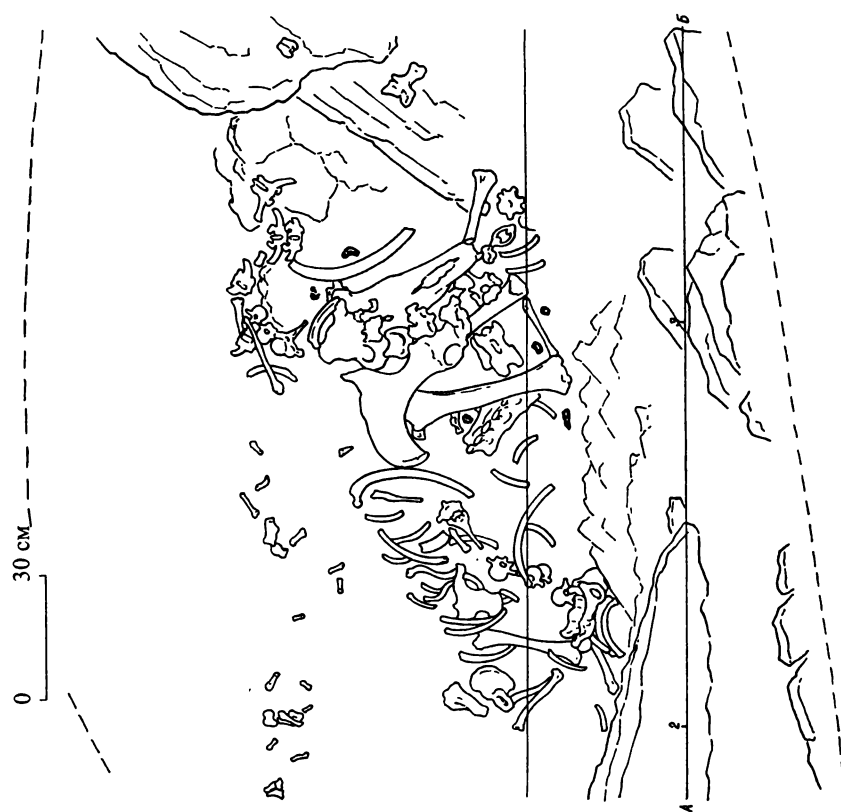

Рис. 20. Терен-Кель. Погребение кургана 15

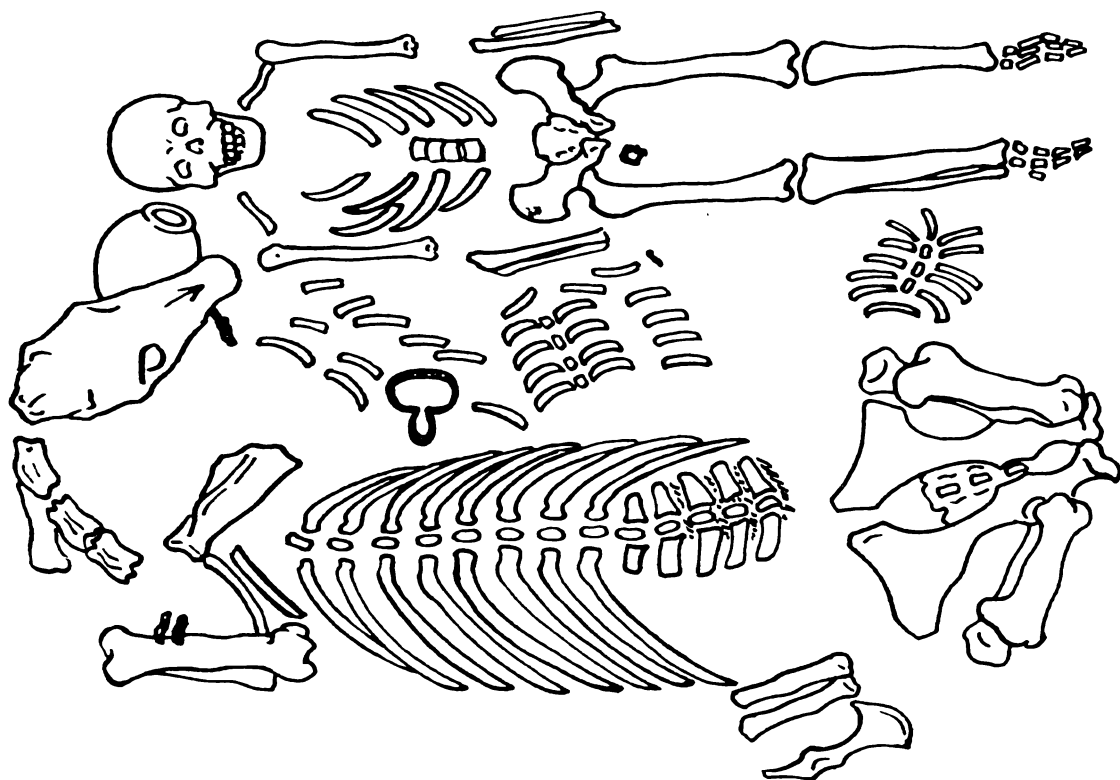

Рис. 21. Усть-Тесь. Погребение кольца 2

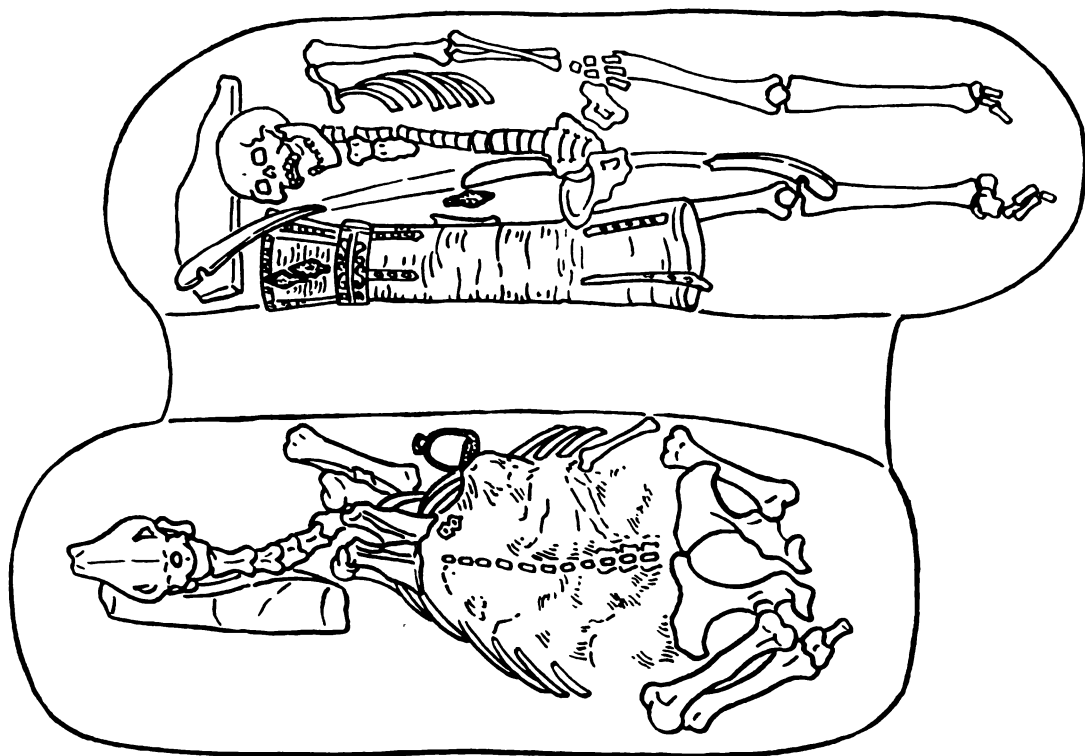

Рис. 22. Уйбаг II. Погребение кургана I

Рис. 23. Капчалы II. Погребения:
1 – курган 2; 2 – курган 8; 3 – курган 11

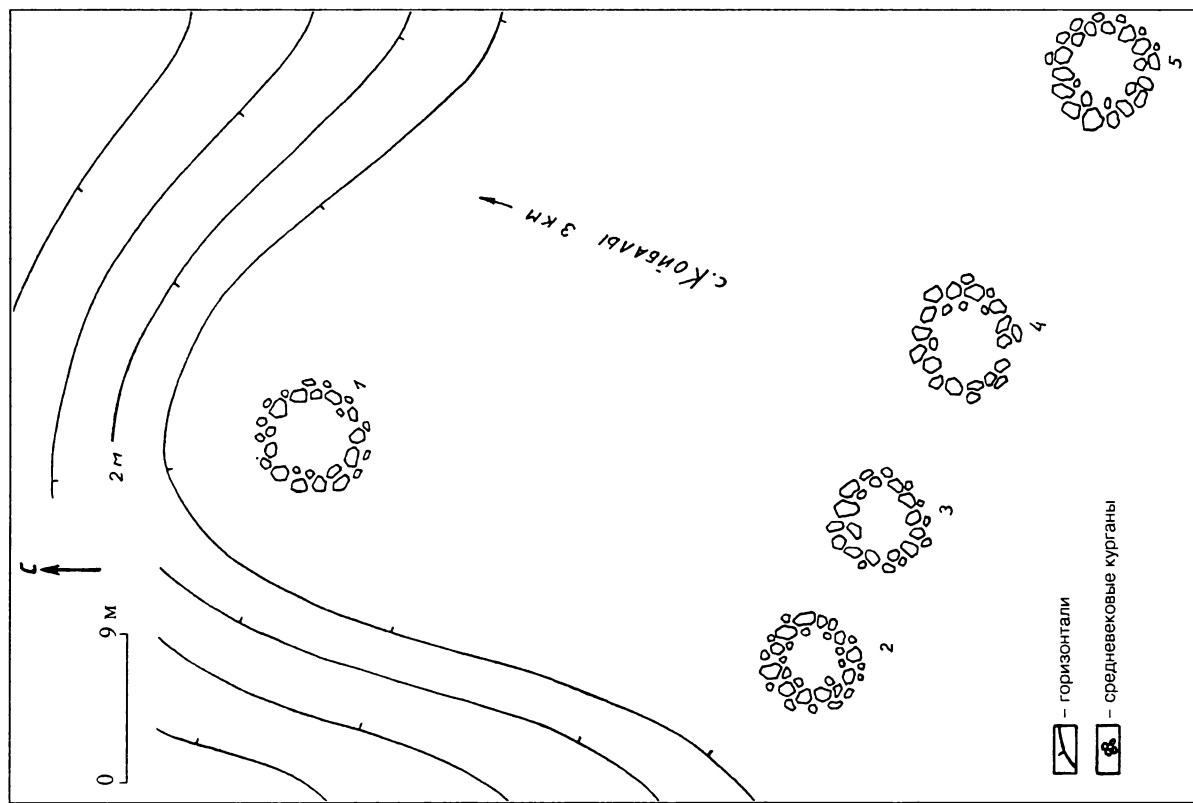
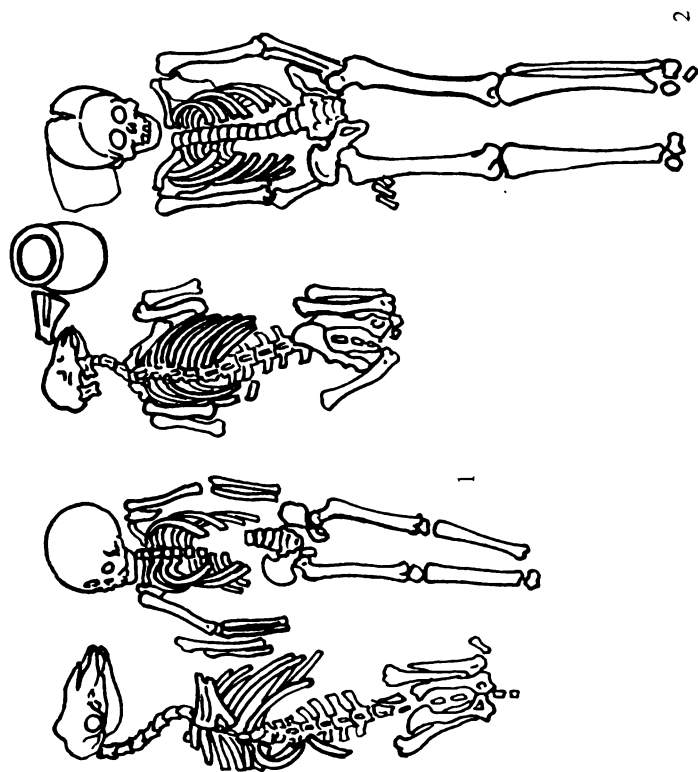

Рис. 25. Могильник Ибыргыс-Кисте

Рис. 24. Капчалы II. Погребения:
1 – курган 17; 2 – курган 22

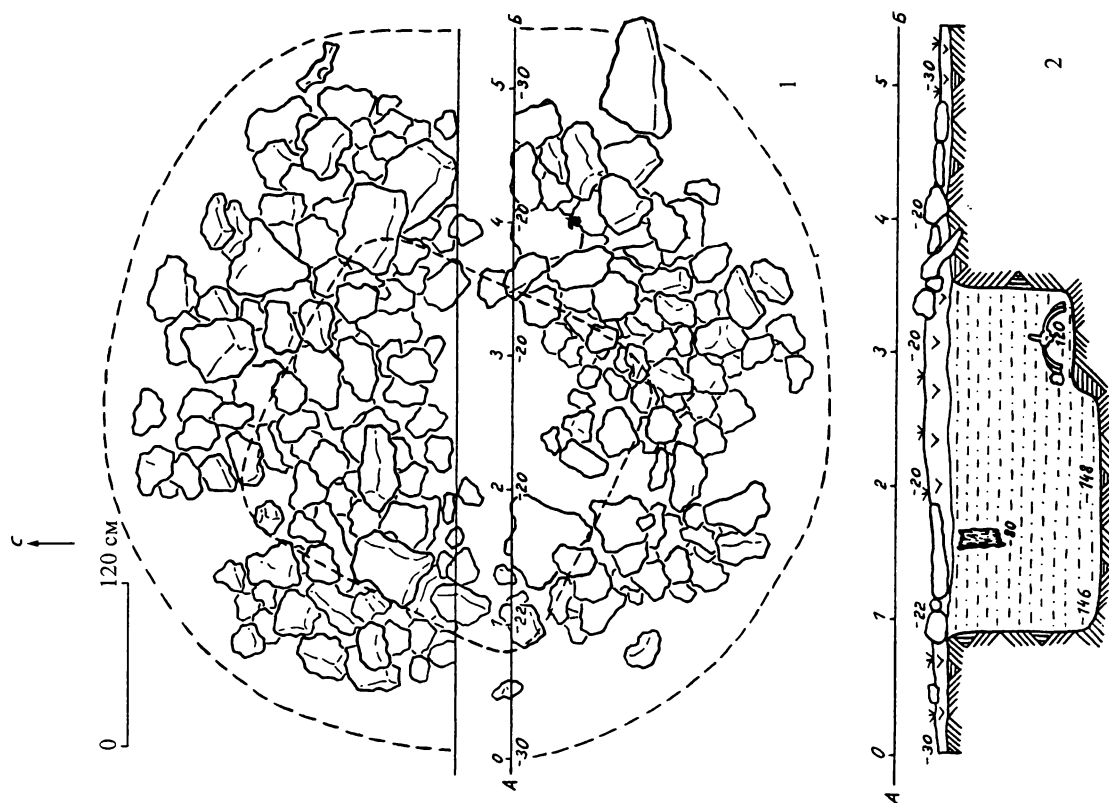

Рис. 26. Ибыргыс-Кисте. Насыпь (1) и разрез (2) кургана 2

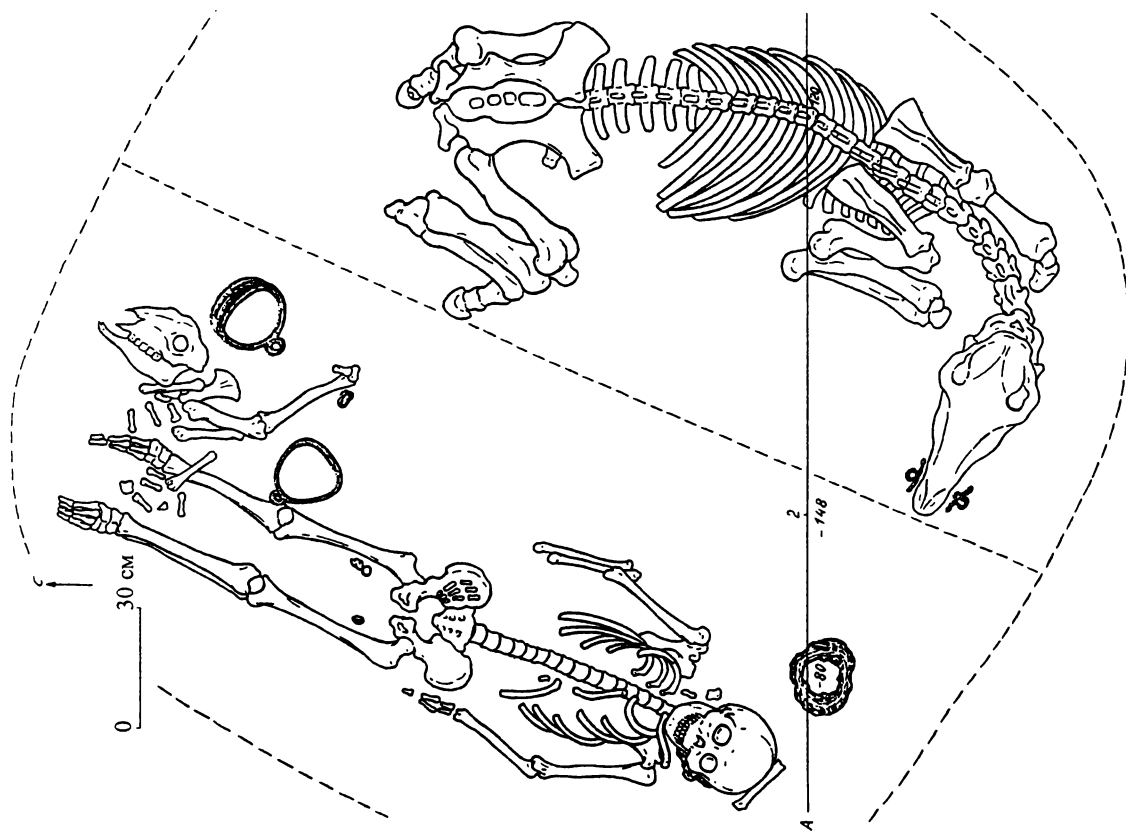

Рис. 27. Ибыргыс-Кисте. Погребение кургана 2

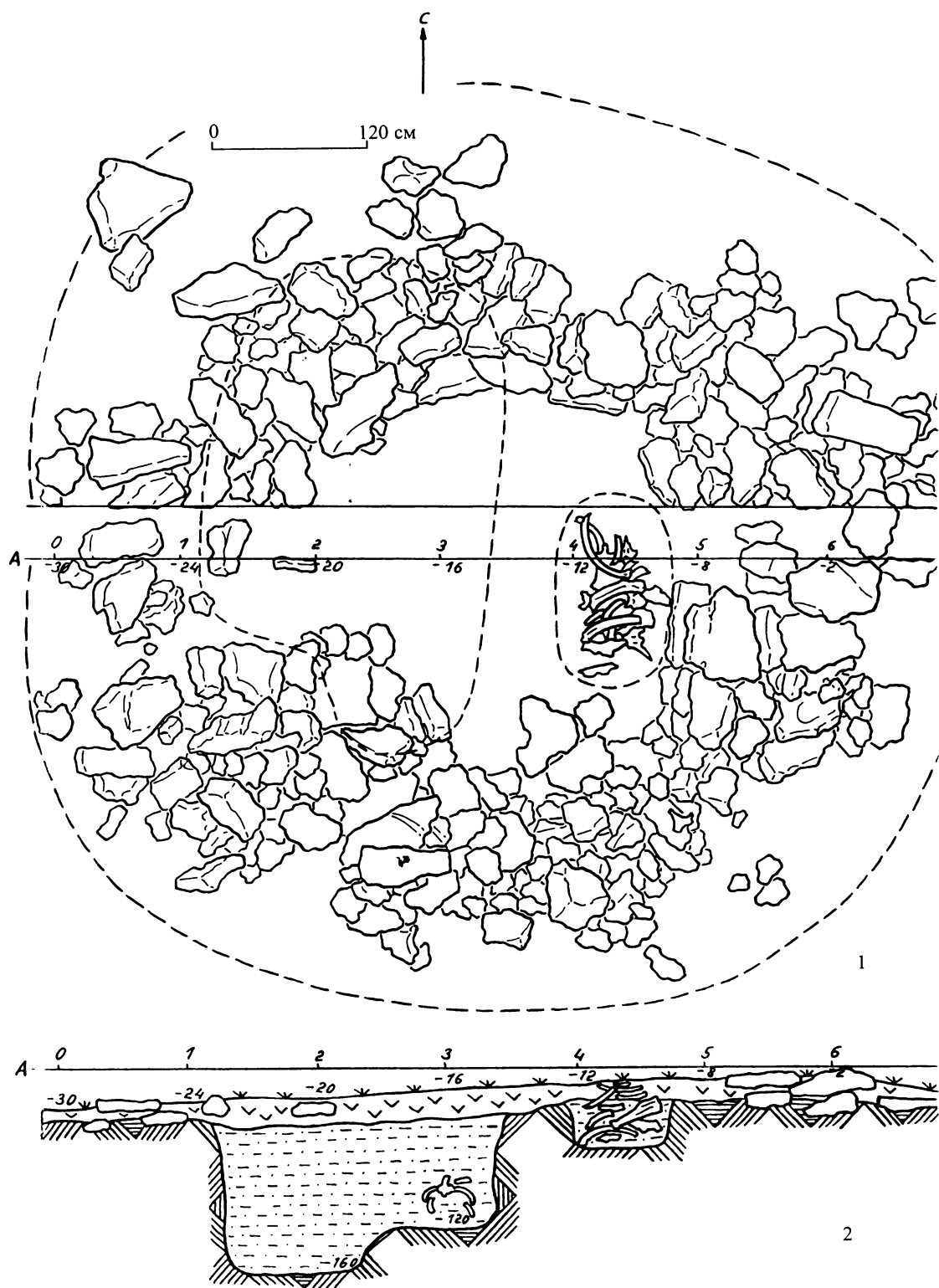

Рис. 28. Ибыргыс-Кисте. Насыпь (1) и разрез (2) кургана 3

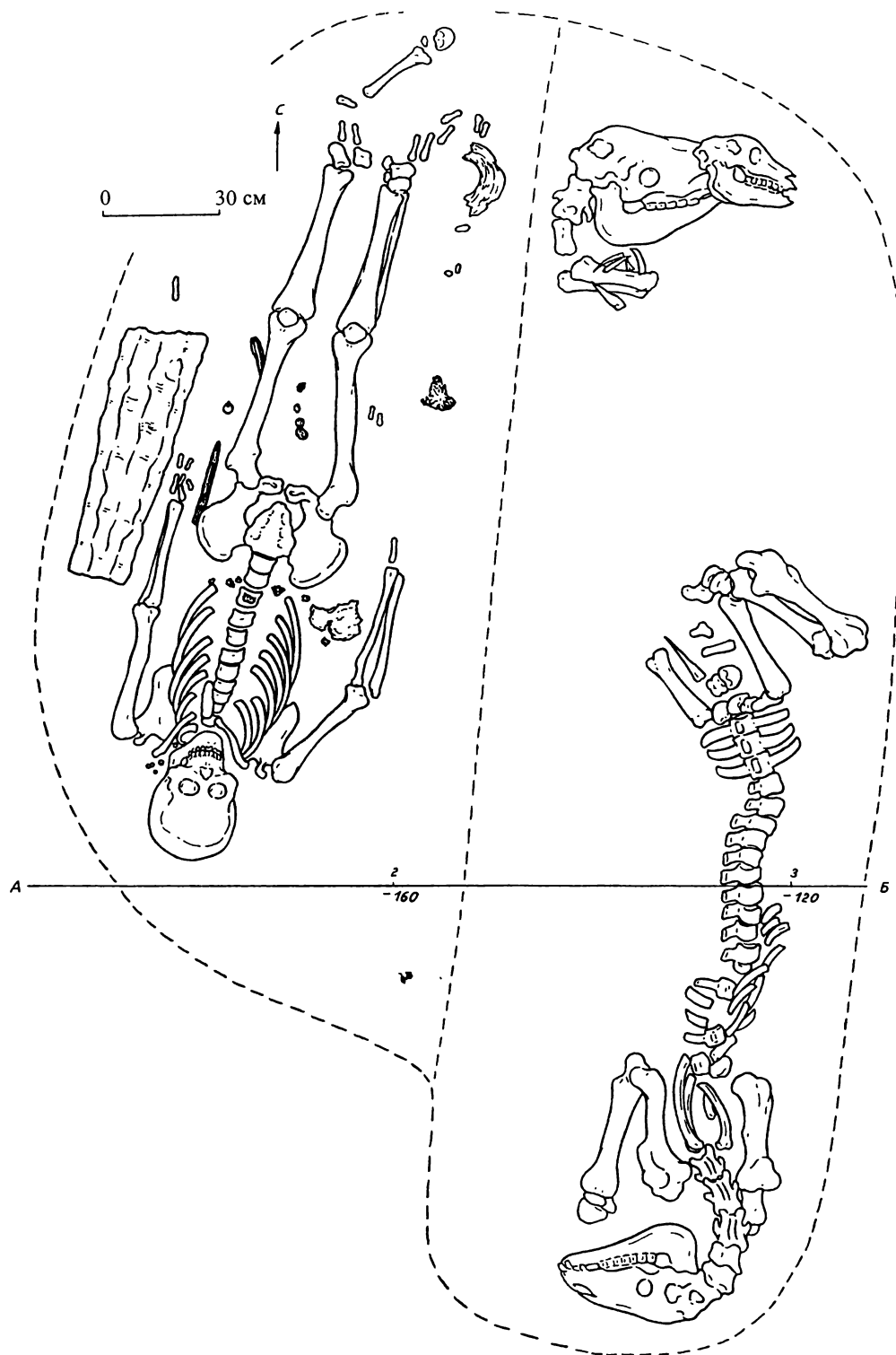

Рис. 29. Ибыргыс-Кисте. Погребение кургана 3

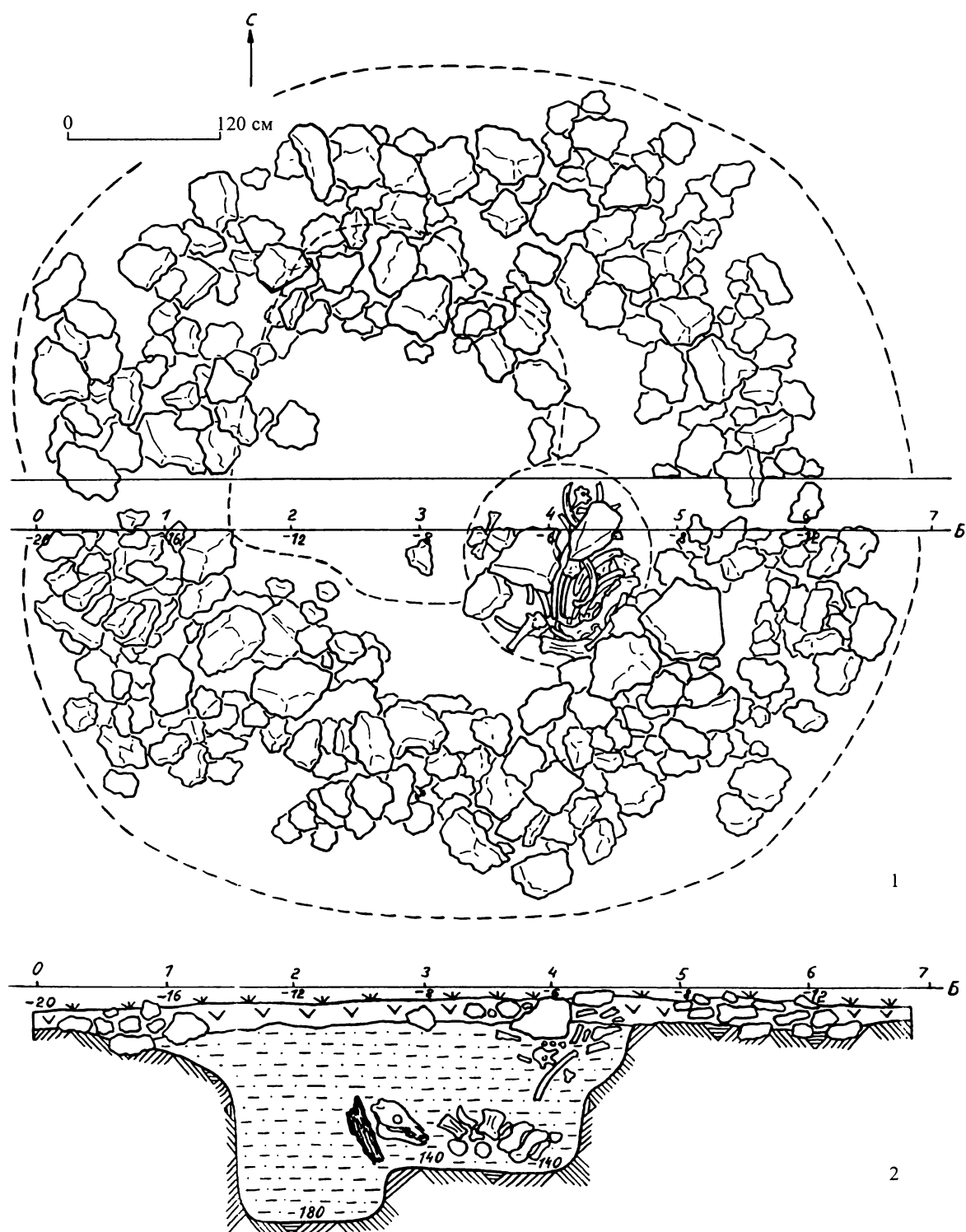

Рис. 30. Ибыргыс-Кисте. Насыпь (1) и разрез (2) кургана 4

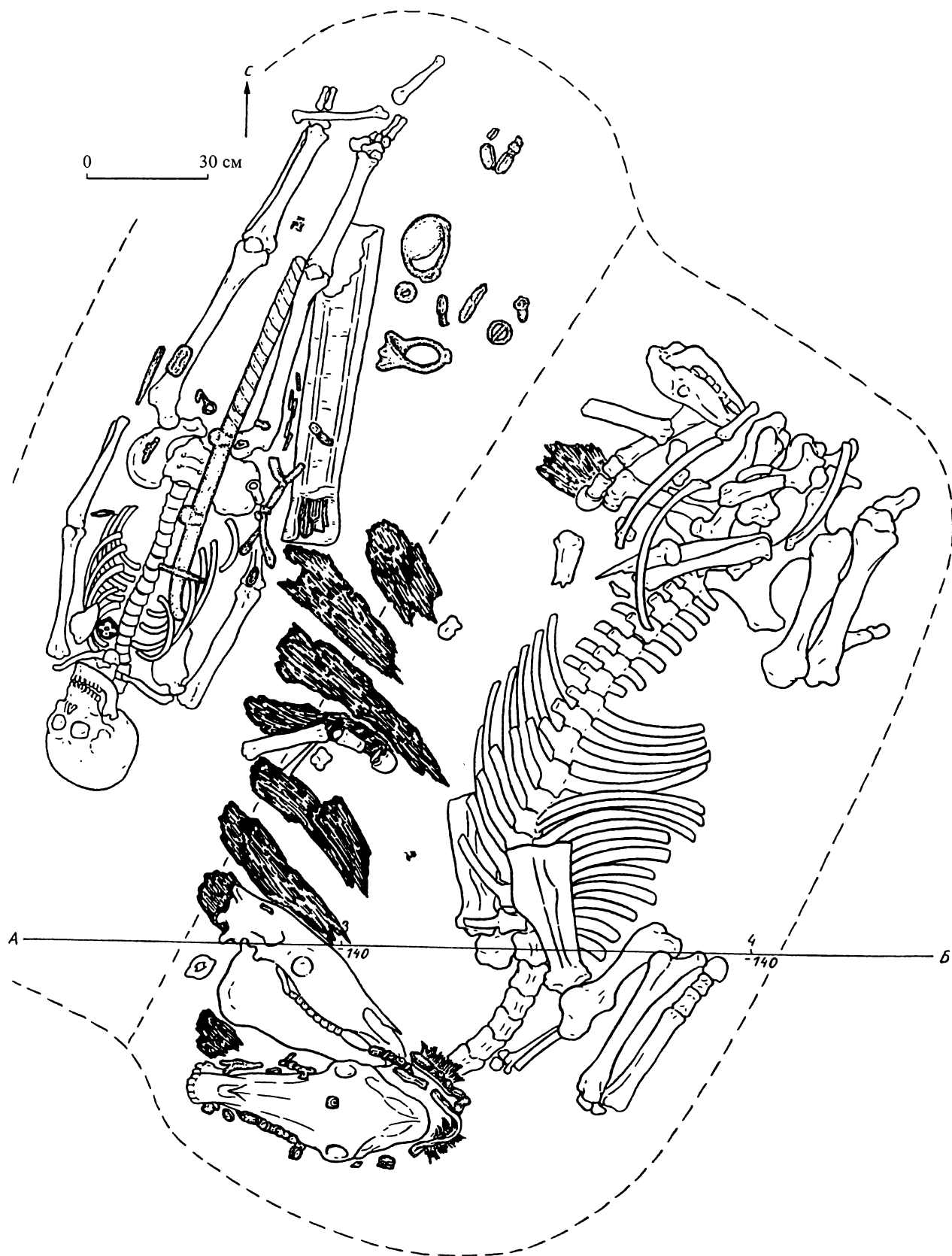

Рис. 31. Ибыргыс-Кисте. Погребение кургана 4

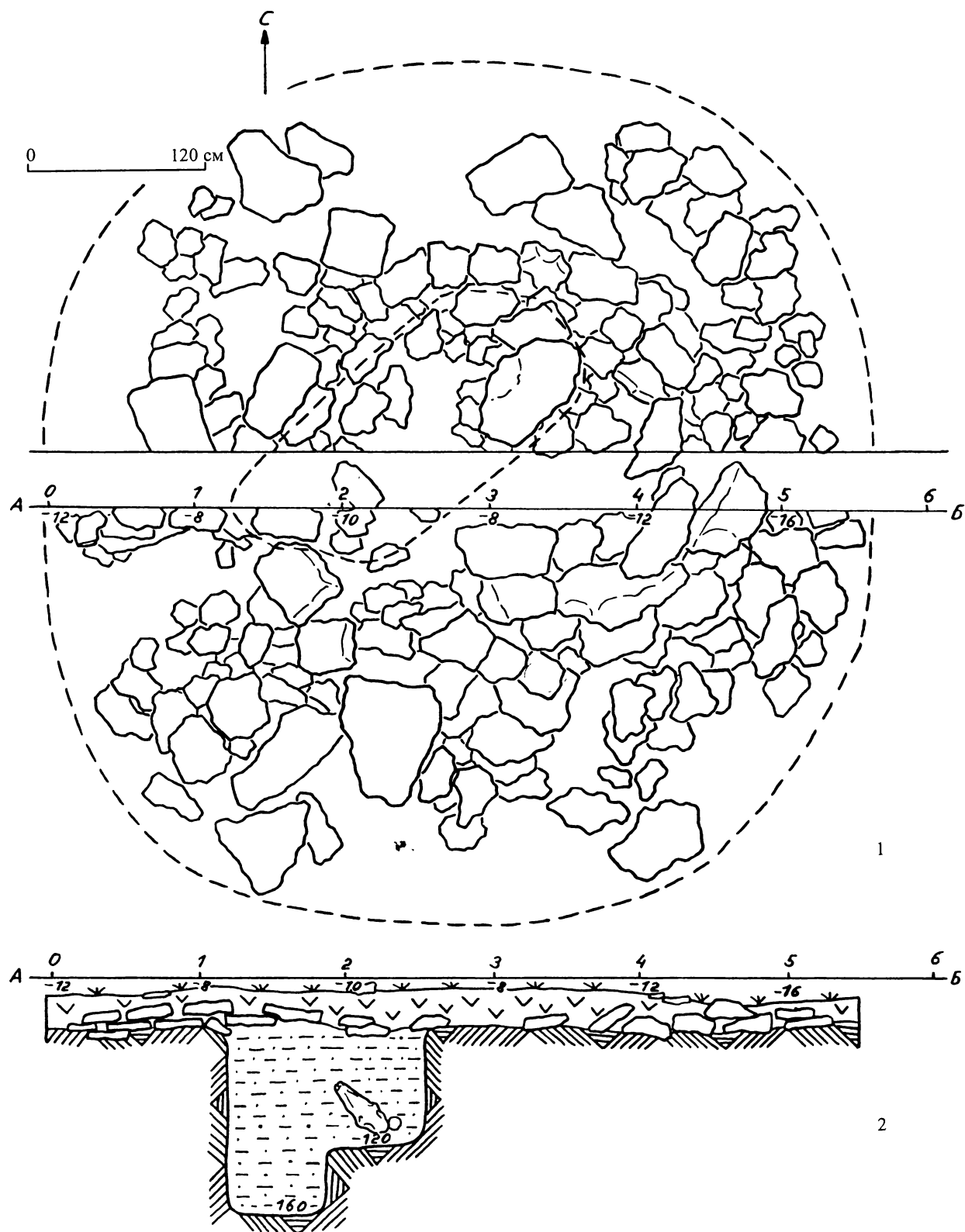

Рис. 32. Ибыргыс-Кисте. Насыпь (1) и разрез (2) кургана 5

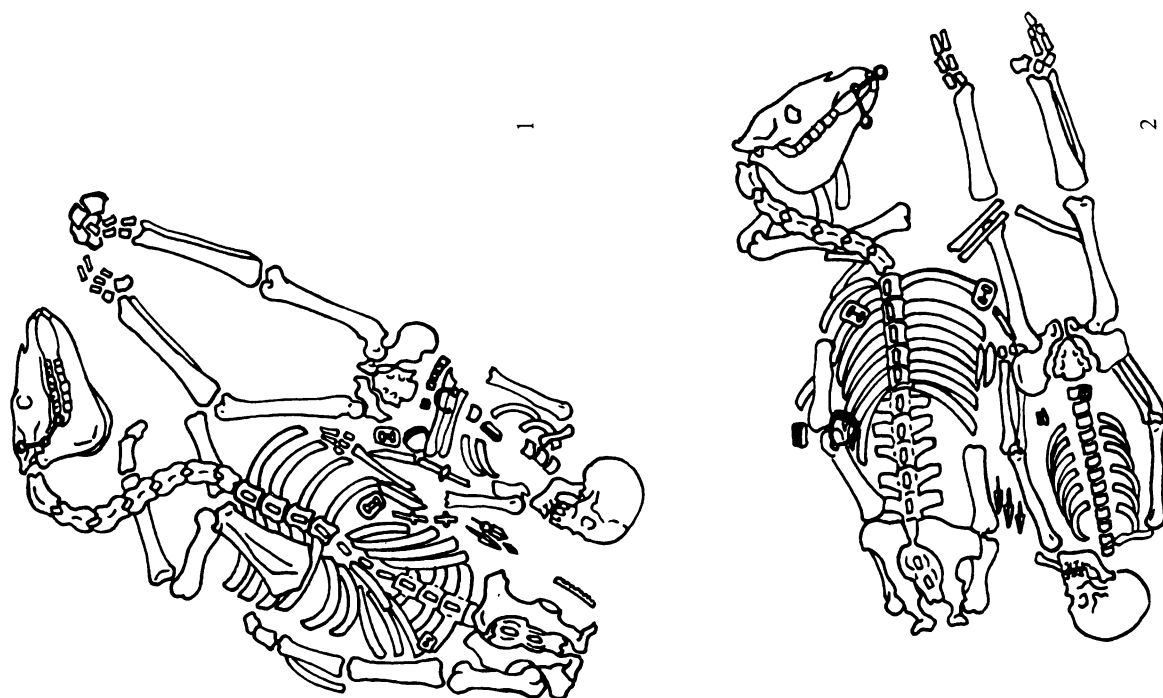

Рис. 34. Шестаково. Впускные погребения А (1) и Б (2) кургана 3

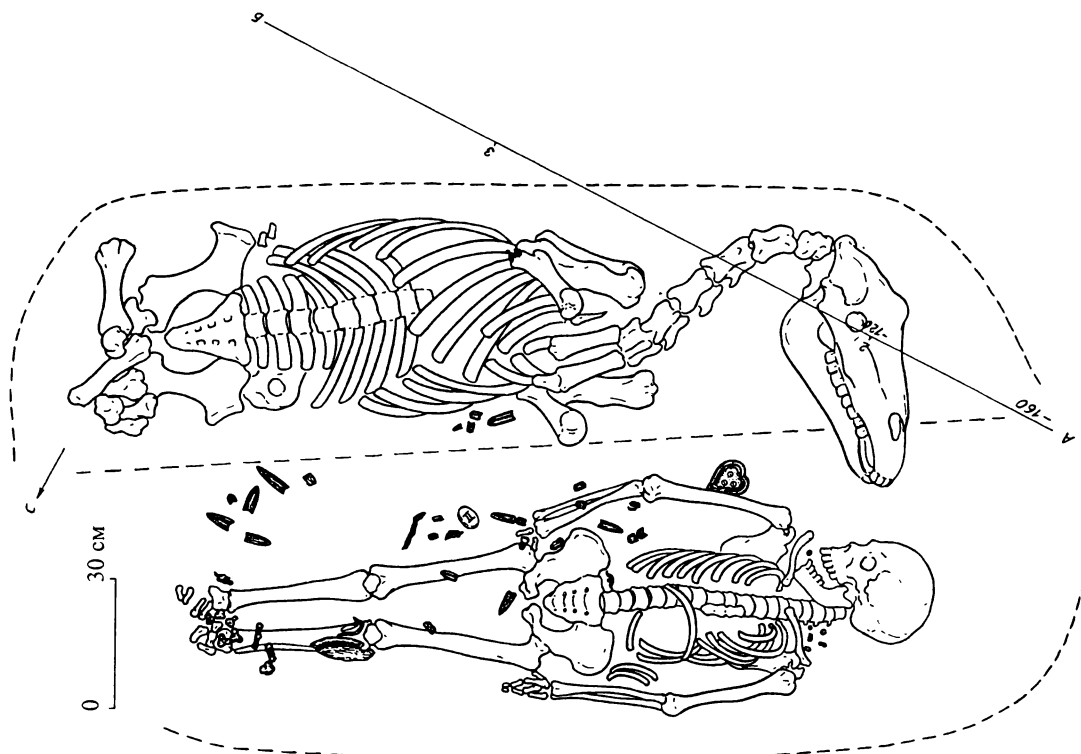

Рис. 33. Ибыргыс-Кисте. Погребение кургана 5

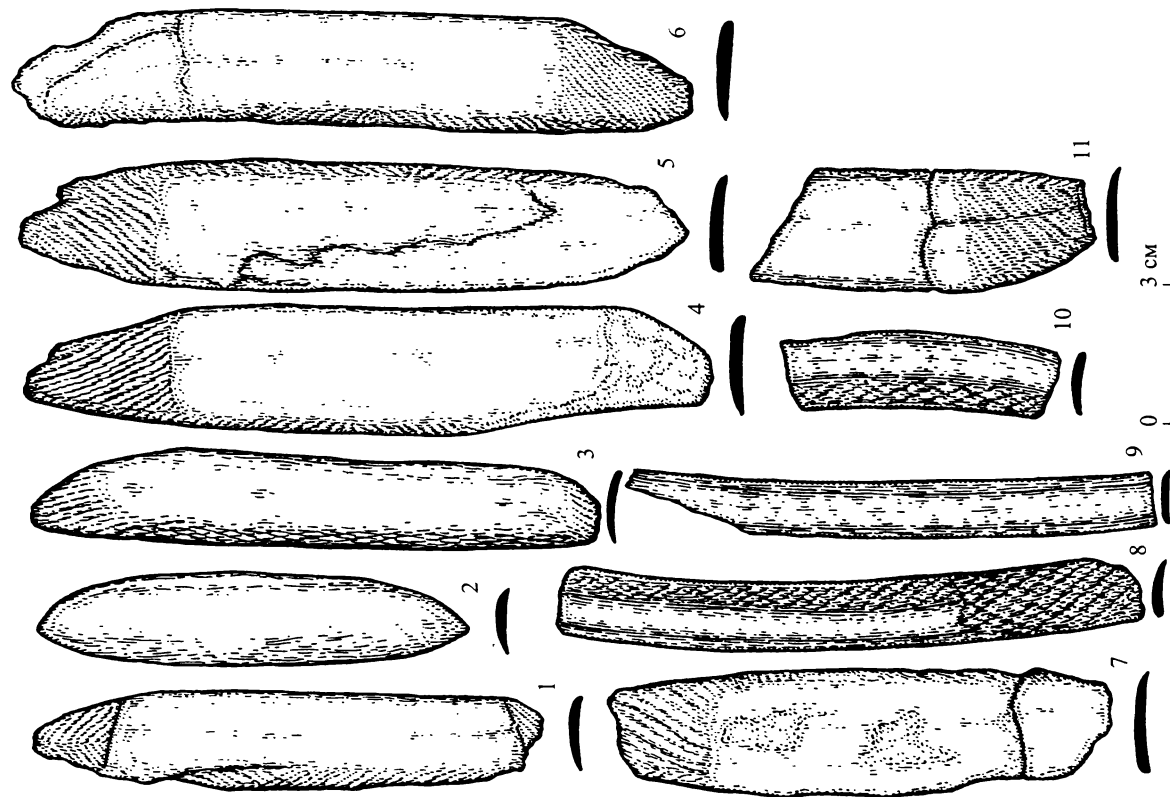

Рис. 36. Накладки луков:

1 – 7, 11 – срединные боковые; 8, 10 – концевые; 9 – фронтальная

Отдел	Группа	Тип	Количество	Памятник
I	I	I	3	Таштык Терен-Кель Уйбат II
		II	4	Ибыргыс-Кисте
		III	6	Маркелов Мыс I Над. Полярной Тепсей III
		IV	4	Перевозинский
		V	11	Капчалы II Тепсей III Усть-Тесь
		VI	1	Красный Яр V
II	I	VII	8	Сабинка Киринский Лог Шестаково
		VIII	5	Белый Яр II
		I	1	Белый Яр II
III	I	I	2	Маркелов Мыс I Маркелов Мыс II
	II	I	1	Тепсей III
IV	I	I	2	Капчалы II Перевозинский
	II	I	3	Перевозинский Тепсей III
		II	7	Капчалы II Тепсей III Маркелов Мыс I

Рис. 35. Классификационная таблица древнетюркских погребений Среднего Енисея

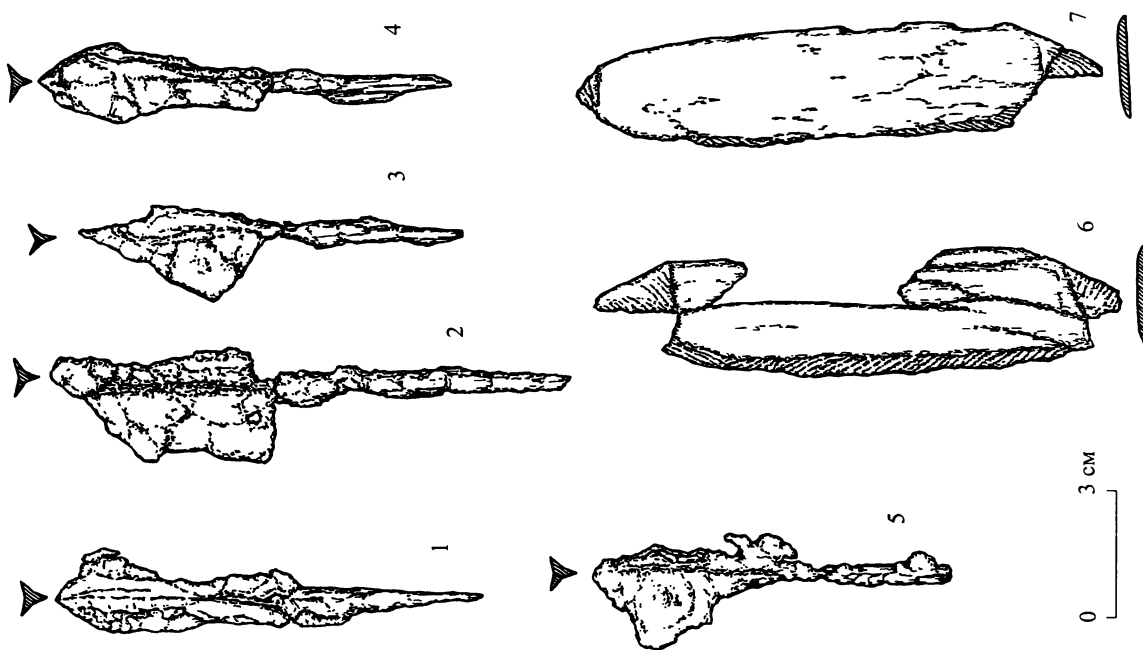

Рис. 38. Трехпластные наконечники стрел (1 – 5)
и срединные боковые накладки луков (6, 7)

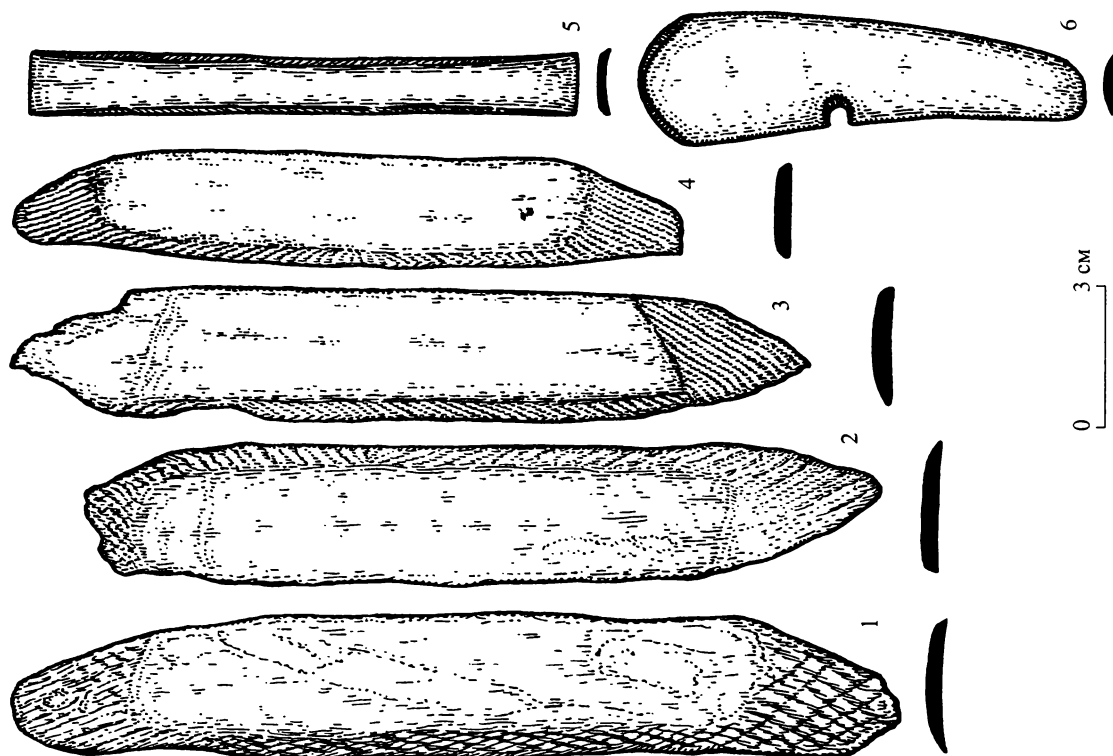

Рис. 37. Накладки луков:

1 – 4 – срединные боковые; 5 – фронтальная; 6 – концевая

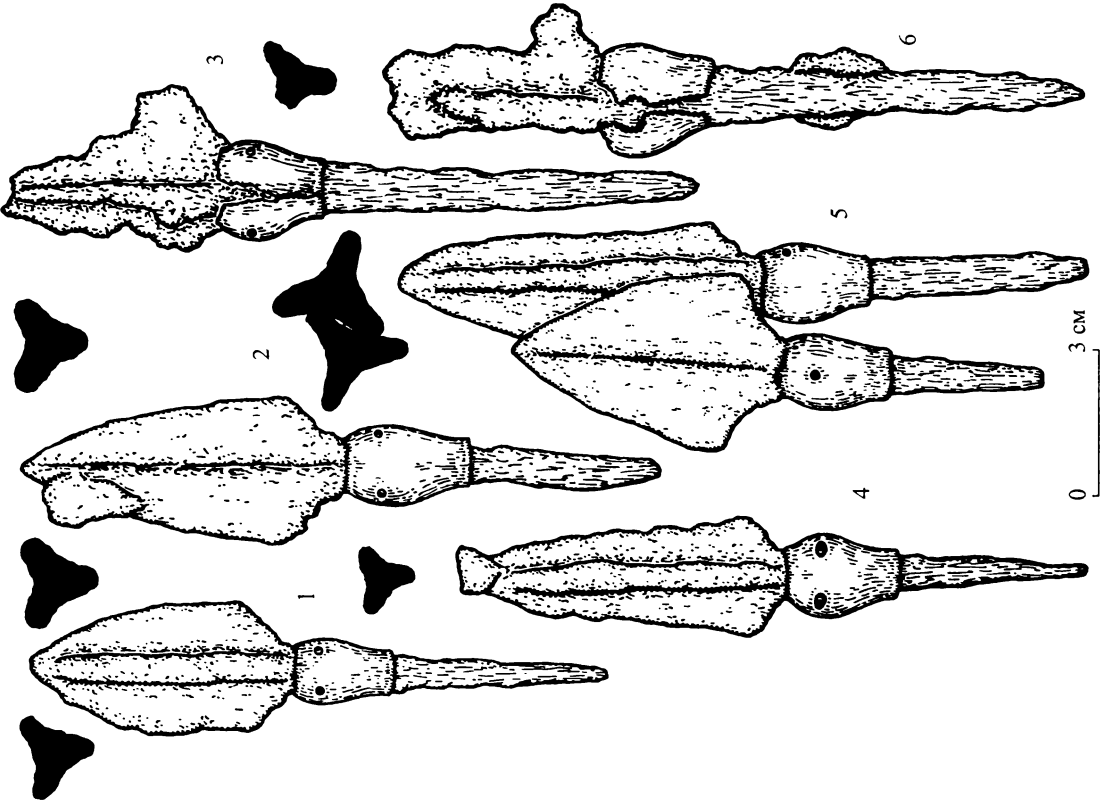

Рис. 40. Наконечники стрел

Группа	Тип	Кол-во	Размер	Памятник	Период вв.
I	1 	3	134	Георгиевская Гора Капчалы II Уйбат II	VI-X
	2 	1	—	Перевозинский ЧАА-ТАС	VI-X
	3 	13	120	Капчалы II Красный Яр Кирбинский Лог Над Поляной Таштык Терен-Кель Тепсей III Сабинка Шестаково	VIII-X
	4 	1	—	Капчалы II	VIII-X

Рис. 39. Сводная таблица луков

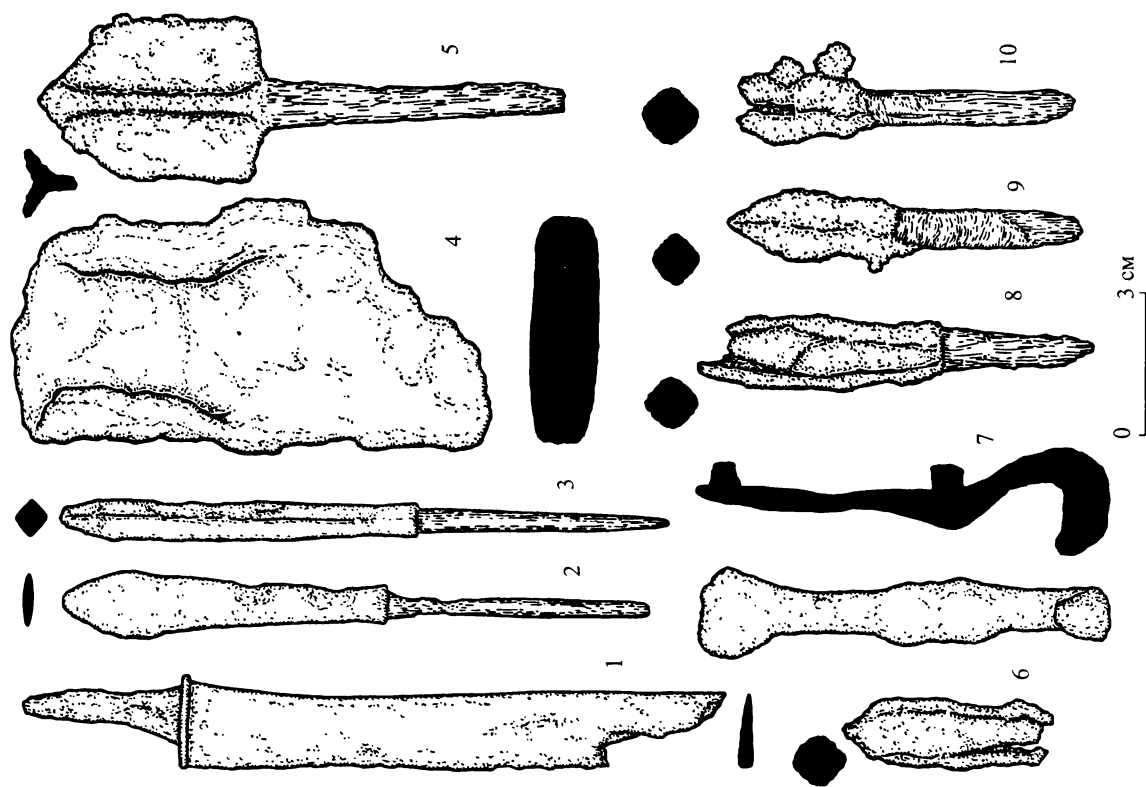

Рис. 42. Предметы вооружения.

1 – кинжал; 2, 3, 5, 6, 8 – 10 – наконечники стрел; 4 – тесло; 7 – колчанный крюк

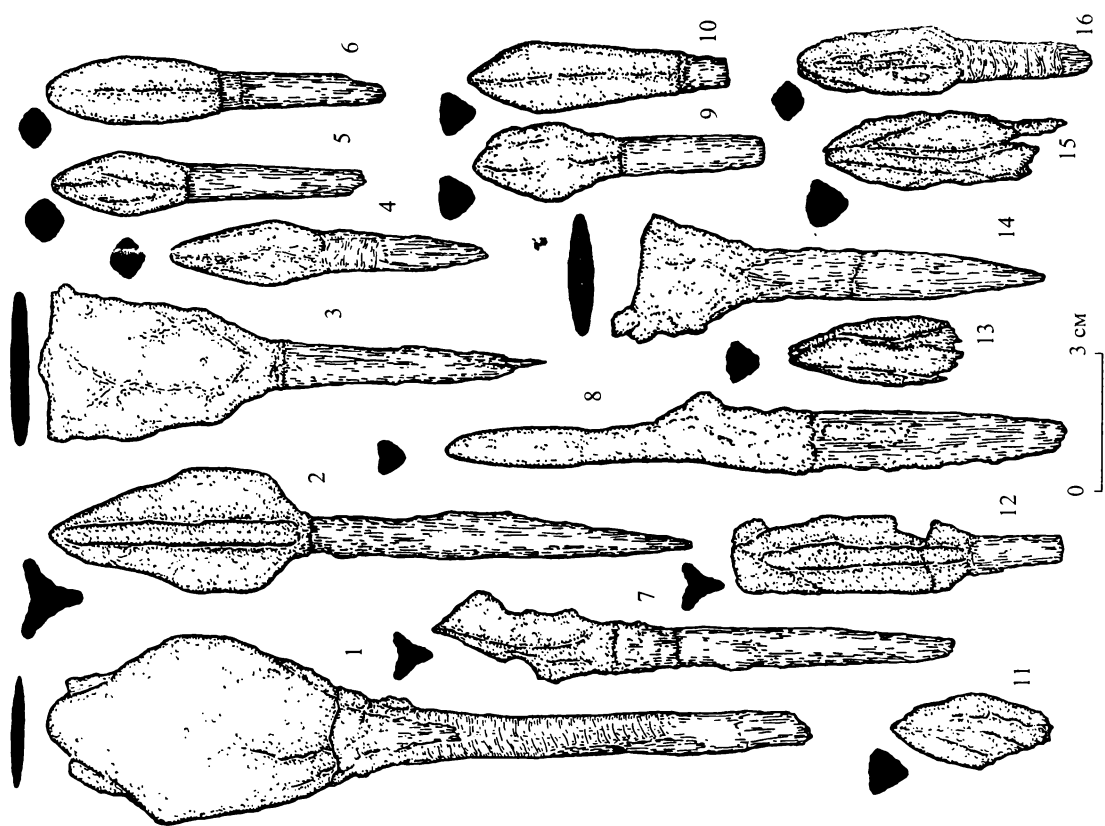

Рис. 41. Наконечники стрел

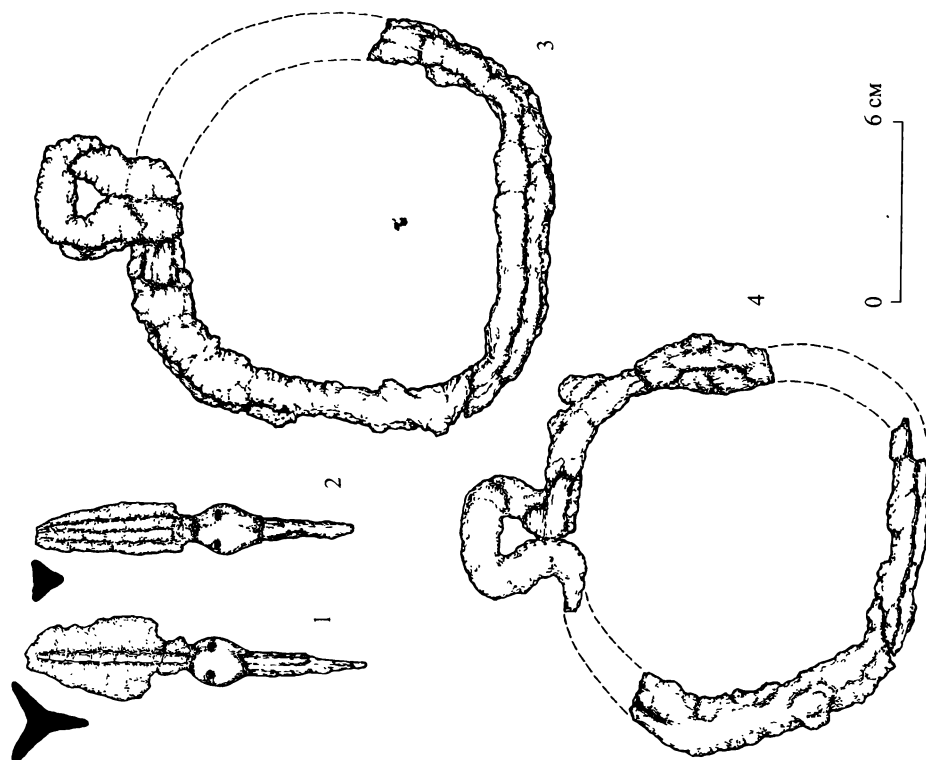

Рис. 43. Предметы вооружения и сбруи:
1, 2 – наконечники стрел; 3, 4 – стремена

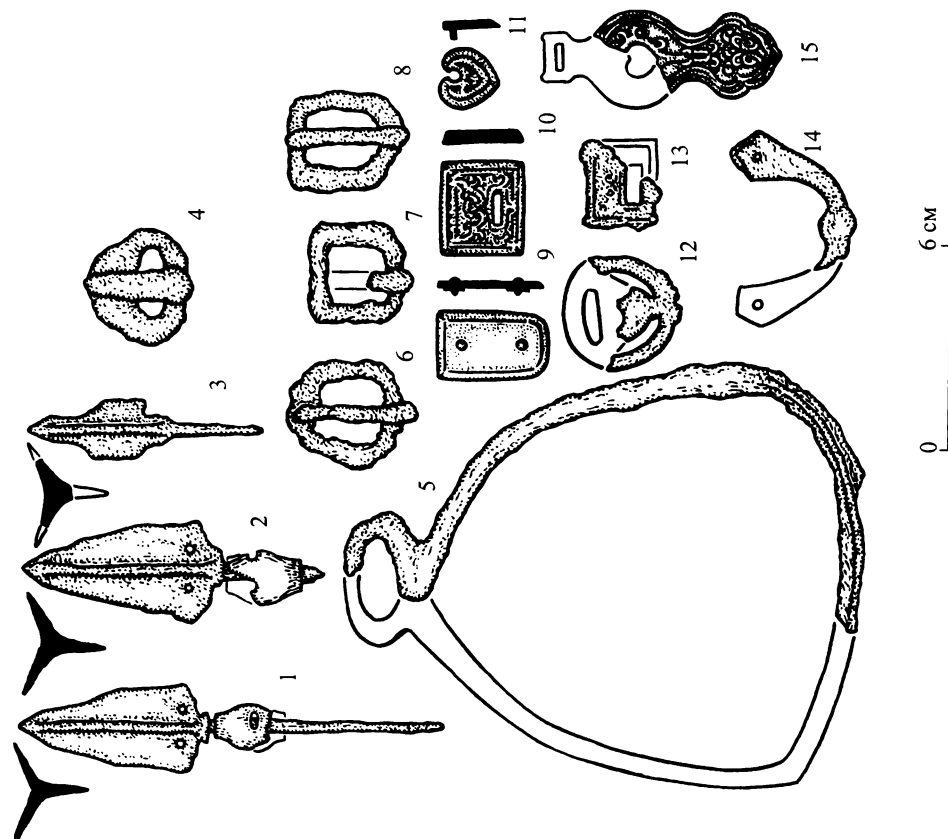

Рис. 44. Предметы вооружения, сбруи и детали пояса:
1 – 3 – наконечники стрел; 4, 6 – 8 – пряжки; 5 – стремя;
9 – 15 – бляшки, накладки, тройник

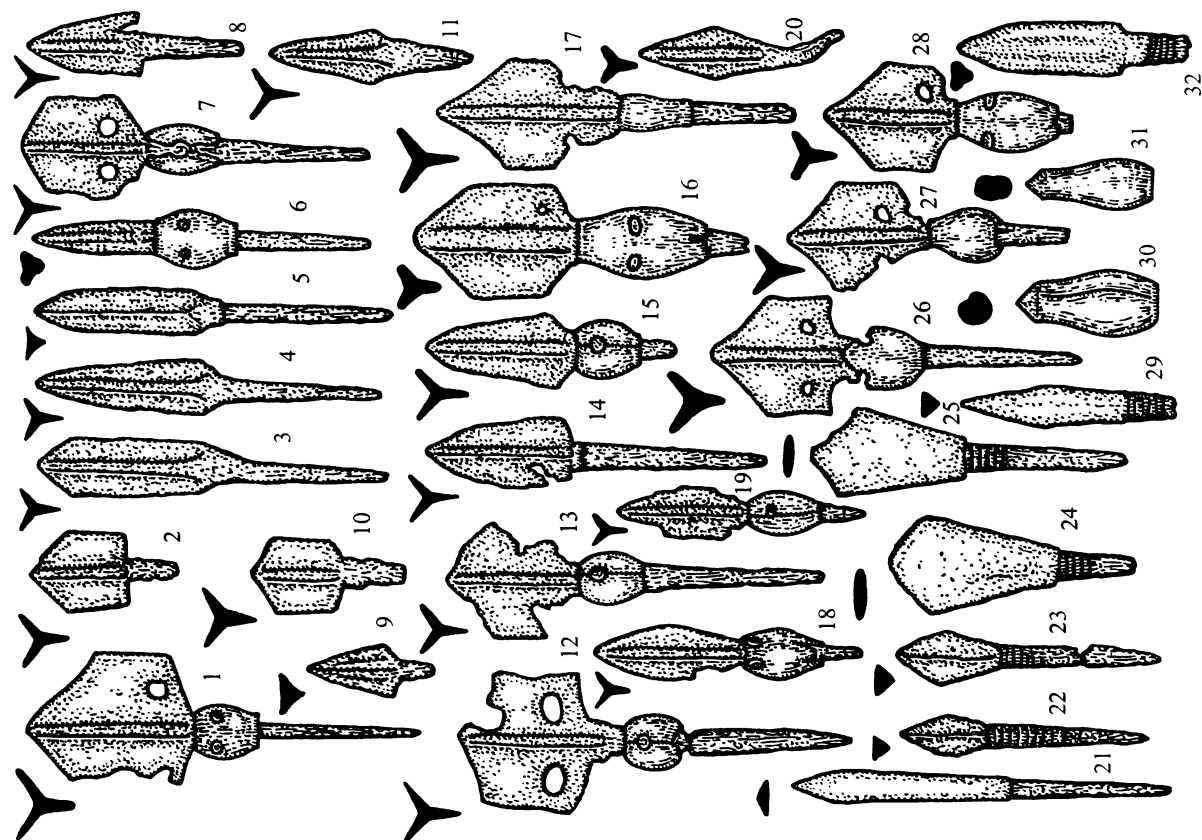

Рис. 46. Наконечники стрел

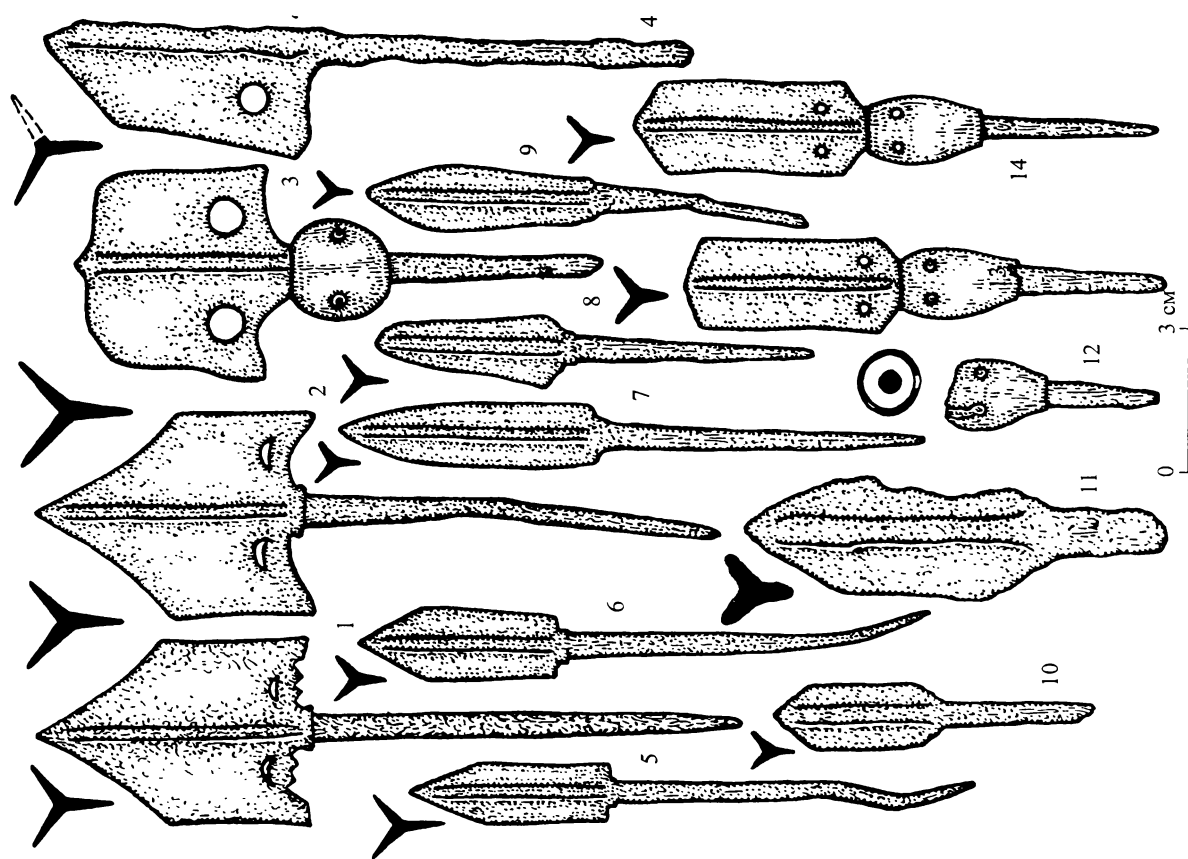

Рис. 45. Наконечники стрел

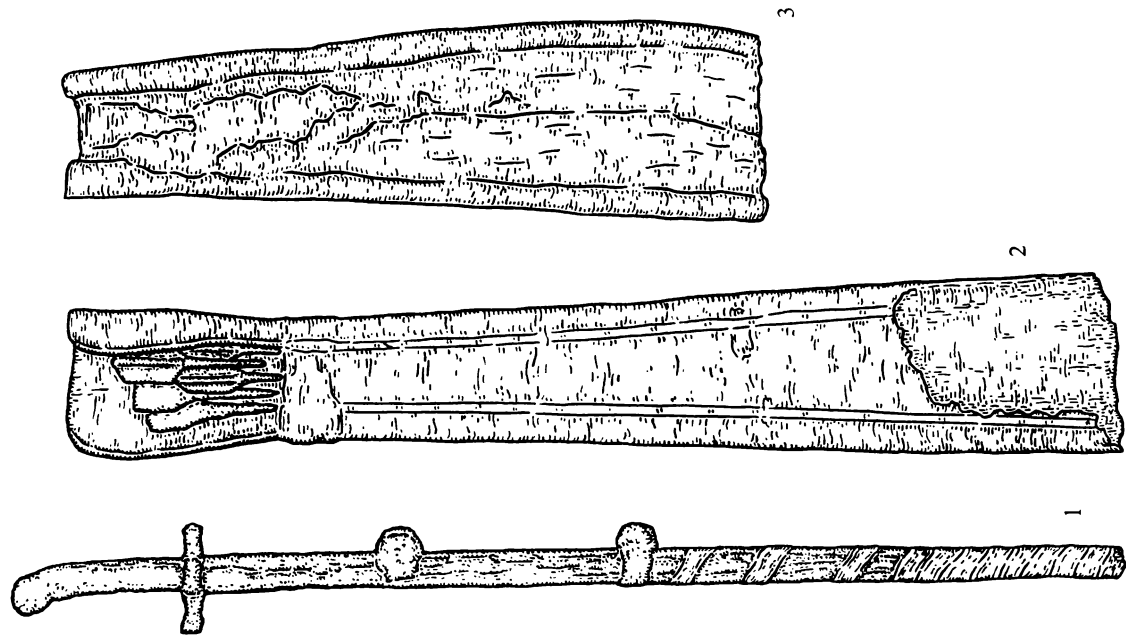

Рис. 48. Предметы вооружения и воинского снаряжения:
1 – палац; 2, 3 – колчаны

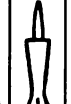
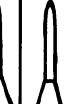
Группа	Тип	Кол-во	Размер	Памятник	Период в в
I 	1 	21	5·4·5	Б.ЯрКапчаал.К.лог СабинкаТаштык ТепсейШестаков.	VI-X
	2 	11	5·2·5	Белый Яр Терен-Кель Шестаково	VI-X
	3 	6	4·1·4	Б.Яр Ибыргыс КапчаалыСабинка Тепсей	VI-X
	4 	3	4·1·4	Капчаалы Тепсей Шестаково	VI-X
	5 	8	6·3·6	Белый Яр Терен-Кель	VI-X
	6 	2	5·3·4	Терен-Кель Капчаалы	IX-X
II 	1 	5	4·1,2·6	Ибыргыс КиринскийЛог	VI-X
	2 	7	6·1,3·3	ИбыргысСабинка КиринскийЛог Шестаково	VI-X
	3 	4	4·1,5·1	Ибыргыс	VI-X
	4 	1	7,5·0,8·5	Ибыргыс	IX-X
III 	1 	4	3·1,5·3	Ибыргыс	VI-X
	2 	1	2,5·1·4	Сабинка	IX-X
IV 	1 	4	6·3·6	КиринскийЛог Уйбат	VI-X
	2 	2	5·3,5·5	Ибыргыс	IX-X
	3 	1	6·4·9,5	Ибыргыс	IX-X
	4 	1	6,5·0,8·4	Сабинка	VIII-X
V 	1 	1	2,5·1·6	Сабинка	VIII-X

Рис. 47. Сводная таблица железных наконечников стрел

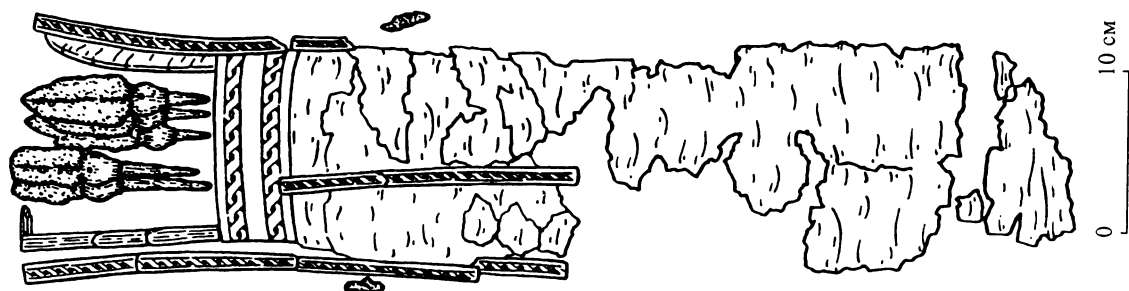

Рис. 49. Колчан

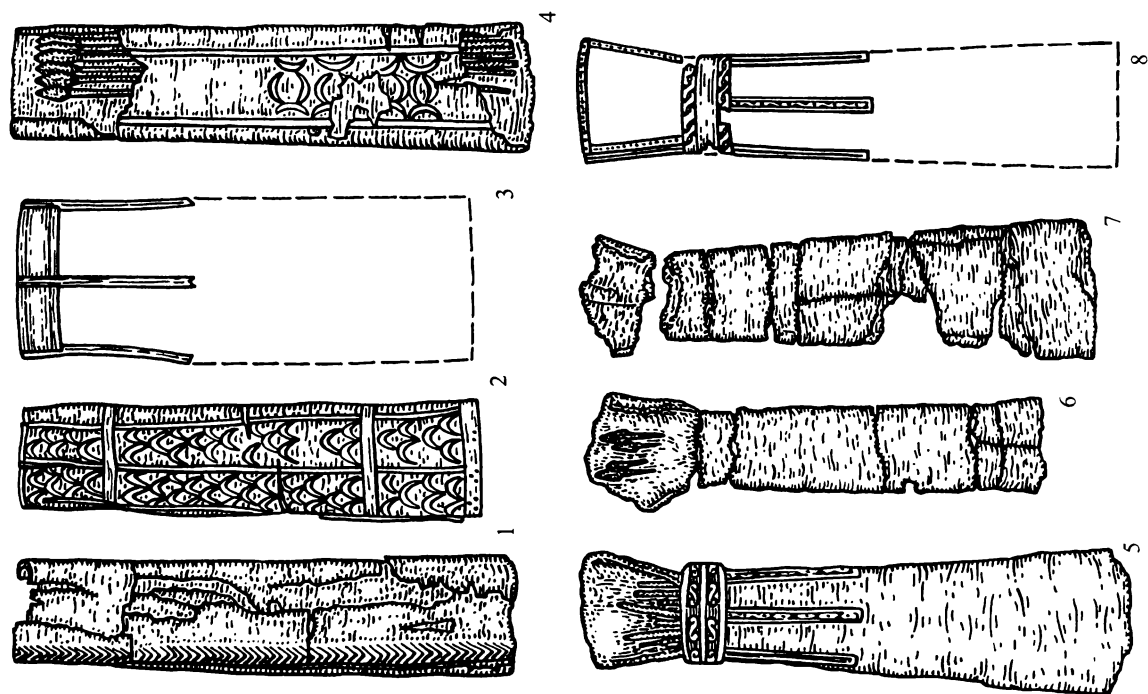

Рис. 50. Колчаны

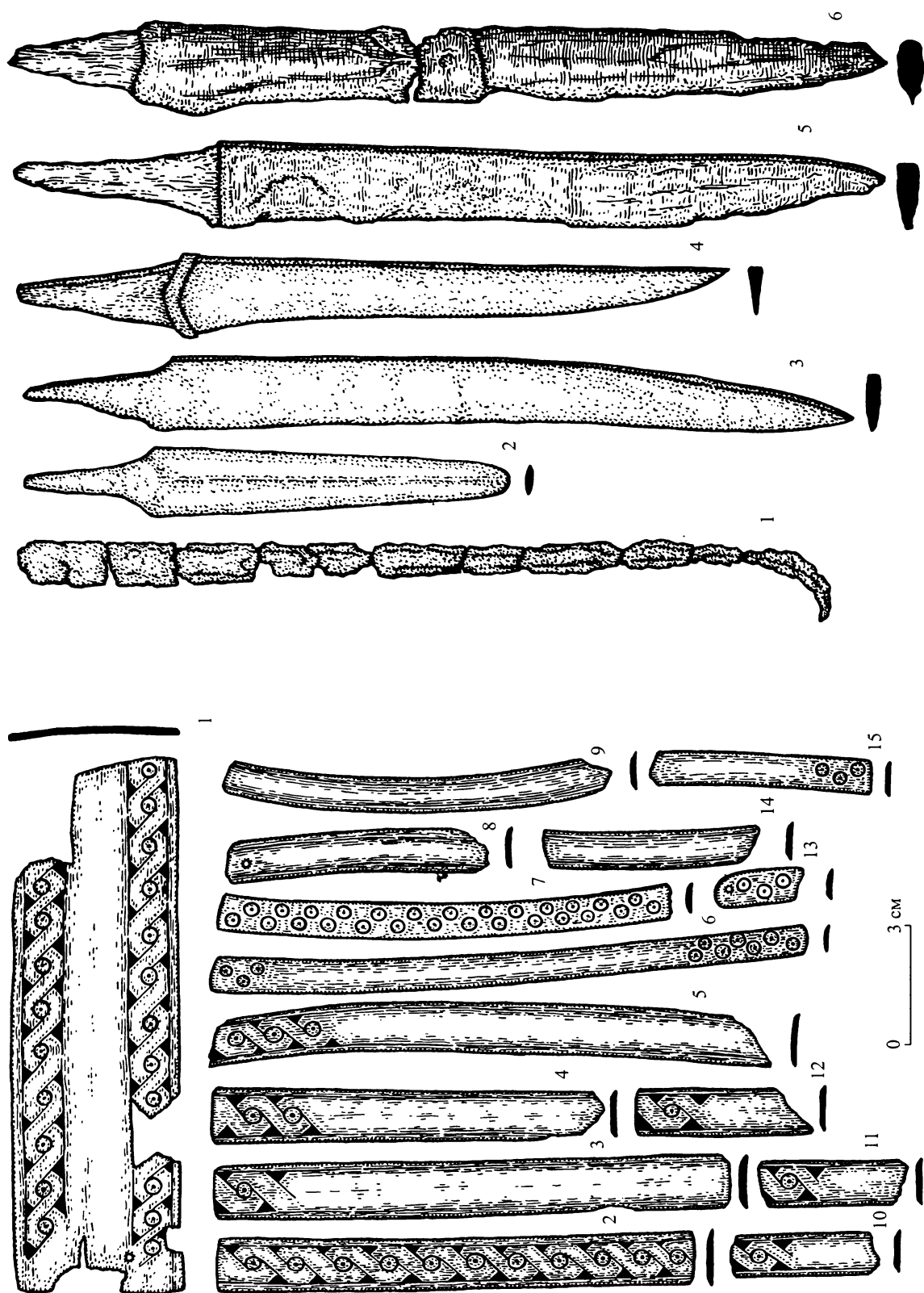

Рис. 52. Палаш (1) и кинжалы (2 – 6)

Рис. 51. Накладки колчанов

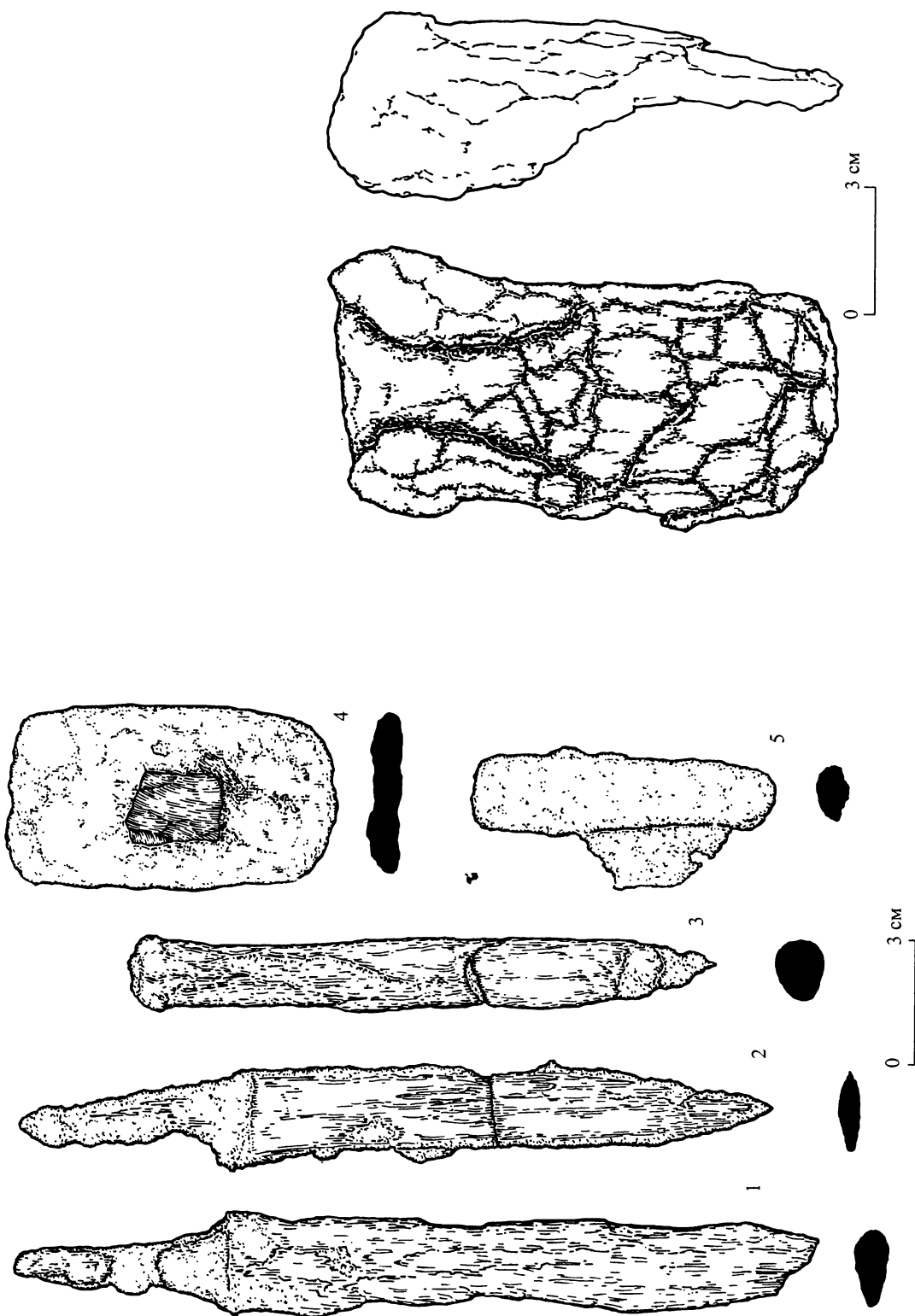

Рис. 53. Предметы вооружения:
1 – 3 – кинжалы; 4, 5 – пластины

Рис. 54. Тесло

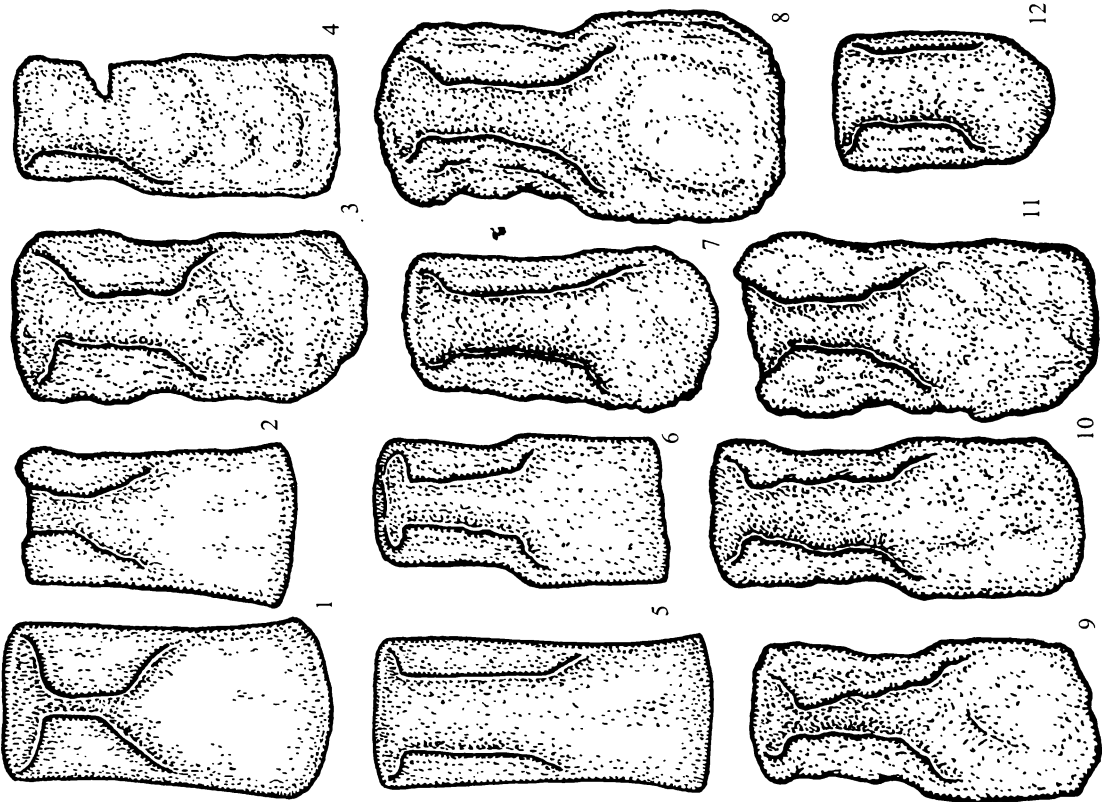

Рис. 55. Тесла

Вид	Группа	Тип	Размер	Кол-во	Памятник	Период (вв.)
Луки	I	1-4	127	18	Б.Яр Капчалы / Таштык Тепсей / Терен-Кель Уйбат	VI-X
Стрелы	I	1-7	5·2	42	Б.Яр Ибыргыс / Капчалы Тепсей / Таштык	VI-X
Колчаны	I	1-2	82·20	14	Б.Яр Ибыргыс / Сабинка Уйбат	VI-X
Палаши	I	1	78·3	2	Ибыргыс / Шестаково	VII-X
Кинжалы	I	1	14·4	2	Капчалы	VI-X
Тесла	I	1-2	15·3	12	Ибыргыс / Капчалы	VI-X
Тесла	I	1-2	6·5,5	10	Б.Яр Капчалы / Тепсей	VI-X

Рис. 56. Сводная таблица оружия

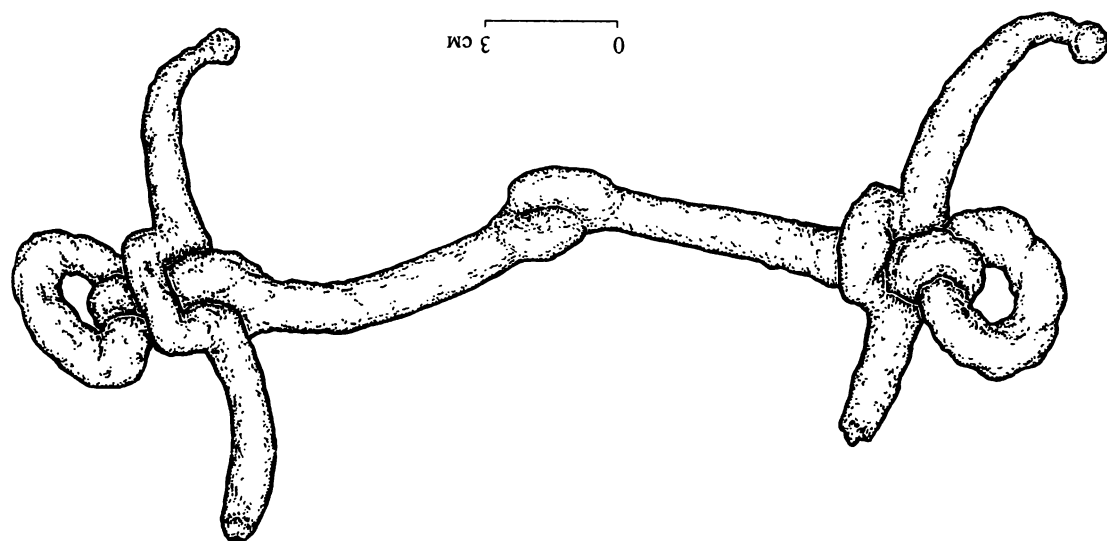
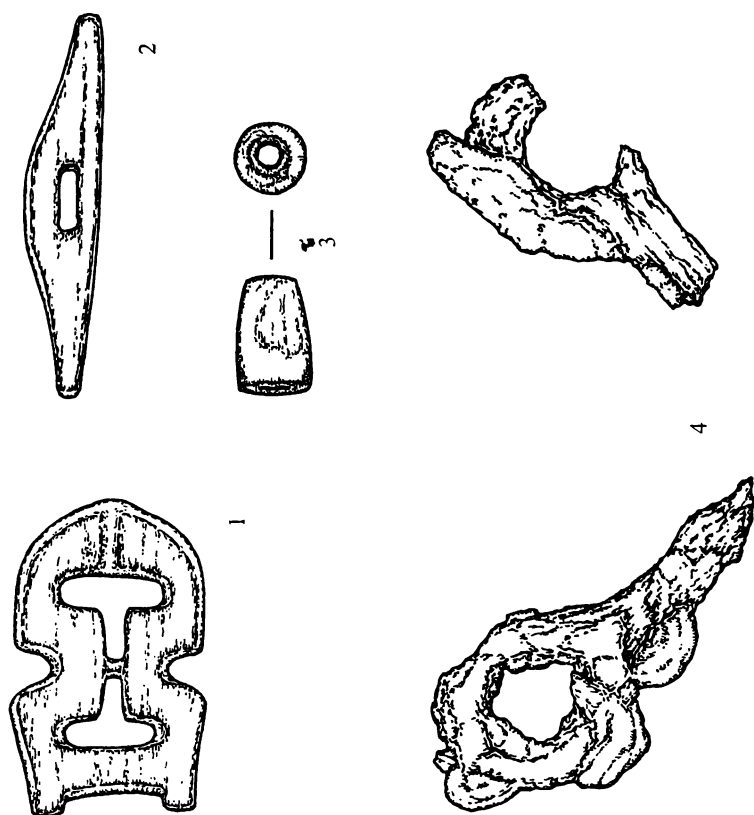

Рис. 58. Удила

Рис. 57. Предметы сбруи:
1 – подпружная пряжка; 2 – цурка; 3 – пронизка; 4 – звенья удила

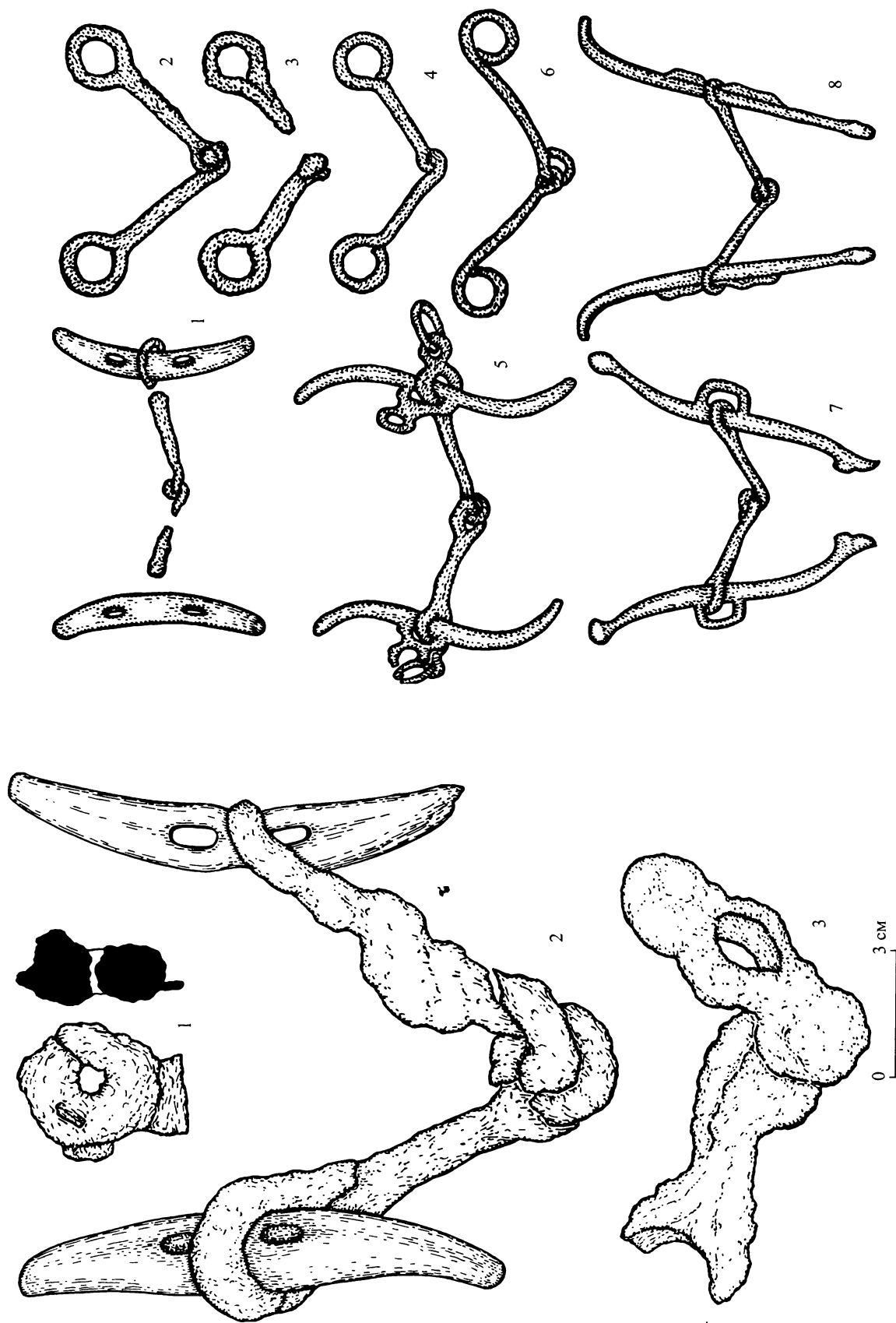

Рис. 59. Предметы сбруи:

1 – кольцо; 2 – удила; 3 – крепежные принадлежности

Рис. 60. Удила

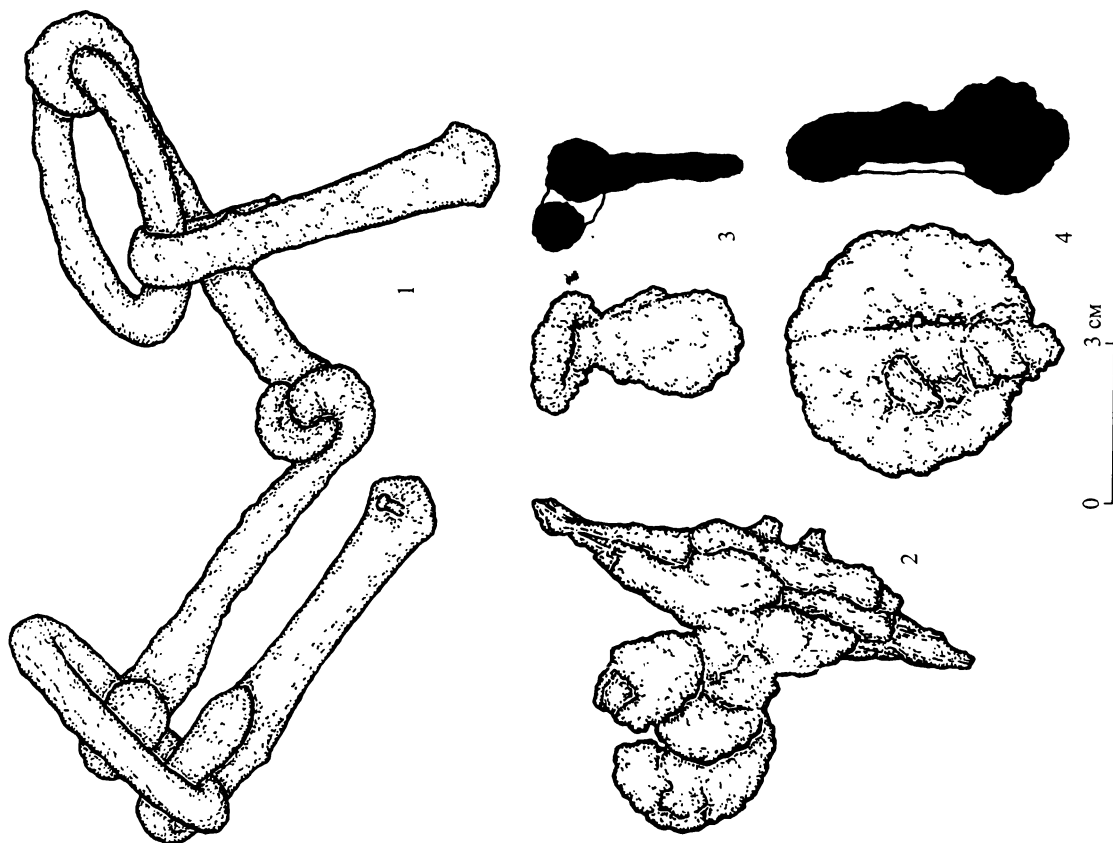

Рис. 61. Предметы сбруи:

1 – удила; 2 – звено удила; 3 – кольцо со щитком; 4 – пряжка

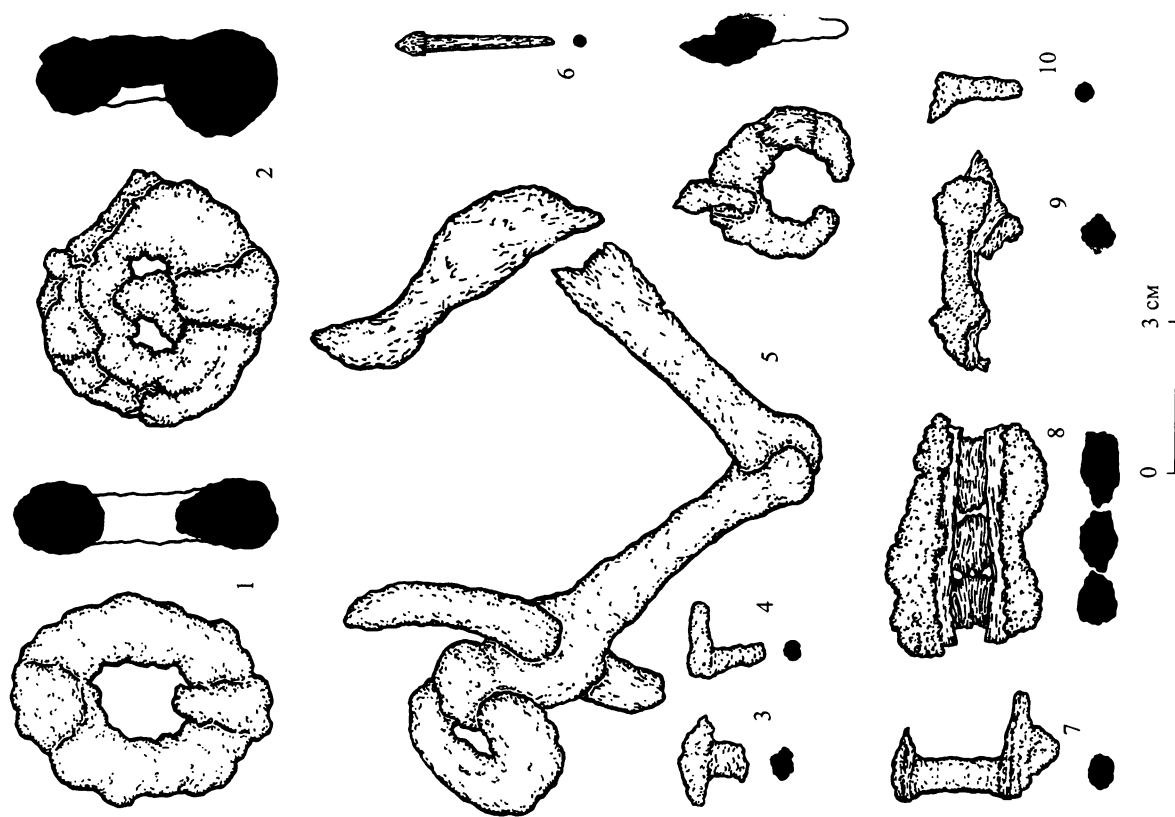

Рис. 62. Предметы сбруи:

1, 2 – пряжки; 3, 4, 6, 8, 11 – шпеньки; 5 – удила; 7 – кольцо; 9, 10 – накладки

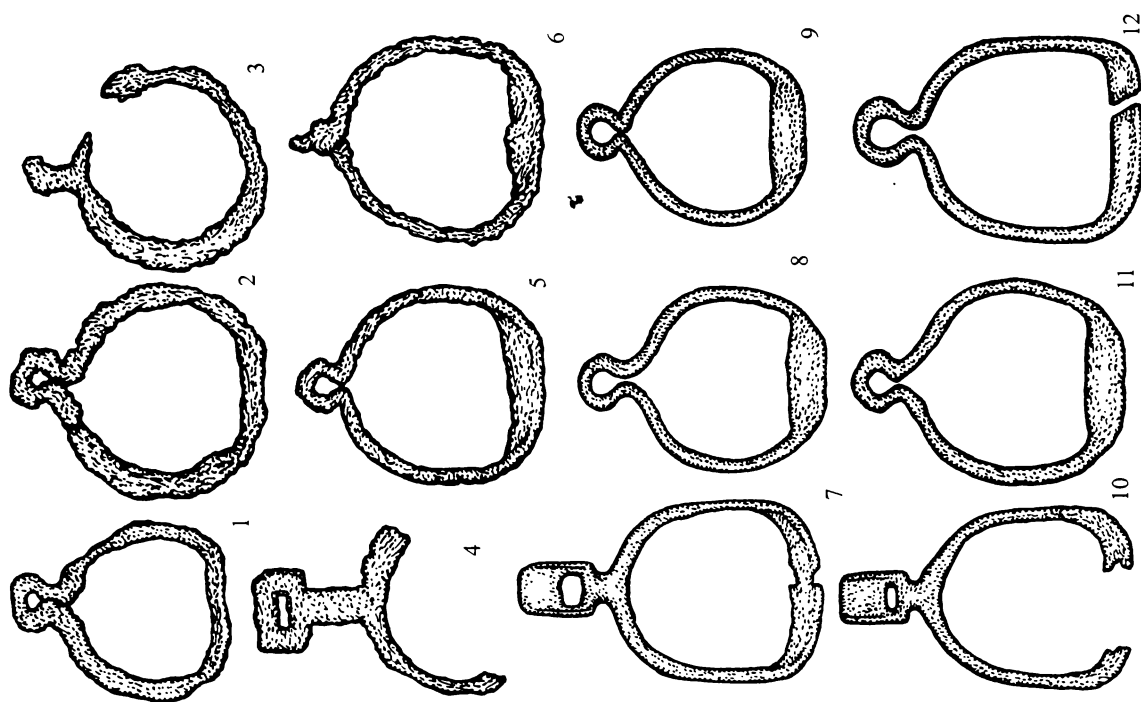

Рис. 63. Стремена

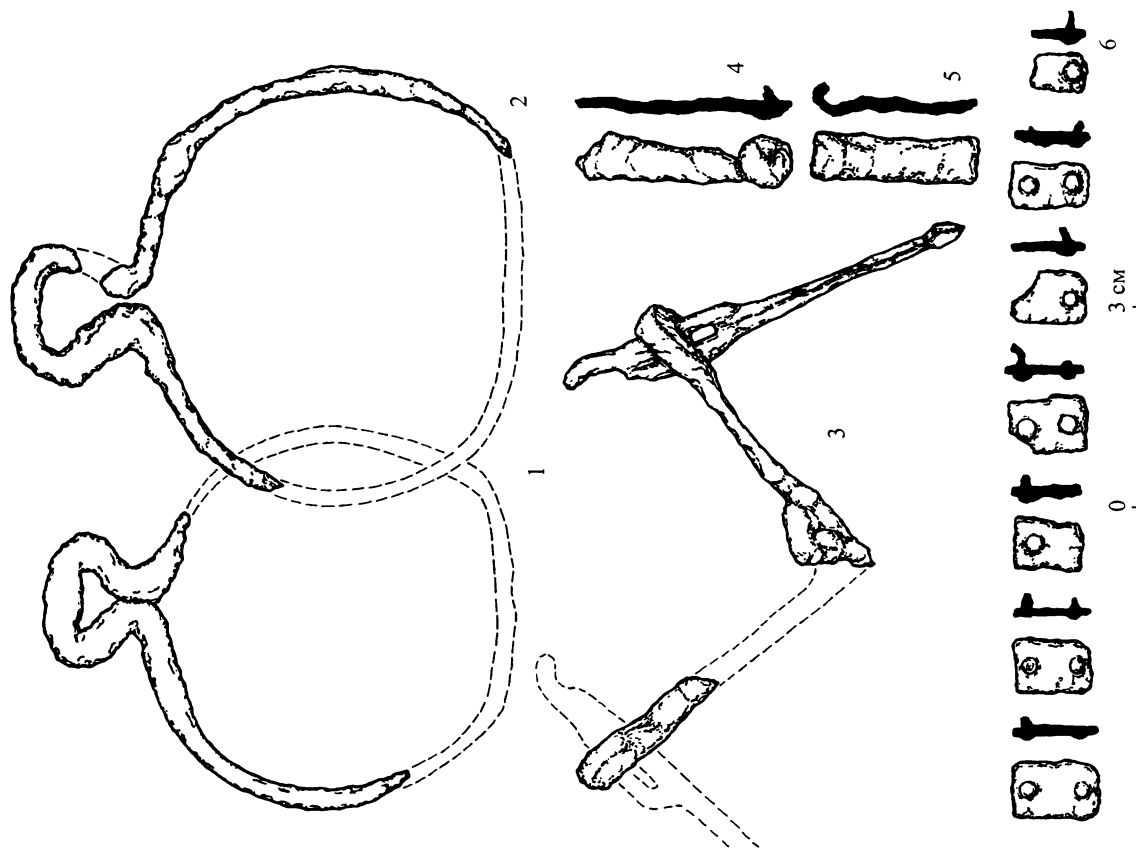
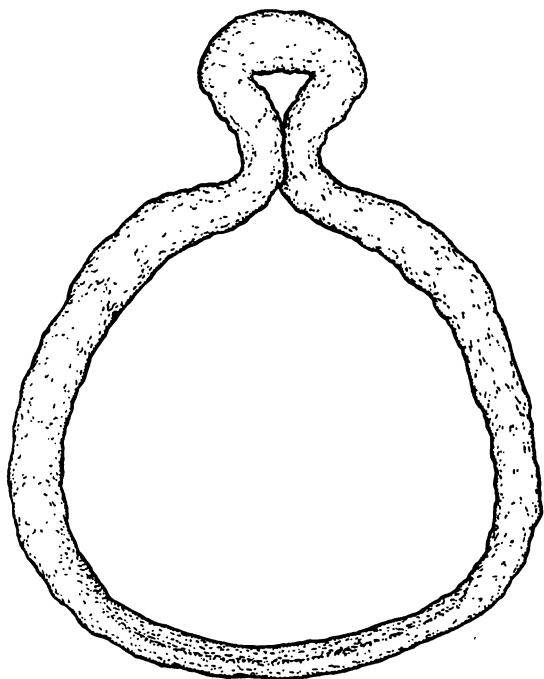

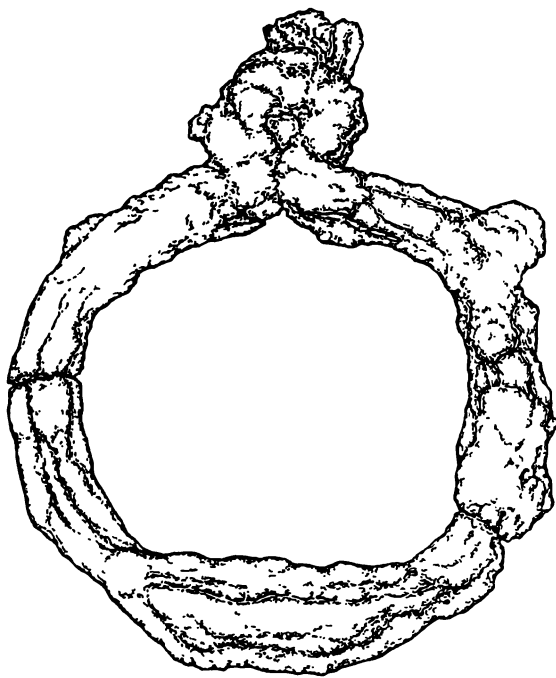
Рис. 64. Предметы сбруи:

1, 2 – стремена; 3 – удила; 4 – 6 – накладки

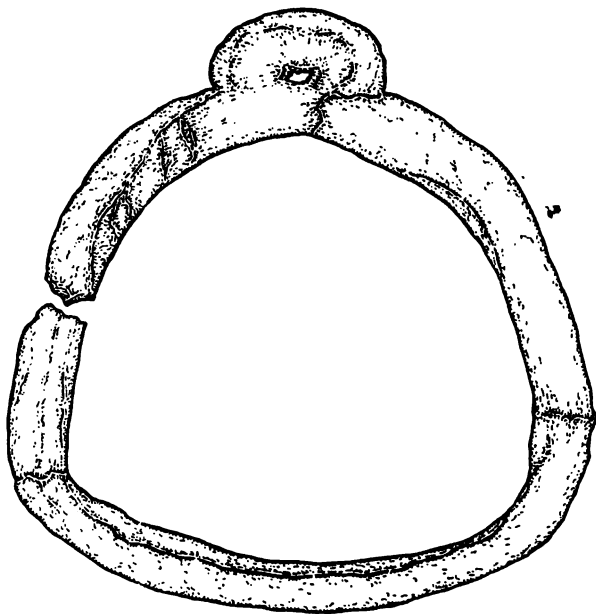
0 3 см

Рис. 65. Стремя

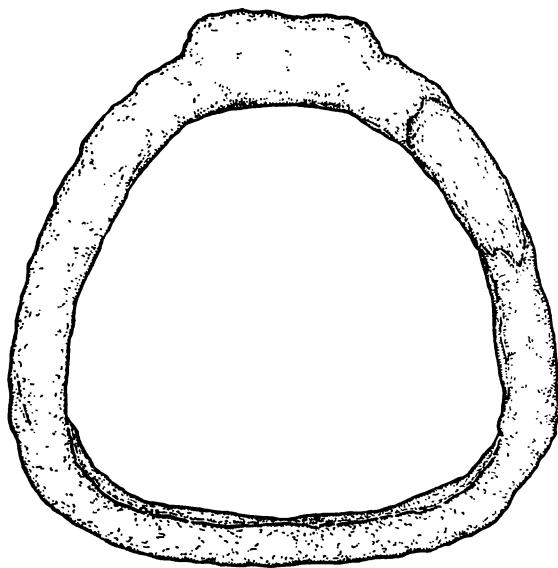
0 3 см

Рис. 66. Стремя

0 3 см

Рис. 67. Стремя

0 3 см

Рис. 68. Стремя

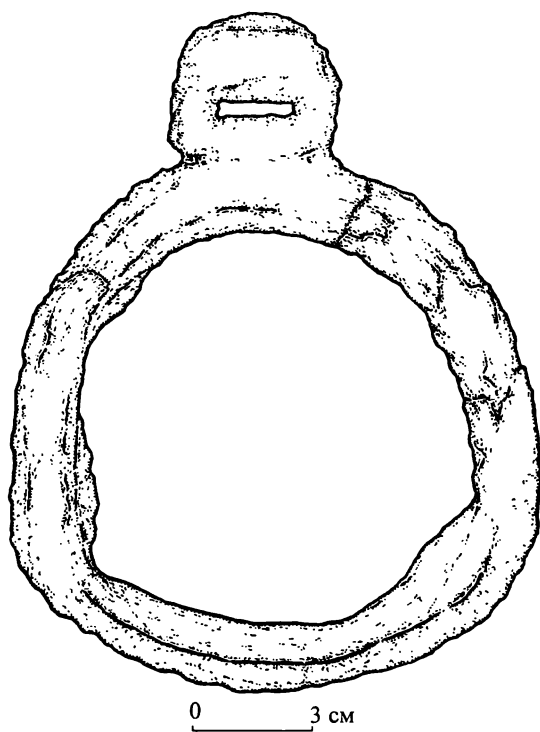

Рис. 69. Стремя

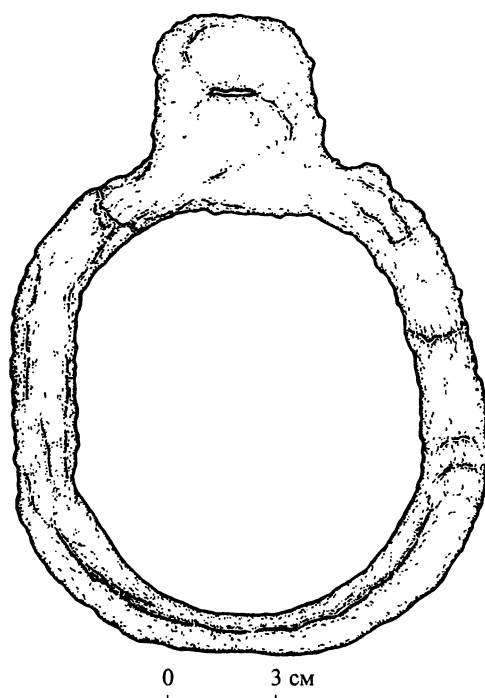

Рис. 70. Стремя

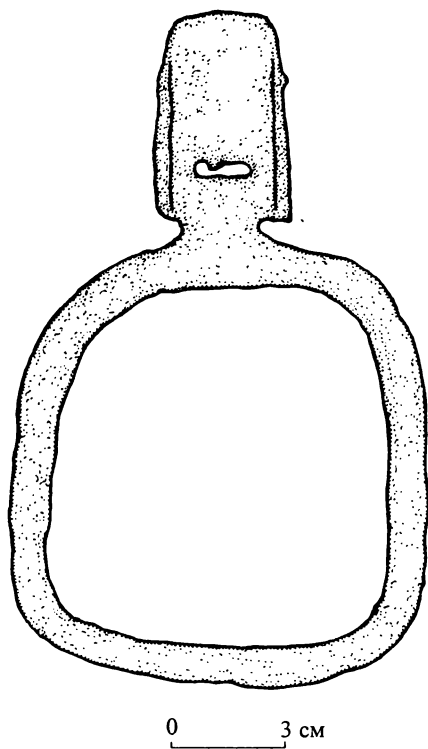

Рис. 71. Стремя

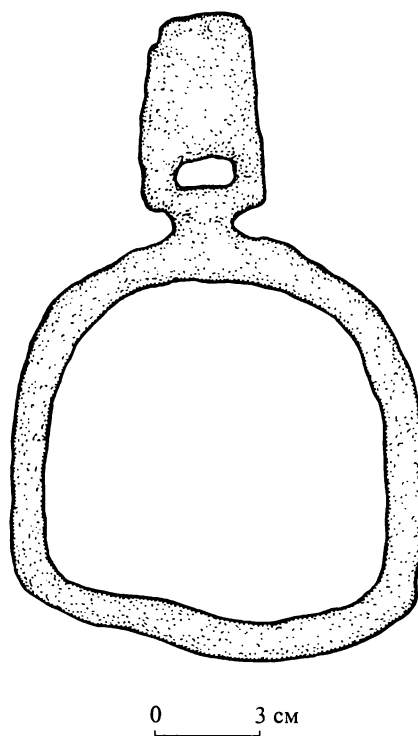

Рис. 72. Стремя

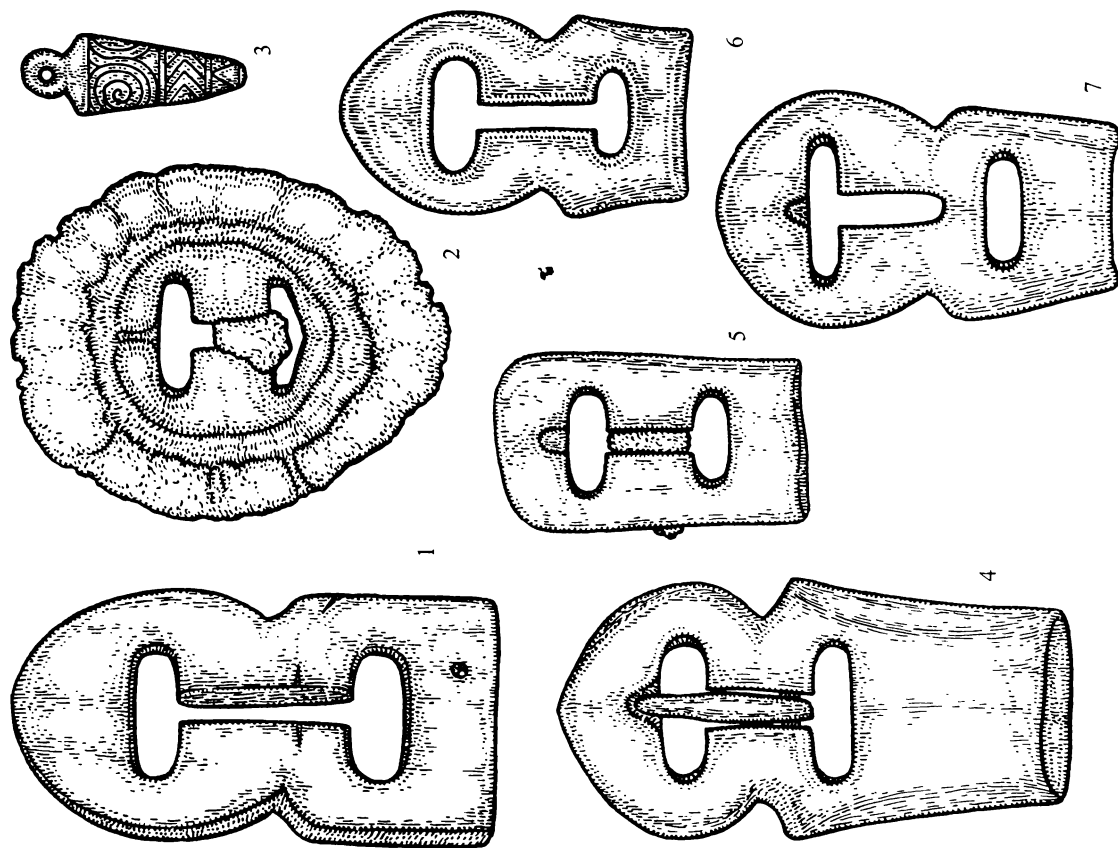

Рис. 73. Предметы сбруи:
1, 2, 4 – 7 – подпружные пряжки; 3 – подвеска

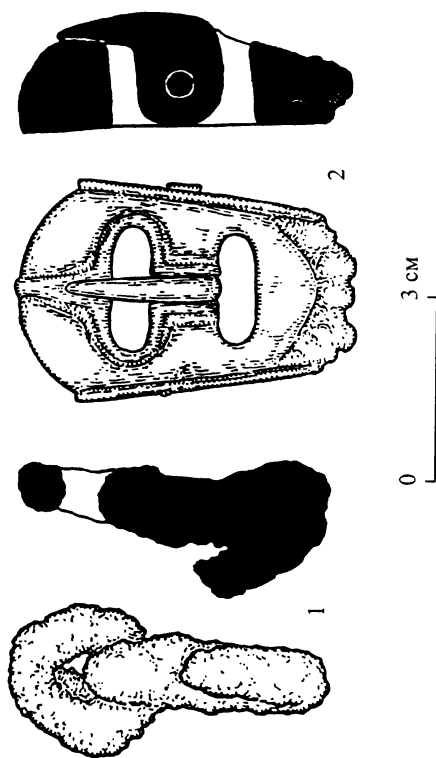

Рис. 74. Предметы снаряжения и сбруи:
1 – колчаный крюк; 2 – подпружная пряжка

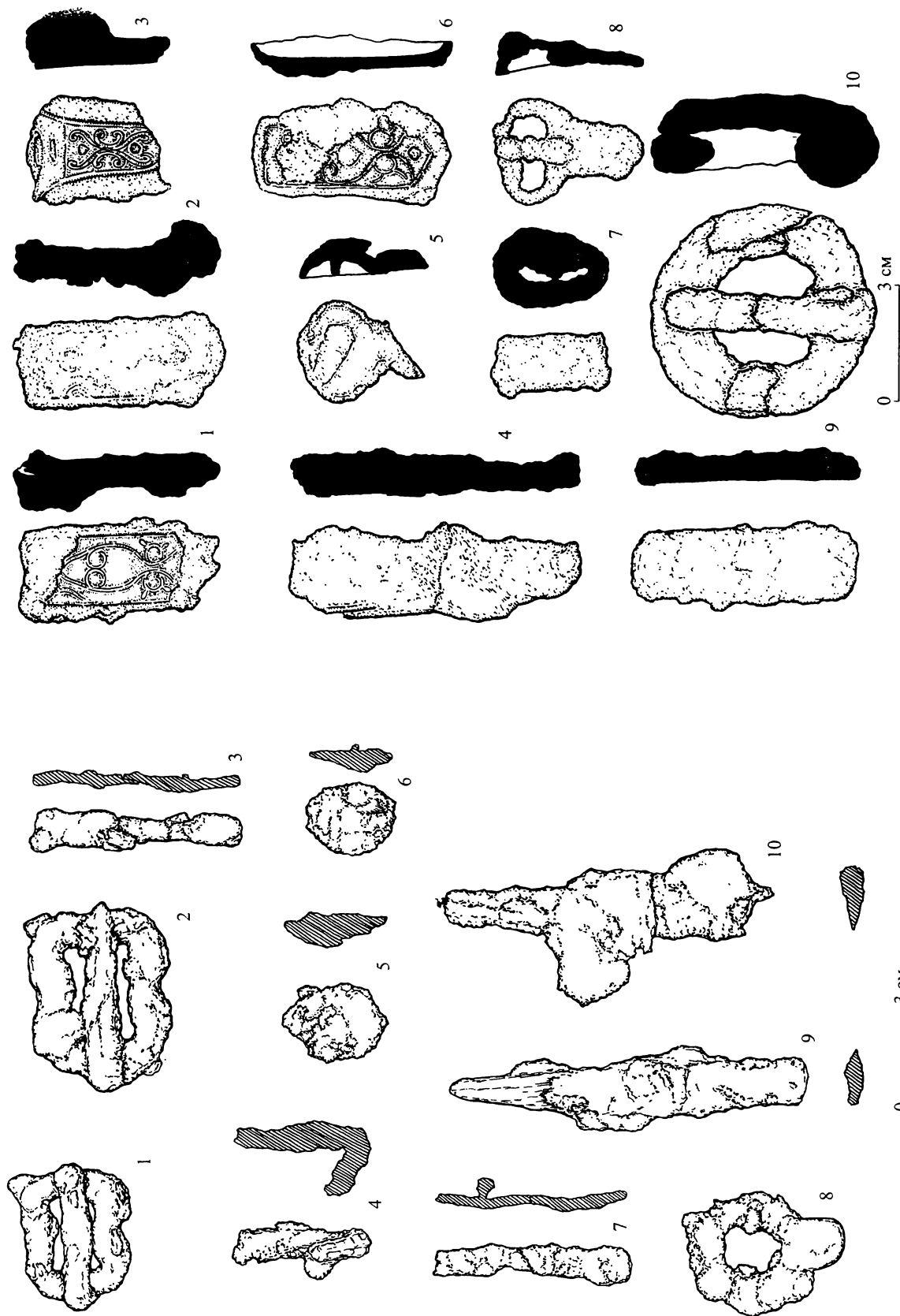

Рис. 75. Предметы вооружения и сбруи:

1, 2 – пряжки; 3, 7 – накладки; 4 – кольчатый крюк; 5, 6 – бляшки; 8 – кольцо; 9, 10 – кинжалы

Рис. 76. Предметы пояса и сбруи:

1, 2, 6 – накладки; 3, 8, 10 – пряжки; 4, 9 – пластины; 5 – бляшка; 7 – обойма

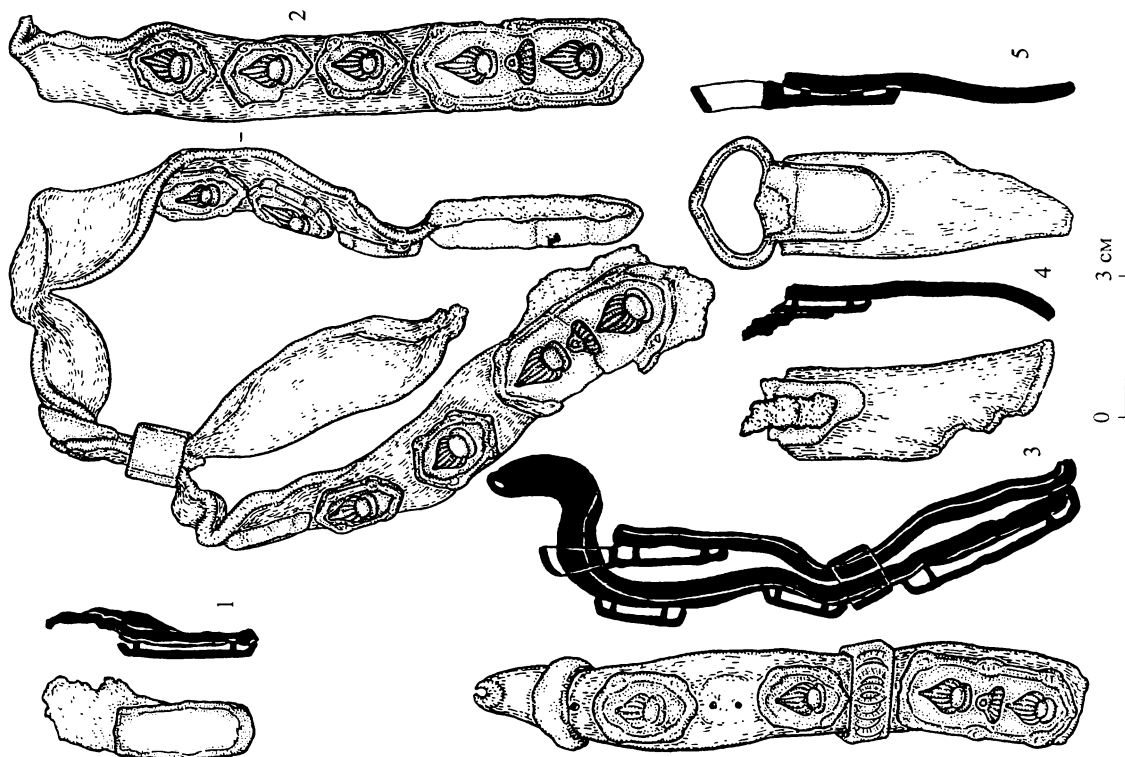

Рис. 77. Предметы сбруи:

1 – 3, 6 – ремни с бляшками, накладками и обоями; 4, 5 – ремни с пряжками

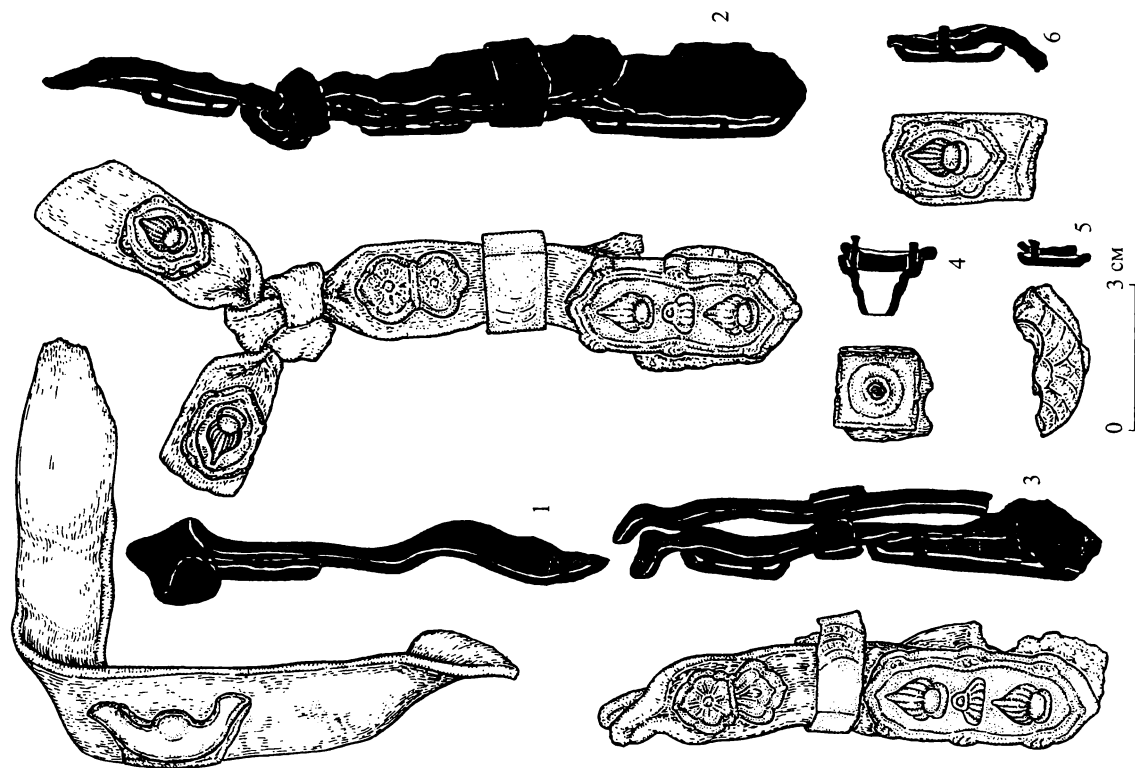

Рис. 78. Предметы сбруи:

1 – 3 – ремни с накладками, обоями и пряжкой; 4 – наносный султан; 5, 6 ремни с пряжками

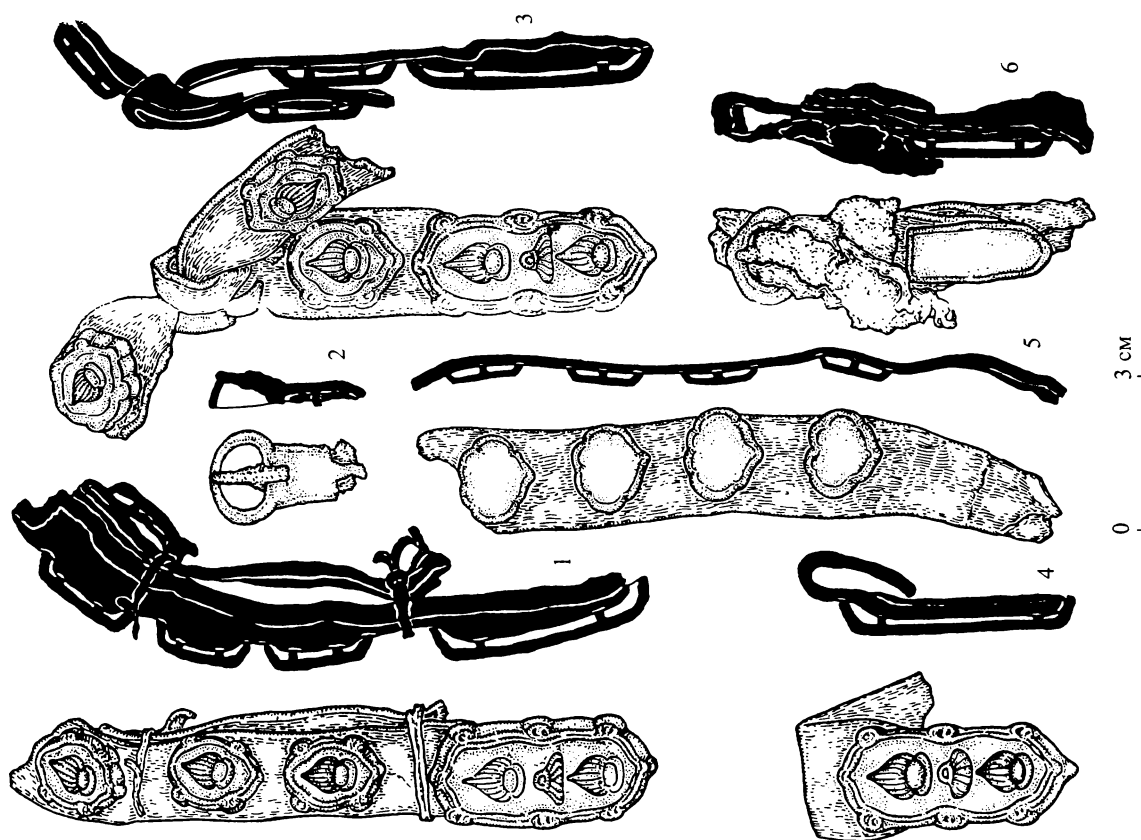

Рис. 79. Предметы сбруи:

1, 3 – 5 – ремни с бляшками и накладками; 2 – пряжка; 6 – ремень с пряжкой и накладкой

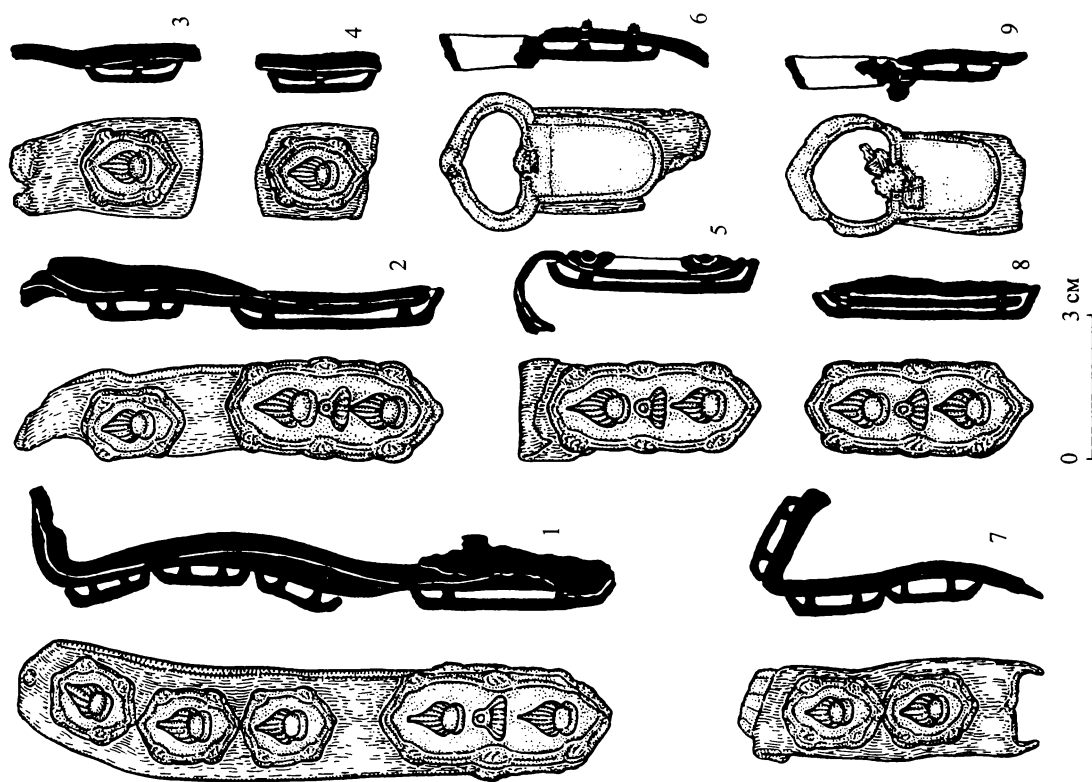

Рис. 80. Предметы сбруи:

1 – 5, 7 – ремни с бляшками и накладками; 6, 9 – пряжки; 8 – накладка

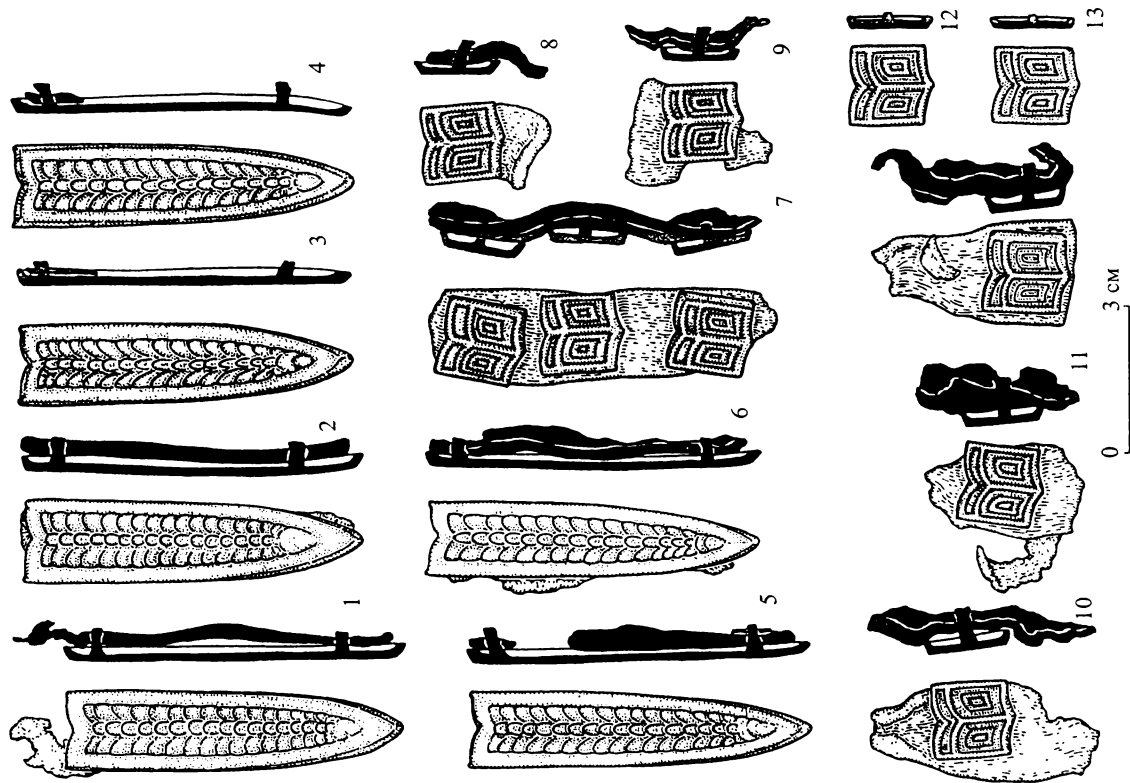

Рис. 82. Предметы сбруи:

1 – 6 – накладки; 7 – 11 – ремни с бляшками; 12, 13 – бляшки

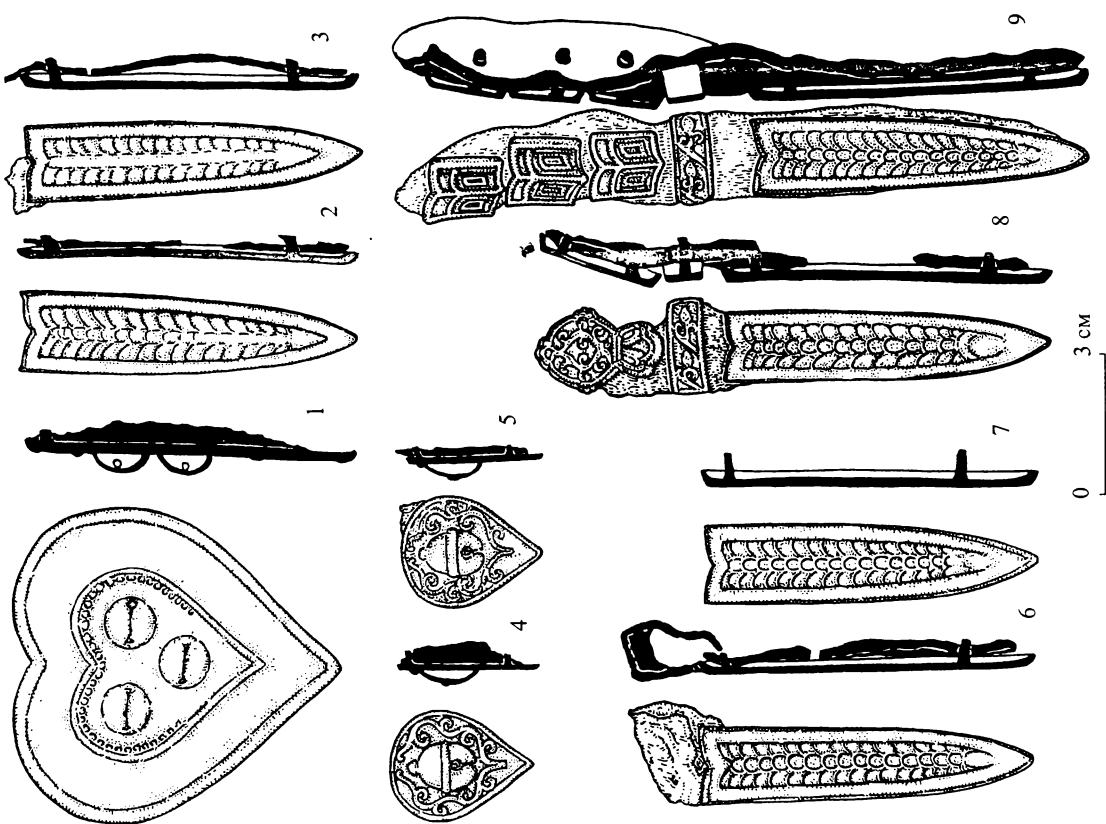

Рис. 81. Предметы сбруи:

1, 4, 5 – сердцевидные бляхи; 2, 3, 6, 7 – накладки; 8, 9 – ремни с бляшками, обоймами и накладками

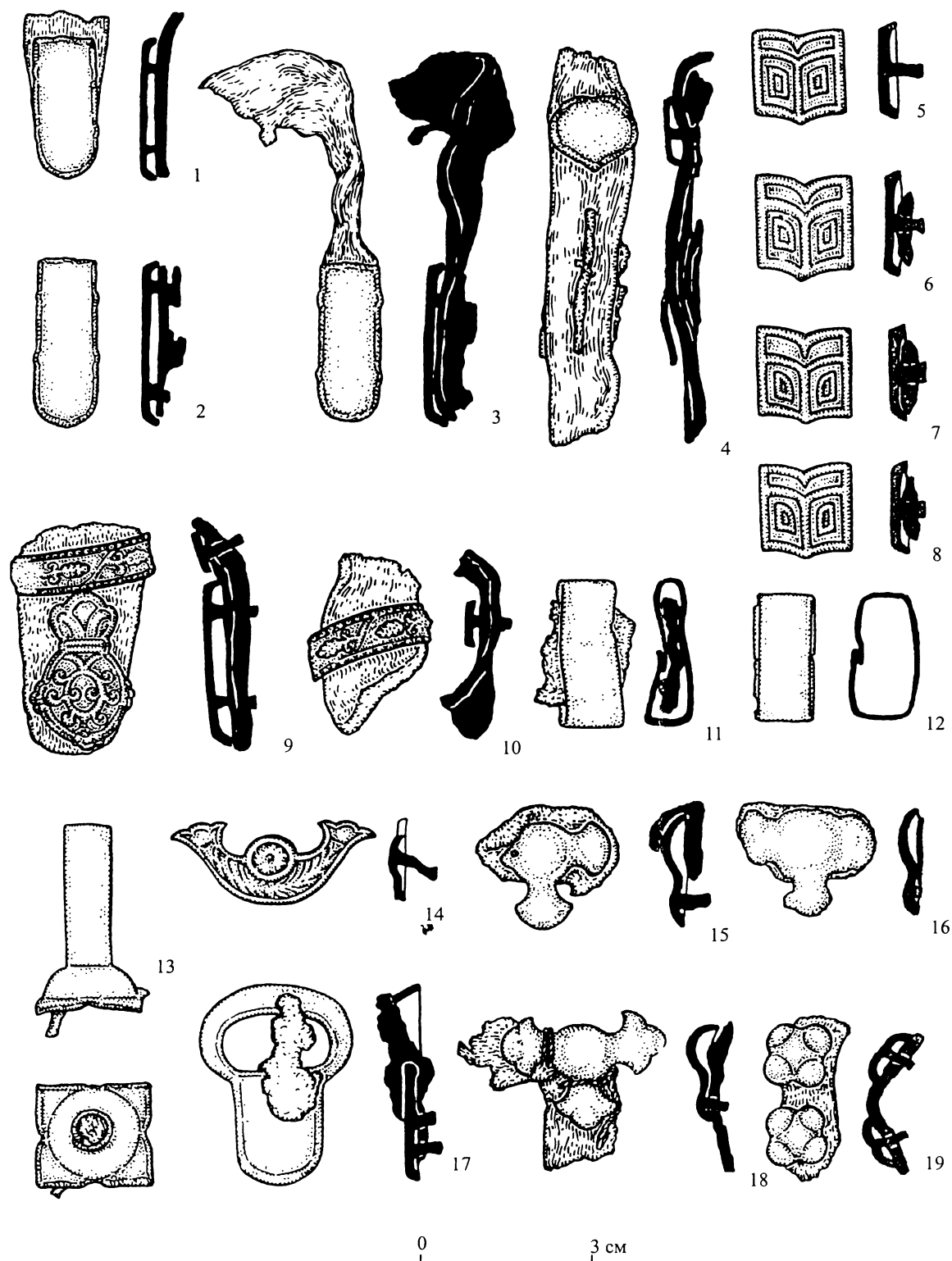

Рис. 83. Предметы сбруи:

1, 2 – накладки; 3 – ремень с накладкой; 4 – ремень с бляшкой; 5 – 8 – бляшки; 9 – ремень с бляшкой и обоймой; 10 – ремень с обоймой; 11, 12 – обоймы; 13 – начельник; 14 – бляшка; 15, 16, 18 – тройники; 17 – пряжка; 19 – ремень с бляшками

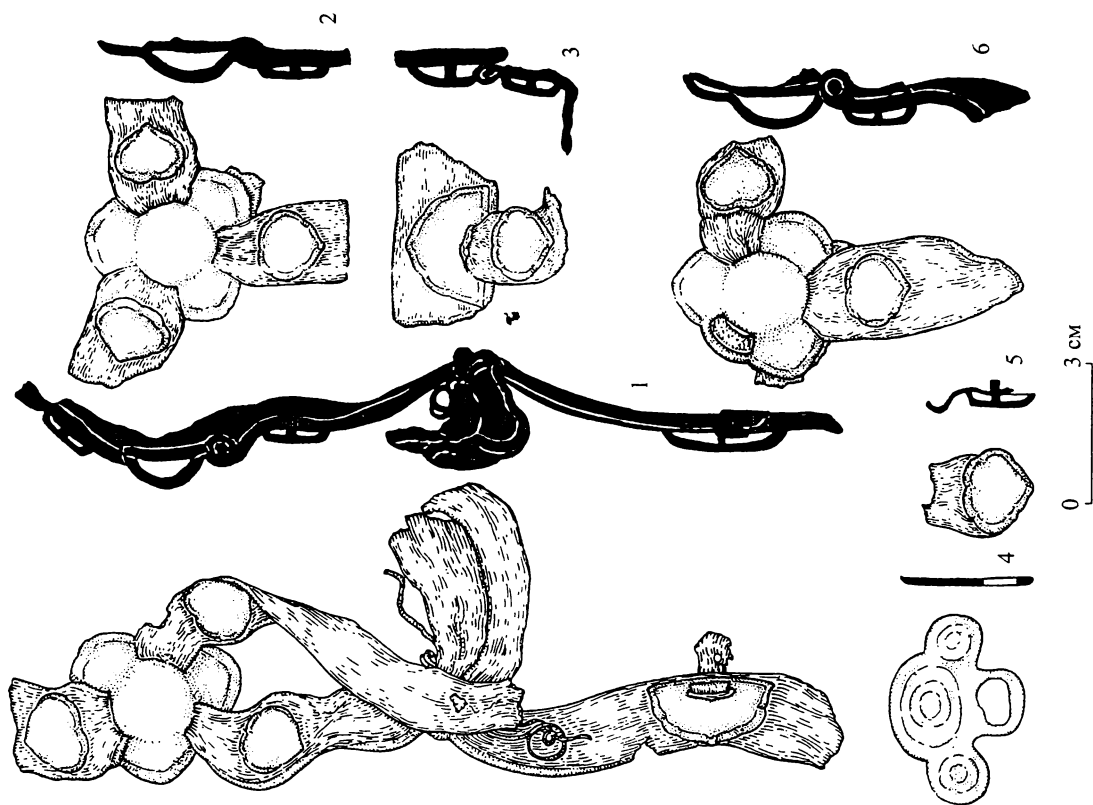

Рис. 84. Предметы сбруи:
1 – 2, 6 – ремни с тройниками и бляшками; 3 – ремень с бляшками; 4, 5 – бляшки

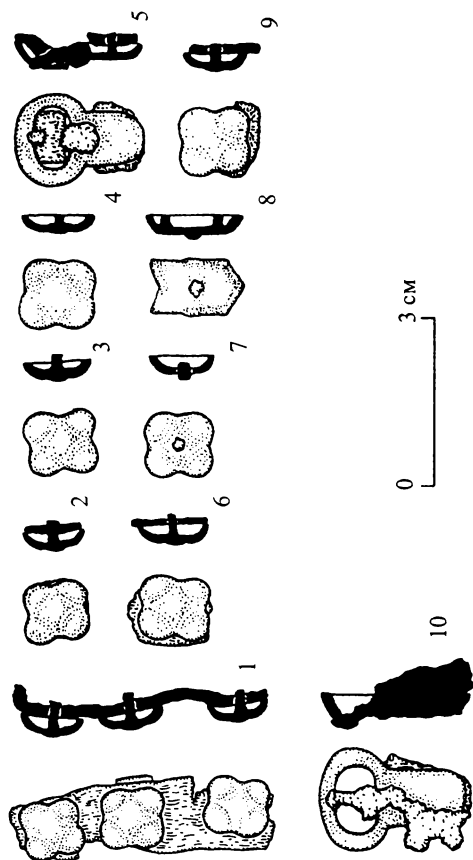

Рис. 85. Предметы сбруи:

1 – ремень с бляшками; 2 – 4, 6 – 9 – бляшки; 5, 10 – пряжки

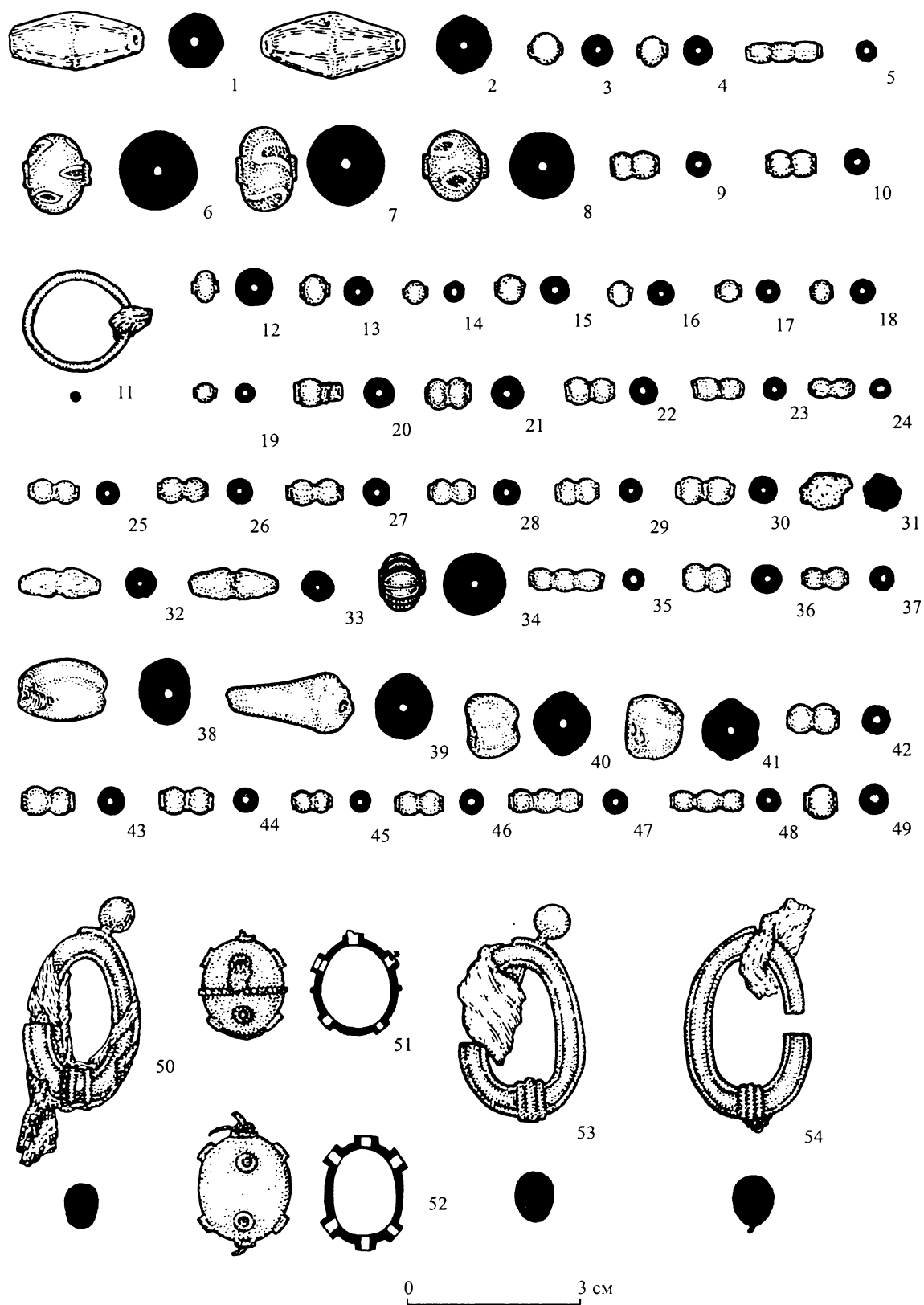

Рис. 86. Украшения:
1 – 10, 12 – 49 – бусины; 11 – кольцо; 50, 53, 54 – серьги; 51, 52 – подвески

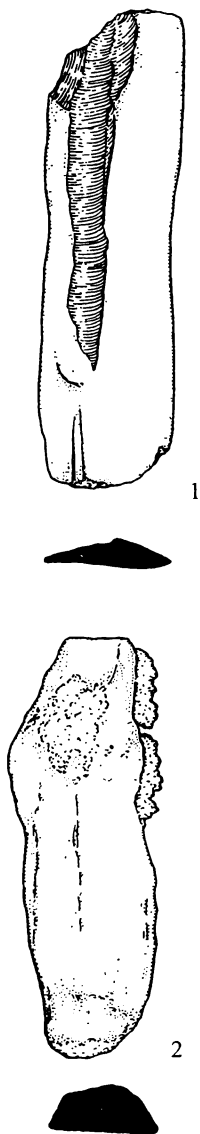

Рис. 87. Кремни для огнива

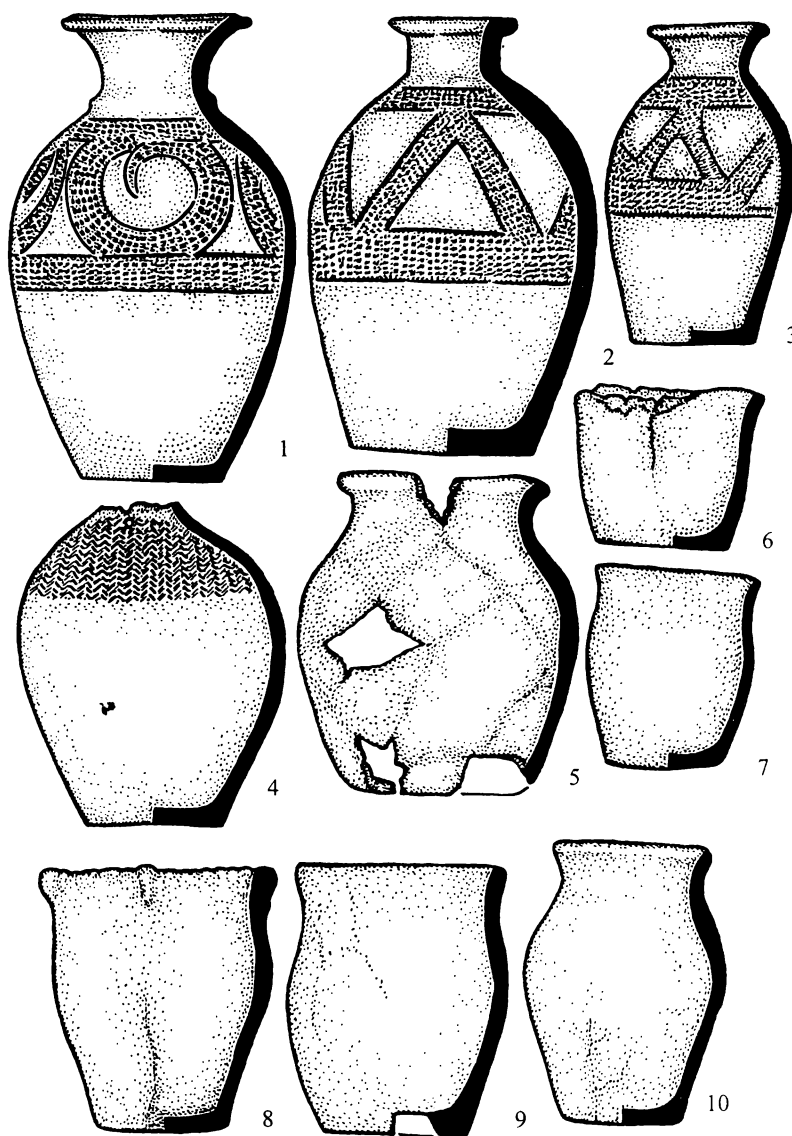

Рис. 88. Сосуды:
1 – 4 – вазы; 5, 7, 9, 10 – горшки; 6, 8 – банки

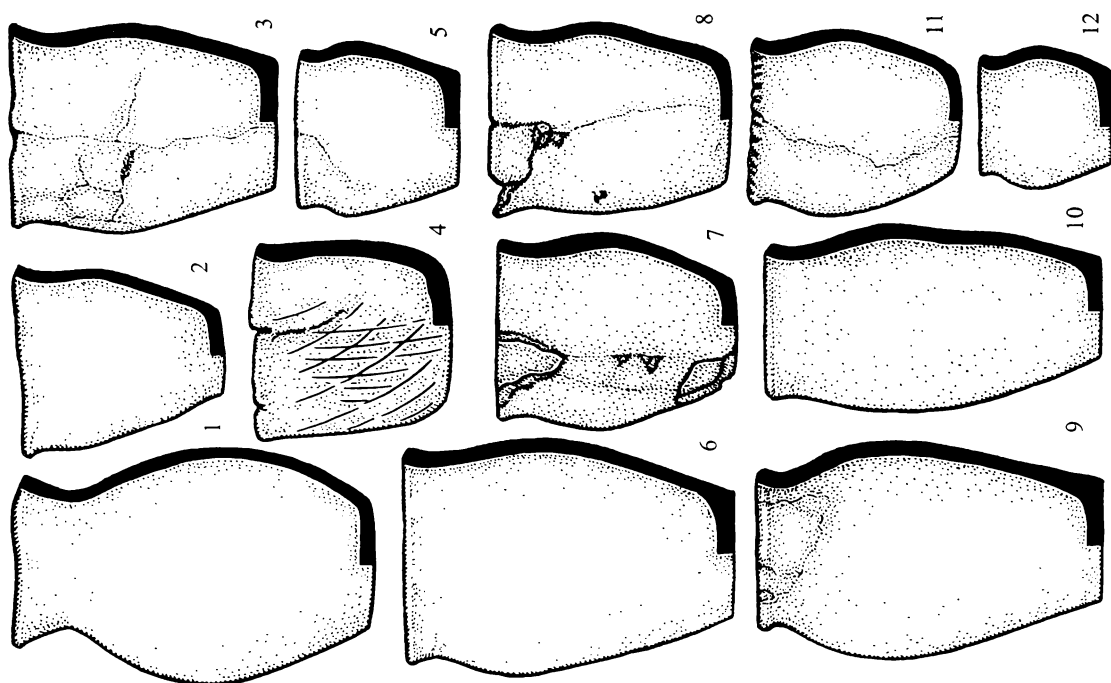

Рис. 89. Сосуды:

1 – ваза; 2, 3, 5 – 12 – горшки; 4 – банка

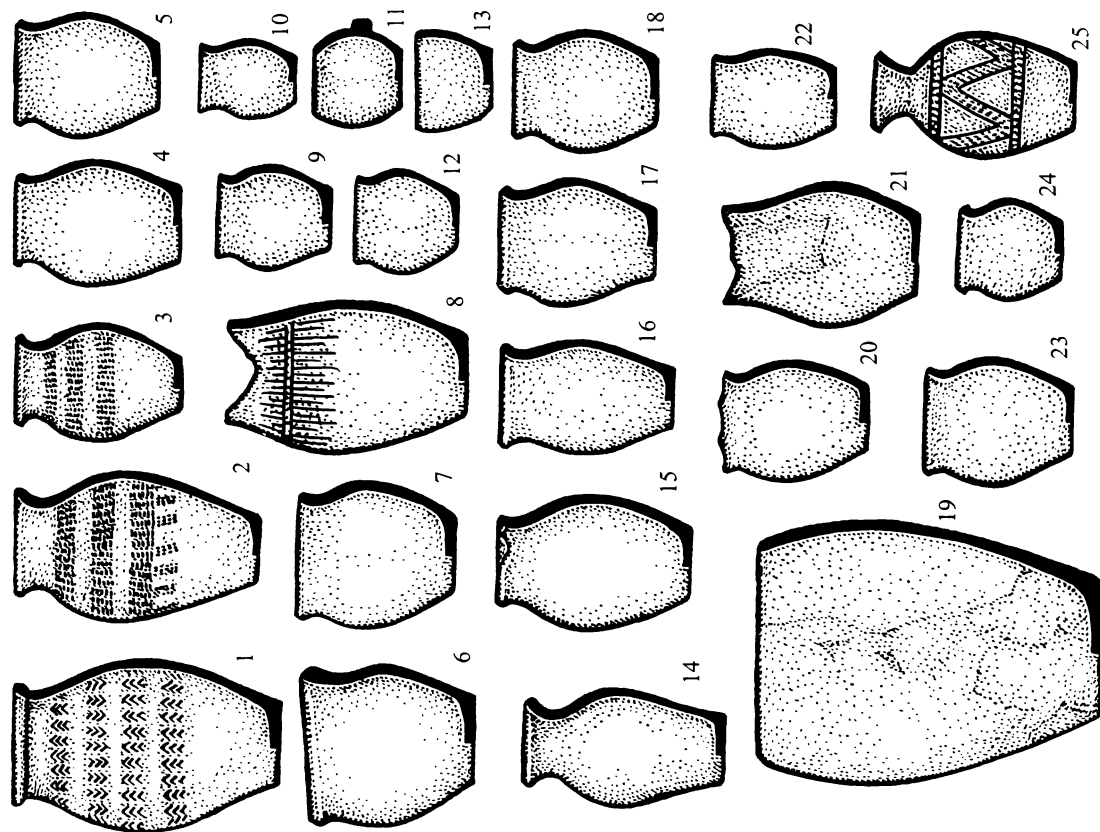

Рис. 90. Сосуды:

1 – 3, 8, 14, 15, 25 – вазы; 4 – 7, 9, 10, 12, 16 – 18, 20 – 24 – горшки; 11 – кружка; 13 – банка; 19 – хум

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО** – Археологические открытия
ВИРГО – Вестник Императорского Русского географического общества
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЗИРГО – Записки Императорского Русского географического общества
ИА – Институт археологии РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ – Материалы по этнографии
РАСК – Региональная археологическая студенческая конференция
САКЭ ИИФФСО АН СССР – Северо-Азиатская комплексная экспедиция Института истории филологии и философии СО АН СССР
ТКОПОРГО – Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества
ТС – Тюркологический сборник
УЗХНИИЯЛИ – Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikanskirja

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНИХ ТЮРОК	
МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ	6
ГЛАВА 2	
ПОМИНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ	15
ГЛАВА 3	
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ	24
ГЛАВА 4	
ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ДРЕВНИХ ТЮРОК	
НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ	41
ГЛАВА 5	
ВООРУЖЕНИЕ	55
ГЛАВА 6	
ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС	65
ГЛАВА 7	
КОНСКОЕ УБРАНСТВО	69
ГЛАВА 8	
ТОРЕВТИКА	74
ГЛАВА 9	
КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА	81
ГЛАВА 10	
ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	
ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРОКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ	84
ГЛАВА 11	
ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ТЮРОК НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ	92
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	98
РИСУНКИ	100
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	150

Научное издание

Худяков Юлий Сергеевич

Древние тюрки на Енисее

Редактор *М.А. Коровушкина*
Дизайнер обложки *М.Ю. Зобнина*
Технический редактор *Е.Н. Усольцева*

Подписано в печать 01.07.2004. Бумага офсетная. Формат 60х84/8.
Гарнитура Times New Roman. Офсетная печать. Усл. печ. л. 17,67.
Уч.-изд. л. 18. Тираж 500. Заказ № 94. Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.01.
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

